

ЦиСмент
С-18
512

Г. Д. САНЖЕЕВ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

Глагол

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Г. Д. САНЖЕЕВ

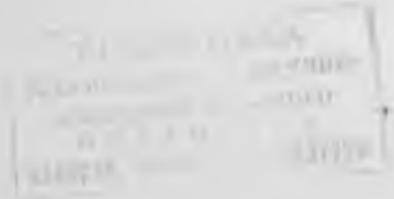
СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

ГЛАГОЛ

-5122-

1982
1984
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том нашей «Сравнительной грамматики монгольских языков», завершение которого задержалось из-за необходимости осуществить некоторые другие неотложные работы, в частности по грамматике бурятского языка, создавался в значительно более благоприятной обстановке, нежели первый том. Прежде всего надо отметить, что за последние годы монголистика существенно обогатилась открытиями таких монгольских языков, как дунсянский и баоаньский, о существовании которых раньше почти и не подозревали. Кроме того, за это же время оказались вчерне изученными почти все диалекты и говоры монгольского, монгорского, ойратского и дагурского языков, распространенные на территории Китайской Народной Республики, и появились первые публикации и исследования по монгольской диалектологии этой страны, например Б. Х. Тодаевой, Чингелтея и других. Существенно обогатились наши сведения по диалектам и другим монгольским языкам благодаря планомерным усилиям калмыцких, бурятских и монгольских языковедов. Поэтому вполне естественно, что между первым и вторыми томами нашего труда легко обнаружить определенные различия. Конечно, многое из того, что было изложено и сказано в первом томе несколько лет тому назад, теперь должно быть дано в значительно измененной интерпретации в свете тех новых данных по монгольским языкам и диалектам, о которых шла речь выше.

Помимо тех сведений, которые имеются в уже опубликованных трудах Б. Х. Тодаевой, Чингелтея и других, мы воспользовались случаем получить дополнительные данные о монгольских языках и диалектах также в ходе наших личных бесед с этими лицами и учеными Калмыкии, Бурятии, Монголии и Китая, из коих нам особенно приятно отметить проф. Эрдэнитогтаху. Многим мы обязаны и другим нашим коллегам, прежде всего профессорам В. Кливзу, Л. Лигети, А. Мостарту, которые в ходе нашей взаимной переписки никогда не отказывали нам в своей товарищеской помощи.

Как нам думается, последующая работа в области монгольского сравнительного и исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить иссле-

дования диалектов и говоров монгольских языков от Волги до Кукунора,—приятно отметить, что планомерные исследования в этом направлении уже предприняты в Элисте, Улан-Удэ, Улан-Баторе и Кукехото. Во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников, — в этом смысле надо всячески приветствовать начатые работы Дамдинсурэна, В. Кливза, Л. Лигети, А. Мостарта, С. Одзава и других.

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глагол в монгольских языках — это такой разряд слов, который выражает действие, совершаемое субъектом, или состояние, происходящее в нем или с ним, и обладает категориями: 1) переходности — непереходности, 2) активности — пассивности, 3) залога, 4) вида, 5) времени, 6) лица и 7) наклонения.

К этим семи категориям монгольского глагола необходимо было бы условно добавить еще одну, восьмую, категорию, несколько неожиданную для нашей лингвистической традиции, а именно — всестороннее управление. Дело в том, что в монгольских языках управление и отчасти даже подчинение вообще составляют почти полную монополию глагола. Поэтому нам необходимо в сжатом виде остановиться на особенностях управления в монгольских языках, вкратце определив вначале пределы и рамки именного управления.

1. Орудным падежом могут управлять лишь некоторые качественные имена (так называемые качественные прилагательные и соответствующие им наречия образа действия и состояния), например: халх. *малаар баян* 'богат скотом'; *усаар элбэг* 'изобилен водою'; бур. *югээр дутууб?* 'чего не хватает?' *нюдөөр муу* 'плох глазами', 'глаза плохие'.

2. Исходным падежом могут управлять лишь качественные имена, например: халх. *модноос сайн* '(это) лучше дерева'; *уулнаас өндөр* 'выше горы'; бур. *тэрээнхээ доро* 'ниже, хуже того'; *намнаа бага* 'меньше меня'.

Эти же качественные имена могут одновременно управлять обоими названными падежами, например: халх. *малаар надаас баян* 'скотом богаче меня'; бур. *унаар тэндэхийгээ элбэг* 'водою изобильнее тамошних'.

3. Совместным падежом имена управляют только в том случае, если этот падеж употребляется в определительной функции, например: халх. *устай газар* 'местность, где есть вода'; *үстэй дээл* 'меховая шуба'; 'шуба с мехом'; бур. *дасаһатай эдээн* 'соленая еда'; 'еда с солью'; *гайхамшагтай найхан* 'удивительно красивый' (букв. 'красивый с «удивительностью»').

4. Винительным падежом имена управляют в исключительно

редких случаях, причем такие имена непременно являются образованными от глаголов при помощи имяобразующего суффикса *-лга*, например: бур. *хүдэлмэрийг найжаруулга* 'улучшение работы'. Подобные случаи управления имен винительным падежом встречаются крайне редко и преимущественно в научно-публицистическом стиле, поэтому здесь легко усмотреть кальки с русского языка. Впрочем, здесь мы видим проявление «управляющего» свойства глагола, столь мощного, что он в состоянии создавать свою колонию на территории, принадлежащей имени¹.

Зато управление родительным падежом, как приименным, составляет монополию имен и послелогов именного происхождения, например: халх. *малын хашаа* 'скотный двор'; *эрийн сайн* 'лучший из мужей'; *хашааны дэргэд* 'возле ограды'; *таны гурав* 'трое из вас'; *чиний хойноос* 'за тобой'; бур. *багшын гэр* 'дом учителя'; *нутагай хоймор* 'окраина кочевья'; *абын урда* 'перед отцом'.

Родительным падежом глагол может управлять лишь в том случае, если он дан в одной из причастных или обстоятельственно-деепричастных форм, а имя при этом выражает субъект действия, например: халх. *багшийн ирвэл* 'если учитель придет'; *таны явмагц* 'как только вы ушли'; бур. *миний ерэвэл* 'если я приду'; *шиний ябахы мэдээб* 'узнал я, что ты ушел (о твоём уходе)'.

Впрочем, в современном монгольском (в том числе и в халхаском диалекте) и ойратском языках родительный субъекта в причастных и деепричастных оборотах все более и более вытесняется винительным падежом, например: халх. *эхнэрийг явбал* 'если женщина уйдет' (букв. 'если женщину уйдет'); ойр. *чамäg ирхлд* 'если ты придешь' (букв. 'если тебя придет').

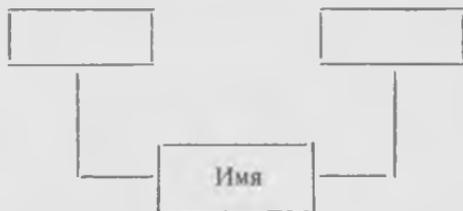
Вот в основном и все типичные случаи, когда имена управляют падежами. Все же остальное управление всеми падежами и послелогом остается в руках глагола. Таким образом, по этой линии между именами и глаголами в монгольских языках устанавливается строгое различие, значение которого трудно переоценить. Это различие невозможно умалить тем обстоятельством, что между глаголами и именами нет непреходимой пропасти. Но дело даже не в этом, а в другом: в характере и объеме управления.

Говоря метафорически, имя — это существо однорукое, которое своей единственной рукою не в состоянии сementировать многостороннее соединение слов, словосочетание и предложение. Глагол — это существо многорукое, которое одно только и может организовать в единое целое все возможные формы соеди-

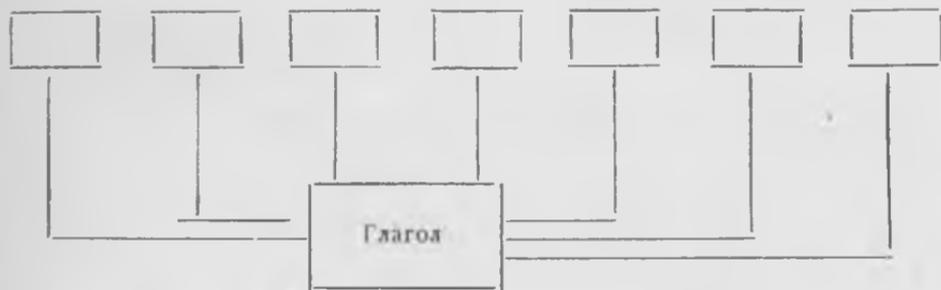
¹ Ср. В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, М., 1938, вып. II, стр. 331. — О подобных же явлениях управления в японском языке см. Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, М., 1937, стр. 106—107.

нений слов в предложения, словосочетания, фразеологические единицы и т. д. Сказанное можно вкратце представить в следующем виде:

а) имя управляет максимально двумя падежами, ему доступными (см. выше):

б) глагол может управлять всеми падежами и послелогами неограниченно и объединяет в одно целое разрозненные лексические и иные единицы:

Причастия и деепричастия в монгольских языках с точки зрения управления падежами и послелогами ничем не отличаются от прочих глагольных форм, как не отличаются они и в отношении категории времени, вида, залога, переходности-непереходности и активности-пассивности. Характер и объем способности управлять падежами и послелогами должны быть признаны ведущими признаками и существенными ориентирами при определении частей речи в монгольских языках. Вот почему в этих языках причастия и деепричастия не выключаются из системы глагола, хотя по своим некоторым чертам (склоняемость и т. д.) они и сближаются с именными частями речи.

Следствием изложенного является то важное обстоятельство, что в монгольских языках возможность образования чисто именных словосочетаний характеризуется известной ограниченностью. Так, например, если в русском языке возможны словосочетания при участии предлогов, то в монгольских языках, при отсутствии у послелогов такой способности, для образования различных словосочетаний приходится прибегать к содействию глагола:

халх.: *дунд сургуулийн 7 дугаар ангид үзнэ* 'для седьмого класса средней школы' (букв. 'изучают в седьмом классе средней школы') или *дунд сургуулийн 7 дугаар ангид үзэх ном* 'учебник для седьмого класса средней школы' (букв. 'книга, изучаемая в седьмом классе средней школы'); *зөвлөлтийн ард түмнээс Гитлерийн Германийг ялсан ялалт* 'победа советского народа над гитлеровской Германией' (букв. 'от советского народа Гитлера Германию победить победа'); *Франци улсаас Англи улсад суугаа элчин сайд* 'посол Франции в Англии' (букв. 'от Франции в Англии пребывающий посол'); *хар модоор хийсэн хайрцаг* 'шкатулка из черного дерева' (букв. 'черным деревом сделанная шкатулка', но: *хар модон хайрцаг* 'черная деревянная шкатулка');

бур.: *Улаан-Удэһээ ерэнэн айлшан* 'гость из Улан-Удэ' (букв. 'из Улан-Удэ прибывший гость'); *газар эдлэхэ эрхэ* 'право на пользование землей' (букв. 'землю использовать право').

Посредством родительного или совместного падежа возможно образование немногословных сочетаний, например: халх. *тэр таслагааны түлхүр* 'ключ от той комнаты', *гуталтай мигуй* 'кот в сапогах' (букв. 'кот с сапогом'); бур. *дунда хургуулийн учебник* 'учебник для средней школы' (букв. 'средней школы учебник').

Вследствие изложенного в монгольских языках отглагольные имена процессного значения в многословных сочетаниях также последовательно заменяются соответствующими глаголами, например: халх. *бэлтгэл* 'заготовка' — *Архангай аймагт мах амжилттайгаар бэлтгэснийг тэмдэглэв* 'отметили успешное проведение мясозаготовок в Ар-Хангайском аймаке' (букв. 'в Ар-Хангайском аймаке мясо успешно заготовили отметили'); *эхлэлт* 'начало' — *дунд сургуульд хичээлийн жилийг хангалттайгаар эхэлсний тухай* 'об удовлетворительном начале учебного года в средней школе' (букв. 'в средней школе учебный год удовлетворительно начали об').

Как видно из примеров, при переводе с русского языка на монгольский приходится соблюдать следующие правила, свидетельствующие об исключительном значении глагола вообще во всех монгольских языках: а) процессные имена существительные с русского языка на монгольский переводить глаголами, чаще всего причастными формами, и б) соответствующие имена прилагательные, определяющие эти процессные имена существительные, переводить качественными именами в форме орудного падежа или соответствующими наречиями.

Таким образом, тот факт, что в монгольских языках все грамматическое управление находится в распоряжение глагола почти монополюно, определяет исключительно большую роль глаголов в этих языках.

После краткого, но необходимого изложения значения глагольного управления в монгольских языках нам остается сделать

несколько замечаний о категориях монгольского глагола, которые перечислены выше.

Категории переходности-непереходности, активности-пассивности, залога и вида всегда наличны в основе любого глагола и остаются неизменными при всех синтаксических перипетиях глагола, во всех его спрягаемых и, поскольку речь идет о причастиях, склоняемых формах. Выражение этих категорий монгольского глагола не всегда и не во всем одинаково: переходность-непереходность и активность-пассивность заложены либо преимущественно в самом лексическом значении глагольной основы, либо иногда в соответствующих суффиксах образования глаголов от имен или глаголов же². Иными словами, эти категории монгольского глагола, будучи лексико-семасиологическими, не имеют специальных морфемных показателей. Залог всегда имеет суффиксальное оформление, кроме, конечно, прямого залога. Виды выражаются как синтетическими, так и аналитическими средствами.

Между залогом и видом монгольского глагола важное различие заключается также в том, что образование залоговых основ представляет собою образование новых глагольных основ, новых глаголов, новых лексических единиц, — иными словами, залог не является формой глагола. Что же касается образования видов монгольского глагола, то оно оказывается образованием форм глагола, формообразованием глагола, но не производством новых глаголов. Дело в том, что в монгольских языках от залоговых основ глагола возможно образование как последующих, или вторичных, залоговых основ (например, халх. *яв-* прямой залог и первичная глагольная основа: 'идти', *явуул-* побудительный залог: 'заставить идти', 'проводить', *явуулагд-* страдательный залог: 'быть проведенным'), так и различных имен (например, халх. *явуул-* 'проводить', *явуулага* 'проведение'). А между тем от видовых основ монгольского же глагола, например, халх. *явчих-* 'взять да и уйти', невозможно образование как последующих глагольных основ, так и различных имен. Следовательно, в монгольских языках самостоятельным признается такое слово, которое в сфере словообразования не лишено способности быть производящей основой. Кстати заметим, что именно по этой же причине в монгольских языках причастия и деепричастия являются формами глагола, но не самостоятельными словами, так как они лишены способности быть производящей основой.

Категория времени, морфологически совпадающая с категорией наклонения, присуща изъявительным, почти всем причастным и, как это будет показано особо, некоторым деепричастным формам и всегда выражается определенными формами. Что же касается повелительно-желательных форм, то они по существу категорией

² Об этих категориях см. ниже в разделе о прямом залого.

времени не обладают, так как действия, которые они выражают, всегда ориентированы на ближайшее или более отдаленное будущее.

Категория лица присуща только повелительно-желательным формам глагола, не всегда уточняемым в отношении числа. С категорией лица в собственном смысле этого слова не следует смешивать так называемое согласование сказуемого с подлежащим посредством особых лично-предикативных частиц местоименного происхождения, поскольку это не является свойством одного лишь глагольного сказуемого. Однако эти частицы имеют лишь бурятские, ойратские и дагурские диалекты. Оформление категории лица в повелительно-желательных формах является в монгольских языках единственным еще в том смысле, что соответствующие окончания этих форм имеют два значения, 1) того или иного повеления-желания и 2) лица; все остальные же окончания и суффиксы имеют только одно грамматическое или лексическое значение, как это вообще характерно для многих агглютинативных языков.

Что же касается категории числа, то глагол в монгольских языках ее не имеет. Но она находит свое косвенное выражение в повелительно-желательных формах 1 и 2-го лица постольку, поскольку эти лица уточняются в числе. Однако, как уже сказано, в ойратских, бурятских и дагурских диалектах число выражается особыми лично-предикативными частицами также постольку, поскольку уточняются в числе первые два лица (в бурятском языке часто и 3-е лицо). Иными словами, такое предикативное выражение числа не есть принадлежность или неотъемлемое свойство какой-либо одной части речи, в том числе глагола, а представляет собой явление, которое только сопровождает аналитическое оформление любого сказуемого в названных монгольских диалектах. Следовательно, такое аналитическое (синтаксическое) выражение числа на морфологической системе монгольского глагола никак не отражается.

В структурных формах глагола монгольских языков выделяются повелительно-желательное и изъявительное наклонения. Что же касается прочих наклонений, то их глагол в этих языках не знает, хотя обладает большим количеством форм, выражающих различные модальные оттенки (например, в рамках изъявительного наклонения или системе деепричастных форм), которые в достаточной степени пока еще не изучены.

Таким образом, как видно из сказанного выше, монгольский глагол имеет следующий морфемный состав: 1) первичная глагольная основа, 2) суффикс соответствующего залога, кроме прямого, поскольку формой прямого залога является первичная глагольная основа, 3) суффикс того или иного вида, имеющего оформление, 4) суффикс либо наклонения, либо причастия или деепричастия. Показатель времени совпадает с суффиксами наклонений, причастий и отчасти деепричастий. Что же касается категории

лица, то она выражается либо суффиксами соответствующих повелительно-желательных форм, либо, что характерно для ойратских, бурятских и дагурских диалектов, специальными лично-предикативными частицами местоименного происхождения. Проиллюстрируем сказанное на одном бурятском примере, *баригда-шабаш* 'как бы ты не оказался пойманным': 1) *бари-* 'поймать' (первичная глагольная основа), 2) *-гда-* (суффикс страдательного залога), 3) *-ша-* (суффикс интенсивного вида), 4) *-ба-* (суффикс перфектного претеритума), 5) *-ш* (лично-предикативная частица 2-го л. ед. ч. от *ши* 'ты').

Перечисленные семь или, если еще условно считать и управление, восемь категорий отчетливо характеризуют глагол в монгольских языках как особый разряд слов, резко отличный от всех остальных частей речи.

Когда от глагольных основ образуются различные имена, то вместе с этими основами в область именных частей, так сказать, «перекочевывают» такие категории, как переходность-непереходность, активность-пассивность и залог. Особого пояснения требует образование имен от страдательных глаголов, что мы ради краткости сделаем, приведя лишь некоторые примеры:

халх.: *ял-* 'победить' — *ялалт* 'победа'; *ялагд-* 'быть побежденным' — *ялагдал* 'поражение'; *мэд-* 'знать' — *мэдэл-* 'знание', *мэдмээр* 'способный познавать'; *мэдэгд-* 'быть известным' — *мэдэгдмээр* 'ощутительный', 'познаваемый';

бур.: *холбо-* 'связывать' — *холбоон* 'союз'; *холбогдо-* 'быть связанным' — *холбогдол* 'связь', 'смычка'; *хая-* 'бросать' — *хаялга* 'сброс' (обряд обрызгивания молочным вином); *хаягда-* 'быть брошенным' — *хаягдал* 'отбросы'; *дута-* 'не хватать', 'недоставать' — *дуталга* диал. 'нехватка', 'недостаток'; *дутагда-* 'испытывать в чем-либо нехватку' — *дутагдал* 'недостаток' (например, в работе).

Глагольные категории, вместе с первичными основами глаголов «перекочевавшие» в именные части, имеют лишь лексическое значение и в грамматическом отношении никак себя уже не проявляют. Иными словами, отглагольные имена от некоторых имен грамматически ничем не отличаются, если не считать того, что некоторые имена, посредством суффикса халх. *-лага ~ -лга* или бур. *-лга* образованные от глагольных основ, сохраняют управление винительным падежом, о чем выше уже говорилось.

Но пока от глагольных основ не образуются имена, все перечисленные категории глаголов сохраняют и ведут себя в различной степени интенсивности. Одни из них — категории переходности-непереходности, наклонения, залога и, добавим, управления — проявляют себя очень активно, играя большую роль в системе образования различных типов предложения и словосочетания, в оформлении отдельных членов или компонентов этих речевых единиц. Другие же категории — активности-пассивности, вида, времени и лица — оказываются весьма пассивными или совершенно

безучастными в смысле своего влияния в указанных сферах с единений слов.

Таким образом, мы сталкиваемся с переплетением различных положений глагольных категорий в монгольских языках. Так, например, категория активности-пассивности оказывается лексической категорией глагола, в некоторой степени определяющей лишь нормы образования залогов; категории залога и переходности-непереходности — лексико-грамматическими; категории времени, вида, наклонения и лица — грамматическими.

ЗАЛОГИ

Общие замечания

Несмотря на то что монгольские языки давно уже стали объектом пристальных и кропотливых лингвистических изысканий в трудах главным образом наших отечественных языковедов, нельзя сказать, чтобы в вопросе о залогах в этих языках была достигнута достаточная четкость и необходимая ясность. Если в отношении исследований совместного и особенно взаимного залогов еще можно сказать, что они в общем вполне приемлемы без особых и существенных возражений, то этого совершенно нельзя сказать относительно изучения побудительного и страдательного залогов. Вообще же монголистика до сих пор не уделяла специального внимания проблемам залогов и выяснению сущности залоговости в монгольских языках, если не считать весьма ценных замечаний и наблюдений Алексея Бобровникова, который при изложении синтаксиса классического монгольского языка впервые подверг залогов подробному исследованию в связи с изложением определительных оборотов и фактически обосновал положение о наличии в монгольских языках явлений субъектно-объектной обратимости, зависящей от логики вещей, о чем речь будет идти ниже³. В разного рода пособиях по грамматике монгольских языков и диалектологических исследованиях монголистов второй половины прошлого века и начала текущего столетия мы находим лишь отдельные замечания относительно залогов и их употребления в разных монгольских языках. Поэтому настало время проблемам залогов в монгольских языках уделить необходимое внимание, ибо раскрытие специфических особенностей категории залога в этих языках было бы весьма поучительно и в общелингвистическом отношении.

Как известно, в монгольских языках исследователи обнаруживали шесть залогов: действительный, побудительный, страдательный, совместный, взаимный и учащательный. Мы же

³ А. Бобровников, *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*, стр. 123—129 и 265—280 (далее — А. Бобровников, *Грамматика...*).

полагаем, что применительно к монгольским языкам можно говорить только о пяти залогах — прямом, побудительном, страдательном, совместном и взаимном.

Прямой залог

Возьмем следующие три группы глаголов из современного монгольского языка, данные которого в этом отношении совпадают с таковыми большинства прочих монгольских языков:

1) <i>олох</i>	'найти',	<i>алах</i>	'убивать',
<i>таслах</i>	'оторвать',	<i>бичих</i>	'писать',
<i>идэх</i>	'есть',	<i>унших</i>	'читать',
<i>галдах</i>	'сжигать',	<i>уух</i>	'пить',
<i>сайшаах</i>	'одобрять',	<i>харах</i>	'смотреть',
<i>самнах</i>	'причесать',	<i>алдах</i>	'уронить',
2) <i>ирэх</i>	'приходить',	<i>орох</i>	'войти',
<i>явах</i>	'идти',	<i>гуйх</i>	'бежать',
<i>хэвтэх</i>	'лежать',	<i>харайх</i>	'прыгать',
<i>уйлах</i>	'плакать',	<i>унтах</i>	'спать',
3) <i>хатах</i>	'сохнуть',	<i>хагарах</i>	'разорваться',
<i>халах</i>	'нагреваться',	<i>өвгөрөх</i>	'состариться',
<i>шатах</i>	'гореть',	<i>улайх</i>	'покраснеть',
<i>ширгэх</i>	'высыхать',	<i>баяжих</i>	'обогащаться',
<i>сунах</i>	'растягиваться',	<i>тасрах</i>	'оторваться',
<i>өсөх</i>	'расти (о скоте)',	<i>ургах</i>	'расти (о траве и т. п.)'.

Глаголы первой группы являются переходными, т. е. обозначают действия, производимые субъектом в отношении какого-либо другого предмета, наименование которого в предложении будет дано в форме винительного падежа или основы. Глаголы же второй и третьей групп, наоборот, являются непереходными, т. е. действия, ими выражаемые, не направлены на какой-либо предмет. Таким образом, наши примеры иллюстрируют общеизвестный факт наличия в монгольских языках переходных и непереходных глаголов, грамматическое различие между которыми заключается в возможности или невозможности управления винительным падежом или основой объекта. Однако, как мы увидим дальше, различия между этими группами глаголов изложенным не ограничиваются.

Глаголы второй группы в отличие от глаголов третьей группы выделяются из общей массы непереходных глаголов тем, что они, как и переходные глаголы, обозначают такого рода действия, начало, продолжение и приостановление которых находится во власти действующего субъекта, т. е. действия,

производимые самим субъектом произвольно. Так, например, если начало смеха часто и не находится во власти человека, т. е. является или может быть произвольным, то во всяком случае от силы воли или желания смеющегося зависит, когда он перестанет смеяться. Конечно, во фразах типа *ус ирэв* 'пришла вода' (как говорят в Улан-баторе, когда подъезжает водовоз) невозможно допустить проявление воли со стороны воды, как и вообще неодушевленного предмета. В подобного рода случаях говорящий на любом языке как бы переносно устанавливает между предметами такие же отношения, какие существуют между людьми, разумеется, в определенных рамках и границах.

Не то мы находим в глаголах третьей группы, обозначающих действия или, точнее, состояния, которые происходят с самим субъектом, или оказываются процессным признаком последнего. Иначе говоря, глаголы этой группы обозначают действия или состояния, проявление которых не находится ни в какой зависимости от воли или желания того или иного субъекта. Более того, это иногда такого рода действия или состояния, проявления которых субъект может и не сознавать, если говорить о разумных существах, например: *зэнтэглэх* 'выжить из ума', *галзуурах* 'взбеситься', *хөхрөх* 'синеть', *овойх* 'быть грузным', 'виднеться' (о громоздком).

Из изложенного следует, что глаголы третьей группы могут быть определены как пассивные и противопоставлены активным, к которым относятся глаголы второй и первой групп. Стало быть, категория переходности и непереходности в системе глагола обозначает наличие или отсутствие направленности действия на объект, наличие или отсутствие объекта, что не следует смешивать с пропуском соответствующего члена предложения. Категория же активности и пассивности характеризует положение субъекта в данном действии или состоянии.

В нашей схеме классификации глаголов в монгольских языках нет среднего глагола, или категории так называемого медиума. Если бы нам пришлось во что бы то ни стало использовать термин «медиум», то скорее всего мы применили бы его по отношению к глаголам второй группы, находящимся «посередине» в том смысле, что они, с одной стороны, как активные связаны с глаголами первой группы, а с другой — как непереходные примыкают к глаголам третьей группы. Но это было бы непозволительным смешиванием разных категорий и неправомерным использованием общепринятого лингвистического термина.

Взаимное отношение переходных (всегда активных), активно-непереходных и пассивных, всегда непереходных, глаголов, которые, следовательно, перекрещиваются друг с другом лишь частично, может быть схематически изображено следующим образом:

Активные глаголы	Пассивные глаголы
Переходные глаголы	Непереходные глаголы

Таким образом, в зоне активных глаголов размещаются все переходные и одна часть непереходных глаголов, а в зоне пассивных глаголов — только другая часть непереходных. Равным образом в черте непереходных глаголов оказываются все пассивные глаголы и одна часть активных, а в черте переходных — другая часть активных глаголов. Следовательно, мы имеем глаголы:

- 1) активно-переходные, или переходно-активные, иначе говоря, только переходные;
- 2) активно-непереходные, или непереходно-активные;
- 3) пассивно-непереходные, или непереходно-пассивные.

Наш предварительный разбор перечисленных глагольных групп представлялся необходимым для того, чтобы монголистика избежала того, что случилось в некоторой части русской лингвистической литературы буслаевского периода, когда с залогами, видами и т. п. получилась «невообразимая путаница терминов, понятий и определений. „Форма“ и значение вступали в самые неожиданные столкновения. Грамматика смешивалась с лексикологией»⁴.

Все эти группы глаголов с залоговой точки зрения имеют между собой то общее, что в предложениях субъект, выраженный в подлежащем, с подобного рода глаголами-сказуемыми ставится и воспринимается вне всякого отношения к какому-либо другому действующему лицу или предмету. В этих предложениях глагольное сказуемое имеет лишь один фокус, в котором видно или подразумевается только то, что прямо выражено в подлежащем. Так, например, в предложении на бурятском языке *Хэшэгтэ өөрөө гаража ерэбэ* (Ч. Цыд. — 107) 'Хэшэгтэ сам выходит' глагольное сказуемое *гаража ерэбэ* 'выходит' (букв. 'выходя пришел') обозначает действие, выполняемое субъектом вне всякой зависимости от какого-либо участия или причастности другого лица: никто его к этому действию не понуждает (в этом случае был бы употреблен побудительный залог); ни с кем он и никто с ним в этом действии не участвует (в этом случае был бы употреблен совместный залог); никто ее производит над ним данного действия, что вообще невозможно, поскольку здесь мы имеем непереходные глаголы, от кото-

⁴ В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 471.

рых никак не может быть образован ни страдательный залог, ни взаимный.

Иными словами, здесь мы имеем дело с прямым залогом, который представляет собою такое оформление глагола, в котором обозначается какое-либо действие только относительно к одному подлежащему и ни к чему другому. Оформление прямого залога в монгольских языках можно считать, во-первых, первичным в том смысле, что от основы этого залога образуются все прочие залоговые формы, образование которых поэтому всегда является вторичным, и, во-вторых, нулевым, ибо оно не имеет специальных формантов. Таким образом, прямой залог к прочим залогам в монгольских языках относится примерно так же, как именительный падеж — к прочим падежам.

Различные оттенки, приносимые переходностью-непереходностью и активностью-пассивностью, так или иначе проходят через все залоговые формы глагола и лежат в совершенно другой плоскости. В известном смысле можно сказать, что явления переходности-непереходности и активности-пассивности по отношению к залоговым категориям глагола являются как бы нейтральными. Однако эти явления влияют на возможность образования от первичной залоговой формы, т. е. от основы прямого залога, того или иного вторичного залога, например, невозможно образование страдательного залога от основы непереходного глагола, если не считать некоторых единичных исключений типа современного монгольского *явагдах* (от *явах* 'идти' гаплогически вместо *явуулагдах* 'быть проводимым') 'идти' (о работе) или бурятского *орогдохо* (от *орохо* 'входить') 'придираться'⁵.

Следовательно, в монгольских языках прямой залог как бы объединяет или покрывает собою то, что могло бы быть подразделено на категории действительного и среднего залогов, первый из которых соответствовал бы всем активным глаголам типа современно-монгольских *идэх* 'есть', 'кушать', *бичих* 'писать', *явах* 'идти', *ирэх* 'приходить', а второй — пассивным типа *ургах* 'расти', *багадах* 'уменьшаться' и т. п. Однако такое определение активных и пассивных глаголов не могло бы найти себе никакого оправдания.

Во-первых, такое определение залогов было бы основано только на лексическом значении соответствующих глаголов, которые в этом смысле между собою не имеют никакого формального или структурного, морфологического, различия — это особенно относится к непроизводным глаголам.

Во-вторых, как уже сказано выше, все глаголы первичного образования (активные и пассивные, переходные и непереход-

⁵ Впрочем, см. в романе бурятского писателя Ж. Тумунова «Нойрхоо нэриэн тала» (Улан-Удэ, 1949, стр. 85) следующий пример: *Баһа ялада орогдохо* 'Снова попал в беду'. В данном случае подчеркивается, что скот, о котором здесь идет речь, попал в беду под воздействием посторонних сил.

ные, производные и непроизводные) в предложении обозначают действие только относительно одного субъекта, выраженного в подлежащем. Эти глаголы не допускают и не «обязывают» подразумевания какого-либо другого лица кроме того, что выражено в подлежащем, или постановки такого члена предложения, который выражал бы либо инициатора действия, производимого субъектом-подлежащим, либо соучастника или реального исполнителя такого действия. Действие, выраженное в первичной глагольной основе, т. е. в-прямом залоге, выполняется самим субъектом-подлежащим так же, как состояние, выраженное в такой же глагольной основе, претерпевается самим субъектом-подлежащим без какого то ни было участия или воздействия со стороны другого лица, как это имеет место в страдательных конструкциях. В первичной глагольной основе выражается только характер и направленность действия или состояния; такое действие может только допускать наличие или отсутствие какого-либо объекта, что никакого отношения к залоговости не имеет.

Иными словами, залоговая система в монгольских языках основана на том, что соответствующее оформление неизбежно предполагает наличие либо одного компонента, либо — двух, в первом случае мы будем иметь прямой залог, а во втором — один из прочих: побудительный, совместный, взаимный или страдательный. В двухкомпонентном предложении один из компонентов, выраженный в подлежащем, по своему действительному проявлению находится в определенном отношении к другому, выраженному во второстепенном члене предложения и совершающему действие, обозначенное в первичной глагольной основе. Поясним изложенное на следующих примерах из романа бурятского писателя Ж. Тумунова «Нэйрһоо һэриһэн тала» (стр. 204):

Улаашанишь моридтоо ногоо зулгаан эдюулже байба
'Ямщики кормили своих лошадей' [букв. 'Ямщики своим лошадям траву щипая есть позволили (заставляли)'].

В этом предложении знаменательная часть сказуемого *эдюулже* представляет собою форму побудительного залога от первичной глагольной основы *эди* 'есть', действие которой осуществляется лошадьми (*моридтоо* — второй компонент); побудительно-залоговое оформление (суффикс *-юул-*) показывает, что предмет-подлежащее данное действие не осуществляет сам, а побуждает к этому другой предмет: здесь ямщики как бы заставляют лошадей или позволяют им есть траву. Но если бы мы имели предложение *морид ногоо зулгаан эдижэ байба* 'лошади ели траву', то мы обнаружили бы в нем только один компонент, выраженный в подлежащем *морид* 'лошади', и ничего другого, кроме сказуемого, выраженного глаголом *эдижэ* 'есть' в форме прямого залога.

Энэ захиралтань Агын лама ноёдоор ехээр һайшаагдаба

(Ж. Тум. — 217) 'Этот приказ (атамана Семенова) был одобрен агинскими ламами и ноёнами'.

В этом предложении глагольное сказуемое *хайшаагдаба* представляет собою форму страдательного залога от первичной глагольной основы *хайшаа-* 'одобрять', действие которой осуществляется ламами и ноёнами, названными вторым компонентом (*лама ноёдоор*). Первый компонент, подлежащее *захиралтань* 'приказ', обозначает предмет, подвергшийся данному действию, что показано в страдательно-залоговом оформлении глагола *хайшаа-* 'одсбрыть'. При переделке этого страдательного оборота в прямой мы получили бы в нем только один компонент: *Энэ захиралтыень Агын лама ноёд ехээр хайшааба* 'Этот приказ одобряли агинские ламы и ноёны'.

Прямое дополнение, оформленное в винительном падеже, в число залоговых компонентов не включается, так как оно проходит по всем залогам, никак не определяет специфику того или иного залога и всегда обозначает объект действия, в том числе и такого, которое выражается глаголом в форме страдательного залога (см. в том же романе Ж. Тумунова, стр. 136, следующий пример: ... *тиихэдэ хааралаа абташоо нэм...* 'тогда-то отобрали у меня буланого' (букв. '...тогда-то своего буланого взял я').

Таким образом, при характеристике категории залога в монгольских языках мы не можем считать приемлемым то определение, которое принято применительно к системе залогов в русском языке и по которому залоговые конструкции показывают «отношение между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящим свое выражение в форме глагола»⁶.

Под категорией залога в монгольских языках мы понимаем такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному в подлежащем. Как мы выше видели, активность-пассивность глагола характеризует положение субъекта в действии, а переходность-непереходность — отношение действия к объекту, но никак не к субъекту. Поэтому применительно к монгольскому глаголу нет никакого основания говорить о переходном, непереходном, активном и пассивном залогах. Заметим здесь же, что виды ха-

⁶ «Грамматика русского языка», М., 1954, т. I, стр. 412. — Ср. следующее определение категории залога в русском глаголе, данное в «Современном русском языке. Морфология» (изд. МГУ, 1952, стр. 383): «Под категорией залога мы понимаем выражение в глагольной форме отношения действия к субъекту его (принимая во внимание и возможное отсутствие объекта)». По-видимому, авторы этих грамматик русского языка склонны были бы допустить категории переходного и непереходного залогов в системе русского глагола, если бы переходность и непереходность различались бы по форме. Так, например, авторы академической «Грамматики русского языка» на стр. 412 пишут, что «не всякие отношения между субъектом и объектом действия являются залоговыми, а только те, которые получают в глаголе свое грамматическое оформление».

рактируют само действие безотносительно к субъекту или объекту.

Мы не можем говорить о переходном и непереходном залогах в монгольских языках еще и потому, что отношение действия к объекту не находит своего выражения в изменении формы глагола, ибо такое отношение заключается в самой лексической основе глагола, — это особенно касается производных глаголов.

Правда, многие производные глаголы переходного и непереходного характера отличаются друг от друга по своим суффиксам, которые, однако, являются средствами не изменения глагола, а его образования, например, совр.-монг. и *-л* и *-р*: *бутрах* 'раздробиться' от *бут* 'вдребезги' — *бутлах* 'раздробить'. Не меняется положение вещей и от того, что от основ некоторых глаголов при помощи суффиксации образуются другие глаголы. Например, нельзя прелагать, что при помощи суффикса *-ра* в бурятском языке от основы глагола прямого залога образуется средний или пассивный залог: *хаа-* 'закрывать' → *хаара-* 'закрываться'. Дело в том, что посредством этого же суффикса *-ра* от имен и наречий получают такие пассивные глаголы, как *үбгэрэхэ* 'состариться' от *үбгэн* 'старик', *хахараха* 'разорваться' от *хаха* 'пополам' и т. п. Точно так же при помощи суффикса *-цгаа* в современном монгольском языке от любой глагольной основы образуется не особый учащательный залог, а глаголы учащательного вида, ныне превращающегося в форму множественного числа: *яв-* 'идти' — *явцгаа-* 'идти' (о многих).

Деление глаголов на переходные и непереходные или на активные и пассивные имеет не только лексико-семасиологическое значение, но и лексико-грамматическое. Дело в том, что возможности и разные способы образования той или иной вторичной залоговой основы находятся в определенной зависимости от переходности-непереходности или активности-пассивности первичной глагольной основы.

Побудительный залог

Как известно, в отношении побудительного залога, называемого часто также понудительным, причиняющим, переносным, принуждающим или препоручительным, утверждается, что он имеет два значения: заставить кого-либо или позволить кому-либо что-либо сделать. К. С. Ивченков высказал весьма интересную мысль о том, что эта характеристика побудительного залога, взятого в отвлеченном виде, не может быть целиком перенесена на какой-либо конкретный глагол. По его мнению, каждый отдельный глагол в данном залоге имеет лишь одно значение:

либо позволить, либо заставить⁷. Надо признать, что для известной группы глаголов это положение К. С. Ивченкова является справедливым, хотя при этом надо учитывать, что определенные глаголы в монгольских языках, оказываясь в форме побудительного залога, контекстуально имеют оба значения данного залога. Н. К. Дмитриев этот залог в тюркских языках определяет, как выражающий «вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это понимается весьма широко, начиная от приказа до молчаливого попустительства совершить что-либо»⁸. Н. И. Конрад применительно к японскому языку пишет, что «основной смысл побудительного залога „вчинить“ данное действие другому, заставить другое лицо такое-то действие совершить»⁹ и что «кроме того — и это главное — в японском побудительном залоге нет того оттенка насильственного „вчинения“ действия, который содержится в русском „заставлять“»¹⁰. Далее Н. И. Конрад утверждает, что «заставлять же предмет совершать какое-нибудь действие невозможно. Заставить его совершить какое-нибудь действие — значит просто заставить его активно действовать. Это же означает, что данный глагол делается из непереходного переходным. В этом и заключается основной смысл побудительного залога в речи о предметах»¹¹.

В анализе побудительного залога в японском языке, данным Н. И. Конрадом, особенно ценным является указание на необходимость различения значений этого залога в зависимости от того, от какого глагола, переходного или непереходного, он образован, и, самое главное, о чем или о ком идет речь — о лице или о предмете.

Касаясь употребления побудительного залога в бурятском языке, мы писали, что этот залог: а) образует переходный глагол от непереходного, б) выражает действие, которое одно лицо выполняет по приказанию, просьбе или разрешению другого лица, выраженного в подлежащем, и в) выражает, как и страдательный залог, действие, которому подвергается субъект со стороны другого субъекта¹².

Посмотрим теперь употребление переходного глагола в формах прямого и побудительного залогов в бурятском языке.

⁷ К. С. Ивченков, *Субъективно-объективные отношения в монгольском побудительном обороте*, — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова», М., 1958, стр. 126—135.

⁸ Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 135.
⁹ Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 206.

¹⁰ Там же, стр. 207.

¹¹ Там же, стр. 209—210.

¹² Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, М.—Л., 1941, стр. 62.

1) *Сай аягалба* 'Пил чай' (букв. 'Чай налил в чашку').

2) *Нимада сай аягалуулба* (Ж. Тум.—46) 'Ниме дали пить чай'.

Первая фраза по своему значению совершенно ясна и не требует особых комментариев. Во второй фразе, где глагол дан в форме побудительного залога, говорится о том, что хозяева дали Ниме пить чай, что, вообще говоря, может быть актом позволения, ибо при принуждении фраза имела бы следующий вид: *Нимые сай аягалуулба*. *Сай* 'чай' есть форма основы данного имени и при переходном глаголе может быть только прямым объектом.

Употребление и объем значений побудительного залога монгольских и ряда других языков как будто бы разъясняется исчерпывающим образом, хотя и в кратких определениях. Однако посмотрим ближе, как на самом деле обстоит дело. Прежде всего обращает на себя внимание указание почти всех исследователей на то, что побудительный залог образует переходный глагол от непереходного, причем не только тогда, когда речь идет о предметах, но и о лицах. Конечно, глаголы в побудительном залоге всегда являются переходными, а непереходный глагол при образовании от его основы побудительного залога действительно становится переходным. Но из этого вовсе не следует, что побудительный залог вообще есть способ превращения непереходного глагола в переходный. Чтобы побудительный залог вообще не смешивался с категорией переходности, рассмотрим это детальнее на следующих примерах из современного монгольского языка (ниже примеры из этого языка приводятся без оговорок):

1) *үхэх* 'умереть'; 2) *үхүүлэх* побудительный залог от *үхэх*;
3) *алах* 'убивать'.

Означает ли второй пример то же, что и третий? Несомненно, что от непереходного глагола *үхэх* получился переходный *үхүүлэх*, но сводить его только к этому никак нельзя, ибо *үхүүлэх* означает не 'убивать', а 'допустить гибель кого-либо или чего-либо', например, скота в результате неумелого ухода или даже сознательного вредительства: не уберегли скот от волков, своевременно не пригласили ветеринара, не подготовили к зиме теплые сараи, не накосили сена, подбросили отраву, выгнали в степь, где нет кормов и воды, подговорили бандитов и т. п. Следовательно, *алах* и *үхүүлэх* никоим образом нельзя считать синонимами с общим значением «убивать».

Важно отметить, что лицо, вызывающее действие первичной основы побудительного глагола, активно проявляет себя как бы косвенно и часто даже задолго до наступления самого этого действия: создало обстоятельства или условия, вызывающие, например, чью-либо гибель, а само, допустим, затем ушло, часто даже не зная дальнейшего хода событий, т. е. оказавшись только причиной чьей-либо гибели. Лицо же действия переходного

глагола в форме прямого залога является от начала до самого конца всего этого действия активным.

1) *явах* 'идти'; 2) *явуулах* побудительный залог от *явах*; 3) *илгээх* 'посылать'.

И здесь в *явуулаах* мы видим не то же самое, что в глаголе *илгээх*, хотя во всех русско-монгольских словарях «посылать» переводится словами *илгээх* и *явуулах*. Но дело в том, что если *илгээх* означает только 'посылать' или 'отправлять', то *явуулах* собственно означает 'позволить или заставить идти', кроме того, 'проводить' (например, работу, т. е. как бы сделать так, чтобы работа шла). При глаголе *илгээх* прямое дополнение, выраженное именем в винительном падеже, обозначает только объект действия данного глагола. А между тем при глаголе *явуулах* дополнение, выраженное именем в том же винительном падеже, обозначает предмет, производящий действие, которое передается первичной основой данного глагола *яв-*: *ажил явж байна* 'работа идет' и *ажлыг явуулж байна* 'проводят работу'.

В глаголах *үхүүлэх* и *явуулах* так или иначе содержится значение побудительного залога, примерно соответствующее значению русского сочетания глаголов «дать», «позволить», «допустить» или «заставить» с инфинитивом. Не то с глаголами в форме прямого залога типа *адах* 'убивать' и *илгээх* 'посылать'.

Если при глаголе *үхүүлэх* речь может идти только о лицах, то при глаголе *явуулах*—как о лицах, так и о предметах. Возьмем теперь такие глаголы, которые употребляются в своем прямом, непереносном, значении и в первичной основе которых речь может идти только о предметах: 1) *шатах* 'гореть', 'пылать'; 2) *шапаах* — побудительный залог от *шатах*, обычно переводимый на русский язык как 'сжечь', 'спалить'; 3) *халах* 'нагреваться'; 4) *халаах* — побудительный залог от *халах*, обычно переводимый на русский язык как 'нагревать'.

Когда мы отмечаем, что *шатаах* 'сжечь', 'спалить' и *халаах* 'нагревать' представляют собою формы побудительного залога соответственно от глаголов *шатах* 'гореть', 'пылать' и *халах* 'нагреваться', то тем самым мы принимаем обычную в монголистике интерпретацию этих форм. Однако так ли в действительности обстоит дело с этими «формами»? В этих глаголах со смысловой точки зрения ни в какой степени не содержится оттенок значения побудительного залога 'заставить', 'позволить' или 'допустить', ибо *шатаах* никак не означает 'позволить или заставить гореть', как и *халаах* не значит 'заставить или позволить нагреваться'. Эти примеры как будто бы подтверждают мнение Н. И. Конрада относительно употребления побудительного залога в японском языке, т. е. насчет лексического значения этого залога в речи о предметах. Здесь основное значение побудительного залога (заставить или позволить) полностью отсут-

ствуется, и фактически тут мы имеем дело с образованием переходного глагола от непереходного, ибо действующее лицо при этих глаголах оказывается активным от начала до самого конца так же, как и при глаголах *алах* 'убивать' и *илгээх* 'посылать'.

Если нужно выразить, что по чьей-то оплошности сгорел, например, дом или кто-то неосторожно ошпарил руку себе или кому-либо, и если *шатаах* и *халаах* являются формами побудительного залога от *шатах* и *халах*, то от последних нужно образовать «двойной побудительный залог», а именно: *шатах* → *шатаах* → *шатаалгах* и *халах* → *халаах* → *халаалгах*! Именно подобного рода явления и послужили поводом для утверждения о том, что будто бы в монгольских языках от основ каких-либо глаголов можно образовать двойную форму побудительного залога, т. е. первичная побудительно-залоговая форма якобы может служить основой для образования вторичной побудительно-залоговой же формы.

Для понимания излагаемого необходимо учесть, что от глаголов типа *шатах* и *халах* первый «побудительный залог» образуется посредством суффикса *-га* (в классическом монгольском языке), *-а* (в прочих монгольских языках), который не употребляется при образовании форм этого залога от первичных основ прочих глаголов. Этот суффикс до сих пор интерпретировался как суффикс образования побудительного залога на том основании, что образование одного глагола от основы другого глагола всегда есть образование залогового характера, а это вряд ли надо считать справедливым. Подобного рода образования получаются от основ преимущественно пассивных непереходных глаголов, например: *хатах* 'сохнуть', но *хатаах* 'сушить'; *хөгжих* 'развиваться', а также 'усиливаться' (о росте трав), но *хөгжөөх* 'усиливать' (рост трав, огонь); *сунах* 'растягиваться', но *сунаах* 'растягивать'; *сөнөх* 'гибнуть', но *сөнөөх* 'уничтожить'.

Стало быть, в этих примерах следует видеть образование переходных глаголов от непереходных не посредством суффикса побудительного залога, а посредством своего суффикса, не имеющего никакого отношения к образованию данного залога.

В свете излагаемого весьма любопытно, что от основы глагола *хөгжих* в значении 'развиваться' действительно образуется форма побудительного залога *хөгжүүлэх* 'развивать'. Таким образом, прежде мы полагали или могли полагать (об этом в литературе не говорилось), что от данной основы форма побудительного залога образуется двояко: *хөгжөөх* в значении 'усиливать' (рост трав, огонь) и *хөгжүүлэх* в значении 'развивать'¹³. Следует отметить, что иногда посредством суффикса *-а*

¹³ Г. Д. Санжеев, *Залоги в монгольских языках*, — «Труды Военного института иностранных языков», М., 1947, № 3, стр. 97.

от основ непереходных глаголов как будто бы действительно образуются формы побудительного залога (ср., например, в бурятском *бусах* 'возвращаться', но *бусаах* 'возвращать'). Однако дело здесь заключается в том, что при данном глаголе речь может идти о лицах, а не только о предметах. Таким образом, в монгольских языках явления переходности и побудительности иногда как-то перекрещиваются, что обязывает нас лингвистическое исследование производить со строгим учетом всей сложности и противоречивости соответствующих явлений в этих языках. Возьмем, например, глаголы типа монгольского *өсөх* 'расти', от основы которого форма «побудительного залога» имеет вид *өсгөх* 'разводить', 'выращивать'. Можно ли сказать, что здесь мы действительно имеем форму побудительного залога со всеми его грамматическими значениями? Очевидно, нет, так как во фразе, например, *малаа өсгөх* 'разводить (выращивать) скот' мы не обнаруживаем ни оттенка насильственного «вчинения», ни дозволения или разрешения, что вообще характерно для побудительного залога. Кроме того, что очень существенно, действующее лицо, человек, выращивающий скот, оказывается активным или, точнее, действующим от начала до самого конца действия, выраженного в первичной основе данного глагола, т. е. в течение всего того времени, когда скот находится в состоянии выращивания. Так что же мы тут имеем — образование ли переходного глагола *өсгөх* 'выращивать' от основы пассивно-непереходного глагола *өсөх* 'расти' или же образование формы побудительного залога? Очевидно, только первое, т. е. явление сугубо словообразовательного характера.

Но всегда ли мы будем иметь дело только с образованием переходного глагола от основ непереходного глагола в тех случаях, когда побудительно-залоговая форма употребляется в речи о животных или предметах? Ведь здесь непереходный глагол *өсөх* 'расти', от которого образован «побудительный залог» *өсгөх* 'выращивать', как это традиционно трактуется, является пассивным. Что получится, если при речи о животных образовать побудительный залог от основ активных глаголов, например, таких, как *орох* 'входить' или *явах* 'идти'? Представим себе следующую картину: В юрте сидят люди, а во дворе мычит скот, как бы о чем-то прося. Что же сделают люди?

1. *Малаа оруулах* (побудительный залог от *орох*) — а) впустят, т. е. «позволят» своему скоту войти, например, во двор (предполагается, что скот своим мычанием «просит» этого), или б) загонят скот, т. е. «заставят» скот войти в тот же двор вопреки его «желанию» (предполагается: чтобы скот своим мычанием не надоедал людям).

2. *Малаа явуулах* (побудительный залог от *явах*) — отправят свой скот, т. е. «позволят» или «заставят» идти (оттенок зависит от того, как представляет себе говорящий «настроение» или «отношение» скота к данному действию).

В этих случаях мы имеем дело с образованием форм побудительного залога от основ активных непереходных глаголов во всем объеме значений этого залога, тогда как от основ непереходных глаголов типа *өсөх* 'расти' образуются переходные глаголы прямого залога. Но всегда ли от основ пассивных непереходных глаголов образуются только переходные глаголы, а не формы побудительного залога? Вспомним один из наших первых примеров — *үхэх* 'умереть', от основы которого образуется форма побудительного залога *үхүүлэх* со значениями 'допустить чью-либо смерть'. Как мы уже отметили, эта форма не идентична по своему значению глаголу *алах* 'убивать', 'умертвить', представленному в форме прямого залога. Поэтому в ней, т. е. в форме *үхүүлэх*, мы видим побудительный залог в полном объеме его значений. Но ведь как *өсөх* 'расти', так и *үхэх* 'умереть' одинаково являются пассивно-непереходными глаголами и в равной мере употребительны в речи о животных. Судь дела заключается в том, что формы *үхүүлэх* от *үхэх* и *өсгөх* от *өсөх* образованы при помощи разных суффиксов, каждый из которых признается в монголистике средством образования формы побудительного залога, ибо, во-первых, любое производство одного глагола от основы другого глагола считалось образованием залогового характера, а, во-вторых, переходность смешивалась с побудительностью.

Побудительный залог, образованный от основы любого активного глагола, никогда не теряет своего основного значения, что лишь иногда может иметь место, когда этот залог образуется от основы пассивно-непереходного глагола. В последнем случае все дело будет зависеть от непосредственного лексического значения каждого данного пассивного глагола. Так, например, мы уже видели, что получается при образовании побудительного залога от такого пассивного глагола, как *үхэх* 'умирать' даже тогда, когда речь идет о животных, которые по грамматической норме монгольских языков не могут относиться к лицам, примерно соответствующим одушевленным предметам по русской грамматической норме. Но очень часто значение данного залога утрачивается, если он образуется от основ пассивных глаголов, например:

1) *мунхруулах* 'одурачивать' от *мунхрах* 'становиться глупым';

2) *ядруулах* 'поставить кого-либо в затруднительное положение' от *ядрах* 'оказаться в затруднительном положении', 'изнемогать';

3) *баяжуулах* 'обогащать' от *баяжих* 'обогащаться' и *амьдрруулах* 'оживлять' от *амьдрах* 'оживать'.

Если от основ пассивных глаголов образуется форма побудительного залога, то она почти никогда не имеет значения 'позволить'. Так, например, форма *үхүүлэх* может передавать значение 'заставить умереть' и 'невольнo или произвольно допустить

чью-либо смерть'. Иными словами, в подсобных случаях побудительный залог выступает как бы с усеченным или суженным значением.

Особо выделяется переходный и, следовательно, активный глагол *сурах*, который в современном монгольском языке имеет значение 'учиться' или 'учить что-либо' и от основы которого побудительный залог не имеет своего полного значения: *сургах* 'учить кого-либо', 'обучать', в данном образовании следует видеть почти только переходный глагол. В глаголе *сургах* не следует видеть то же самое, что и в глаголе *гаргах* 'выводить', 'позволить или заставить выйти' от *гарах* 'выйти', хотя в обоих этих случаях изменение первичных глагольных основ *сур-* и *гар-* осуществлено посредством одного и того же суффикса *-га*.

Исходя из того, что глаголы в форме побудительного залога имеют различные значения, можно было бы их подразделить на: 1) побудительно-переходные, образованные преимущественно от основ активно-непереходных глаголов, 2) побудительно-каузативные, образованные от основ переходных глаголов, и 3) просто переходные глаголы, лишенные основного значения побудительного залога и образованные преимущественно от основ пассивно-непереходных глаголов¹⁴.

Образование побудительного залога

Как известно, в монголоведной лингвистической литературе уже давно по традиции утверждается наличие следующих суффиксов (ниже мы их приводим в форме, характерной для классического монгольского языка), при помощи которых образуются от первичных глагольных основ различные основы побудительного залога (формы и отдельные примеры по нормам устной речи мы даем применительно к современному бурятскому языку):

1) *-бул/-гүл* (по нормам устной речи *-уул/-үүл*), если первичная глагольная основа по нормам устной речи оканчивается на краткий гласный: *јабу-* 'идти' — *јабубул-* 'отправить', 'заставить или позволить идти' (ниже переводные комментарии с глаголами 'заставить' или 'позволить' даются лишь в необходимых случаях); *ире-* 'прийти' — *ирегүл-* 'вызвать'; *ала-* 'убивать' — *алабул-* 'заставить или позволить убивать'; *бичи-* 'писать' — *бичигүл-* 'заставить или позволить писать';

2) *-лба!/-лге*, если первичная глагольная основа оканчивается на дифтонг или долгий гласный (по нормам устной речи, образцы которой ниже даются в скобках): *сабу-* 'сидеть' — *сабулба-*

¹⁴ Н. А. Баскаков (см. его брошюру «Залоги в каракалпакском языке», Ташкент, 1951, стр. 7) полагает, что в каракалпакском языке побудительный или понудительный залог имеет: «а) понудительно-переходные (транзитивные) формы от непереходных глаголов и б) понудительно-причинительные (каузативные) от переходных глаголов».

(*нуулга*-) 'посадить'; *хаба*- 'закрывать' — *хагалба*- (*хаалга*-) 'заставить или позволить закрывать'; *негеге*- 'открывать' — *негегелге*- (*неэлгэ*-) 'заставить или позволить открывать'; *хараји*- 'скакать' — *харајилба*- (*харайлга*-) 'заставить или позволить скакать';

3) *-ба||-ге*, если первичная глагольная основа оканчивается на согласный *-р* или *-л*: *бар*- 'выйти' — *барба*- 'вывести', 'заставить или позволить выйти'; *бол*- 'быть', 'стать' — *болба*- 'заставить или позволить быть', 'сделать кем-либо или чем-либо'; *кур*- 'дойти' — *курге*- 'довести';

4) *-ба||-ге*, если первичная основа пассивного глагола оканчивается на краткий гласный, вместе с которым этот суффикс образует в устной речи долгий гласный: *хата*- 'сохнуть' — *хатаба*- (*хатаа*-) 'сушить'; *бабада*- 'оказаться малым' — *бабадаба*- (*бабадаа*-) 'сделать так, чтобы оказалось малым' (например, 'сшить обувь меньшего размера, чем это нужно было'); *хала*- 'нагреваться' — *халаба*- (*халаа*-) 'нагревать';

5) *-ха||-ке*, если первичная глагольная основа оканчивается на согласный *д* или *с* (халх. *т* и *с*, бур. *д*): *багад*- уменьшаться — *багадха*- (халх. *багатга*-) 'уменьшать'; *дс*- 'расти', 'размножаться' — *дске*- (бур. *үдхэ*-) 'разводить', 'выращивать'; *усад*- 'уничтожиться' — *усадха*- 'уничтожить', 'ликвидировать'; *чад*- 'насытиться' — *чадха*- (бур. *садхаа*-) 'насытить'.

Суффикс *-лба||-лге* является генетически составным: *-л* плюс *-ба||-ге* (см. выше третий суффикс). Как известно, в наиболее старых монгольских текстах XIII—XVI вв. суффикс *-л* был еще живым, продуктивным. Именно вследствие составного характера данного суффикса *-лба* и произошло то, что в современных монгольских языках (кроме дагурского, в котором суффикс *-л* является продуктивным и в настоящее время) к нему одинаково прибегают для образования побудительного залога от основ как активных, так и пассивных глаголов: *хаба*- 'закрывать' — *хабалба*- 'заставить или позволить закрывать', *улаји*- 'краснеть' — *улајилба*- 'довести до красноты' (например, 'накалить железо докрасна').

Примечательно, что от переходных глаголов типа *ол*- 'найти' и *дејил*- 'одолеть' формы побудительного залога образуются при помощи суффикса *-бул* или *-хабул*: *олубул* ~ *олхабул* (бур. *олуул* ~ *олхуул*-) 'заставить или позволить найти' и *дејилугул* (бур. *дилүүл*-) 'заставить или позволить одолеть'. А между тем во всей монголоведной лингвистической литературе указывается, что от первичных глагольных основ с конечным согласным *-л* этот залог образуется посредством суффикса *-ба*, третьего в нашем предыдущем перечне. Однако ни в одном из монгольских языков пока не обнаружены формы *олба*- и *дејилге*- вместо приведенных *олубул* ~ *олхабул*- и *дејилугул*-. Это обстоятельство и заставляет нас традиционное толкование суффикса *-ба||-ге* уточнить в том смысле, что он употребляется при образовании форм

мы побудительного залога от первичных основ только непереходных глаголов с конечным согласным *-л* и *-р*.

Соответственно сказанному относительно суффикса *-бул/-гүл* следует отметить, что посредством него образуется форма побудительного залога от первичных основ активных глаголов, оканчивающихся на любой звук, а не только от таких основ, которые оканчиваются на краткий (по нормам устной речи) гласный.

Однако в результате длительного процесса развития глагольной системы монгольских языков получилось так, что при образовании побудительного залога к суффиксу *-бул/-гүл* стали прибегать и пассивные глаголы, но, что очень характерно, только такие, которые являются производными, например: *бабу* 'спускаться вниз' — *бабура* 'становиться хуже' (т. е. 'опускаться в своем качестве') — *бабурабул* 'снижать качество'; *мабу* 'плохой' — *мабуда* 'ухудшаться' — *мабудабул* 'ухудшать'; *хаба* 'пополам' — *хабара* 'разорваться' — *хабарабул* 'довести что-либо до такого состояния, при котором оно разрывается' (в отличие от *хабала* 'разорвать').

Следовательно, ныне при образовании форм побудительного залога выбор соответствующего суффикса зависит не столько от того, на какой звук оканчивается та или иная первичная глагольная основа, сколько от того, какой оказывается последняя — активной или пассивной. Ведь кроме примеров типа *олубул* и *дејилүгүл* необходимо еще обратить внимание на такой пример образования формы данного залога, как *од-* 'отправиться' — *одубул* или *одхабул* 'отправить': никогда не бывает *одха-*, как этого следовало бы ожидать на том основании, что согласно безоговорочным указаниям всех наших грамматических пособий побудительный залог от первичных глагольных основ с конечным согласным *-д* или *-с* во всех случаях образуется посредством суффикса *-ха//ке*. Все дело здесь в том, что глаголы *бабад* 'уменьшаться', *усад* 'гибнуть', *чад* 'насытиться' и т. п. (см. выше в 5-й группе примеров) являются пассивно-непереходными, тогда как *од-* 'отправиться' оказывается активно-непереходным.

Теперь нам необходимо остановиться на весьма распространенном утверждении о том, что от основы одного и того же глагола может образоваться форма побудительного залога во второй, третьей и даже четвертой степени. Такое утверждение имеет широкое хождение в литературе по алтайским языкам¹⁵. Однако, поскольку это касается монгольских языков, многостепенное образование формы побудительного залога оказывается невозможным.

От основы любого производного глагола форму этого залога можно образовать только один раз, как это можно показать на

¹⁵ См. Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 136; И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, СПб., 1879, стр. 162.

следующих примерах из современного монгольского языка: *шинэ* 'новый' — *шинэчлэх* 'обновлять' — *шинэчлүүлэх*; *тас* 'пополам' — *таслах* 'прервать' — *таслуулах*; *сайн* 'хорший' — *сайшаах* 'одобрять' — *сайшаалгах*; *гал* 'огонь' — *галдах* 'сжечь' — *галдуулах*; *эмээл* 'седло' — *эмээллэх* 'оседлать' — *эмээлүүлэх*; *сам* 'гребенка' — *самнах* 'чесать' — *самнуулах*; *муу* 'плохой' — *муудах* 'худеть' — *муудуулах*; *баян* 'богатый' — *баярхах* 'чваниться' — *баярхуулах*; *алдэр* 'слава' — *алдарших* 'прославиться' — *алдаршуулах*; *бага* 'малый' — *багадах* ← *багадху* 'уменьшаться' — *багатгах*; *багадах* ← *багадху* 'оказаться малым' — *багадуулах*, *багадаах*; *ойр* 'близко' — *ойртох* 'приблизиться' — *ойртуулах*.
 От основы непроизводного глагола форму побудительного залога можно образовать также только один раз: *идэх* 'есть' — *идүүлэх*; *унших* 'читать' — *уншуулах*; *бичих* 'писать' — *бичүүлэх*; *хаях* 'бросить' — *хаюулах*; *малтах* 'рыть' — *малтуулах*; *хийх* 'делать' — *хийлгэх*; *унах* 'сесть на коня' — *унуулах*; *оёх* 'шить' — *оюулах*; *цохих* 'бить' — *цохиулах*; *уух* 'пить' — *уулгах*; *цавчих* 'рубить' — *цавчуулах*; *барих* 'держатъ' — *барюулах*¹⁶.

Однако от основ таких переходных глаголов, которые по нормам устной речи оканчиваются на долгий гласный, на что необходимо обратить особое внимание, может быть образована форма побудительного залога во второй степени, имеющая при этом специфическое значение, как это будет показано на следующих примерах: *угаах* 'мыть' — *угаалгах* 'заставить или позволить мыть' — *угаалгуулах* 'заставить или позволить мыть себя или свою вещь', 'быть вымытым'; *зөөх* 'возить' — *зөөлгөх* 'заставить или позволить возить' — *зөөлгүүлэх* 'заставить или позволить возить себя или свою вещь', 'быть перевезенным'; *тээх* 'класть' — *тээлгэх* 'заставить или позволить класть' — *тээлгүүлэх* 'заставить или позволить класть себя или свою вещь', 'быть положенным (на телегу)'.
 Большинство активных непереходных глаголов не дает образования форм побудительного залога во второй степени, например: *ирэх* 'прибыть' — *ирүүлэх*; *суух* 'сидеть' — *суулгах*; *явах* 'идти' — *явуулах*; *очих* 'отправиться' — *очуулах*; *унтах* 'спать' — *унтуулах*; *эргих* 'вернуться' — *эргүүлэх*; *шуугих* 'шуметь' — *шуугиулах*; *харих* 'возвращаться' — *хариулах*; *хэвтэх* 'лечь' — *хэвтүүлэх*; *орох* 'войти' — *оруулах*.

Что касается основ пассивных глаголов, то от них вторая степень формы «побудительного залога» образуется только в виде некоторых отдельных исключений, например: *ширгэх* 'засыхать' — *ширгээх* 'сушить' — *ширгээлгэх* 'заставить или позволить сушить' (далее переводов не даем); *хурах* (редкое слово)

¹⁶ От переходного глагола *гарах* 'выйти', 'пройти' можно образовать форму побудительного залога во второй степени: *гаргах* 'вывести', *гаргуудах* 'заставить или позволить вывести'. Однако подобные исключения весьма редки.

'собираться' — *хураах* 'собирать' — *хураалгах*; *шатах* 'гореть', 'пылать' — *шатаах* 'сжечь', 'спалить' — *шатаалгах* (даже *шатаалгуулах*, хотя конкретных примеров в литературе мы пока не обнаружили; ср. выше *угаалгуулах*); *ноцох* 'гореть (о свеце)' — *ноцоох* 'зажечь' — *ноцоолгох*; *халах* 'нагреваться' — *халаах* 'нагревать' — *халаалгах*; *өсөх* 'расти' — *өсгөх* 'выращивать' — *өсгүүлэх*; *усдах* 'гибнуть' — *усатгах* 'уничтожить' — *усатгуулах*.

Из всех этих примеров легко усмотреть, что в монгольских языках образование формы побудительного залога во второй степени, не говоря уже о третьей или даже четвертой, фактически невозможно, если не считать явления типа *угаалгуулах* или *тээлгүүлэх* (см. выше). Если в определенных случаях мы как бы имеем вторую степень формы данного залога, то тогда первая степень оказывается псевдозалоговой. То, что можно было бы назвать формой первой степени побудительного залога, на самом деле оказывается способом образования переходного глагола, что никакого отношения к залоговой категории не имеет. Если мы возьмем такие формы, как *ширгээх* 'засушивать', *хураах* 'собирать', *шатаах* 'спалить', *өсгөх* 'выращивать', *усатгах* 'ликвидировать' или *халаах* 'нагревать', которые считаются формами побудительного залога в первой степени соответственно от *ширгэх* 'засыхать', *хурах* 'собираться', *шатах* 'гореть', *өсөх* 'расти', *усдах* 'гибнуть' и *халах* 'нагреваться', — то все они не содержат в себе никакого значения этого залога: ни «заставить», ни, тем более, «позволить». Для понимания излагаемого необходимо учесть, что если от какой-либо первичной глагольной основы образована форма побудительного залога посредством суффикса *-бул/|-гүл*, то уже так называемая вторая степень формы данного залога никак не может быть образована. Так, например, от *явуул-*, *ирүүл-*, *цохиул-*, *идүүл-* или *уншуул-*, которые являются формами побудительного залога соответственно от первичных глаголов *яв-* 'идти', *ир-* 'прийти', *цохь-* 'бить', *ид-* 'есть', 'кушать' и *унш-* 'читать', невозможно образовать формы этого же залога во второй степени вроде *явуулуул-* или *явуулга-*, *ирүүлгэ-*, *цохиулуул-* или *цохиулга-* и т. п.

Следовательно, в современных монгольских языках суффиксами побудительного залога являются только такие, как (по нормам старописьменного монгольского языка) *-бул ~ -гүл*, *-лба ~ -лге*¹⁷ и, иногда, *-ба ~ -ге* (после некоторых глагольных основ с конечными *-л-* и *-р-*). Что же касается суффиксов *-ха ~ -ке* и *-ба ~ -ге* (после пассивно-глагольных основ с конечными краткими гласными), то они должны быть признаны не залого-

¹⁷ О том, что суффиксы *-бул ~ -гүл* и *-лба ~ -лге* являются однозначными, свидетельствует сопоставление халхаского *хийлгэ-* и бурятского *хүүл-*, т. е. формы побудительного залога соответственно от глагольных основ *хий-* ← **кi-* → *хэ-* 'делать'.

образующими, а фактически средствами образования основ переходных глаголов от основ непереходных глаголов.

А между тем, как известно, многостепенный побудительный залог, якобы возможный или даже реальный в алтайских языках, очень часто разъясняется примерно следующим образом: *ах барив* 'брат держал' (прямой или основной залог) — *би ахыг бариулав* 'я заставил брата держать' (побудительный залог в первой степени) — *би ахыг бариулуулав* 'я заставил кого-то сделать так, чтобы брат в свою очередь заставил кого-то держать' (побудительный залог во второй степени). Однако такого рода умозрительно предполагаемые примеры в реальной языковой действительности, конечно, не встречаются. Поэтому искусственно составляемые образы «многостепенного побудительного залога», встречающиеся в некоторых монографиях по алтайским языкам, какого-либо подтверждения в литературе на соответствующих языках не находят и не могут найти (ссылки на возможность образования подобных образцов, иногда с апелляцией на «сознание» носителей того или иного языка, не могут, конечно, иметь доказательной силы)¹⁸.

Проведенный нами обзор различных способов образования форм побудительного залога в монгольских языках существенно важен во многих отношениях. Во-первых, он оправдывает устанавливаемые нами в этих языках разряды активных и пассивных глаголов (наряду с переходными и непереходными глаголами) и устранение категории средних глаголов, «медиума». Во-вторых; это заставляет нас полагать, что характер конечных звуков глагольных основ имеет определенное значение, — это касается не только производных глаголов, но и коренных, непродуцированных ср. халх. *сэрээ-* 'будить', но *сэргээ-* 'оживить' (например, работу); бур. *һэрэ-* 'проснуться', *һэрээ-* 'будить' и *һэргээ-* 'оживить'; корень — *сер-*, от которого и получилось халх. *сэргээ-* и бур. *һэргээ-*. Продуктивные и непродуцированные производные глагольные основы современных монгольских языков по фонетическому облику своих суффиксов очень легко могут быть классифицированы на определенные группы (переходные и непереходные, активные и пассивные). Что же касается непродуцированных глаголов, то они в общем поддаются определенной классификации преимущественно по характеру образования от их основ соответствующих форм побудительного залога, а более подробно и точно — путем особого сравнительно-исторического и этимологического исследования их звукового состава с привлечением данных тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, исторически связанных с монгольскими.

¹⁸ Н. К. Дмитриев в своей «Грамматике кумыкского языка» (стр. 135—136) приводил следующие образцы «многостепенного побудительного залога» от первичной глагольной основы *биль-* 'знать': *бильдирмек* 'заставить знать' → *бильдиртмек* 'заставить заставить знать' → *бильдирттирмек* 'заставить заставить заставить знать'.

В-третьих, только что изложенное должно подсказать нам, что исследователям необходимо обратить свое внимание на такие явления в монгольских языках, как: а) наличие некоторого количества глаголов, основы которых в то же самое время являются основами и имен (бур. *алха* 'шаг' и *алха-* 'шагать'; *адха* 'горсть' и *адха-* 'захватывать в горсть', 'крепко держать в руках'; *шэнжэ* 'вид', 'форма', 'облик' и *шэнжэ-* 'вникать', 'рассматривать'); б) различие между глагольными и именными основами общего происхождения лишь по характеру своих конечных согласных (класс.-монг. *сонур* 'слух' и *сонус-* 'слушать'; *унур* 'запах' и *унус-* 'нюхать'; ср. тюркск. *көз* 'глаз' и *көр-* 'видеть'), чередующихся в общеалтайском масштабе ($p \sim z \leftrightarrow$ монг. *с*); в) очень легкую и свободную производимость разных глагольных основ от именных; г) значительное преобладание производных глаголов над корневыми, непроезводными и т. п.

Однако необходимо выяснить, почему от многих пассивно-непереходных глаголов типа *үхэх* 'умереть' или *ургах* 'расти' невозможно образовать переходные глаголы прямого же залога и получить что-либо вроде *үхээх* в значении 'умертвить' или *ургаах* 'вырастить', как это возможно от основ пассивно-непереходных глаголов типа *хат-* 'сохнуть', *шат-* 'гореть' и *хал-* 'нагреваться', от которых мы соответственно имеем переходные глаголы прямого залога в виде *хатаа-* 'сушить', *шатаа-* 'спалить' и *халаа-* 'нагреть'. По-видимому, объяснение этому явлению нужно искать в том, что здесь перекрещиваются категории лексики и грамматики, поскольку значения побудительного залога в определенном отношении совпадают со значениями переходного глагола в прямом залоге. В этой связи следовало бы обратить внимание на то, что в некоторых случаях от одной и той же первичной основы непереходного глагола образуются две формы побудительного залога. Например, от первичной основы современного монгольского непереходного глагола *бай-* 'быть', 'находиться' мы имеем: 1) *байлга-* 'ставить', 'устраивать', 'вводить', 'учреждать', 'держат в каком-либо состоянии', 'останавливать' и 2) *байгуул-* 'организовать', 'сооружать', 'основывать'. Ср. еще калм. *зовул* ~ *зова-* 'мучить' от *зов-* 'мучиться'; халх. *хийгүүл* ~ *хийлгэ-* 'заставить делать' от *хий-* 'делать'; *дасуул* ~ *дасга-* 'приучать' от *дас-* 'привыкать' и другие, подлежащие специальному исследованию в плане изучения их употребления и уточнения их значений¹⁹.

Проблема побудительного залога в монгольских языках станет более ясной и удовлетворительно разрешенной тогда, когда будет выяснена природа морфологии этого залога в классическом

¹⁹ G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, Helsingfors, 1902, S. 18 (далее — G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre...*).

монгольском языке. Дело в том, что во всех пособиях по грамматике этого языка при объяснении морфологии побудительного залога исследователи постоянно апеллируют к нормам устной речи. Так, например, указывается, что от глагольных основ, оканчивающихся на краткие гласные, изредка на дифтонги с *i*, форма побудительного залога образуется посредством суффикса *-бул||-гүл*: *ору-* 'войти' — *орубул-* 'впустить', *ябу-* 'идти' — *ябубул-* 'отправить' и т. п. Но ведь в классическом монгольском языке гласные всегда являются краткими! Далее утверждается, что посредством суффикса *-лба||-лге* этот залог образуется от глагольных основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *сабу-* 'сидеть' — *сабулба-* 'посадить', *негү-* 'кочевать' — *негүлге-* 'переселить' и т. д. Но ведь в этом языке долгих гласных не было! Каким образом лицо, изучающее классический монгольский язык без знакомства с устной монгольской речью нашего времени, сможет определить, когда и какой из перечисленных суффиксов должен быть использован для образования формы побудительного залога от той или иной первичной глагольной основы?

Известно, что в монгольских языках долгие гласные появились примерно с XV в. или немногим раньше. Стало быть, применительно к ранней монгольской речи апелляция к отсутствовавшим тогда долгим гласным невозможна, поскольку тогда все гласные были краткими. Впрочем, известно, что в XIII в. форма побудительного залога от глагола *сабу-* 'сидеть' имела вид *сабул-*, от *бабу* — 'спускаться' — *бабул-*; т. е. в то время суффиксом этого залога был *-л*, если в данном случае не допускать гаплоглоию во избежание формы в виде *сабубул-* и *бабубул-* (ср. совр.-монг. *байгуулага* вместо *байгуулалга* 'организация'), тем более, что такие примеры являются единичными²⁰. При этом весьма любопытно, что примерно в XV столетии среднеазиатские филологи, как это видно из словаря «Мукаддимат ал-Адаб», зарегистрировали следующие формы побудительного залога: *ече'улбе*, наряду с которой в этом же словаре встречается также *ечебе* (=класс. *еҗегебе*, халх. *эцээв*, бур. *эсээбэ* 'утомил' и *ине'ул* (=класс. *иніҗелге-*, халх. *инээлгэ-*) 'сместить'. Образованные от одной и той же первичной глагольной основы *ече-* 'утомиться' две параллельные побудительные формы *ече'улбе* и *ечебе*, семантическое различие между которыми мы пока не в состоянии установить, по моделям своего образования напоминают совр.-монг. *хөгжөөх* 'усиливать' (например, огонь) и *хөгжүүлэх* 'развивать', также образованные от одной и той же глагольной основы *хөгж-* 'усиливаться (об огне или росте трав)', 'развиваться'. Весьма возможно, что форма *ечебе* не содержала в себе значения побудительного залога, как не содер-

²⁰ См. Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 151.

жит его совр.-монг. *хөгжөөх*, как форма переходного глагола прямого залога, в отличие от побудительного *хөгжүүлэх*. В словаре «Мукаддимат ал-Адаб» эти формы даны в следующих сочетаниях: *ечебе туні біші куун* 'его утомил другой человек' и *ече'улбе туні үйлесе* 'сделал его уставшим от работы'.

Во всяком случае совершенно очевидно, что в древнем монгольском языке характер образования побудительного залога посредством того или иного суффикса никак не мог зависеть от какого-либо конечного звука первичной глагольной основы, поскольку, повторяем, в этом языке тогда еще не было деления гласных на долгие и краткие, — не могли же монголы, скажем, до X в. опираться на то, что должно было произойти в их языке через несколько столетий! Очевидно, в древнем монгольском языке лексическая природа и пока еще невыясненная система глагола позволяли определять, от какой первичной глагольной основы и каким образом возможно образование форм побудительного залога и от каких глаголов одного типа можно образовать глаголы другого типа, например от непереходных — переходные или от активных — пассивные. Возможно, что картина в этом языке была примерно такова же, как и в современном бурятском языке в случаях образования 1) формы побудительного залога *үргүүл-* от основы переходного глагола *үргэхэ* 'поднимать' и 2) переходного глагола *үргөөхе* 'испугать' от основы непереходного глагола *үргэхэ* 'испугаться', — а ведь в монголоведной литературе утверждается, что якобы в обоих этих случаях мы имеем дело с образованием побудительного залога.

По-видимому, в древнем монгольском языке и его диалектах система залогов и различных лексических групп внутри глаголов с формальным их выражением была несколько иной, нежели в современных монгольских языках. Выяснение этого следует считать одной из важнейших задач исторической грамматики современных монгольских языков.

Употребление побудительного залога

После того, как рассмотрены общие значения и способы образования побудительного залога, необходимо выяснить, каким образом выражается субъект или реальный исполнитель действия побудительного оборота. Побудительный оборот, т. е. сочетание слов, в котором представлен глагол в побудительном залоге, будем условно считать полным, если в нем упоминаются два лица или предмета, выраженные соответствующими именами и ниже условно именуемые компонентами этого оборота. Первый из этих компонентов обозначает лицо, побуждающее, позволяющее, допускающее или заставляющее другое лицо совершить действие побудительного глагола, и оформляется как подлежащее, выраженное каким-нибудь именем в именительном или, в классическом монгольском языке, иногда исходном падеже. Ввиду

общеизвестности этого явления мы не будем ссобо останавливаться на разборе первого компонента побудительного оборота, тем более, что оно проиллюстрировано во всех наших примерах. Поэтому сосредоточим наше внимание на описании второго компонента, обозначающего лицо, которое реально выполняет действие первичной основы побудительного глагола, т. е. является реальным исполнителем этого действия.

Во-первых, реальный исполнитель может быть выражен винительным падежом²¹, например:

класс.: *Дегуу-бен хара морин-данг унубуулджи* (X. X.—92) 'Своего младшего брата посадил на своего вороного коня' (в данном случае Хан-Харангуй дал своему брату своего коня, а не посадил его на коня как ребенка); *Еме-ijen усун-дур ечигулүгед...* (Г.—63)... 'отправил свою жену за водою...' (жена выполняет действие, обозначенное в первичной основе данного глагола); бур.: *Манжа хаан хаби ноёдоо дахуулан гагажа ошоно* (Балд.) 'Маньчжурский хан уходит, сопровождаемый своими приближенными сановниками' (букв. 'заставляя своих приближенных сановников следовать за собою, т. е. уводя'); *Амитан зонсо аюул гайда оруулаагүй хаа яаба* (Балд.) 'Кабы сделал так, чтобы народ не очутился в бедствии' (букв. 'если бы не ввел свой народ в опасное бедствие').

Если в этих примерах винительный падеж обозначает реальных исполнителей действий первичных глагольных основ, то этот же падеж выражает прямой объект в следующих предложениях: класс.: *Алтан сону-бен талбїад джөгей-ји тасу барїбулба* (Г.—69) 'Пустив золотистого овода, заставил его схватить пчелу' (т. е. при помощи овода схватил пчелу). В этом предложении три живых существа: 1) некий человек, подразумеваемый в опущенном здесь подлежащем, но упомянутый в предыдущем предложении; 2) овод, который по воле некоего человека схватывает пчелу, и 3) пчела — объект того же действия; и овод, и пчела одинаково оформлены винительным падежом.

Наран Саран Таулай-ји чи алабулба (X. X.—127) 'Это ты дозволил [Хан-Харангуй] убить [Силача по имени] Наран-Саран-Таулай';

бур.: *Харюу хургүүлэн захиха гүт!* (Балд.) 'Не отправите ли [меня] доставить ваш ответ!'

В текстах «Сокровенного сказания» винительный падеж при побудительном глаголе имеет те же два значения (винительный субъекта-объекта), например *Ede tabun kö'üd-iyen jergelen sa'ulju* (§19) 'Этих трех сыновей она посадила рядом'; *Ede qurban kö'üd-i töre'ülbi* (§20) 'Родила этих трех сыновей'.

²¹ Выражение «такой-то падеж» мы будем условно употреблять вместо более громоздкого «имя в таком-то падеже», что вообще-то является более точным. Равным образом вместо «глаголы в форме того-то залога» будут применяться выражения «побудительные или страдательные глаголы».

Как известно, при побудительном глаголе от основы переходного глагола может быть два винительных падежа: субъекта объекта и объекта. Реальный исполнитель в таких случаях всегда обозначается в первом из них, тогда как вторым обозначается объект действия первичной глагольной основы²². Если суффикс побудительного глагола условно считать отдельным «словом» со значением «заставить» или «позволить», а первичную основу этого же глагола также условно полагать самостоятельным «словом», то такую современно-монгольскую фразу, как *хэдэн малаа даваа даваа давуулах* (Ур.—47—105) 'небольшое стадо свое заставить перевалить перевал' (т. е. 'перегнать через перевал') схематически можно представить в следующем виде:

<i>хэдэн малаа</i> 'небольшое стадо свое'	<i>даваа дав-</i> 'перевал перевалить'	<i>-уулах</i> 'заставить'
--	---	------------------------------

В этой же фразе стрелками показано соответствующее управление: заставить кого и перевалить что.

Получается как бы своеобразное «замыкание» так же, как, например, в причастном обороте:

<i>би</i> я	<i>бороо</i> дождь	<i>орох-</i> пойдет	<i>-ыг</i> „что“	<i>мэднэ</i> знаю
'я знаю, что дождь пойдет'				

Во-вторых, реальный исполнитель может быть выражен также дательным-местным падежом, например:

класс.: *Тэрэ кумун надур сургалай...*, *би сурба* (Викр.—110) 'Тот человек учил меня (= 'мне учить')..., я же учился'; *Бурбан хоні-ји чинус-тур барібулджу идегүлбе* (Г.—19) 'Волкам допустил поймать и съесть трех овец' (т. е. по небрежности не уследил за овцами, схваченными волками).

бур.: *Муу хүндэ аяга бү танюул, һохор үхэртэ худаг бү танюул!* (поговорка) 'Худому человеку чашку не показывай, слепому быку колодец не показывай!' (букв. 'Худому человеку чашку знакомиться не «позволяй», слепому быку колодец знако-

²² Винительный падеж очень часто может быть заменен основой имени: халх. *морйг барих* или *морь барих* 'ловить коня'.

миться не «позволяй!»). *Ганса бурядууд лама ноёдто баһуулжа сохюулжаа байгаа бэшээ; хүсэтэ баатар ород арад, бэшэ амитан булта зобожо байлаа* (Ж. Тум.—117) 'Ламы и чиновники издевались и глумились не только над бурятами; страдал также героический русский народ, как и все прочие народы'.

Из этих примеров как будто бы усматривается, что реальный исполнитель обозначается дательным падежом в том случае, если действие, выраженное в первичной глагольной основе, по своим результатам или само по себе сказывается в интересах этого реального исполнителя. Однако мы встречаем примеры, которые противостоят только что сказанному: *Модонсо сохюулжа үхөө бэлэй* (Х. Н.) 'Он был насмерть раздавлен деревом' (букв. 'дереву бить дав умер'). *Табхайн Гомбо... һамгандаа морйё эмэллүүлжэ... мордошобо* (Ж. Тум.—12) 'Гомбо Табхаев, приказав своей жене оседлать коня, псехал'.

Если в этих примерах условно допустить, что в образной речи дереву было «приятно» бить кого-то, а женщине столь же «приятно» было оседлать Табхаеву коня, то что можно сказать, когда мы в своих диалектологических записях по бурятскому фольклору в Оке находим такую фразу: *Хага нохойдо хоро эдюулжэ, хамаг зсндо гай (олоо)* 'Черный сббаке дал есть яд и всему народу причинил бедствие'. Конечно, трудно сказать, чтобы черный сббаке было «приятно» есть яд.

Дело, по-видимому, заключается в том, что дательный падеж для обозначения реального исполнителя действия первичной основы побудительного глагола употребляется в случаях, аналогичных примеру бур. *модондо сохюулжа үхөө бэлэй* 'насмерть был раздавлен деревом, когда кто-либо сам подвергается тому или иному «неприятному» действию в результате своей небрежности и оплшности или в силу каких-то объективных обстоятельств (*лама ноёдто саһуулжа сохюулжа байгаа* 'ламам и чиновникам издеваться и бить себя «давали»'). Ср.: *дайсанда сохигдобо* 'побит врагом' (смысл этого страдательного оборота: хотя и сопротивлялся, но не хватило сил одолеть врага) и *дайсанда сохюулба* 'побит врагом' (смысл этого побудительного оборота: мог бы сам побить врага, но проявил небрежность, оплшность и т. д.). Несомненно также, что дательный падеж для выражения реального исполнителя употребляется во избежание скопления в одном побудительном обороте нескольких имен в винительном падеже, обычно выражающем прямой объект.

Употребление в монгольских языках дательного и винительного падежей для выражения реального исполнителя побудительного оборота любопытно сравнить с тем, что мы находим в японском языке. Как пишет Н. И. Конрад, в японском побудительном обороте для выражения его реального исполнителя употребляется как дательный падеж, так и винительный. Если ударение делается на прямое дополнение, т. е. на то, что, на-

пример, пьют, то реальный исполнитель (по терминологии Н. И. Конрада, второе дополнение) выступает как косвенное дополнение и ставится в дательном падеже на *-ни*. Если же ударение падает на реального исполнителя, т. е. когда важно подчеркнуть, кого именно заставляют, например; пить, то этот реальный исполнитель ставится в винительном падеже на *-о* (в изложении Н. И. Конрада; второе, косвенное дополнение превращается тем самым в прямое). В обоснование этих положений Н. И. Конрад приводит следующие примеры:

1) *хаха-га кодомо-ни тити-о номасэру* 'мать заставляет ребенка пить молоко' (с ударением на слове *тити-о* 'молоко'; реальный исполнитель — *кодомо-ни* — в дательном падеже);
2) *хаха-га кодомо-о тити-о комасэру* 'мать заставляет ребенка пить молоко' (с ударением на слове *кодомо-о* 'ребенка', поставленным на этот раз в винительном падеже)²³.

Если эти японские примеры слово в слово, с сохранением соответствующих падежей, буквально перевести на современный монгольский язык; то получим: 1) *эх хүдээ сүүг уулгана* 'мать дает ребенку пить молоко'; 2) *эх хүүгээ сүүг уулгана* 'мать заставляет ребенка пить молоко'.

Подобное употребление падежей в японском побудительном обороте Н. И. Конрад разъясняет следующим образом: «...переходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: дательным на вопрос „кого заставляют“ и винительным на вопрос „что заставляют“; непереходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: винительным на вопрос „кого заставляют“ и тем косвенным падежом, которым управляет *самый глагол*»²⁴. Таким образом, употребление описанных падежей при побудительном глаголе в монгольском и японском языках во многом совпадает; сказанное особенно касается непереходно-побудительного глагола.

В монгольских языках дательно-местный падеж для обозначения реального исполнителя не употребляется в тех случаях, когда первичная основа побудительного глагола является непереходной как активного, так и пассивного типа.

В-третьих, реальный исполнитель в побудительном обороте может быть выражен и орудным падежом. Поскольку такое употребление этого падежа в монгольских языках является сравнительно редким и представляет особый интерес, приведем ниже возможно большее количество примеров:

Класс.: *Олан дабабул ёкід-і-јер зандан модун-і джбгегелгед-жү кегүр-і-інү түлесе* (Л. сб. — 72) '(Царица) велела всем своим служанкам (букв. 'многими служанками') натаскать сандаловые дёрвья и сожгла его (царя) тело'; *Бүгүдегер-і черігуд-і-јер нелі јед*

²³ Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 208.

²⁴ Там же, стр. 209.

хола хајабулба (Л. сб. — 137) 'Заставили солдат все [трупы] выбросить как можно дальше'; *Тере кумун јабарджу кигед хојар емес-іјер барібулба* (Викр.—63) 'Тот человек быстро приготовил [еду] и велел двум женщинам подать [кому-то]'; *Баса теден-іјер шіне монгол-ун тухаі ірүгел-і джокјалбаджу* (Ц.—1—32) 'Попросил их сочинить песни-благопожелания о новой Монголии';

халх.: *Чи надаар юу хэлүүлэх гэж ингэж эргээд байдаг болов* (Ур.—47—116) 'Ты всё тут околачиваешься, и хочется тебе, чтобы я что-нибудь сказал'; *Би бүргэдээр ан хийлгэж, малаа ганцаараа маллаж, сайн малчин болох гэж байна* (Ур.—47—132) 'Я хожу на охоту с орлом (букв. 'Я орлом охоту заставляя делать') и, своими усилиями пася свой скот, собираюсь стать хоршим скотоводом'; *Жаргал гуайгаар чинь уншуулах гэсэн* (Ур.—47—26) 'Хотел просить уважаемого Джаргала прочитать'; *Чамаар хариулах мал байхгүй* (Х.Т.—121) 'Скота такого нет, чтобы тебе поручить для пастьбы' (букв. 'Тобю пасти заставить скот не имеется').

бур.: *Шодон Дэлгэрээр боожоо барюулаад ябашахаар ханаба* (Ж. Тум.—30) 'Шодон думал, что он сможет поехать, имея Дэлгэра в качестве ямщика'; *Нима Сэсэгмаагаар гуталдаа дүрэнхэ хүүлээд ябахаяа забдаба...* (Ж. Тум.—120) 'Нима, приказав Сэсэгме положить в его обувь подстилку, собрался идти', *Арайл шаргыемнай моридоороо дайруулжархин алдабал* (Ж. Тум.—100) 'Едва его лошади не задели наши сани'; *Гомбо... үхэр буугаа хүбүүдээрээ шэрүүлээд... добын оройдо абаашажа тодхојо* (Ж. Тум.—211) 'Гомбо установил свои пушки на вершине холма, приказав своим людям доставить их туда'.

Как видно из этих примеров, орудный падеж в качестве реального исполнителя употребляется в основном тогда, когда особо подчеркивается заинтересованность лица-подлежащего в совершении действия побудительного глагола. Таким образом, реальный исполнитель по отношению к лицу-подлежащему является как бы орудием действия так же, как, например, в следующей бурятской поговорке: *Хүнэй гараар гал барюулаха, Хүнэй шүдээр шулуу хазуулха* 'Чужими руками огонь держать, чужими зубами камень грызть' (букв. 'руками человека огонь держать заставить, зубами человека камень грызть заставить'). Другой вариант этой же бурятской поговорки: *Хүнэй гараар могой бариха, хүнэй шүдээр шулуу хазаха* 'Чужими руками змею ловить, чужими зубами камень грызть'. Здесь глаголы *бариха* 'держать' и *хазаха* 'грызть' даны в форме прямого залога, а не побудительного, и тем не менее общий смысл поговорки, соответствующей русской поговорке, «чужими руками жар загребать», остается почти неизменным. Как и в случае употребления дательного-местного падежа, орудный падеж в побудительном обороте применяется во избежание скопления двух винительных падежей (или приравненных им двух основ имени), один из которых обозначал бы прямой объект действия, выра-

женного в первичной основе побудительного глагола, а другой — реального исполнителя. Этим самым в монгольских языках достигается то, что употребление двух винительных падежей наблюдается очень редко.

В некоторых случаях невозможно было бы обойтись без применения орудного падежа, например в песне Гесера о змиях:

Эне хабан намајі моѳай-ту таму-дур оркіджу моѳай-бер алабулху хабан бују геджү санала бі; моѳай-јубан нада-бер алабулджу джірбаху хабан афсан аджі бајінам геджү дагулаба (Г.—68) 'запел [Гесер]: Я думал, что этот хан — такой хан, который, бросив меня в ров змиев, убьет меня змиями. А, оказывается, это такой хан, который задумал насладиться, при моем посредстве убив своего змия'. В буквальном переводе эта ироническая песнь имеет следующий вид: 'Этот хан меня — в змеиный ров бросая — змиями убить заставляющий хан есть — думал я. Своих змиев — мною убить заставляя наслаждающийся хан оказывается — говоря запел'. Таким образом, хан бросил Гесера в змеиный ров, конечно, в надежде, что змии съедят его, Гесера, а вышло так, что Гесер убил этих змиев. Если в этой песне подчеркнутые слова поставить в форме винительного падежа, т. е. *моѳай-ји* и *намајі* вместо *моѳай-бер* и *нада-бер*, то вся песня могла бы получить совершенно иной смысл: 'запел: Я думал, что этот хан — такой хан, который, бросив меня в змеиный ров, задумал заставить меня убить змия, а, оказывается, это такой хан, который задумал насладиться, заставив змия убить меня' (или наоборот: 'заставив меня убить змия'). Если же в первой части песни вместо *моѳай-бер* поставить *моѳай-дур*, т. е. вместо винительного падежа прибегнуть к дательному-местному, то она получила бы такой, формально неопределенный смысл, что хан бросил Гесера в змеиный ров змиям с тем, чтобы они убили этого Гесера, или наоборот, с тем, чтобы самому быть убитым змиями.

В некоторых случаях бывает затруднительно определить, чем же выражается реальный исполнитель побудительного оборота или что же выражает тот или иной член такого оборота, например: класс.: *кеүкен еке-ече алдабулун унаба* (Г. — 10).

Речь идет о том, как мать не может взять на руки новорожденного Гесера, котсрый пытается вырваться и котсрому, наконец, удается вырваться, в результате чего мать роняет его. Имя *еке* 'мать' дано в форме исходного падежа, а побудительный глагол *алдабулун*, данный в форме слитного деепричастия, в своей первичной основе означает 'уронить'. Поэтому можно перевести различно эту фразу: 'ребенок упал, уроненный матерью' или 'ребенку удалось вырваться от матери' (букв. 'ребенок — от матери уронить вынудив ее — упал').

Тобусу татабулусабар одба (Далх.) 'Отправился, поднимая пыль' (о всаднике). Здесь глагол *татабулусабар* в своей первичной основе означает 'тянуть', 'поднимать'. Поэтому фраза

формально может быть переведена так: 'Отправился, заставляя кого-то поднимать пыль'. Но контекст показывает, что пыль поднимает сам всадник.

Таким образом, реальный исполнитель действия псбудительного глагола выражается именем в винительном, дательном-местном или орудном падеже, что зависит как от соответствующего смысла побудительного оборота, так и от определенного стилистического задания. Поэтому не всегда можно с полной уверенностью сказать, когда в том или ином псбудительном обороте должен быть употреблен один из этих трех падежей для обозначения реального исполнителя. Можно только установить, что если псбудительный глагол образован от первичной основы почти любого непереходного глагола, то для выражения реального исполнителя может быть использован только винительный падеж, тогда как в этой функции дательного-местного и орудного падежи совершенно не употребляются (по крайней мере, такого рода примеры в монгольских языках нами пока не обнаружены).

Употребление побудительного залога вместо страдательного

Выше, при обозрении дательного-местного падежа в псбудительном обороте, мы как бы видели те нити, которые связывают между собой значения псбудительного и страдательного залогов, — заметим, что в этом случае первичная основа побудительного глагола должна быть всегда переходной²⁵. Следующие примеры более наглядно иллюстрируют сказанное:

Класс.: *Орус улус-ун көдөлмүрічін таріјачін арад-уд хубісхал-ун јеке бабші Ленин-іјер удурідулун Холбуфату улус-і бајбулба* (Далх.) 'Рабочие и крестьяне России под руководством (букв. 'будучи руководимы') великого учителя революции Ленина создали Советский Союз'; *Олан улус-іјар күрі-јелегүлджү сабуху-ји уджебе...* (Викр. — 71) '...увидели, что [она] сидит, будучи окружена толпой людей'; *мінү көбегүн кеүкен-дүр джодубулба* (Викр. — 168) 'Мой сын побит девушкой' (букв. 'девушке побить позволил'); *Кумун-дур абхубулун дура-лабау чи* (Г. — 44) 'Ты, кажется, влюбилась';

халх.: *Засгийн газраас Чимид нараар удирдуулан долоон бригадаар тус бүр 4000—6000 зээрийг агнуулахаар тогтоохын хамт* (У. О. — 2593) 'Правительство вынесло решение о том, чтобы семь бригад, руководимые Чимидом и другими, забили по 4000—6000 дээрэнов (антилоп)';

бур.: *Бабжа-Барас баатарни, үглөөнэй улаан наранаар*

²⁵ Здесь мы имеем в виду примеры типа уже приведенного выше: *Модондо сохюулжа үхөө бэлэй* 'Он был насмерть раздавлен деревом' (букв. 'дереву бить дав умер').

үрэлүүлхэээ байханаа мэдэнэ гүш? (Балд.) 'Мой Батор Бабжа-Барас, знаешь ли ты, что с восходом солнца будешь умерщвлен?'

Такое же употребление данного залога обнаруживается и в текстах «Сокровенного сказания»: *Qarčiqai-bar bari'uluqsan noqut qalawud-un ödün hüsün* (§ 31) 'Пух и перья уток и гусей, пойманных соколом'.

Как видно из этих примеров, в монгольских языках побудительный залог употребляется вместо страдательного тогда, когда кто-либо подвергается действию другого лица в результате своей оплошности, небрежности и вообще проявления пассивности, или когда такое действие почему-либо оказывается для него желательным или необходимым, т. е. как бы добровольно допускается «пострадавшим» лицом (при ситуации, сходной с той, при которой взрослые в игре с детьми позволяют им найти себя).

Мы уже имели случай высказать предположение, что в монгольских языках от побудительного залога некогда отпочковался страдательный²⁶. По-видимому, в древнем монгольском языке не было особого страдательного залога, функции которого выполнялись побудительным или побудительно-страдательным залогом так же, как это мы видим в маньчжурском языке. В этом языке залоговая форма на -бу образует побудительно-страдательный глагол, выполняющий функции и побудительного и страдательного залога, например: *уша-* 'увлечь' — *ушабу-* 'позволить или дать увлечь': *байта-дэ ушабуха* 'был увлечен делом или дал увлечь себя'; *гэлэ-* 'испугаться' — *гэлэбу-* 'испугать': *би иньдэ гэлэбухэ* 'я был им напуган' или 'я [себя] ему испугать позволил'; *би имбэ гэлэбухэ* 'я его испугаться заставил', т. е. 'я испугал его'.

Таким образом, в маньчжурском языке одна и та же глагольная форма имеет значение побудительного залога тогда, когда реальный исполнитель действия первичной основы глагола выражается винительным падежом, и страдательного залога в тех случаях, когда реальный исполнитель выражен дательным падежом. Любопытно отметить, что показатель этой побудительно-страдательной формы -бу совпадает с основой глагола *бу-* 'дать'²⁷.

Аналогичное употребление побудительного залога в каракалпакском языке отмечает Н. А. Баскаков, который пишет, что предложения типа *мен соктырдым* 'меня избили', 'я избит' (букв. 'я допустил избить себя'), т. е. предложения без указания косвенного или прямого объекта, «соответствуют по семантике страдательной конструкции»²⁸. «Таким образом, — продолжает Н. А. Баскаков, — в предложениях со сказуемым, выра-

²⁶ Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, стр. 63.

²⁷ И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, стр. 159—162.

²⁸ Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 17.

женным формой побудительного залога без указания на прямой и косвенный объекты, действие переходит на субъект (т. е. на подлежащее. — Г. С.). Характерно, что побудительная и страдательная формы в этом случае являются грамматическими синонимами, ср., например: *кийик кьулан табтырмады, тюлки табылды* 'дикий козленок не попался (букв. 'не позволил, не дал себя найти'), а лиса попалась' (букв. 'нашлась, была найдена'), где глаголы *табтырмады* и *табылды* являются по существу синонимами». Такие же явления отмечаются А. Х. Фатаховым²⁹, который, отмечая подобные же случаи применения побудительного залога в башкирском языке, образованного от основ переходных глаголов, пишет, что действие этого залога «может совершиться над самим субъектом, т. е. «позволителем» его, допустившим по каким-либо обстоятельствам исполнение действия или давшим повод для совершения его над собою, как над объектом».

Следовательно, близость побудительного и страдательного залогов является общей для большинства или даже всех алтайских языков. Эта близость может быть обнаружена и в специфических случаях употребления страдательного залога, о которых речь будет идти в связи с описанием этого залога и для пояснения которых приведены некоторые случаи употребления побудительного залога в монгольских языках.

халх.: *Тэгээд харсаар байгаад нэг нөхрийгөө алуулах уу?* (Ур. — 48—90) 'Можно ли допустить, чтобы у тебя на глазах убили твоего товарища?';

бур.: *Баяшуул хамаг муугаа Дамбада хаха шуу хэлүүлээд, ухаа мэдээ алдажа...* (Ж. Тум. — 227) 'Богачи взбесились, когда Дамба прямо и открыто высказался о всех их коварствах...'; *Табхайн Дугарта хурьгэнөө татуулгад, үшөө моридоо татуулха аргамгүй* (Ж. Тум. — 127) 'Дугар Табхаев забрал у меня зятя; не могу я позволить ему, чтобы он забрал у меня еще и коней'; *Далая хуха буудуулаад уһа уруу шэнгэжэ ябаһан тутагаалжан мэтэ...* (Ж. Тум. — 117). 'Точно кулик, с подстреленными крыльями идущий в воду...'; *Тиихэдэ энэ адууша үбгэжөөл мориёо булялгаад, ургаяа гартаа бариһан зандаа эндэ үлэбэ* (Ж. Тум. — 204) 'Тогда старик-табунщик, лишившись своей лошади, так и остался здесь с арканом в руке'.

Во всех этих примерах субъект-подлежащее или субъект-определение так или иначе допускает или оказывается вынужденным допустить, чтобы кто-либо совершил над ним какое-либо действие, выраженное в первичной основе побудительного глагола. Причем такое действие оказывается направленным на предмет, принадлежащий субъекту-подлежащему или субъекту-

²⁹ А. Х. Фатахов. Категория залога в башкирском языке, Уфа, 1953, стр. 7.

определению. Однако такое действие может быть направлено и на самый субъект-подлежащее: *Гэнтэ Пунсок мэтын шолдсоонуудта мухариса буудуулжа болхобди* (Ж. Тум. — 13) 'Мы неожиданно можем оказаться обстрелянными бандитами вроде Пунсока' (букв. 'Неожиданно — вроде Пунсока бандитам — обстрелять — позволить можем-мы').

Страдательный залог

Как уже выше отмечено вскользь, в монгольских языках страдательный залог исторически отпочковался от пассивного. Некоторые существенные особенности в употреблении страдательного залога в современных монгольских языках и диалектах отчетливо подтверждают только что выдвинутое положение о генезисе этого залога и заключаются в следующем.

Во-первых, монгольский страдательный залог до некоторой степени идентичен тому же залогу в индоевропейских языках только в том случае, если речь идет об активном предмете. Активным же предметом мы условно называем такой, который в отношении каждого данного действия может быть не только объектом, но и субъектом. Например, если бык может напугать коня, то и конь может напугать быка, — в данном случае мы имеем субъектно-объектную обратимость: конь и бык в отношении данного действия могут быть как объектами, так и субъектами. Далее, если речь идет, например, о воде, то она в отношении действия «пить» может быть только объектом: если лошадь может пить воду, то обратное, конечно, безусловно исключается, — следовательно, здесь мы уже не имеем субъектно-объектной обратимости, поскольку вода в данном случае оказывается пассивным предметом. Таким образом, сказанное выше о монгольском страдательном залогe можно передать иначе: этот залог идентичен индоевропейскому страдательному залогу только в случае субъектно-объектной обратимости.

Субъектно-объектная обратимость применительно к каждому данному предмету оказывается весьма относительной и зависящей от лексического значения того или иного глагола. Так, например, если конь в отношении действия «напугать» может быть как активным, так и пассивным, то в отношении действия запрягать является только пассивным, ибо здесь он может быть, конечно, только объектом. Относительно активными могут быть не только живые существа, но и неодушевленные предметы, вещи, грамматически представляемые активными, не говоря уже о таких явлениях природы, как дождь, ветер, гора, солнце, снег, река, море и т. п.

Это обстоятельство и объясняет ту весьма ограниченную сферу применения страдательного залога в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, которая так хорошо известна в лингвистической литературе.

Во-вторых, как следствие изложенного выше намечаются три степени употребления страдательного залога в монгольских языках, чего мы почти не находим в индоевропейских языках, а именно:

а) полная, или свободная, которая заключается в полной возможности превращения прямого оборота в страдательный, что допустимо в случаях субъектно-объектной обратимости, например: класс. *Амитан-ду улу бартаху ниген сајин мори* (Г. — 4) 'Один хороший конь, которого не обгонит [ни одно] живое существо', — этот страдательный оборот оказался возможным потому, что прямой оборот *ниген сајин мори амитан-і барху* 'один хороший конь обгонит живое существо' может быть изменен в *амитан ниген сајин мори-ји барху* 'живое существо обгонит одного хорошего коня' или превращен в страдательный: *амитан ниген сајин мори-дур бартаху* 'живое существо будет обогнано одним хорошим конем';

б) ограниченная, при которой возможно лишь частичное превращение прямого оборота в страдательный и которая заключается в том, что в подобном ограниченном страдательном обороте невозможно обозначение реального исполнителя, например: халх. *Цай маань барагдав* 'У нас чая больше нет' (букв. 'Чай наш скончен'), — здесь невозможно указать, кем окончен чай, так как он не является активным предметом; ограниченная степень употребления страдательного залога является переходной от нулевой степени к полной, или свободной;

в) нулевая, при которой абсолютно исключается возможность превращения прямого оборота в страдательный; так, например, если по-халхаски можно сказать *цайг уув* 'выпили чай', то никак нельзя — *цай уугдав* 'чай выпит' (глагол *уух* 'пить' вообще не может иметь страдательной формы вроде *уугдах*, так как то, что выливается, не может само что-либо пить!).

Ограниченная и нулевая степени употребления страдательного залога имеют место в случаях субъектно-объектной необратимости, как это нетрудно видеть из только что представленных примеров.

Однако на практике приходится сталкиваться со значительным количеством отступлений от изложенных правил [употребления страдательного залога в монгольских языках.

Конкретные случаи отступлений от указанных [правил] употребления страдательного залога в монгольских языках совершенно невозможно обобщить и уложить в какие бы то ни было схемы, ибо все это определяется конкретным лексическим содержанием каждого данного глагола или имени. Однако эти отступления особенно многочисленны в сфере научно-публицистической и менее заметны в бытовой речи. Нижеследующие примеры иллюстрируют эти отступления, свидетельствующие о все более возрастающей сфере употребления страдательного залога в монгольских языках:

к л а с с.: *Хураба-ану чину-а нохаи-дур улу идегдему* (Далх.) 'У него (хорошего пастуха) ягнята не гибнут от волкови сббак' (вообще же здесь нет субъектно-субъектной обратимости, как и в других случаях более свободной степени употребления страдательного залога); *Халабун наран-дур ширабдабсан* (Далх.) 'сбожжен на солнце';

б у р.: *Харанхы хара үүлэндэ хэтэдээ хушагдхан хада уулын орой мэтэ* (Балд.) 'Точно горные вершины, всегда покрытые темными облаками'; *Таби гэмэ номондо тудагдахаар хомор хүн бэлэйл* (Балд.) 'Не такой он был человек, чтсбы легко быть пронзенным первой же стрелой'; *Тала саһанда дарагдашанхай* (Ж. Тум. — 45) 'Степь покрыта снегом'; *Дархалагдажа байһан оглёбонууд, тэргын сахаригууд байба* (Ж. Тум. — 122) 'Лежали сглобли и сбодья колес телег, которые делаются [мастерами]'; *Нима... өөрынгөө гараар баригдаһан жаахан гэрэй үүдэндэ ошоно* (Ж. Тум. — 51) 'Нима подходит к дверям своей маленькой юрты, сделанным его собственными руками'; *Огторгой боро үүлээр бүрхөөгдэжэ...* (Ж. Тум. — 93) 'Небо было покрыто серыми облаками'.

Однако как бы ни расширялась сфера применения страдательного залога в монгольских языках, она все же не получает такого размаха, как, например, в русском языке. В сказанном очень легко убедиться путем простого сличения одного текста на монгольском и русском языках. Так, если в русском оригинале первой главы повести А. С. Пушкина «Дубровский» имеется 26 страдательных глаголов и причастий, то в монгольском переводе этой главы мы находим всего лишь 7 страдательных глаголов³⁰.

Аналогичные явления мы обнаруживаем в тюркских и некоторых других языках. Так, например, Н. А. Баскаков пишет, что для каракалпакского и вообще тюркских языков любопытно то, что «когда данный предмет по отношению к данному действию может быть только объектом, но не субъектом, тогда невозможна форма страдательного залога...»³¹. «Таким образом, — продолжает Н. А. Баскаков, — в значительном количестве случаев переходные глаголы в известных случаях не могут быть преобразованы в непереходные и, следовательно, в каракалпакском языке страдательный залог в значительной мере ограничен употреблением даже в отношении переходных глаголов»³².

В описании синтаксиса японского языка, сделанном Н. И. Конрадом, мы находим указания на специфические особенности употребления страдательного залога в этом языке. «Но как быть самому источником действия, так и активно подвергаться действию может, — пишет Н. И. Конрад, — только человек; предмет же

³⁰ См. А. С. Пушкин, *Зохиолууд*, Улаанбаатар, 1949, стр. 142—150.

³¹ Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 24.

³² Там же, стр. 25.

как не может сам активно производить действие, так не может и «переживать», в точном смысле этого слова, действие»³³. Поэтому Н. И. Конрад, исследуя японские залого вообще, строго различает речь о лицах и предметах.

Таким образом, известная ограниченность применения страдательного залога в алтайских и некоторых других (например, японском) языках не подлежит никакому сомнению. Здесь достаточно вспомнить хотя бы общеизвестные указания на то, что в этих языках причастные определения чаще всего даются в форме прямого залога и там, где по норме русского языка ожидалось бы страдательные причастия, например; халх. *унишсан ном* 'прочитанная книга', *идсэн мах* 'съеденное мясо', *сургасан морь* 'сбученная лошадь', *уусан цай* 'выпитый чай' (соответственно обычно не встречаются: *унишгдсан ном*, *идэгдсэн мах*, *сургагдсан морь*, *уугдсан цай*).

Ограничившись пока изложенными выше общими замечаниями о страдательном залоге в монгольских языках, приведем ниже некоторый иллюстративный материал:

к л а с с.: *Алус-ун джам джурајин уджегдегед, елдеб јабу-ма тодурхай харабдабад, салкин-у шуугиху-ече бусу јабун чу үлү сонустамуі* (Далх.) 'Видно, как извивается дальняя дорога; различные предметы обозримы легко' (букв. 'ясно, и ничего не слышно, кроме шума, поднимаемого ветром');

б у р.: *Хэн хубита баатарта энэ басаган хуртэхэб? Та бидэ хоёрто арай хуртэхэгүй бэээ даа* (Балд.) 'Какому счастливому батору достанется эта девица? Наверное, не нам с вами она достанется'.

Как известно, реальный исполнитель в страдательном обороте, действие которого переживается или испытывается предметом-подлежащим (первым компонентом), выражается дательным падежом, соответствующим в данном случае русскому творительному субъекта, как это можно видеть из следующих примеров.

В классическом монгольском языке:

1. *еке-деген үлү гүјичегдеджү јабуба* (Г. — 9) 'Убежал (Герсер), не достигнутый своей матерью'. 2. *Джуру-минү кумун-дү бартаджи ујіладжу јабунам* (Г. — 44) 'Мой Дзуру идет с плачем, будучи обогнан каким-то человеком'. 3. *Ниген едур кумун-у беје-јин мөчид беје бејес-теген джаручалбдаху үгеі кемен...* (Далх.) 'Однажды члены человеческого тела вздумали не слушаться друг друга'. 4. *Еркетен-дү абтал үгеі, егемтен-дү дејил-дүл үгеі* (Х. Х. — 81) 'Неуязвимый для стрелков, непобедимый для силачей'. 5. *Бутул-дабан хабчибдъбсан — кол мабу* (поговорка) 'Плохо ноге, сжатой гутулом' (род обуви). 6. *Рунгса Герсер-үн сур-тур дарубдаджу үлү идеджү сабунам* (Г. — 17) 'Рун-

³³ Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 200.

са сидел, не кушая, подавленный величием Гесера'. 7. *Салкин-ду улигедекү үгеи, борубан-ду чокігдаху үгеи* (Далх.) 'Не сблдуваемый ветром, не поливаемый дождем'.

В современном монгольском языке:

8. *Алт шоройд дарагдаж, өнгө алддаггүй* (поговорка) 'Золото покрывается прахом, но качество свое не теряет'. 9. *Би нөхөртөө ингэж жишигдэх гэж?* (Ур.—47—23) 'Буду ли я так презираем своим другом?' 10. *Өдрийн санаа шөнийн зүүдэнд дарагдаад, тэр юм байгаа даа!* (Ур.—47—42) 'Дневные мысли оттеснены ночными сновидениями, что бы это значило!' 11. *Хаан хүү тэд Долоодойд дийлэгдэв* (Ур.—47—23) 'Царевич был быстро побежден Долодоем'.

Аналогичные примеры обнаруживаются и в текстах «Сокровенного сказания» (§ 167, 53, 105 и 24): 12. *Tenggeri-de ülü taalaqdaqun bida* 'Небом мы не призреваемы'. 13. *tatar irgen-e bariqdaба bi* 'Племенем татар схвачен я'. 14. *Erde üdür Yesügei gan ečige-de minu tusa sayi kikdeksen-i setkijü nököčesü bi* 'Памятуя, что я недавно был облагоденствован отцом Есугейханом, буду блюсти [с тобою] дружбу'. 15. *Bodončar uruq-a ese to'aqdaju talbiba* 'Бодончар удалился, не принятый своими родственниками'.

В примерах 1, 2, 4, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 речь идет о людях и божествах, т. е. о безусловно активных предметах, как о реальных исполнителях, оформленных именами в дательном падеже, так и о лицах, выраженных в подлежащем, наличном или, в примере 4, опущенном. Поэтому эти примеры с точки зрения субъектно-объектной обратимости являются вполне допустимыми. В примерах 3, 5, 8 и 10 речь идет о предметах, которые как бы приравнены к активным в том смысле, что, например, дневные мысли так же могут быть оттеснены ночными сновидениями, как ночные сновидения дневными мыслями или думами. Поэтому и эти примеры не могут считаться необычными с точки зрения субъектно-объектной обратимости. Пример 8 требует пояснения потому, что имя *шорой* 'прах' дано в дательном падеже и переведено по-русски творительным падежом. Но в русском языке имя, обозначающее неодушевленный предмет, в творительном падеже может выражать и орудие действия. Так, например, русская фраза 'золото покрыто прахом' может быть понята и в том смысле, что золото прахом покрыто кем-то, — в этом случае по-монгольски *шорой* 'прах' должно было бы стоять в орудном падеже: *шоройгоор* 'прахом'. В пекинском издании сборника рассказов "Сидитү кегүр" (стр. 6) мы находим: *дегере-еге жеке хада-бер даруджу алаба, тэрэ кб-бегүн жеке хадан-дур дуругдаджу укүджү амуи* 'Сверху придавили его насмерть скалою, этот юноша умирал, придавленный скалою'. В этом примере *хадандур* (*хадан* 'скала' в дательном падеже при страдательном глаголе *даруддаджу* 'будучи придавлен') может иметь значение 'в скале', кото-

рзе здесь отсутствует, поскольку в предыдущей фразе сказано *хада-бер* 'скалою' (т. е. это имя оформлено орудным падежом).

Поскольку дательно-местный падеж вообще отвечает на вопросы где? куда? кому? у кого? чему? у чего? постольку имя в этом падеже не всегда может быть принято за обозначение реального исполнителя в страдательном обороте. Так, например, *малгай авад олдов* означает 'шапка найдена у отца' (а не отцом) — в данном случае мы видим ограниченную степень употребления описываемого залога, поскольку при глаголе *олох* 'найти' *малгай* 'шапка' и *ав* 'отец' не могут быть компонентами субъектно-объектной обратимости.

Сказанное в известной степени напоминает невозможность постановки в русском языке творительного субъекта при определенных глаголах на *-ся*: *шапка нашлась у отца* (нельзя сказать *шапка нашлась отцом*, но ср.: *квартира отапливается жильцами*). Как известно, в монгольских языках нет возвратных глаголов. Но если речь идет о живых существах, то значения русских возвратных глаголов как бы передаются по-монгольски путем вставки слова *биеэ* 'свое тело', например: *биеэ угаах* 'мыться' (букв. 'свое тело мыть') или иными лексико-фразеологическими средствами, например: *ниур гараа угаах* 'умываться' (букв. 'свое лицо и руки мыть'). Невозвратные русские глаголы на *-ся* на монгольские языки могут быть передаваемы самыми разнообразными лексическими и иными способами, особенно при речи о предметах: страдательными глаголами (халх. *малгай олдов* 'шапка нашлась'), пассивными и некоторыми другими глаголами (бур. *сонхо неэрэбэ* 'окно открылось', халх. *ав инээнэ* 'отец смеется', *гараас барилцана* 'держится за руку' и т. п.). Что касается монгольских страдательных глаголов, то дело сводится не только к стилистическому характеру перевода русских глаголов на монгольский язык, но и к тому, что некоторые монгольские глаголы действительно лишены формы страдательного залога так же, как многие русские глаголы на *-ся* лишены значения возвратности³⁴.

Кроме дательно-местного падежа реальный исполнитель страдательного оборота выражается изредка и орудным падежом, особенно в официальных документах и произведениях научно-публицистического стиля:

Халх: *Байлдааны хуудсны эрхлэгч сонгогдохгүй, харин салбарын улс төрийн ажлыг архэлсэн орлогч даргаар батлагдана* (У. ●. — 3547) 'Редактор боевого листка не выбирает-

³⁴ Весьма интересная сводка употребления страдательного залога и форм выражения субъекта в страдательных оборотах по данным одного монгольского произведения сделана Фридрихом Веллером: Friedrich Weller, *Passive Ausdrucksweisen im mongolischen Texte des Käsypapariverta*, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität», Leipzig, 1961, Ht 4, Ss. 563—602.

ся, а утверждается заместителем командира подразделения по политической работе'. *Ардыг Гэгээрүүлэх Яамны коллегитор батлагдаа* (обычная формула, гриф) 'Утверждено коллегией Министрства просвещения'.

Бур. *Газар олгохо тухай Ленинэй декредүүд үгьтэй, дунда шадалтанаар хэлэшгүй хүхүүтэйгээр угтагдаһан байгаа* (Ж. Тум. — 70) 'Декреты Ленина о земле были встречены бедняками и середняками с невыразимой радостью'.

Однако в монгольских языках реальный исполнитель в страдательном обороте выражается орудным падежом значительно реже, чем в побудительном обороте, — в некоторых случаях такого употребления этого падежа можно усматривать несомненные кальки с русского языка, особенно в официальных документах.

В текстах «Сокровенного сказания» также встречается выражение реального исполнителя посредством этого же орудного падежа или, в определительном обороте, родительного падежа, например: *Ken-e-ber yekin bolqun ta?* (§ 22) 'Кем сможете быть сломленными вы?', *Sayin ečige-yin činu guriyaqdaqsan ulus* (§ 73) 'Народ, собранный твоим добрым отцом' (букв. 'Доброго отца твоего собранный народ').

Конечно, в этих явлениях, встречающихся в текстах «Сокровенного сказания», никак нельзя усматривать какое бы то ни было иноязычное влияние, что безусловно можно видеть в некоторых бурятских и современных монгольских изданиях.

Употребление страдательного залога вместо побудительного

Переходим теперь к тем необычным случаям употребления страдательного залога в монгольских языках, когда глагол в этом залоге управляет винительным падежом. Эти случаи уже были отмечены А. Бобровниковым³⁵. Необходимо особо отметить, что в таких случаях соответствующее имя, будучи поставлено лишь в форме своей основы (а это признается нулевым оформлением прямого дополнения), сопровождается частицей безличного притяжания. Разбор этих случаев поможет нам уяснить генезис страдательного залога в монгольских языках и ответить на вопрос, почему в страдательных оборотах реальный исполнитель выражается дательно-местным падежом, а не орудным.

Такое употребление страдательного залога А. Бобровниковым интерпретировалось в том смысле, что при этом обозначается «то состояние, когда кто-нибудь несвободно допускает чье-нибудь действие на какой-нибудь сторонний предмет» (разрядка наша. — Г. С.)³⁶. Как мы увидим ниже, интерпретация не совсем точна, ибо в подобного рода случаях речь идет не о

³⁵ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 126.

³⁶ Там же, стр. 126.

«стороннем» предмете, а о предмете, принадлежащем самому подлежащему, чем и объясняется обязательное наличие частицы безличного притяжания при имени-объекте.

Как нам известно, в общей лингвистической литературе указаний на такого рода явления нет, если не считать наблюдений Н. И. Конрада в японском языке. Так, например, говоря о перестройке японской фразы типа *сури-га ватакуси-но саифу-о тотта* 'вор украл мой кошелек', Н. И. Конрад пишет: «Можно построрить все и на слове 'я' (ватакуси), фигурирующем в прямом обороте в родительном (определятельном) падеже (по-русски местоимение 'мой'), так, чтобы глагол относился к этому слову. Это значит перестроить фразу таким образом, чтобы прежнее определение к прямому дополнению стало подлежащим. Согласно сказанному выше, при этом нужно соблюсти следующие два правила: поставить это определение... в падеж подлежащего; прежнее же подлежащее... сделать дополнением (в дательном падеже); все же прочее остается без изменения, кроме, конечно, сказуемого-глагола, который ставится в страдательном залоге»³⁷.

Эти же правила почти полностью применяются и в монгольских языках, за исключением того, что, как уже сказано, вместо винительного падежа при чистой основе имени ставится частица возвратного притяжания, при которой формальный показатель этого падежа опускается почти всегда.

класс.: *Хун балабун холиту мабу сѣбабун-ду егүр-іјен ебдегдеджү, ондеге джуджаба-бен идегдебегеле* (Л. сб. — 60) 'Говорят, лебедь позволяет злой птице разрушить свое гнездо и пожрать свои яйца и птенцов' (букв. 'лебедь — злой птице — гнездо свое — будучи разрушен, яйца и птенцов — съеден — говорят'); *Суисѣай-ту кумун-іјен кундулен кумун-дү буліјабдаху чинү ене белеү!* (Х. Х. — 148) 'Так ты и позволишь постороннему человеку отобрать у тебя твою суженую!' (букв. 'суженую свою — постороннему человеку — отобран — твое это будешь!'); *Хајіран сајіхан дегүү-бен алабдаба бі!* (Х. Х. — 148) 'Допустил я, чтобы убили моего любимого прекрасного младшего брата!' (букв. 'любимого прекрасного младшего брата своего — убит я'); *білчигүрї джигүр-іјен түлегдегед оғтарбуи-дур нисчу одба* (Викр. — 13) 'Пташка улетела в небеса со спаленными крыльями' (букв. 'пташка — крылья свои спалена будучи — в небеса улетела');

халх.: *Ард түмэн нь чонод малаа идэгдэхгүй байх* (Далх.) 'У аратов скот не будет съеден волками' (букв. 'Аратские массы — волком — свой скот — съедены не будут');

бур.: *Хэнһээшье туһаламжа хүлээжэ хүртэхэ найдалаа барагдаад, болоһон үедэмнай...* (Балд.) 'В тот момент, когда мы потеряли было надежду получить от кого-либо какую-либо

³⁷ Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 196.

помощь... *Хэдэн зуугаадаар адуу моридоо булягдажса байхдаа* (Ж. Тум. — 176) 'Когда лошадей отбирали сотнями голов' (букв. 'Несколькими сотнями лошадей своих — отбираем был когда').

В текстах «Сокровенного сказания» мы также находим: *Qurban Merkit-te geren büküi-tür irejü eme kö'ü-ben dauliju abdaba* (§ 104) 'Когда мы были беспечны, ипали три меркита и полонили наших жен и детей' (букв. 'Трем меркитам — беспечны мы были когда — жен и детей своих — отобраны мы').

Qaldur-burqan-a... amin-iyan qalqalaqdaba-je bi (§ 103) 'Моя жизнь защищена [горюю] Халдун-бурханом' (букв. 'Халдун-бурхану — жизнь свою — защищен я').

В подобного рода страдательных оборотах мы имеем три члена, а именно следующие: 1) подлежащее, которое выражается именами в именительном падеже и допускает действие, выраженное в первичной основе страдательного глагола; 2) прямое дополнение, на которое непосредственно направлено то же действие и которое выражается именами с частицей безличного притяжания, а поэтому обозначает предмет, принадлежащий подлежащему; 3) второй компонент, выраженный именем в дательном падеже и являющийся реальным исполнителем действия. Такие обороты назовем страдательно-побудительными.

Отличие этого страдательно-побудительного оборота от обычного страдательного и прямого оборотов можно кратко сформулировать следующим образом: а) при прямом обороте говорящего интересует то, что делает реальный исполнитель: халх. *Чоно ард түмний малыг идэхгүй* 'Волк не съест скот'; б) при обычном страдательном обороте внимание говорящего направлено на то, что происходит с реальным объектом: халх. *Ард түмний мэл нь чонод идэгдэхгүй* 'Аратский скот не будет съеден волками'; в) в страдательно-побудительном обороте говорящий обращает свое внимание на то, в отношении какого своего предмета испытывает действие предмет-подлежащее: халх. *Ард түмэн нь чонод малаа идэгдэхгүй* 'У аратов скот не будет съеден волками'. На русский язык подобные страдательные обороты с монгольского лучше всего переводить оборотами типа 'у брата украдены книги' в отличие от оборотов типа 'книги брата украдены' или 'украли книги брата'³⁸.

Таким образом, смысловой оттенок страдательно-побудительных оборотов в монгольских языках представляется более или менее ясным. Возникает вопрос, как же возникли и сложились такие обороты. Прежде чем выяснить это, нам необходимо сделать еще некоторые наблюдения над явлениями, связанными с употреблением страдательного залога в монгольских языках. В этих языках имеются такие непереходные глаголы, которые «не-

³⁸ Ср. Н. И. Конрад. *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 196.

ожидаемо» встречаются в форме страдательного залога, и такие переходные глаголы, которые в форме этого залога получают «неожиданные» значения.

1. Глагол *ясах* 'идти' в современном монгольском языке является активно-непереходным, т. е. обозначает действие, производимое предметом по собственному почину (предметы при этом условно приравниваются к лицам). От основы этого глагола *яв-* образуется страдательная форма *явагдах*, которая на русский язык переводится тем же 'идти', поэтому создается впечатление, что ничего нового тут мы не имеем. Но на самом деле здесь из активного глагола получился такой своеобразный глагол, оттенок значения которого трудно сразу же передать на русский язык. Употребляется этот глагол при таких немногих именах, как *ажил* 'работа', *хэрэг* 'дело' и т. д. Выражение *ажил явагна* значит 'работа идет' в том смысле, что она спорится и что она не причиняет своим реальным исполнителям каких-либо особых затруднений. Вместе с тем это выражение означает, что работа не сама идет, а кем-то проводится. Поэтому нельзя сказать, что здесь из активного глагола получился пассивный.

2. В современном монгольском языке глагол *хоцрох* 'отставать' является активно-непереходным, а бурятский *хосорхо* — пассивным, хотя и в том и другом случае на русский язык переводится одинаково. От основы монгольского глагола *хоцро-* мы имеем страдательную форму *хоцрогдох*, которая на русский язык переводится тем же 'отставать' и применяется тогда, когда что-либо отстает в силу каких-то объективных обстоятельств: *хоцрогдсон улс* 'отсталая страна' (ср. *хоцорсон хүн* 'отставший человек', т. е. отставший как бы по собственному почину).

3. Посмотрим теперь, как будет вести себя в разных залоговых формах переходный глагол *хаах* 'закрывать'. В страдательном залоге *хаагдах* значит 'быть закрытым' кем-либо или чем-либо, например о дороге при разливе рек; в побудительном залоге *хаалгах* — 'заставить закрыть'. От основы прямого залога *хаа-* в бурятском языке присоединением суффикса *-ра* мы получаем пассивный глагол *хаараха* со значением 'закрываться' (не кем-либо, а как бы само по себе)³⁹. От основы этого пассивного глагола *хаара-* в свою очередь получается пассивно-страдательная форма *хаарагдаха* со значением, передаваемым на русском языке тем же 'закрываться', которое употребляется в тех случаях, когда, например, дверь закрывается легко и «без сопротивления». Такой глагол, который можно условно называть также допускающим, образуется почти от любого пассивного глагола, в свою очередь образованного от переходного (бур. *нээрэгдэх* 'открываться' ← *нээрэх* ← *нээх* 'открывать'; монг. *эвдрэгдэх* 'ломаться' ← *эвдрэх* 'ломаться' ← *эвдэх* 'ломать' и т. д.).

³⁹ В монгольском языке такая форма не зарегистрирована.

4. От активного непереходного глагола *орох||орохо* 'войти' в монгольском и бурятском языках образуется форма страдательного залога *орогдох||орогдохо* со значениями 'приходить в голову во время сновидения' или, в бурятском языке, со значением 'придираться к кому-либо' и 'невольнo в чем-либо оказаться', а также 'подвергаться гонению и придиркам'.

5. От переходного глагола *мэдэх* 'знать' в монгольском языке страдательная форма *мэдэгдэх* означает не только 'быть узнанным', но и 'сообщить', 'дать знать о себе', например: *класс. теде күүргсен-ийсн бал-ийер мэдэгдэнэ* (Чб. — 73) 'О своем прибытии они сообщили огнями'; *халх. үгүйдээ амьд байгаагаа мэдэгдэхсэн* (Ур. — 47—92) 'В конце концов сообщили бы о своем благополучии'.

В романе бурятского писателя Ж. Тумунова «*Нойрхоо нэрихэн тала*» (стр. 154) встретилась такая фраза: *Хэзээ эдэ семеновтониие, эдэ табхаевтониие намна сохижо, нютагайнгаа хойморто эзэн боложо хуугдахаб* 'Когда же разобьют этих семеновцев, этих табхаевцев, и можно будет в своих степях зажечь хозяевами'. В этой фразе непереходный глагол *хууха* 'сидеть', 'жить' дан в форме страдательного залога *хуугдаха*, — смысловой оттенок такого образования от данного глагола приблизительно соответствует тому, который содержится в русских выражениях типа 'ему хорошо или плохо живется', 'ему не спится' или 'легко дышится'.

Подобные случаи образования страдательных глаголов от основ непереходных глаголов весьма редки. Но так или иначе они характерны тем, что вскрывают одно, несколько скрытое и как бы стертное ныне значение страдательного залога в монгольских языках. Это значение заключается в том, что данный залог иногда выражает, подобно побудительному, оттенок позволения или допущения, исходящего от лица-подлежащего. Если мы вместе с тем примем во внимание, что а) побудительный залог, как это было показано выше, очень часто выступает со значением, близким значению страдательного залога, особенно тогда, когда первичная основа глагола является переходной; а б) нулевая и ограниченная степени употребления страдательного залога в монгольских языках обусловлены наличием категории субъектно-объектной обратимости, то нам нетрудно будет сделать следующие предположения относительно характера разобранных выше залоговых явлений в этих языках: а) побудительный и страдательный залоговые представители представляют собою результат дифференциации некогда единого побудительно-страдательного залога с преобладанием побудительного значения, как это имеет место, например, в маньчжурском языке; б) при этом категория страдательного залога является образованием позднего происхождения — следовательно, этот залог некогда отпочковался от побудительного залога.

Вот почему в монгольских языках побудительный и страдательный

тельный залоги иногда употребляются один вместо другого или часто применяются безразлично в качестве как бы грамматических синонимов. Так, например, в бурятском языке мы находим следующие случаи применения этих залогов: 1) *Тушаагджа ябагшадые үбгэд, хугшэд дахажа, ехэл хайрлаһан янзатай аман соогоо гүбэр шэбэр гэлдэнэ* (Ж. Тум. — 138) 'Старики и старухи шли за толпою арестованных и тихо шептали слова своего глубокого сочувствия'. 2) *Улад зон хаха бутаран, тэрээн тээшэ дүрьеже, тушаалгажа ябагшадта эдихэ юумэ үгүүлхыень харуулшануудһаань гуйна* (Ж. Тум. — 138) 'Толпа расступилась и, направившись туда (к вагонам для арестованных), стала просить конвоиров разрешения передать арестованным еду'.

В первом предложении 'арестованные' передано посредством применения страдательного залога (*тушаагдажа ябагшад* 'идушие, будучи арестованными') от глагольной основы *тушаа-* 'высылать', а во втором — посредством побудительного залога от той же глагольной основы (*тушаалгажа ябагшад* 'идушие, «позволив» арестовать себя').

После всего изложенного можно ответить на вопрос, почему не только в побудительном обороте, но и в страдательном реальный исполнитель (агенса) обозначается именем преимущественно в дательном-местном падеже, а не в каком-либо другом, например в орудном, что встречается лишь иногда. Реальный исполнитель, грамматически — дополнение в дательном-местном падеже, оказывается, следовательно, тем, кому лицо-подлежащее разрешает или допускает совершить какое-нибудь действие, — ведь названный падеж отвечает на вопрос кому? чему?

Поэтому такое современное монгольское выражение, как, например, *Хонь чонд баригдав* 'Овца схвачена волком', формально как бы означает 'Овца позволила волку схватить себя'⁴⁰. Отсюда становится более понятным наличие нулевой и ограниченной степеней возможности превращения прямого оборота в страдательный. Но так как неодушевленный предмет не может что-либо позволить, то становится понятным явление и субъектно-объектной обратимости. Нарушение правил этой обратимости свидетельствует лишь о всевозрастающей универсализации в употреблении страдательного залога в монгольских языках и все большем и расширяющемся абстрагировании этого залога: грамматически многие предметы постепенно начинают становиться как бы лицами, особенно в образной речи.

В свете изложенного становится понятным и «необычное» применение страдательного залога во фразах типа бурятской *Тиихэдэ һааралаа абташоо һэм* (Ж. Тум. — 136) 'Тогда-то отобра-

⁴⁰ Напоминаем, что в наших условных переводах выражение «позволить» применяется весьма широко, в смысле вольного или невольного допущения, вынужденности или невозможности избежать какого-либо неприятного случая.

ли у меня моего буланого коня' (формально-условный перевод этой фразы: 'Тогда-то своего буланого коня отобран я' вместо более правильного 'тогда-то своего буланого коня отобрать допустил или вынужден был допустить я') или современно-монгольской *Ноён хүн шивэгчинд эрхээ булаагдвал хохь нь байхгүй юу* (Ур. — 47—28) 'Если князь окажется под пятой у служанки' (букв. 'если князь позволит служанке отобрать свое право'), то не потерпит ли он урон?

В самом деле, если мы глагол *булаагдвал* разложим на первичную основу и суффикс страдательного залога со спрягаемым формативом, то получим как бы две точки, от которых идут нити: от первой со значением 'отобрать' — к прямому объекту (*эрхээ* 'власть свою'), а от другой, означающей 'позволить если', — к реальному исполнителю (*шивэгчинд* 'служанке') и лицу-подлежащему (*ноён хүн* 'князь'). Изобразим сказанное в следующей схеме:

Сказанное поясняет также, почему в монгольских языках то, что по-русски передается одним и тем же, излагается по-разному: то при помощи побудительного залога, то — посредством страдательного (см. выше бур. *тушаагдажа ябагшад* и *тушаалгажа ябагшад* 'арестованные').

Считаем необходимым подчеркнуть, что изложенное ни в коем случае не должно давать повода говорить о каком-то «доминативном» пережитке в монгольских языках, ибо все это ничего общего не имеет с эргативным или любым нонсминативным построением предложения. Если в классическом монгольском языке (а под влиянием этого языка и в современном литературном языке) подлежащее часто ставится в исходном падеже, то это оказывается лишь книжным явлением и сбъясняется влиянием маньчжурского языка и совершенно неизвестно в живой речи (кальки в речи лиц, знающих классический монгольский язык, во внимание приняты быть не могут).

В заключение отметим, что в монгольском и бурятском язы-

ках очень часто вместо страдательных глаголов употребляются особые страдательные «причастия», особенно в случаях субъектно-объектной несобратимости, т. е. преимущественно в речи о предметах. Образуются такие «причастия» посредством окончания совместного падежа *-тай* либо от формы настоящего, несовершенного, причастия, либо иногда от отглагольных имен на *-лт*, например: халх.: *хул* 'привязать'—*хүлээ* 'привязавший', 'привязывающий'—*хүлээтэй* 'привязанный'; *хураа* 'собрать'—*хураалт* 'собрание'—*хураалттай* 'собранный'; бур.: *бэшэ*—'писать'—*бэшээ* 'написавший'—*бэшээтэй* 'написанный'; *таби*—'поставить'—*табая* 'поставивший'—*табаятай* 'поставленный'; *уя*—'привязать'—*уяа* 'привязавший'—*уяатай* 'привязанный'; *хуша*—'покрывать'—*хушаа* 'покрывший'—*хушаатай* 'покрытый'.

Такие страдательные «причастия» употребляются предикативно и атрибутивно особенно широко в устной речи, как уже сказано, в случаях субъектно-объектной несобратимости как бы заменяя собой применение страдательных глаголов, например:

халх.: *Хайрцгууд хураалттай байна* (Ур.—48—14) 'Ящерицы собраны, сложены'; *Модны ёроолоос хүлээтэй Паламыг чирч авчрана* (Ур.—47—65) 'Приволокли Палама, привязанного к корням дерева';

бур.: *Шанахан мяхан табяатай* (Ж. Тум.—33) 'Вареное мясо поставлено'; *Татаатай коеёрой дунда хушаатай модон орон* (Ж. Тум.—43) 'Прикрытая деревянная кровать [стоит] на растянутом ковре'; *Шиний үбгэнэй зан абари мэдээтэй ха юм* (Ж. Тум.—103) 'Твой характер, старик, известен ведь'; *Ябталаатай түдээн* (Ж. Тум.—103) 'Сложенные дрова'; *Гэрэйн хэхээтэй байхан хаяа доогуур ороhon шэмэрүүн халхин тэрэнэй сэлээтэй үбсүүе хэрүүсүүлнэ* (Ж. Тум.—8) 'Свежий ветерок, проникавший в юрту через приподнятые пологи стен, обдувал его распахнутую грудь'.

Совместный и взаимный залого и комбинированные залоговые формы

Совместный залог во всех грамматиках монгольских языков обычно определяется как такая форма глагола, которая показывает соучастие двух или более лиц в каком-либо одном действии. В действительности же такое определение этого залога оказывается недостаточным и даже не вполне точным. Напомним, что при разборе значений и функций залога в монгольских языках необходимо следить за поведением двух компонентов: первого, обозначенного в подлежащем, и второго, выраженного в косвенном дополнении. В обороте совместного залога второй компонент производит какое-либо действие, а первый лишь присоединяется ко второму для совместного совершения этого действия. Следовательно, совместный залог показывает действие,

к совершению которого лицо-подлежащее только присоединяется. Таким образом, действие совместного залога сначала совершается или, так сказать, проектируется одним лицом и лишь затем — двумя, причем первый компонент (подлежащее) может присоединиться к совершению данного действия как на начальном этапе последнего, так и на заключительном. Различие между прямым и совместным оборотами можно показать на следующих условных примерах (на современном монгольском языке).

л. Цэрэн Дорж хоёр сургуульдаа явав 'Церен и Дордж пошли в школу'.

2л Цэрэн бол Доржтой сургуульдаа явав 'Церен пошел в ш. олу вместе с Дорджем'.

Икначе говоря, в совместном обороте ведущим или инициатором действия является второй компонент, обозначенный именем в совместном, соединительном или орудном падеже, а также и в родительном с соответствующими послелогами. Конечно, совершенно необязательно, чтобы в том или ином конкретном обороте были представлены оба компонента. Сказанного нами не вполне достаточно для того, чтобы тем самым исчерпать все значения совместного залога в монгольских языках. Дело в том, что этот залог обозначает также и такое действие, которое либо оказывается «попутным» (см. ниже пример 6), либо распространяется на «попутный» предмет (см. ниже пример 3):

класс.: 1. *Енеку чериг-ун хамту хота-јин ирген баруцабсан амуи* (У. О.—1745) 'Вместе с этими войсками вышли и жители горда'. 2. *Баса биде аджил киджу сурулцабасу тусатай бајимуи* (Далх.) 'Хорошо бы и нам научиться работать'; бур.: 3. *Хаан эзэмни, абада намайе абаашалсажа, айшадаар сэнгүүлхые арсахагуй бээт* (Балд.) 'Мой хан-повелитель, надеюсь, вы возьмете с собою на охоту и меня и разрешите мне повеселиться вместе с гостями'. 4. *Бишье таанадаар гаралсажа, абынгаа сагаан алба дүүргэлсэхэмни* (Балд.) 'И я отправляюсь с вами [в бой] и также выполню свой священный долг перед отцом'. 5. *Аха дүүнэрээрээ мордолсожо, албая дүүргэлсэхэмни* (Балд.) 'И я поеду вместе с братьями, чтобы вместе с ними выполнить свой долг'. 6. *Морёо уналхаа ошонгоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* (Им.—130) 'Когда пойдешь поить коня, то принеси [попутно] ведро воды'. халх. 7. *Эндэх ардууд малаа хариулж явахдаа тарвага агналцдаг* (У.—1938) 'Здесьние араты, пася свой скот, [попутно] охотятся на сусликов'.

* * *

Взаимный залог обозначает действие, при совершении которого два компонента взаимного оборота как бы стоят друг против друга и оба одинаково действуют с самого начала этого действия. Выражение «стоят друг против друга» в данном слу-

чае не следует понимать в том смысле, что два компонента взаимного оборота обязательно являются двумя враждующими сторонами; это выражение означает только, что действие одного направлено на другой, а действие второго — на первый. Оформление компонентов взаимного оборота либо таково же, как и оформление таковых же в совместном обороте, либо чаще всего характерно тем, что оба компонента данного оборота оформляются как однородные подлежащие (ср. русск. *Ваня и Петя соревнуются друг с другом* и *Ваня соревнуется с Петей*), например:

класс.: *Ман-у буха Шираб-ун бухатай мörгүлдубе* (Далх.) 'Наш бык бодался с быком Шарапа';

бур.: *Олон зон түрсэлдэн орожо ерэнэд* (Балд.) 'Входит толкаясь, много людей'; *Долоон наһандаа дошхон зуудаг нохойтой нэсэлдоод* (Балд.) 'Когда ему было семь лет, дрался со злой и свирепой собакой'; *Амитан зон гүйлдэжэ орон зогсонод* (Балд.) 'Люди остановились, вбежав, обгоняя друг друга'.

В текстах «Сокровенного сказания» мы находим такое же употребление взаимного залога, например (§ 144): *Činggis-qahan güri'et Tayiji'ut-lu'a qatqulduba* 'Чингисхан приблизился к тайчиутам и сразился с ними на копьях'.

Многие глаголы во взаимном залоге приобретают особые значения, обобщить которые не представляется возможным. Поэтому приведем некоторые из этих глаголов (из современного монгольского языка): 1) *байлдах* 'сражаться' (как бы стоять друг прогив друга) от *байх* 'стоять', 'быть'; 2) *барилдах* 'бороться' (как бы держать друг друга в спортивной борьбе) от *барих* 'держат'; 3) *оролдох* 'быть активным', 'вмешиваться во что-либо' от *орох* 'входить'; 4) *дагалдах* 'идти (или 'пытаться идти') за кем-либо' от *дагах* 'идти вслед за кем-либо'; 5) *ороолдох* 'запутываться' от *оррох* 'обвергивать', 'обвязывать'; 6) *дайралдах* 'попадаться', 'встречаться' от *дайрах* 'задевать'.

Количество подобных примеров, иллюстрирующих переплетение лексики и грамматики, можно было бы увеличить. Некоторые глаголы в монгольских языках встречаются лишь во взаимном залоге, например: 1) *худалдах* 'торговать', 'продавать' (от *худа-* 'давать'? Ср. *худ* 'свят', маньчж. *худа* 'торговля'); 2) *андалдах* 'обмениваться' (от *анд-* 'давать'? Ср. *анд* 'поздравить', 'названный браг'); 3) *уралдах* 'бежать впуски', 'устраивать конские скачки'; 'соревноваться'.

* * *

Еще А. Бэровников заметил, что в некоторых случаях значения совместного и взаимного залогов совпадают. «Говорящий, не обращая внимания на то, что действие двух предметов переходит от одного на другой, замечает только то, что они производят одно и то же действие. От этого происходит, что эти

два залога употребляются без различия»⁴¹. К этому замечанию А. Бобровникова мы бы теперь добавили, что совместный и взаимный залогов не только выступают один вместо другого, но и просто обозначают действия, при совершении которых оба компонента никак не находятся в тех специфических отношениях, которые вообще «предусмотрены» непосредственными значениями этих залогов. Иными словами, совместный и особенно взаимный залогов часто обозначают действия, производимые многими, так сказать, на коллективных началах. Подобное употребление этих залогов мы находим во всех монгольских языках, например:

а) взаимный (по форме) залог:

класс.: *Сурубид бугудегер-е хуралдубад кичижелемуи* (У.—1743) 'Учащиеся, собравшись в полном составе, проводят свои занятия';

бур.: *Шууялдааһаар гараба* (Санж.) 'Дети вышли шумно (продолжая шуметь)'; *Хүнэй мэри асаралдажа ерээб* (Ж. Тум.—136) 'Привел я и чужого коня';

б) совместный (по форме) залог:

класс.: *Харабсан үджегсен-ijen жарилцаја* (Далх.) 'Поговорим (расскажем друг другу) о том, кто что видел и наблюдал';
халх.: *Хатан авхай хоёр уулзаж учирж, мэнд мэндээ мэйэлэж. хоюулаа ярьж* (Х. Т.) 'Встретились царица и царица и, сменявшись приветствиями, стали беседовать вдвоем';
харилцан туслалцах 'помогать друг другу'.

Такое смешение функций совместного и взаимного залогов характерно также и для текстов «Сокровенного сказания»: *Тейн-ий доуина габур аlanggir нумлан гарбиялдун бүкүитүр* (§ 116) 'Когда после того они весной стреляли из детских луков (не в друг друга)'; *Сани көнжиле-де'ен гагча гонолдугун бүле* (§ 117) 'Ночью [они] спали под [одним] одеялом'; *Темүжин жамуца гойар... erten-ий anda болулцагсан-иyan duradulcan* (§ 116) 'Темучин и Джамуха вспоминали о том, как они прежде сделались побратимами'.

Как видно из представленных примеров, иллюстрирующих необычное или «непредусмотренное» употребление взаимного и совместного залогов в монгольских языках, можно все же заметить, что если первый из этих залогов преимущественно обозначает действие многих (без уточнения тех отношений, в которые вступают действующие лица), то второй, совместный, залог выступает как бы вместо первого, хотя встречаются и обратные случаи (см. выше пример употребления взаимного залога в романе Ж. Тумунова). Но и совместный залог иногда обозначает действие, производимое многими не на началах присоединения одних лиц к действию других, что составляет основную функцию этого залога, и не на взаимных началах. Например, совместный глагол *хэлэлцэх* в современном монгольском языке

⁴¹ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 128.

по своему реальному смыслу означает 'обсуждать', 'вести переговоры', хотя по свойству данного залога мы ожидали бы: 'также говорить', 'вмешиваться в разговор', 'принимать участие в беседе, ведомой другими лицами'. Такое смешение функций совместного и взаимного залогов в современных монгольских языках все более и более усиливается, хотя оно имело место и в текстах «Сокровенного сказания», т. е. еще в начале XIII в.

* * *

Кроме рассмотренных нами выше залогов, которые можно было бы назвать простыми, в монгольских языках имеются также комбинированные залоговые формы. Суть этих комбинированных залоговых форм заключается, как известно, в том, что к одной и той же глагольной основе можно присоединить одновременно суффиксы нескольких залогов, в результате чего получаются как бы сложные залоговые формы: страдательно-побудительно-страдательный, побудительно-страдательный, совместно-побудительный, взаимно-побудительный и т. д. При этом значение каждого из залогов в общем сохраняется почти всегда, а поэтому мы ниже ограничимся лишь некоторыми современно-монгольскими примерами образования сложных залогов или комбинированных залоговых форм и не будем приводить иллюстративный материал, ибо это значило бы возвращаться к уже изложенному выше.

1. Побудительно-страдательный залог: *байх* 'быть', 'существовать' → *байгуулах* 'организовать' → *байгуулагдх* 'быть организованным'.

2. Побудительно-страдательно-побудительный залог: *байгуулагдуулах* 'поддаваться организации', 'быть легко организованным'.

3. Страдательно-побудительный залог: *үзэх* 'видеть' → *үзэгдэх* 'быть видным' → *үзэгдүүлэх* 'показаться', 'быть видимым' (в том смысле, что это свойство предмета зависит от его произвола, — отсюда *үл үзэгдүүлэгч малгай* 'шапка-невидимка'). Иногда такой страдательно-побудительный залог как бы возвращает нас к первичной основе прямого залога: *үрэгдүүлэх* 'растратить' ← *үрэгдэх* 'растративаться' ← *үрэх* 'растратить', 'растратить имущество', отсюда: *үрэгч* и *үрэгдүүлэгч* 'растратчик' (иногда с оттенками: в первом случае речь идет, допустим, о воре-кассире, а во втором — о начальнике, попустительствующем такому кассиру). Впрочем, следует заметить, что к подобного рода страдательно-побудительным формам прибегают в тех случаях, когда первичная глагольная основа (прямой залог) имеет еще некоторые другие значения, чаще всего непрямые, коренные. Например, *үрэх* вообще значит 'растирать', 'тереть' (в результате чего вещь в своем объеме убавляется), отсюда и производное значение этого глагола: 'растратить', 'растратить'.

Следовательно, страдательно-побудительный глагол имеет более узкое значение, нежели многозначная первичная глагольная основа (прямой залог), и поэтому его употребляют преимущественно при образовании новейшей терминологии. Сказанное касается, конечно, и прочих комбинированных залоговых форм глагола.

4. Совместно-побудительный залог: *оролцуулах* 'включать', 'привлечь', 'втянуть' ← *оролцох* 'принять участие', 'участвовать', 'включаться' ← *орох* 'входить'; возможен совместно-побудительно-страдательный залог: *оролцуулагдах* 'быть включенным', 'принятым к участию'.

5. Взаимно-побудительный залог: *барилдуулах* 'заставить или позволить бороться', 'свести борцов к борьбе' ← *барилдах* 'бороться' ← *барих* 'держать'.

6. Побудительно-взаимный залог: *байгуулалцах* 'принять участие в организации чего-либо' (от *байгуулах*, см. выше в п. 1).

Вообще возможны самые разнообразные комбинации залоговых форм, используемых преимущественно в сфере лексических новообразований. Та или иная возможность образования комбинированных залоговых форм в каждом данном случае определяется как потребностью в образовании новых глагольных основ, так и лексическим содержанием первичной основы соответствующих глаголов. Поэтому предусмотреть или, точнее, как-то обобщить все случаи появления таких комбинированных глагольных основ совершенно невозможно, тем более, что многие глаголы в какой-либо вторичной залоговой основе иногда сильно отрываются от своего первоначального значения⁴². Поэтому иногда встречаются случаи образования от одной и той же глагольной основы параллельных форм одного и того же залога посредством использования разных формативов последнего, например:

байх 'быть', 'стоять', 'находиться', 'существовать';

байлгах 'остановить', 'поставить', 'оставить' (суффикс побудительного залога *-лга*);

байгуулах 'организовать'; 'заключать (договор)'; 'создавать' (суффикс того же залога *-гуул*).

В классическом монгольском языке значения приведенных двух побудительных форм от одной и той же глагольной основы *бай-* были более близкими, хотя и различными. Так, в старых словарях мы находим следующие пояснения: *бајілбаху* (совр. *байлгах*) 'велеть остановиться', 'остановить', 'задержать', 'оставить на месте', 'оставить', 'отрешить'; *бајібулху* (совр. *байгуулах*) 'поставить', 'построить', 'воздвигнуть', 'соорудить', 'вставить', 'воткнуть', 'водрузить (знамя)'; 'сделать (что-либо)', 'осуществить'; 'издать', 'учредить'⁴³. Характерно, что в словарях наше-

⁴² Ср. Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 211—214.

⁴³ О. Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1846, т. II, стр. 1045, 1048.

го времени *байгах* не всегда дается особым гнездом (а это делается в тех случаях, когда перед лексикографами имеются разные грамматические формы основного слова), тогда как *бай-гуулах* дается⁴⁴.

Отметим в заключение, что комбинированные залоговые формы встречаются преимущественно в научно-публицистическом стиле, а в устной бытовой речи к ним прибегают крайне редко.

Таблица I

Залогообразующие суффиксы

Залог Язык	Побудительный ²	Страдательный ³	Взаим- ный	Совместный
Классический монгольский	-бул, -гүл -ба, -ге -ба, -лге	-бда, -где -да, -де -та-, -те	-лду, -лдӯ	-лча, -лче
Современный монгольский ¹	-уул, -үүл -га, -го, -гө, -гэ -лга, -лго, -лгө, -лгэ	-гда, -гдо, -гдө, -гдэ -да, -до, -дө, -дэ -та, -то, -тө, -тэ	-лда, -лдо, -лдө, -лдэ	-лча, -лцо, -лцө, -лцэ
Ойратский (в калмыцком орфографи- ческом на- писании)	-ул, -үл -лһ -һ	-гд -д -т	-лд	-лиц
Могольский	-лга	-гда	?	?
Дагурский	-лба, -лбө, -лбэ -ба, -бө, -бэ	-рда, -рдө, -рдэ	?	-лчи
Баоаньский	-бэ	—	?	-чи
Монгорский	-лба, -рба (в диалекте минхэ -ба)	—	-лде, -рде	—
Дунсянский	-ба	—	-нду, -нту	—

⁴⁴ См. Шагджа, *Монгол үсүг-үг дүрүм-үн толі*, Улабан-бабатур, 1931, стр. 240.

1. Фонетический облик залоговых суффиксов в бурятском языке по существу не отличается от такового же в монгольском языке, конечно, за исключением того, что монгольскому согласному *ц* в бурятском языке соответствует *с*. Кроме того, по бурятской орфографии вместо краткого гласного *ө* принято писать последовательно *э*. Отметим здесь же, что в таблице и примечаниях к ней обозначены краткие гласные монгольского языка, которые по орфографическим правилам на письме опускаются.

2. В классическом монгольском языке, а также в современном монгольском, бурятском и ойратском (калмыцком) языках применение суффиксов побудительного залога регулируется следующими правилами: а) *-бул||-уул||-ул* — после глагольных основ с конечными краткими гласными и иногда некоторыми согласными; б) *-лба||лга||лх* — после глагольных основ с конечными дифтонгами и долгими гласными; в) *-ба||-га||-г* — после глагольных основ с конечными согласными *л* и *р*. О суффиксах *-ха ~ -ке* (после глагольных основ с конечными согласными *д* и *с*) и *-ба||-га||-а* (после основ пассивных глаголов с конечными краткими гласными) выше уже разъяснялось, что при их помощи от основ непереходных глаголов пассивной группы образуются основы же переходных глаголов, но не формы побудительного залога, как это, по нашему мнению, без достаточных оснований трактуется в монголистике. Впрочем, в литературе по отдельным алтайским языкам иногда утверждается, что образование побудительного залога часто является производством переходных глаголов от основ непереходных глаголов⁴⁵ (к сожалению, при этом принимается во внимание только семасиологическая сторона изучаемых явлений, тогда как грамматическая природа последних остается в стороне; еще хуже обстоит дело, когда при этом некоторые исследователи руководствуются тем, как побудительные глаголы того или иного алтайского языка переводятся на другие языки).

В монгольском, дагурском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках для образования побудительного залога соответственно употребляются не различные суффиксы, а лишь один, как это показано в таблице. Наличие же в дагурском языке суффикса *-бз*, наряду с *-лба*, обусловлено необходимостью избежать гаплогонии (при глагольных основах с конечными согласными *л* и *р*).

3. В классическом и современном монгольских, бурятском и ойратском языках употребление суффиксов страдательного залога также регулируется следующими правилами: а) *-бда* — после глагольных основ с конечными гласными, например: класс. *немегде-* и монг. *нэмэгдэ-* 'быть прибавленным' соответственно от *неме-* и *нэмэ-* 'прибавить', класс. *хабагда-* и монг. *хаагда-* 'быть закрытым' соответственно от *хаба-* и *хаа-* 'закрыть'; б) *-да* — после глагольных основ с конечным согласным *-л-*, например: класс. *олда-* и монг. *олдо-* 'быть найденным' от класс. и монг. *ол-* 'найти'; в) *-та* — после глагольных основ с конечными согласными, кроме *-л-*, например, класс. *барта-* 'быть побежденным в спортивной скачке' от *бар-* 'выйти вперед в спортивной скачке', класс. *абта-* и монг. *авта-* 'быть взятым' соответственно от *аб-* и *ав-* 'взять'.

Из приведенной таблицы видно, что в классическом монгольском языке гласные *у* и *ү* являются вариантами одной и той же фонемы, как и *а* и *е*, если соответствующие явления рассматривать в чисто морфологическом плане и поскольку это относится к вокализму всех словообразующих и словоизменяемых морфем.

⁴⁵ См., например, К. М. Любимов, *О двух функциях залоговых аффиксов в турецком языке*, — «Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык», М., ИВЛ, 1958, стр. 169—179.

В монгольском и бурятском языках вариантами одних и тех же фонем в том же морфологическом плане надо признать: а) *a*, *э*, *o* и *ө* и соответственно долгие *aa*, *ээ*, *oo* и *өө*, б) *у* и *ү* и долгие *уу* и *үү*⁴⁶.

В заключение укажем, что этимология залогообразующих суффиксов в монгольских языках пока еще не выяснена, а некоторые отдельные попытки сопоставления их с соответствующими формантами прочих алтайских языков надлежащим успехом не увенчались и до настоящего времени.

ВИД

Как известно, во многих языках категория времени глагола находится в тесной связи с категорией вида, которая показывает, каким образом протекает действие с точки зрения характеристики его темпов, интенсивности, ритмичности, степени завершенности или законченности, результативности и т. д. Формальные средства, посредством которых в самом глаголе выражается категория вида, могут быть синтетическими и аналитическими, каковы и имеются в распоряжении монгольского глагола. Как же обстоит дело в монгольских языках?

Что касается синтетических средств выражения глагольного вида и видовых оттенков в монгольских языках, то они сводятся всего лишь к нескольким особым суффиксам, уже зарегистрированным в монголоведной лингвистической литературе, хотя сама по себе категория вида в монгольских языках до сих пор еще остается неизученной.

1. Суффикс *-л* служит для образования такого глагола, который обозначает действие, часто повторяющееся или протекающее иногда в очень быстром темпе, например: халх. *цохил-* 'бить', 'биться' от *цохь-* 'бить'; *зүрх нь цохилж байв* (Ц.—1—26) 'сердце его билось'; *цахил-* 'сверкать (о молнии, искре)' от *цахь-* 'высекать огонь'; *мушил-* 'накручивать' от *муши-* 'крутить'. Подобные глаголы в монгольских языках весьма немногочисленны и образуются лишь от некоторых глагольных основ.

Этот суффикс *-л* не следует смешивать с глаголообразующим *-ла*, например халх. *мал* 'скот' — *малла-* 'заниматься скотоводством'.

2. Суффикс халх. *-валз*, бур., халх, ойр. *-лз* образует глаголы, которые обозначают действие, протекающее плавно и ритмически, а иногда и быстро, например: халх. *анивалз-*, бур. *анилза-* 'мигать' от *ани-* 'закрывать глаза'; бур. *нийгалза-* 'покачиваться из стороны в сторону' от *нийга-* 'наклоняться в сторону'; халх. *өнгэлз-* 'поднимать и опускать голову (о змее)', 'по-

⁴⁶ См. Г. Д. Сапжеев, *Современный монгольский язык*, М., 1960, стр. 44, где говорится также о морфологических вариантах одних и тех же фонем (*б* и *в*, *д* и *т*, *дж* и *ч*, *л* и *р*, ср. выше с оформлением страдательного залога).

кушаться' (например, об империалистах) от *энгий-* 'поднять голову'; бур. *онголзо-* 'гримасничать', 'кривляться', «дурака валять» от *онгой-* 'торчать', 'стоять в «глупой» позе'; *ангалза-* 'гримасничать', 'открывать рот' от *ангай-* 'разинуть рот'. Подобные глагольные образования в монгольских языках также весьма немногочисленны и образуются лишь от некоторых глаголов. Поэтому здесь трудно говорить о том, что в монгольских языках имеется какой-то вид на *-валз~лз* так же, как и на *-л* (см. выше). Следовательно, в данном случае речь идет об образовании некоторых глаголов с видовыми оттенками.

3. Суффикс учащательного вида халх. *-цгаа*, бур. *-сагаа*, калм. *-цха*, класс. *-чаба* образует глаголы, обозначающие действие, которое совершается многими или (в речи об одном предмете) как бы многократно и повторно, например: халх. *явцгаа-* 'похаживать (об одном предмете)', 'идти (о многих)' от *яв-* 'идти'; калм. *орцха-* 'заходить (о многих)' от *ор-* 'входить'; бур. *гара-сагаа-* 'выходить' (о многих)' от *гара-* 'выходить'; класс. *сурчаба-* 'учиться; (о многих)' от *сур-* 'учиться'. Подобные глаголы могут быть образованы почти от любой глагольной основы и употребляются довольно широко во всех языках. Характерно, что эта глагольная форма ныне начинает применяться лишь в речи о многих, т. е. превращается по существу в форму множественного числа.

4. Суффикс интенсивного вида халх. *-ч*, бур. *-ша* (от основ переходных глаголов), халх. *-чх*, бур. *-шха* (от основ переходных глаголов), калм. *-чк* (от основы любого глагола) образует глаголы, обозначающие действия, которые протекают в быстром темпе и мыслятся всегда доведенными до конца, например: халх. *явч-* 'взять да уйти' от *яв-* 'идти'; бур. *гараша-* 'взять да и выйти' от *гара-* 'выходить'; *алашха-* 'взять да и убить' от *ала-* 'убить'; калм. *суучк-* 'взять да и сесть' от *суу-* 'сесть'. Такие глаголы в монгольских языках могут быть образованы почти от любой глагольной основы и очень употребительны в устной речи и художественной литературе; обычно не встречаются в формах настоящего времени (ср. совершенный вид в русском глаголе).

Так как упомянутые суффиксы выражения глагольного вида и видовых оттенков и употребление соответствующих глаголов применительно ко всем монгольским языкам пока еще достаточно не изучены, мы не находим в данное время возможным представить здесь более подробное исследование тех видов и видовых оттенков, которые выражаются описанными синтетическими способами. Что же касается аналитических форм выражения глагольных видов и видовых оттенков в монгольских языках, то они имеют очень широкое применение.

Аналитические формы глагольного вида в монгольских языках образуются посредством сочетания почти любого глагола с так называемыми служебными глаголами. При чем некоторые из этих сочетаний в ряде случаев перерастают в синтетические формы

образования глагольных видов, особенно в ойратском языке и многих диалектах бурятского языка.

Как известно, в монгольских языках существует особая группа глаголов, которые помимо своего обычного употребления выполняют специфические служебные функции. Это такого рода служебные глаголы, в сочетании с которыми обычные глаголы (назовем их ординарными) приобретают дополнительное значение, как видовое, так и лексическое. Таким образом, видовые и лексические значения монгольского глагола оказываются тесно переплетенными друг с другом. Поэтому краткий разбор наиболее распространенных в монгольских языках сочетаний служебных глаголов с ординарными, в результате которых образуются так называемые составные глаголы, представляется крайне необходимым и целесообразным.

Составные глаголы образуются следующим образом: ординарный глагол, выражающий действие или состояние, дается в форме одного из деепричастий первой группы (чаще — соединительного и, реже, — слитного) и сопровождается одним из служебных глаголов в одной из спрягаемых или склоняемых, причастных, форм. Следовательно, составной глагол членим на знаменательную и служебную части, или компоненты. Проиллюстрируем сказанное следующей краткой таблицей и некоторыми примерами из классического монгольского языка (примеры из других монгольских языков будут оговорены), данные которого в этом отношении почти полностью совпадают с показаниями всех прочих монгольских языков.

Таблица 2

Ординарный глагол	Служебный глагол	Значение
<i>худалдун</i> 'торгуя'	<i>аб-</i> 'брать'	'покупать'
<i>нисчү</i> 'летаая'	<i>јабу-</i> 'идти'	'улететь'
<i>идеджу</i> 'кушая'	<i>ог-</i> 'дать'	'съесть (по чьей-то просьбе)'
<i>очиджу</i> 'отправляясь'	<i>ире-</i> 'прибыть'	'сходить'
<i>унгшиджу</i> 'читая'	<i>баји-</i> 'быть'	'читать'

1. Служебный глагол *аб-* 'взять', 'брать' показывает, что действие ординарного глагола, с которым сочетается этот служебный

глагол (ниже этой оговорки мы ради краткости делать не будем), совершается кем-либо в свою пользу, в своих собственных интересах. Причем необходимо учесть, что составной глагол с этим служебным глаголом вовсе не предполагает наличия предмета, переходящего из одних рук в другие, в собственность лица-подлежащего: *чигед абула* 'написал (для себя)'; *хаджабарладжу абула* 'взнуздal (для себя)'. Сказанное особенно бросается в глаза в тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным: *унтабад абула* 'выспался'. Этот пример буквально означает 'спавши взял', хотя никто ничего не берет, как и во всех тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным (если, разумеется, нет прямого дополнения, при наличии которого такое сочетание уже не образует составного глагола, например: *унтабад тамки-бен абула* 'выспался и затем взял свой табак').

2. Служебный глагол *ог-* 'дать' показывает, что действие ординарного глагола совершается кем-либо в пользу другого лица или же для себя, но по просьбе другого лица. Как и при предыдущем глаголе *аб-*, этот глагол не всегда предполагает переход какого-нибудь предмета из одних рук в другие, особенно в тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным:

<i>емегелледжү өггүбе</i>	'ссадлал кому-то'
<i>идеджү өггүбө</i>	'съел по просьбе другого' (например, будучи в г. сгях);
<i>барубад өггүбе</i>	'вышел по просьбе другого'.

Второй и третий примеры особенно наглядно выявляют роль служебного глагола *ог-*. В первом примере можно предположить, что кто-то оседлал коня и передал его другому лицу, хотя такое толкование вовсе необязательно. Но во втором примере такое предположение исключено, ибо после еды не может остаться ничего такого, что можно было бы передать другому лицу (*хобол-а-ји-ану чом-и идеджү өггүбе* 'всю его пищу съел' — подразумевается: по просьбе хозяев или из желания похвалить кухню). Что же касается третьего примера, то в нем также не указывается, что кто-то вышел и что то передал другому лицу, — в последнем случае данное глагольное сочетание перестало бы быть составным глаголом: *барубад тамки-бен өггүбе* 'вышел и кому-то дал свой табак'.

3. Служебный глагол *ире-* 'приходить' означает, что действие ординарного глагола совершается кем-либо в состоянии приближения к чему-либо или находится в стадии завершения. Здесь очевидно, что лексическое значение служебного глагола в составном глаголе сохраняется полнее, нежели значения других служебных глаголов. По сути дела употребление данного глагола в качестве служебного как бы продиктовано отсутствием в монгольских языках прилагательной морфемы со значением русского *при-* (*прилететь, приехать, прибежать, прискакать* и т. д.), например:

очибад ире- 'сходить' (букв. 'пошедши прийти');
гүжүджү ире- 'прибежать'.
даруджү ире- 'подходить к победе'.

Перечисленные нами служебные глаголы, к которым можно было бы добавить и некоторые другие, не образуют какие-либо виды в собственном смысле этого слова. Однако в сочетании с ординарными глаголами они образуют такие составные глаголы, значения которых в какой-то степени приближаются к видовым. Но в монгольских языках имеются также служебные глаголы, сочетание которых с ординарными глаголами несомненно образует определенные виды, — таковы, например, следующие глаголы: *орки-* 'бросить' и *баји-* 'быть', а также отчасти *сабу-* 'сидеть', *кебте-* 'лежать', *ябу-* 'идти'.

4. Служебный глагол *орки-* 'бросить' показывает, что действие ординарного глагола в отношении своего прямого объекта завершается полностью или предпринимается действующим лицом без каких бы то ни было колебаний, решительно. Оттенок в значении составного глагола с этим служебным глаголом по-русски приблизительно можно передать посредством выражений «разделаться», «покончить», «решительно», «взять да и...». Из сказанного вытекает, что подобные составные глаголы образуются преимущественно от переходных глаголов. В восточных диалектах бурятского языка глагол *орхи-* в своей служебной роли до такой степени потерял свое основное значение 'бросить', что сросся с ординарным глаголом в одно фонетическое целое (это выражается, между прочим, в его подчинении законам сингармонизма гласных), — такого рода явления в других языках и западных бурятских диалектах еще не зарегистрированы. Можно, поэтому, считать, что посредством этого служебного глагола в монгольских языках образуется аналитическая форма окончательного вида (не смешивать с совершенным), которая в восточных бурятских диалектах и литературном бурятском языке как бы превратилась в синтетическую форму, например: к л а с с. *идеджү орки-*, б у р. *эдижэрэхи-* 'съесть всё'; 'разделаться, покончить с едой';

к л а с с. *табиджү орки-*, б у р. *табижархи-* 'выпустить', 'поставить'; *Тэрэ басаган хард гүйжэ гараад, мүнөө нохойё табижархина* (Им. — 95) 'Та девушка, сорвавшись с места, выбежала и выпустила собаку' (подразумевается: без долгих размышлений и колебаний);

к л а с с. *Баба бөке-ји бурбан минган бере-јин ваджар-а хаджү оркиба* (Г. — 37) 'Младшего силача [Гесер] швырнул (букв. 'бросая бросил') на расстояние трех тысяч миль'.

5. Служебный глагол *баји-* 'быть' употребляется в тех случаях, когда действие ординарного глагола совершается в состоянии относительного покоя, при пребывании действующего лица на одном и том же месте. Сказанное не означает того, что этот служебный глагол не употребляется с глаголами движения: в этом

случае действие происходит в границах какой-либо площади, не выходя за ее пределы. Но сказанное же имеет в виду лишь частные отличия этого служебного глагола от других, перечисленных ниже. Дело в том, что сочетание ординарного глагола как с этим *баји-*, так и с перечисляемыми ниже, образует по сути дела аналитическую форму несовершенного вида прошедшего и будущего времени; в форме настоящего времени это сочетание передает конкретное действие в отличие от действия настоящего расширенного времени, как сказал бы А. М. Пешковский. В ряде монгольских языков и диалектов (ойратском языке, дархатском диалекте монгольского языка, западных бурятских диалектах и т. д.) служебный глагол *баји-*, срсшись с ординарным глаголом в одно фонетическое целое, по существу дал начало образованию синтетической формы несовершенного вида (бур. *оробо* 'вошел': *орожайба*, *орожо байба* 'входил'; калм. *орджав*).

Служебный глагол *јабу-* 'идти' образует такую форму несовершенного вида, действие которой совершается действующим лицом в состоянии движения.

Служебный глагол *сабу-* 'сидеть' образует такую форму несовершенного вида, действие которой совершается действующим лицом в сидячем положении.

Все эти служебные глаголы вне своей изложенной выше специальной функции являются вполне ординарными, которые сами могут входить в составные глаголы в качестве основных их компонентов, например:

класс. *сабуджу бајиба*, халх. *сууж байв*, бур. *нуужайба* 'сидел', но: *сауба*, халх. *суув*, бур. *нууба* 'сел'; *јабуджу бајиба*, халх. *явж байв*, бур. *ябайбайба* 'уходил', 'ходил', но: класс. *јауба*, халх. *явав*, бур. *ябаба* 'ушел'; класс. *абчу бајилуба*, халх. *авч байлаа* 'брал', но: класс. *абулуба*, халх. *авлаа* 'взял'.

Такие служебные глаголы, как *јабу-* 'идти' и *баји-* 'быть', образуют составные глаголы в сочетании со своими собственными основами, т. е. один и тот же из этих глаголов сочетается как бы с самим собою, например: класс. *јабуджу јауба*, халх. *явж явав*, бур. *ябайба ябаба* 'шел' (букв. 'ходя ходил'), но: класс. *јауба* 'ушел'.

К группе служебных глаголов, в сочетании с которыми любой глагол образует составной с лексическими или видовыми значениями и оттенками, отнóсится довольно большое количество других глаголов. Мы перечислим только наиболее употребительные и наиболее яркие по своей значимости служебные глаголы, которые известны почти во всех монгольских языках. Так, например, в наш перечень не включен такой глагол, как класс. *кебте-*, халх. *хэвт-*, бур. *хэвтэ-* 'лежать', который в сочетании с ординарным глаголом выражает действие, совершаемое при наличии каких-либо объективных или субъективных затруднений, кое-как, медленно, причем собственно лежание и не подразумевается, на-

пример: класс. *бичиджу кебтемуи*, бур. *Сэшэжэ хэстэнэ* 'пишет' (кое-как, с большим трудом, медленно, впадая в расстройство; букв. 'пища лежит').

В связи с употреблением глаголов *сабу-* 'сидеть', *баји-* 'быть' и *кебте-* 'лежать' в качестве служебных, необходимо указать, что когда выражаемые ими действия оказываются обстоятельными, т. е. когда надо указать, что такое-то действие совершается кем-либо в сидячем, стоячем или лежащем положении, то тогда эти глаголы употребляются препозиционно по отношению к определяемому глаголу и ставятся в форме разделительного деепричастия: *сабубад унгшиба* 'читал сидя' (собственно: 'севши читал'); *кебтегед унгшиба* 'читал лежа' (собственно: 'улегшись читал'); *бајибад унгшиба* 'читал стоя' (собственно: 'ставши читал'). Описанные нами вкратце синтетические и аналитические способы выражения категории вида и видовых оттенков в монгольских языках до сих пор еще не получили своего более или менее полного освещения в лингвистической литературе. Поэтому и проблема этой категории в настоящее время не может считаться сколько-нибудь близкой к своему положительному разрешению. Но и того, что изложено нами, достаточно, чтобы в некоторых монгольских языках установить наличие по крайней мере интенсивного, учащательного, окончательного, несовершенного и совершенного видов. Совершенный вид выражается в лексическом содержании первичной глагольной основы, поскольку это касается предикативного употребления глаголов (в атрибутивном употреблении глаголов совершенно-видовое значение не столь и не всегда заметно). Проблема вида монгольского глагола не поддается быстрому и легкому решению и потому, что в составных глаголах видовые значения довольно часто переплетаются с лексическими. В силу этого специальное исследование неполно и сжато описанных выше явлений в монгольских языках надо считать настоятельно необходимым⁴⁷.

ВРЕМЯ

После того как М. В. Ломоносовым, Ф. И. Буслаевым, К. С. Аксаковым, А. А. Потебней, А. А. Шахматовым, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой и другими русскими языковедами так основательно, казалось бы, с разных точек зрения была разработана категория времени в русском языке, В. В. Виноградов отмечает, что «система форм времени и их функций в современном русском языке

⁴⁷ Эти явления на материале бурятского языка наиболее полно, хотя далеко не достаточно, описаны К. М. Черемисовым (см. его «Заметки по бурят-монгольскому языку» в «Записках Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. 1, Улан-Удэ, 1939, стр. 24—69). См. еще Г. Д. Санжеев, *К вопросу о глагольных основах в монгольских языках*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XXIV, М., 1958, стр. 3—8.

остается еще до конца невыясненной»⁴⁸. Что же тогда сказать относительно временных форм глагола в монгольских языках, до сих пор еще не бывших предметом рассмотрения в монголоведной литературе?

Как бы там ни было, монголистика с первых шагов своего существования чисто эмпирическим путем установила наличие в монгольских языках трех традиционных времен — настоящего, прошедшего и будущего. При самом беглом обзоре употребления связок, вспомогательных глаголов, изъявительных и причастных форм монгольского глагола легко установить, что в монгольских языках эти времена так или иначе различаются, соответственно находя свое выражение в определенных формах. Не считая нужным излагать здесь то, что должно быть описано в специальных разделах нашей работы, отметим ниже лишь некоторые стороны в употреблении различных форм глагола в монгольских языках.

1. Действия, выраженные повелительно-желательными формами глагола, всегда ориентированы на будущее, ближайшее или более отдаленное.

2. Временная локализация действий изъявительных форм глагола является точной и определенной, не зависящей от того или иного синтаксического окружения, от контекста, в отличие от того, что мы находим, например, в системе русского глагола. Сказанному не противоречит то обстоятельство, что некоторые из изъявительных форм глагола в том или ином монгольском языке выражают действия как бы и настоящего и будущего времени или и настоящего и прошедшего времени, что определяется контекстом. В сущности было бы неправильно говорить о том, что, например, в современном монгольском языке изъявительная форма на *-на* является формой настоящего и будущего времен, а такая же форма на *-в* — формой настоящего и прошедшего времен, ибо в действительности эти формы соответственно оказываются формами настояще-будущего и настояще-прошедшего времен, т. е. каждая из них передает действие одного грамматического времени, а не двух: и настоящего и прошедшего, и настоящего и будущего. Иными словами, при определении временной окраски соответствующих форм одного языка не следует руководствоваться тем, как эти формы в зависимости от контекста переводятся на другой язык, — грамматика какого-либо языка должна строго отличаться от изложения техники и теории перевода с одного языка на другой.

Повелительно-желательные и изъявительные формы монгольского глагола, как и дееспричастия, в семасиологическом отношении соответственно отличаются друг от друга существенными модальными оттенками, тогда как причастия того же монгольского глагола в своем значении содержат некоторые видовые оттенки, но не модальные.

⁴⁸ В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 428.

3. Времена, в которых локализируются действия, выражаемые деепричастиями, почти всегда безразличны по отношению к моменту речи, но соответственно зависимы от времен действий, передаваемых последующими глаголами. В самой общей форме можно сказать, что по отношению к действиям последующих глаголов действия, выражаемые 1) соединительным и слитным деепричастиями, протекают одновременно, 2) разделительным, условным, предварительным, последовательным, уступительным и продолжительным деепричастиями, происходят раньше, или в прошлом, и 3) предельным и целевым деепричастиями, наступают позже, или в будущем. Конечно, в зависимости от определенного лексического окружения или контекста речи от изложенного возможны известные отклонения.

4. Временная локализация действий, выражаемых причастиями, должна рассматриваться отдельно, в зависимости от того, употребляются ли эти глагольные формы в функции сказуемого без каких бы то ни было связок с временными значениями или же в какой-либо иной непредикативной синтаксической функции, а также и в предикативной, но в сопровождении связок с временными значениями. Прибегая к фонологической терминологии, можно сказать, что монгольские причастия в первом случае изучаются, находясь в сильной позиции, а во втором — исследуются в своей слабой позиции.

Основное различие между предикативно употребляемыми причастиями, с одной стороны, и изъявительными формами, с другой, заключается в том, что временная локализация причастий по отношению к моменту речи определяется не непосредственно, а косвенно, через связку. А между тем действие изъявительных форм во времени непосредственно ориентировано по отношению к моменту речи или к моменту того, что в высказывании, например в исторических повествованиях, является главным предметом изложения.

Но это различие не может быть установлено в тех случаях, когда причастия употребляются предикативно без сопровождения связок настоящего времени, которые либо опускаются окказионально, либо становятся вообще неупотребительными (при прошедшем причастии в современном монгольском языке, при будущем и настоящем, или несовершенном, причастиях в бурятском языке, при многократном причастии во всех монгольских языках). Последнее обстоятельство приводит иногда к тому, что, например, в бурятском языке настоящее, или несовершенное, причастие при утрате своих непредикативных функций постепенно превращается в форму собственно изъявительного наклонения со значением прошедшего времени. Именно в этом смысле причастия в монгольских языках, как и деепричастия, определяются как неокончательные глагольные формы, т. е. не являются вербум финитум, что особенно относится к деепричастиям, которые в отличие от таковых же в некоторых тюркских языках (ср. кирг. *жазам* 'я пишу') никогда

не употребляются предикативно, не будучи сопровождаемы глагольными связками.

При всем изложенном существенное различие между предикативно употребляемыми причастиями и изъявительными формами остается в том смысле, что последние показывают, кто что сделал или делает, а причастия — кто каков есть в силу совершенного или совершаемого им действия, о чем в речи сообщается как о чем-то неизвестном (в отличие от атрибутивного употребления тех же причастий). Кроме того, а это главное, предикативное употребление причастий со связками образует сложную гамму составных форм так называемых «сложных времен»⁴⁹.

Зависимость временной локализации монгольских причастий в их непредикативном употреблении от времени действия следующего за ними глагола, а не непосредственно от момента речи, является совершенно очевидной. Сказанное можно показать на следующих бурятских примерах:

Хариһаа ерэнэн юмые хаб гэжэ хабшаарай! (Ант. — 12)
'Того, кто из чужбины придет, [между скалами] крепко прихлопни!' В этом примере прошедшее причастие *ерэнэн* 'пришедшего' (в нашем переводе 'кто придет') обозначает такое действие, которое оказывается прошедшим по отношению не к моменту речи, а к моменту действия будущего времени, выраженного в глаголе *хабшаарай* 'прихлопни'.

Баабай, амиды ябаһан сагтаа дайсанда бу илагдаарай! (Балд.)
'Отец, пока ты жив, врагу не поддавайся!'

В этом примере прошедшее причастие *ябаһан*, букв. 'ходивший', употреблено как определение к имени *сагтаа* 'в свое время', в сочетании с которым оно передает понятие 'пока ты жив'. Говорящий в данном случае имеет в виду действие или ситуацию, по времени следующую за действием, выраженным в глаголе *бу илагдаарай* 'не поддавайся', т. е. действие, которое оказывается прошедшим не по отношению к моменту речи, а по отношению к действию последнего глагола, ориентированному на будущее. Таким образом, в обоих наших примерах мы имеем сложное время, прошедшее в будущем, но будущее по отношению к моменту речи. Следовательно, момент речи является и для причастия как бы исходной точкой для локализации его временной характеристики, но косвенно, через временное значение следующего за ним другого глагола.

Так называемое будущее причастие, именуемое иногда неопределенным причастием или даже неопределенным наклонением, обозначает действие будущего времени лишь в своем предикативном употреблении. В остальных же синтаксических положениях это причастие во времени конкретизируется общим содержанием контекста соответствующего предложения, о чем более подробно гово-

⁴⁹ Ср. о составной форме «прошедшего сложного» в русском языке: В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 439.

рится в разделе о причастиях нашего исследования так же, как и о временных значениях прочих причастий в монгольских языках. В данном случае важно подчеркнуть, что в зависимости от соответствующего синтаксического окружения, т. е. от временного значения последующего глагола (в предложении и словосочетании), определяется временная окраска причастий в том смысле, что они образуют как бы сложные временные формы глагола, сложные времена вообще. Под сложными временами здесь условно понимаются такие грамматические времена, которые, будучи выражены не-предикативными причастиями, соотносятся не с моментом речи, а с моментом действия, выраженного в последующем глаголе вообще, как это мы видели в приведенных выше примерах.

При помощи связок и вспомогательных глаголов причастия и деепричастия первой группы в монгольских языках образуют сложные временные формы глагола примерно так же, как и соответствующие причастия в некоторых индоевропейских языках, например в немецком или во французском. Является общеизвестной временная зависимость деепричастий первой группы от временных форм последующего глагола, а также и относительная временная автономия этих деепричастий при наличии времяуказующих слов, как это можно проиллюстрировать в следующем бурятском примере: *Манай аха уржадар ерээд, маргааша ябахань* 'Наш брат, приехав позавчера, собирается уехать завтра'.

Таким образом, монголистика устанавливает наличие категории времени в системе глагола современных монгольских языков. Но на вопрос о том, не из видовых ли или иных каких-либо категорий, например модальной, возникли грамматические времена, как это твердо устанавливается или предполагается в отношении аналогичных явлений в ряде других языков, ответ должен быть дан отдельно для изъявительных, причастных и деепричастных форм глагола.

Во-первых, надо учитывать особенности предикативного (без связок) и непредикативного употреблений причастий, результативность и определенную степень законченности действий без уточнения времен, выражаемых этими причастиями.

Во-вторых, следует особенно тщательно выявлять особенности и различия в применении трех изъявительных форм «прошедшего» времени, в значениях которых содержится как бы косвенное указание на то, что эти формы некогда различались по линии модальности, а также, возможно, и по лицам. Наличие трех таких форм «прошедшего» времени при отсутствии четких смысловых различий между ними в большинстве монгольских языков является очень примечательным, так как значения этих форм не дают возможности говорить о трех грамматических временах, против поставленных настоящему и будущему.

В третьих, обращает на себя внимание иногда весьма различное применение глагольных форм в монгольских языках, например будущего причастия со значением прошедшего многократного в

текстах «Сокровенного сказания», причастия настоящего времени вместо прошедшего в бурятском языке, перфектного претерита со значением имперфектного презенса в дагурском языке и т. д.

Все же ответить на поставленные выше вопросы полностью или в окончательной форме мы не считаем для себя возможным в настоящее время, когда изучение монгольских языков настоящего и прошлого пока что проводится в самых общих чертах, не говоря уже об отсутствии специальных исследований как в области исторического синтаксиса отдельных монгольских языков, так и системы глагола последних⁵⁰.

Мы считаем особенно необходимым подчеркнуть, что решение затронутых нами вопросов по проблеме категории времени монгольского глагола может быть найдено не только в изучении употребления всех форм глагола в монгольских языках, но также и в более глубоком исследовании употребления живых форм омертвелых вспомогательных глаголов, которые не имеют полного спряжения: *a-* 'быть' и *бѳ-* 'быть'. Здесь достаточно лишь отметить, что, например, халх. *бэз* (= бур. *бэзэ* и т. д. почти во всех монгольских языках) употребляется с модальными значениями 'должно быть', 'видимо', 'вероятно', 'пожалуй', 'наверное' и исторически является формой сомнения вспомогательного глагола *сѳ-* 'быть'. Равным образом халхаское же *силээ* (= бур. *бэлэй*) употребляется также с модальными значениями 'ведь' или 'как бы' (сделать то-то) и исторически представляет собою форму перфектного презенса того же вспомогательного глагола *сѳ-*. Как нам думается, именно такого рода рудиментарные формы некогда полноценных, но ныне омертвелых вспомогательных глаголов способны помочь вскрыть состояние в системе древнемонгольского глагола вообще⁵¹. Дело в том, что в такого рода рудиментарных формах наиболее отчетливо сохраняются былые значения глагольных форм вообще, тогда как эти же значения в системе знаменательных глаголов подвергаются существенным изменениям.

Вспомогательные глаголы *a-* 'быть' и *бѳ-* 'быть' и их рудиментарные формы, наличествующие в монгольских языках настоящего и прошлого, еще достаточно не изучены и не выявлены полностью даже в таких хорошо изученных диалектах, как халхаский, ордосский и бурятские. Поэтому мы ниже ограничимся приведением этих глаголов с их формами в следующих двух таблицах по данным старописьменного монгольского, современного монгольского,

⁵⁰ В настоящее время специальными исследованиями системы монгольского глагола занимается З. В. Шевернина, из ряда работ которой пока что опубликована лишь одна: «Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке», — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова», М., 1958, стр. 82—100. См. также З. В. Шевернина, *Времена в современном монгольском литературном языке*, канд. дисс. (также и автореф.), М., 1960.

⁵¹ О вспомогательных глаголах в монгольском языке см. Т. Пагба, *Вспомогательные, или служебные, глаголы в современном монгольском литературном языке*, Улаанбаатар, 1961.

бурятского и (по материалам Б. Х. Тодаевой) дагурского языков, изученных монголистами в наибольшей степени.

1. Основа а- 'быть'

Таблица 3

Язык \ Форма	Старо-письменный монгольский	Дагурский	Современный монгольский	Бурятский
Повелительно-желательная форма 3-го лица	<i>атубай</i>	<i>атгай</i> ¹	—	—
Желательная форма	<i>асубай</i>	—	—	—
Изъявительная форма настоящего времени	<i>амуй</i>	—	—	—
Перфектный претерит	<i>абай</i>	<i>абай</i> ²	—	—
Имперфектный претерит	<i>аджубу</i>	—	<i>ажээ</i> ³	<i>ажа</i> ⁴
Множественное причастие	—	—	<i>даг</i>	—
Однократное причастие	<i>абчи</i>	—	—	<i>-гша</i> ⁵
Будущее причастие	<i>ахуй</i>	<i>агу</i>	<i>ахуй</i> ⁶	<i>аха</i> ⁷
Прошедшее причастие	<i>абсан</i>	<i>асан</i>	<i>сан</i> ⁸	<i>хан</i> ⁸
Соединительное деепричастие	<i>аджу</i>	—	<i>аж</i> ⁹	<i>ажа</i> ⁹
Разделительное деепричастие	<i>абад</i>	—	—	<i>аад</i> ¹⁰
Условное деепричастие	<i>абасу</i>	<i>аса</i>	<i>абасу</i> ¹¹	<i>һаа</i> ¹²
Уступительное деепричастие	<i>абачу</i>	—	—	—
Предельное деепричастие	<i>атала</i>	<i>атһа</i>	—	—
Условное деепричастие II	<i>ахула</i>	—	—	—

Примечания.

1. Эта форма в сочетании с частицей *ч* употребляется в функции послелога со значением 'хотя', поскольку она в дагурском языке в данном сочетании вообще имеет значение уступительного деепричастия.

2. Употребляется в значении настояще-будущего времени.

3. Чаще всего в форме *-жээ* употребляется в сложной связке прошедшего времени *юсанжээ* ← *ябума* ('нечто', 'вещь', 'предмет') *абсан аджубу*.

4. Часто употребляется в сложной связке прошедшего времени *хан-жа* ← **афсан аджубу*.

5. Фактически является частицей предикативных имен, например *сэсэнг-ша* 'умный'.

6. Употребляется в литературном языке лексикализованно в сочетаниях типа *аж ахуй* 'хозяйство'.

7. Лексикализованно в значении 'сущий', 'наличный', 'весь' и применяется в сочетаниях типа *аха алта* 'все имущество' (*алта* — отглагольное имя от *а-* 'быть' в забытом ныне значении 'сущее', хотя оно по ложной этимологии часто смешивается с *алтан* 'золото'). Эта форма в усеченной форме *ха* является частицей подтверждения со значением 'кажется', а в форме дательного-местного падежа — *хада* и *хадаа* оказывается послелогом со значением 'если' и показателем подлежащего как бы вместо халхаского *болбол* ~ *бол*.

8. Употребляются как связки прошедшего времени.

9. В современном монгольском языке встречается почти только в немногих сочетаниях типа *аж ахуй* 'хозяйство' или *аж үйлдвэр* 'промышленность'. В бурятском языке употребляется в сочетании с немногими словами: *ажа түрэхэ* 'счастливо родиться', *ажа амгалан* 'благополучие', *ажа байдал* и *ажа амидарал* '(мирная) жизнь', *ажа мэндэ* 'благополучный' и т. п. Впрочем, аналогичные сочетания встречаются и в современном монгольском языке.

10. Является противительным и соединительным союзом 'а, но' или послелогом 'так как'; часто применяется в сочетании с частицей логического ударения *лэ* в тех же значениях.

11. Употребляется преимущественно в книжной речи.

12. Является послелогом 'если' (см. в разделе об условном деепричастии).

В эту таблицу не включена бурятская форма вопроса *ааб* ← **аба* (причастие настоящего времени от *а-*) плюс *буи* (см. в следующей таблице). Путем присоединения к этой форме частицы *за* ← **джа* образуется сложная форма, которая в восточно-бурятских диалектах употребляется в значении предикативно-модального слова 'наверное', 'пожалуй', 'по-видимому'. Равным образом не учтена здесь же дагурская сложная форма *аджэбэй* ← **аджу абаи*: сочетание форм соединительного деепричастия с перфектным претеритом от основы одного и того же глагола *а-*.

Как видно из данной таблицы, в формах прошедшего, многократного и однократного причастий (см. также о бурятских *ха* и *хаа*) сама основа этого глагола *а-* подверглась редукции вплоть до полного исчезновения: остались лишь суффиксы названных причастий, так сказать, при нулевой основе.

2. Основа *бб-* 'быть'

В старописьменном монгольском языке наряду с причастной формой имелась также изъявительная форма настоящего времени *бују*, которая в современном монгольском и бурятском языках отражается в виде *буюу* и употребляется в качестве союза 'или', 'то есть', 'либо'. Равным образом в том же старописьменном монгольском языке имелась форма *болаи* 'был', которая представляет ссбою, по-видимому, контаминацию *болуба*

Язык Форма	Старопись- менный монгольский	Дагурский	Современ- ный монгольский	Бурятский
Причастие настоящего времени ¹	<i>буі</i>	<i>бэі</i>	<i>бий</i>	<i>бии</i>
Модальное слово 'должно быть', 'видимо', 'вероятно', 'пожалуй', 'наверное', 'кажется' ²	<i>буі-джа</i>	<i>бэіджэ</i>	<i>бээ</i>	<i>бэээ</i>
Перфектный презент	<i>бөлүге</i>	—	<i>билээ</i>	<i>бэлэй</i>
Будущее причастие	<i>бөжүй</i>	—	<i>бүхий</i> ³	<i>бүхы</i>
Разделительное деепричастие	<i>бөгөд</i>	—	<i>бөгөөд</i> ⁴	—
Условное деепричастие	<i>бөгесү</i>	—	—	—
Предельное деепричастие	<i>бөгетеле</i>	—	—	—
Приготовительное деепричастие	<i>бөрүн</i>	—	—	—

Примечания.

1. Этимологическая связь этой формы с основой глагола *бө-* 'быть' в монголистике пока еще точно не установлена, и ее мы включаем в таблицу условно, поскольку она укладывается в общую парадигму спряжения форм приведенного глагола *бө-*, являясь как бы супплетивной. В бурятском языке *бии* в сочетании с *-гши* ← **абчи* и *һэн* ← *һан* ← **абсан* (соответственно формы однократного и прошедшего причастий от *а-* 'быть') образует сложные формы настояще-однократного и прошедшего причастий, употребляемые только в предикативной функции, т. е. по существу являющиеся особыми формами изъявительного наклонения.

2. Образовано от предыдущей формы *буі* посредством присоединения частицы *джа*.

3. Употребляется в значении 'сущий', 'наличный' и имеет этимологическую связь со словами типа халх. *бүх* 'весь', *бүхэн* 'каждый', 'все', 'всё' и *бүхэл* 'целый', 'весь'.

4. Употребляется только в значении соединительного союза 'и, да'.

от *бол-* 'становиться' и *бөлүге* от *бө-* 'быть' (во всех трех случаях форма перфектного презентса).

Помимо своих модальных и служебно-предикативных функций некоторые из приведенных выше форм вспомогательных глаголов *а-* и *бө-* в своем предикативном употреблении вместе с причастиями образуют довольно пеструю систему аналитических форм сложных времен. Такую же роль в этой системе выполняет также и такой вспомогательный, или служебный глагол, как старо-

письменный монгольский *баји*-, которому в современном монгольском и бурятском языках соответствует *бай*- 'быть'.

Прежде чем приступить к весьма краткому схематическому перечню (степень и состояние изученности излагаемого не позволяют нам сделать более пространный обзор, не говоря уже о подробном исследовании того, о чем будет идти речь ниже) аналитических причастных форм сложных времен в монгольских языках, нам необходимо сжато остановиться на трактовке этого явления в трудах Г. И. Рамштедта. Дело в том, что Г. И. Рамштедт сочетание халхаской формы прошедшего причастия *сан* (см. выше в первой таблице) с причастными формами знаменательных глаголов склонен был рассматривать уже как синтетические формы сложных времен, разившиеся из аналитических, поскольку этот исследователь подобные сочетания транскрибировал слитно⁵². А между тем эти сочетания в живой халхаской речи произносятся раздельно и, следовательно, должны транскрибироваться раздельно. То же самое надо сказать об аналогичных явлениях в других монгольских языках, например, в бурятском и ойратском. Дело в том, что в монгольских языках долгие гласные становятся сверхдолгими, оказываясь в последнем слоге слова, но остаются нормально-долгими в последнем слоге. Это важное фонетическое обстоятельство позволяет точно определять границы между словами и, следовательно, различие между аналитическими и синтетическими формами, поскольку первые состоят из двух или более слов. Для иллюстрации сказанного достаточно будет привести здесь лишь один пример из халхаского диалекта: *харā саң* (орфографически *хараа сан* соответственно ← *хараба асан*, т. е. сочетание причастия настоящего времени от основы знаменательного глагола *хара*- 'видеть' и причастия прошедшего времени от основы рассмотренного нами вспомогательного глагола *а*- 'быть') 'видел' и *харāсаң* ← **харијабан* (орфографически *хараасан*, форма прошедшего причастия от основы знаменательного глагола *хараа*- 'ругать') 'обругал' (нормальная долгота гласных отмечается в монголистике знаком — над соответствующей транскрипционной буквой, а сверхдолгота — знаком ^). Ср. еще: *джорб ирнэ* (орфографически *жороо ирнэ*) 'иноходец придет' и *джорбдб* (орфографически *жороод*) 'иноходцу', *буга* (орфографически *буугаа*) 'свое ружье' и *бугара* (орфографически *буугараа*) 'своим ружьем' и т. д.

Итак, в монгольских языках причастия в сочетании со вспомогательными глаголами *а*-, *бб*- и *баји*- 'быть' образуют аналитические формы сложных времен, в соответствии с чем мы имеем, например, в современном монгольском языке, времена:

1) прошедшее в будущем, например: *яван байх* 'окажется

⁵² G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation des Khalkha-mangolischen*, Helsingfors, 1903, Ss. 33—36 (далее — G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*).

ушедшим', 'уже уйдет' (после момента речи, но до совершения какого-то другого действия, имеющего состояться в будущем);

2) прошедшее в настоящем, например: *явсан байна* 'оказывается ушедшим', 'оказывается, ушел', но без связки *байна*: *явсан* 'ушел' (иными словами, здесь эта связка имеет модальное значение);

3) прошедшее в прошедшем, т. е. плюсквамперфектум, например: *явсан сан* 'был ушедшим', 'ушел до того, как в прошлом же совершилось другое действие'; *явсан билээ* 'ведь ушел уже' (до совершения другого действия), — здесь модальные различия между *сан* и *билээ* очевидны;

4) будущее в будущем, например: *явах байх* 'уйдет' (после совершения другого будущего же действия);

5) будущее в настоящем, или простое будущее, например: *явах байна* 'уйдет' (предполагается, что уйдет), но *явна* (изъявительная форма настоящего времени с окказиональным значением будущего) 'уйдет' (безусловно), — здесь модальные различия также вполне очевидны;

6) будущее в прошедшем, например: *явах сан* 'надо было бы идти', но *явах байсан* 'должен был идти', — и здесь мы отмечаем модальные различия;

7) настоящее в будущем, например: *яваа байх* 'окажется идущим';

8) настоящее в настоящем, например: *яваа байна* 'идет', 'является идущим', — эта форма употребляется редко;

9) настоящее в прошедшем, например, *яваа сан* 'шёл', 'был идущим';

10) настоящее многократное в прошедшем, например: *явдаг сан* 'обычно шел', 'обычно был идущим'⁵³.

В современном монгольском языке, с которым в этом отношении не расходятся бурятские и ойратские диалекты, приведенные аналитические причастные формы не употребляются так строго дифференцированно, как, например, в западноевропейских языках. Это в значительной степени объясняется обилием различных временных и невременных форм монгольского глагола. К тому же представленными выше аналитическими формами причастий монгольские языки и не ограничиваются.

Вся сложная гамма всех аналитических форм причастий в монгольских языках, форм, находящихся генетически и семасиологически в теснейшей связи с видовыми и особенно модальными явлениями, должна быть учитываема при первой попытке более или менее полно осветить категорию времени в названных языках.

⁵³ Г. И. Рамстедт, рассмотревший некоторые из перечисленных нами аналитических форм причастий халхаского диалекта, определяет их как плюсквамперфектум, перфектум футури, перфектум имперфекти и перфектум узус (речь идет соответственно об описываемых формах 3, 6, 9 и 10).

Категория глагольного лица в монгольских языках передает отношение действия и его субъекта к лицу говорящему. Во многих языках определенные формы глагола изменяются в зависимости от того, является ли субъектом, производящим действие или испытывающим то или иное состояние, соответствующий участник собеседования: говорящий (1-е лицо), слушающий (2-е лицо) или лицо, не участвующее в собеседовании (3-е лицо). Это означает, что в этих языках подобные формы глагола существуют только как личные формы и что они обязательно относятся к определенному лицу. Так, например, в русском языке мы имеем *сужу, сидишь, сидит* и т. д., т. е. такие личные формы с уточнением числа, в которых только и выражают глаголы действие настоящего времени изъявительного наклонения. Как известно, в такой особенности глагола многие языковеды находят «фундамент сказуемости» или важнейший признак глагольности⁵⁴.

Что же мы находим в монгольских языках? Имеет ли глагол в этих языках категорию лица и, следовательно, спряжение по лицам? На эти вопросы более или менее положительно можно ответить лишь тогда, когда в поле зрения исследователя попадают только некоторые повелительно-желательные формы глагола. Что же касается остальных форм глагола, то они не имеют категории лица, особого спряжения по лицам, — это особенно касается классического монгольского и современного монгольского языка.

Так как обозрение повелительно-желательных форм глагола в монгольских языках нами будет сделано ниже в специальных разделах, здесь достаточно указать, что личное «спряжение» монгольского глагола в этих формах носит ярко выраженный синтетический характер. Такой синтетический характер личного «спряжения» монгольского глагола не находится в противоречии с тем, что многие показатели повелительно-желательных форм генетически оказываются составными суффиксами, которые в прошлом образовались путем сочетания ряда компонентов, этимологически частью выясненных, частью еще не установленных. Личные и иные местоимения здесь никакой роли не играли и не играют и в том смысле, что к ним ни в какой степени не восходят упомянутые показатели названных глагольных форм. Необходимо при этом подчеркнуть, что показатели, или суффиксы, личного «спряжения» представляют собою неотъемлемую принадлежность только повелительно-желательных форм монгольского глагола. Как известно, этого нельзя сказать о лично-предикативных частицах, которые могут приниматься в соответствующую

⁵⁴ В. В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, М.—Л., 1947, стр. 452—454. Ср. И. И. Мещанинов, *Глагол*, М.—Л., 1949, стр. 38—59.

щих монгольских языках любым словом, употребляемым в функции сказуемого законченного предложения.

Однако надо иметь в виду, что в монгольских языках повелительно-желательные формы глагола а начали дифференцироваться по лицам сравнительно недавно (но когда именно, уточнить невозможно даже в плане относительной хронологии). Первоначально различия между этими глагольными формами носили скорее модальный характер или проходили по линии выражения различных оттенков повеления — от вежливой просьбы до категорического приказа — и пожелания. Это сказывается еще в монгольских языках нашего времени, особенно в различных диалектах современного монгольского языка, повелительно-желательные формы которых многими исследователями определяются как императивная, прекативная, консессивная, оптативная, волюнтативная, дубитативная и т. д., т. е., соответственно, повеления, просьбы, согласия, или разрешения, пожелания, волеизъявления и опасения. Как это будет излагаться в дальнейших разделах настоящей работы, процесс переосмысления повелительно-желательных форм глагола в сторону дифференциации их по лицам особенно далеко зашел в бурятских диалектах.

Личные местоимения в речи с повелительно-желательными формами глагола употребляются, либо выражая логическое ударение, как и в индоевропейских языках, особенно — в русском, либо уточняя число, поскольку некоторые из этих форм не выявляют число и поскольку такое уточнение не подсказывается самим контекстом и обстановкой речи.

Особенностью повелительно-желательных форм монгольского глагола, как, впрочем, и других форм последнего, сравнительно с соответствующими формами русского глагола является то, что эти формы употребляются только в значениях повелительно-желательного наклонения, т. е. в рамках своих непосредственных функций.

Что же касается изъявительных и причастных форм монгольского глагола, употребляемых предикативно, то они не имеют специального, только им присущего личного спряжения, но в монгольском языке, а также и в ойратских, дагурских и бурятских диалектах лишь сопровождают лично-предикативными частицами местоименного происхождения. Если здесь будет допустимо выразиться фигурально, эти лично-предикативные частицы отличаются от личных окончаний индоевропейских глаголов, как парик от естественных волос на голове человека: как только в названных диалектах изъявительная или причастная форма глагола (как и всякого имени, выступающего в функции сказуемого) выключается из сказуемого положения, так сразу же «снимается» как бы временно присоединенная к ней лично-предикативная частица, без которой основное значение ее не отмирает (не то будет, если мы станем «снимать» личные окончания у таких, например, форм русского глагола, как *сизжу*,

сидишь, сидит и т. п.: останутся не живые слова, имеющие реально или грамматически полноценное бытие, а только то, что А. М. Пешковский называл лишь «почти словами», имеющими абстрактные, самые общие значения⁵⁵).

Как известно, лично-предикативные частицы в монгольских языках и диалектах принимаются и любыми именами, в какой бы падежной форме они ни выступали в роли сказуемого (имена не могут находиться в позиции сказуемого в формах винительного и орудного падежей). Принимаются эти частицы и разного рода наречиями, выступающими в позиции сказуемого. Таким образом, лично-предикативные частицы в монгольских языках не составляют какую-либо принадлежность или свойство только глагольных форм. Именно поэтому эти частицы не могут быть рассматриваемы при изложении системы монгольского глагола, ибо они, эти частицы, не составляя специфическую морфологическую принадлежность последнего, как определенные синтаксические форманты являются нейтральными по отношению ко всем частям речи, могущим употребляться предикативно. Правда, эта особенность лично-предикативных частиц породила в лингвистической литературе, как в общей, так и специальной, весьма странное утверждение о том, что в некоторых языках спрягаются не только глаголы, но и имена. Так, например, А. Д. Руднев писал, что в бурятском языке имя «становится спрягаемым от простого присоединения к нему личного суффикса без посредства каких бы то ни было специальных суффиксов, образующих глаголы от имени»⁵⁶. Таким образом, по Рудневу, «спрягаемое имя получает значение: состояния первого, второго или третьего лица единственного или множественного числа (соответственно наращенному суффиксу) тем предметом, качеством или лицом, которое данное имя выражает; словом — бытия тем, что выражает данная основа. Спрягаться могут как существительные и прилагательные (а также и все причастия), так и числительные и местоимения»⁵⁷. К этим частям речи А. Д. Руднев мог бы добавить и некоторые группы наречий, что он и делает, называя последние «частицами» и приводя примеры типа *эндэб* 'я здесь', *угыб* 'меня нет'⁵⁸.

Итак, в монгольских языках глаголы не имеют личного спряжения, если условно не учитывать здесь повелительно-желательные формы, о чем выше уже говорилось. Как это является совершенно очевидным, при изучении лично-предикативных частиц в монгольских языках необходимо учитывать, что они не составляют монополярную принадлежность одних глаголов. Эти частицы, бу-

⁵⁵ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1934, стр. 11.

⁵⁶ А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, вып. 1, Пг., 1913—1914, стр. XXXIX.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. XLI.

дучи свойственны всем частям речи, могущим употребляться предикативно, употребляются с глаголами, как и с прочими частями речи, лишь окказионально, т. е. только тогда, когда глаголы употребляются предикативно. Иными словами, лично-предикативные частицы в монгольских языках не являются формообразующими морфемами глагола, а относятся к категории частиц синтаксического порядка так же, как и разного рода частицы вопроса, логического ударения и т. п.

Лично-предикативные частицы имеются не во всех монгольских языках, а в могольском, бурятском, дагурском и ойратском, или калмыцком, языках. Эти частицы могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица 5

Язык	Лицо	1-е		2-е		3-е
	Число	ед.	мн.	ед.	мн.	мн.
Ойратский		-в	-вдн	-ч	-т	—
Бурятский		-бди, -б, -м	-бди, -мди	-ши, -ш	-та, -т	-д
Дагурский		-би	-ба	-ши	-та	—
Могольский		-би	-ба, -мда	-чи	-то	—
Восходят к личным местоимениям		би 'я'	биде 'мы' (включит.) ба 'мы' (исключит.) -м биде	чи- 'ты'	та 'вы'	*-де

Некоторые примеры:

Калм.	Бур.		Калм.	Бур.	
гарвв	гарбаб	'вышел я'	гарвт	гарбат	'вышли вы'
гарввдн	гарбабди	'вышли мы'	гарв	гарба	'вышел он'
гарвч	гарбаш	'вышел ты'	гарв	гарбад	'вышли они'

Мог.: *іранам-бі* или *ірам-бі* 'прихожу я', *іранамда* или *ірамда* 'приходим мы', *іранан-чи* или *іран-чи* 'приходишь ты', *іранан-то* или *іран-то* 'приходите вы'. Кроме того, в могольском языке для 1-го лица имеются предикативные частицы 1) единственного числа -*у* ← **уі* 'я' и 2) множественного числа -*у* ← **ба* 'мы' (исключительное), например: *ірабоду* 'пришел я' и *ірабоду* 'пришли мы'.

Даг.: *ірэбэйбі* 'приду я', *јаубэйші* 'пойдешь ты', *ушт эмба* 'видели мы', *хэлсэнтә* 'сказали вы'.

3-е лицо не имеет специальной частицы и выражается, так сказать, нулевой формой соответствующего сказуемого слова. Однако в бурятских диалектах имеется частица *-д*, показатель множественного числа 3-го лица. Генезис этой частицы пока еще не выяснен, но вряд ли она восходит к указательному местоимению множественного числа 3-го лица *еде* 'эти' или *теде* 'те'. Но все же можно думать, что частица *-д* генетически связана с непродуктивным ныне формантом множественности **-де*, который обнаруживается, например, в следующих образованиях:

<i>е-не</i>	'этот'	<i>те-ре</i>	'тот'	<i>би</i>	'я'
<i>е-де</i>	'эти'	<i>те-де</i>	'те'	<i>би-де</i>	'мы'

Вряд ли можно также предполагать, что частица *-д* имеет генетическую связь с суффиксом множественного числа *-д* (бур. *морин* 'лошадь', *мэрид* 'лошади'), по крайней мере — непосредственную. Дело в том, что эта частица *-д* фонетически характеризуется ярко выраженной звонкостью, которая и оправдывает установление ее генетической связи с указанным формантом множественности *-де*. А между тем суффикс множественного числа *-д* характерен глухой артикуляцией, как сильный согласный *т*, что свидетельствует об отсутствии после него какого-либо конечного гласного и в прошлом. Ныне же в устной бурятской речи четко различаются по признашению примеры типа *оронот* 'вы входите' и *оронод* 'они входят'. Если частица *-д* имела бы генетическую связь с суффиксом множественного числа *-д*, то пришлось бы предположить, что ее возникновение аналогично образованию показателя множественного 3-го лица в тюркских языках типа кумыкского *-лар*: *бардылар* 'они сходили', *гельдилер* 'они пришли', ср. *йэллер* 'дороги' от *йол* 'дорога', *тильлер* 'языки' от *тиль* 'язык'⁵⁹.

Как видно из приведенной таблицы, лично-предикативные частицы — это усеченные формы личных местоимений соответствующего лица и числа. В связи со сказанным не лишено интереса то, что одно из различий между монгольскими языками сводится, в частности, к различной степени усеченности конечных слогов, в зависимости от которой находится и степень силы ударения в этих языках. В халхаском диалекте экспираторное ударение, акустически очень явственное, всегда падает на первый слог, а усеченность конечных слогов зашла так далеко, что слова как бы стали короче на один-два слога. Например, из некогда двусложного *модун* 'дерево' получилось односложное *мод*. Что же касается лично-предикативных частиц, то они в халхаском диалекте отсутствуют. В диалектах ойратского языка мы имеем почти полную утрату краткого вокализма непервых слогов, со-

⁵⁹ Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 107. — О монгольском форманте множественности *-де* см. W. Kotwicz, *Les pronoms dans les langues altaïques*, Krakow, 1936, pp. 14—23.

гласные которых сохранились полностью, однако сделавшись слогаобразующими. Поэтому экспираторное ударение, также падающее на первый слог, акустически воспринимается значительно слабее, нежели в халхаском диалекте, а лично-предикативные частицы в этих ойратских диалектах представляют собою полный консонантный скелет соответствующих личных местоимений, например *орвдн* 'вошли мы' получилось из *оруба биде*. В диалектах бурятского языка гласные непервых слогов почти совершенно не подверглись редукции, а потому (или, наоборот, вследствие того, что) экспираторное ударение в этом языке, падающее на первый слог, акустически почти совсем не ощущается, а в некоторых диалектах падает даже на последний слог. Лично-предикативные частицы в бурятском языке представляют собою личные местоимения в почти неусеченном виде, особенно после конечных согласных в основе сказуемого слова, например: *ябадаг би* из *ябадаг би* 'имею обыкновение ходить я'.

Таким образом, в монгольских языках три явления оказались тесно связанными друг с другом или вытекающими одно из другого: 1) место и степень силы экспираторного ударения, 2) наличие или отсутствие редукции непервых слогов и 3) наличие или отсутствие лично-предикативных частиц, а при наличии таковых — степень сохранения их вокализма⁶⁰.

Прежде чем разобраться в изложенном, необходимо посмотреть на то, что мы находим в классическом монгольском языке и в текстах «Сокровенного сказания», для чего достаточно будет привести следующие примеры: *Јакін теден-е бобул мету джарубдаба би!* (Бод. — 32) 'Как же это я оказался использован ими точно раб!'; *Орчин тобурин јабуму теде?* (Бод. — 40) 'Не идут ли они, блуждая поблизости?'; *Дејилүје геджі иребеу чи* (Г. — 177) 'Не побеждать ли пришел ты?'; *Ниген белге-бен үджегү-лүје би!* (Г. — 125) 'Покажу-ка я один свой признак!'; *Тере сиқ-тай мүсүт мету гамту нiken eyeten болу'асу ken-е бер kilbar-а уекin болqun та?* (С. ск., § 22) 'Если будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок прутики, то как вы можете стать чьей-либо легкой добычей?'; *Uriju үлү өkteküi möртеi чи, ичира'асу ideгү yosutai чи* (С. ск., § 71) 'Ты заслуживаешь того, чтобы тебя не звали и не наделяли; тебе суждено есть то, что попадается'.

Следовательно, самые разнообразные по жанру источники говорят нам о том, что в начале XIII в. и в эпоху последующего средневековья в монгольском языке все личные местоимения ставились после сказуемого, в конце всего предложения. В качестве

⁶⁰ В связи с излагаемым трудно пройти мимо того, что в тюркских языках при наличии ударения на последнем слоге лично-предикативные частицы одной из групп представляют собой личные местоимения в почти неусеченной форме, например в кумыкском языке мы находим: *бараман* 'я хожу', *барасан* 'ты ходишь' *барабыз* 'мы ходим', *барасыз* 'вы ходите' (см. Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 93).

чего? В качестве ли лично-предикативных частиц при опущенном местоимении-подлежащем? Необходимо в данном случае отметить, что эти местоимения после сказуемого употребляются в совершенно неусеченном виде. Объяснить это явление особенностью старой монгольской графики невозможно потому, что ведь в конце предложения ставятся, как мы видели из приведенных примеров, и не только личные местоимения, но и указательные. В данном случае не играет роли и то, что по орфографии классического монгольского языка отдельно писались и падежные окончания, безусловно уже «прилипшие» к основе склоняемых имен, если иметь в виду реальное произношение. Необходимо также учесть и то, что среднеазиатские филологи средневековья, которые не знали монгольской письменности и при записях устной монгольской речи пользовались арабским алфавитом, говорят нам о том же, регистрируя падежные окончания слитно с основами склоняемых имен, а личные местоимения — раздельно.

Излагаемое явление нельзя не поставить в общую связь с постпозицией, подлежащего, которую часто можно видеть в тех же самых источниках вопреки обычной постпозиции сказуемого:

Qar-dur-i-yan qara nōdōn qatqun tōreliḡi ene (С. ск., § 78) 'В своей руке комок черной крови сжимая, родился он'; *Uru'ut Mangqut oboqtan tede bolba* (С. ск., § 46) 'Они образовали племена Уруут и Мангут' (в этом предложении подлежащее *mede* 'они' оказалось поставленным между именным сказуемым и связкой *bolba*); *харіджу іребе Гесер* (Г. — 26) 'возвращаясь прибыл Гесер'; *мал табуджу жарба ебуген* (Г. — 19) 'скот погнал старик'.

Совокупность всех данных, количество которых можно бы увеличить до бесконечности, заставляют нас сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, препозицию подлежащего в монгольских языках вряд ли можно возводить в абсолютный закон и считать ее изначальной и характерной для этих языков на всех этапах их исторического развития. Сказанное касается, конечно, синтаксических норм устной речи, в которой особенное значение имеет такой фактор, как интонационное членение фраз. Более того, изложенное позволяет нам предполагать, что некогда в ранней монгольской или протомонгольской речи подлежащее вообще могло располагаться после сказуемого.

Во-вторых, из приведенных данных вытекает, что в монгольских диалектах раннего периода современные лично-предикативные частицы не были таковыми, будучи постпозиционными местоименными подлежащими, поскольку личные местоимения в известных случаях не употреблялись препозиционно по отношению к сказуемому. В данное время пока трудно сказать, в силу чего постпозиционные местоименные подлежащие постепенно превратились в лично-предикативные частицы и каким образом личные местоимения в качестве подлежащих стали употребляться препо-

зиционно. Но несомненно, что именно таким был процесс постепенного образования в монгольских языках лично-предикативных частиц из некогда постпозиционных лично-местоименных подлежащих. При таком предположении безусловно отпадает та весьма распространенная концепция, согласно которой в некое время, сравнительно недавно, в монгольских языках личные местоимения как бы нарочито стали употребляться в качестве средств выражения субъекта в предикате и затем в качестве же средств согласования сказуемого с подлежащим. Эта же концепция предполагает и то, что якобы такое употребление личных местоимений привело к вербализации имени или к процессу выделения глагола как особой части речи, отличной от имени. При нашем предположении становится более понятным, почему в старых монгольских текстах, да и в современной устной монгольской речи, мы находим постпозицию местоименных подлежащих, еще не сращенных со сказуемым в одно целое. Постпозиционные местоименные подлежащие начинают сращиваться со сказуемым, а затем постепенно превращаться в лично-предикативные частицы лишь тогда, когда в монгольской речи препозиция подлежащего начинает вообще становиться господствующей нормой. В монгольских языках и диалектах, кроме бурятских, дагурских и ойратских, постпозиционные местоименные подлежащие, как известно, постепенно исчезли почти бесследно, т. е. не «превратились» в лично-предикативные частицы. Такой процесс легко прослеживается в различных памятниках старописьменного монгольского языка.

Таким образом, возвращаясь к сказанному нами в начале данного раздела, мы склонны утверждать, что лично-предикативные частицы не являются заместителями подлежащего и, исторически, исконными средствами согласования сказуемого с подлежащим. В еще меньшей степени эти частицы можно считать «дублерами» лично-местоименных подлежащих, преимущественное препозиционное употребление которых вряд ли можно подтвердить фактами из истории монгольских языков. Следовательно, по нашему мнению, говорить о личном спряжении монгольского глагола и, тем более, имени нет никакого основания, поскольку это неизбежно привело бы нас к смешению генетически разнородных явлений.

Огульно применяемая аналогия с данными индоевропейских языков лишь предполагает возможность образования «личного спряжения» в монгольских (и прочих алтайских) языках, но такая возможность еще не доказывается с достаточной долей вероятности. {Ведь лично-предикативные частицы монгольских языков оказываются явлением не морфологического порядка, свойственным только глаголу, а синтаксического, присущим всем частям речи, могущим употребляться предикативно. Внешне, с формальной стороны, как будто бы есть некоторое основание употребление лично-предикативных частиц в этих языках рассматривать в одной плоскости с личными окончаниями спрягаемых форм ин-

доевропейского глагола, поскольку в том и другом случае мы находим как бы одинаковое «согласование» сказуемого с подлежащим. Но фактически такое одинаковое рассмотрение не имеет под собою достаточных оснований так же, как, например, нет никакого основания рассматривать в одном и том же плане именительный падеж индоевропейских языков и так называемый эргативный падеж ряда некоторых неиндоевропейских языков, хотя и в том и в другом случае мы находим в общем сходное по смыслу выражение субъекта действия или состояния. Ведь для того, чтобы различные явления признавать качественно однородными, необходимо совпадение этих явлений во всех их характерных чертах. А между тем этого как раз и нет, когда мы лично-предикативные частицы монгольских (и вообще алтайских) языков сопоставляем с личными окончаниями, например, индоевропейских языков. Из-за того, что различные явления совпадают друг с другом лишь в одной из своих сторон, невозможно признавать их явлениями одного и то же порядка. Поэтому применительно к явлениям лично-предикативного оформления сказуемого в некоторых монгольских языках было бы неверно пользоваться термином «личное спряжение глагола», поскольку такой термин в данном случае никак не способствует выяснению действительного положения вещей. Во всяком случае совершенно очевидно, что терминологическая неточность или небрежность ведет к ослаблению точности определения данной языковой структуры и влечет за собою смешение разнородных категорий, сходных лишь внешне по одному какому-либо признаку.

Таким образом, в монгольских языках следует проводить строгое различие между, с одной стороны, личным спряжением повелительно-желательных форм глагола, которое не имеет никакого отношения к личным и иным местоимениям, и, с другой, способом выражения сказуемого положения прочих глагольных форм, которые в этом отношении никак не отличаются от соответствующих форм прочих частей речи, способных выступать в качестве сказуемого.

К сказанному надо добавить, что в бурятском языке причастие будущего времени в своем сказуемом употреблении сопровождается не только лично-предикативными частицами, но и лично-притяжательными частицами. Эти частицы представляют собою усеченные формы родительного падежа соответствующих личных местоимений:

1-е л. ед. ч. -*ми* ← *мини* 'мой';

1-е л. мн. ч. -*май* ← *манай* 'наш';

2-е л. ед. ч. -*ши* ← *шини* 'твой';

2-е л. мн. ч. -*тай* ← *танай* 'ваш';

3-е л. ед. и мн. ч. -*нь* ← *ину* 'его', **ану* 'их'.

Примеры:

Шубуунай үндэгэ хулгайлжа абахыешни харахамни (Ант.— 53) 'Посмотрю я, как ты украдешь у птицы яйцо!' (букв. Птицы **яйцо** воруя взятие-твое смотрение-мое!); *Ши юундэ намайе буудахашниб ?* (Ант.— 12) 'Зачем ты будешь стрелять в меня?' (букв. 'Ты зачем меня стреляние-твое?'); *Эдир наһан дууһахань!* (Ант.— 53) 'Молодость уже подходит к концу!' (букв. 'Молодость конец-ее!').

Такое же употребление причастия будущего времени иногда можно встретить, например, и в халхаском диалекте, что называется в некоторых текстах классического монгольского языка:

Би енде балджабураху-ни (Ц.—1—45) 'Я здесь с ума сойду!'; *Одо ёсї-бен абчу келекү-ни!* (Ц.—1—46) 'Теперь ведь будет говорить из мести!'

Необходимо в данном случае не упускать из поля зрения того весьма важного обстоятельства, что подлежащее предложения, имеющего своим сказуемым причастие будущего времени с лично-притяжательными частицами, всегда ставится в форме именительного падежа, а не родительного, как того требует посессивное построение предложения или причастный и деепричастные обороты.

Причастие будущего времени, в своем сказуемом употреблении сопровождаемое лично-притяжательными частицами, в бурятском языке выражает такое действие, совершение которого говорящий не просто утверждает — он подчеркивает как бы свое отношение к высказываемому: безусловную уверенность, желание, опасение (*унахатнай* 'смотрите, упадете!') или заключение на основании фактов настоящего (я вижу, что кони оседланы: значит — кто-то скоро едет; ребенок поднимается по лестнице: значит — как бы он не упал). Поэтому это причастие в данном употреблении иногда выражает такое действие будущего времени, которое может и не состояться, если, например, принять какие-то предупредительные меры. Отсюда и вытекает предупредительно-сигнальный характер в употреблении данного причастия («Упадешь!» — значит: «Что же мне остается делать!»).

Описанное употребление причастия будущего времени с лично-притяжательными частицами как будто может дать некоторое, хотя ошибочное и недостаточное, основание говорить о наличии в некоторых монгольских языках и диалектах лично-притяжательного спряжения глагола, пусть в ограниченных случаях. Как известно, в тюркологии под влиянием авторитета П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша и других довольно часто говорится о наличии в тюркских языках притяжательного или посессивного спряжения глагола или «глагольных имен». На самом деле в тюркских языках, как нам кажется, имеются лишь усеченные формы основ личных местоимений, в своей полной парадигме не совпадающие с так называемыми «аффиксами при-

надлежности». Это особенно бросается в глаза при обозрении тюркских лично-предикативных частиц усеченного типа 3-го лица обоих чисел и 1-го лица множественного числа в сопоставлении с притяжательными частицами тех же лиц и чисел. Впрочем, И. А. Батманов эти частицы совершенно правильно называет «личными окончаниями сокращенного типа»⁶¹. Подобное совпадение, но в более полном виде, личных частиц предикативного и притяжательного характера мы находим и в тунгусо-маньчжурских языках. Все это говорит о том, что вопрос о посессивном, или притяжательном, спряжении в некоторых алтайских языках (не говоря уже о посессивном строе предложения в этих языках вообще) поднят без достаточного основания.

В заключение остается сказать об одном явлении в монгорском и баоаньском языках. В монгорском языке имперфектный презенс, имперфектный претерит, причастия настоящего, будущего и прошедшего времен имеют специальные показатели для 1-го лица обоих чисел *-i*, для 2-го и 3-го лица *-a*, например: *бу суні* 'я сижу', *чи сүна* 'ты сидишь', *те сүна* 'он сидит', *бу гуледжі* 'я говорил', *чи гуледжа* 'ты говорил', *те гуледжа* 'он говорил', *бу реджіні* 'я приходящий', *чи реджіна* 'ты приходящий', *те реджіна* 'он приходящий', *бу мудегуні* 'я буду знающим', *тасге мудегуна* 'вы будете знающими', *те мудегуна* 'он будет знающим', *будасге фунісані* 'мы ехали верхом', *тасге фунісана* 'вы ехали верхом', *те фун сана* 'он ехал верхом'. В баоаньском языке имперфектный презенс, соответствующий имперфектному претериту других монгольских языков, и будущее причастие в предикативном употреблении имеют аналогичные показатели 1-го лица *-i* и 2-го и 3-го лица *-o*: *бэ варджі* 'я заканчиваю', *бэдэ тарджі* 'мы сеем', *чэ тэрджо* 'ты держишь', *нджаң хаджо* 'он закрывает', *бэ нэтэгі* 'я буду играть', *чэ нэтэго* 'ты будешь играть', *мангэ харгі* 'мы вернемся', *нджаң рэго* 'он прибудет'⁶².

В настоящее время трудно что-либо сказать относительно происхождения и этимологии этих монгорских и баоаньских частиц глагольного (предикативного?) лица. Как известно, подобная различная огласовка суффиксов имела место в монгольском языке XIII в. и использовалась для выражения грамматических родов (мужского и женского) в некоторых формах глагола⁶³. Но во всяком случае это явление относится к тем исключительно интересным фактам, которые свидетельствуют о наличии в монгольских языках неагглютинативных средств вы-

⁶¹ И. А. Батманов, *Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке*, Фрунзе, 1940, стр. 9.

⁶² Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960, стр. 82—83, и 118—119.

⁶³ Г. Д. Санжеев, *Следы грамматического рода в монгольских языках*, — ВЯ, 1956, № 5, стр. 73—74 (дается справка о работах П. Пеллио, Одзава Сигео, Г. Дёрфера и др. по вопросу о выражении категории рода в глагольной системе монгольского языка по данным «Сокровенного сказания»).

ражения лексических и грамматических категорий, средств, характерных для этих языков на различных этапах их исторического развития. Однако отграничение в монгольском и баоанском языках 1-го лица от 2-го и 3-го не относится к явлениям, возникшим на собственно монгольской почве, ибо здесь несомненно сказывается влияние тибетского языка, для которого, как известно, такое разграничение в системе глагола весьма характерно.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-историческое изучение глагольных форм, имеющих в монгольских языках, начато уже давно, главным образом после появления известных трудов Г. И. Рамstedта. Однако нельзя считать, что этимология и генезис этих форм выяснены с достаточной полнотой и определенностью. Если сложение большинства так называемых обстоятельственных деепричастий можно считать в основном уточненным, поскольку их происхождение от падежных форм причастий вполне прозрачно и не нуждается в каких-либо серьезных изысканиях, то генезис остальных глагольных форм в монгольских языках все еще остается предметом исследования. Некоторые попытки объяснения происхождения ряда причастных и некоторых других форм монгольского глагола путем привлечения для сравнения соответствующих глагольных форм тюркских и тунгусо-маньчжурских языков пока надлежащим успехом не увенчались.

Дело в том, во-первых, что сравнительное изучение глагольных форм так называемых алтайских языков никак не пошло дальше простого фонетического сопоставления этих форм, а результаты такого изучения не подкрепляются конкретно-историческими данными из-за отсутствия памятников ранних монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и совершенно не обосновываются с семасиологической точки зрения. А простое фонетическое сопоставление различных грамматических форм этих языков само по себе не может дать надлежащих результатов; подобное сопоставление доступно любому неискушенному исследователю, ибо для этого достаточно иметь простой индекс этих форм. Во-вторых, родство так называемых алтайских языков до сих пор еще окончательно не установлено, а при таких условиях сопоставительное изучение монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских грамматических форм вообще, конечно, в большинстве случаев не может дать монголистике, как и другим отраслям алтаистики, необходимую и надежную опору ее дальнейших изысканий.

В общем можно сказать, что после сравнительно-сопоставительных трудов Г. И. Рамstedта алтаистические исследования никак не продвинулись вперед и ничем не обогатились. В нас-

тоящее время дело обстоит таким образом, что алтаистика находит, наоборот, на путях к ревизии и пересмотру многих положений Г. И. Рамштедта, в связи с чем родство так называемых алтайских языков становится все более и более сомнительным. Однако все же отметим, что сравнительно-исторический метод исследования тем не менее вполне применим для изучения реальных исторических связей между монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками и что такой метод исследования не должен быть обязательно связан с признанием искомого генетического родства изучаемых языков.

Как нам представляется, ныне наступает пора подвергнуть грамматические формы (глагольные в том числе) в монгольских языках исследованию методами внутренней реконструкции и сравнительно-семасиологическому изучению. Особенно важно также выявлять в этих языках все то, что выходит за пределы так называемой агглютинации, особенно явления внутренней флексии, грамматического рода в древнемонгольских диалектах и т. п.¹ И только после этого можно будет общемонгольское сопоставлять с общетюркским, ибо в настоящее время то, что выдается за монгольское или тюркское вообще, оказывается в действительности далеко не таким.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Повелительная форма 2-го лица

В монгольских языках повелительная форма (императивная, imperativus) 2-го лица не имеет каких-либо особых показателей, т. е. суффиксов. В бурятском, дагурском, дунсянском, баоаньском и ойратском языках эта форма применяется при обращении лишь к одному лицу, т. е. является формой 2-го лица единственного числа, тогда как для монгольского языка она оказывается формой того же лица обоих чисел. Как отмечено еще Г. И. Рамштедтом, ни в одном из монгольских языков и диалектов прошлого и настоящего невозможно найти никаких следов, которые могли бы указывать на существование показателей данной формы². Как известно, принято считать, что повелительная форма 2-го лица в то же самое время представляет собою основу глагола или, точнее, совпадает с последней. Основой же глагола эта форма считается по той причине, что путем присоединения к ней соответствующих суффиксов образуются все остальные формы глагола. Так, например, в халхаском диалекте мы имеем: *гар!* 'выйди!' 'выйдите!' = *гар-* основа, *гарав* (изъявительная фор-

¹ Об этом см. Г. Д. Санжеев, *Место лингвистической реконструкции в монголистике* (доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов), М., 1960.

² G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 61.

ма настояще-прошедшего времени) 'вышел', *гарсан* (причастие прошедшего времени) 'вышедший', *гарвал* (условное деепричастие) 'если выйдет' и т. д. Это положение правильно лишь в той мере, в какой оно касается современного морфологического состояния монгольских языков. Дело в том, что в историческом отношении различные формы монгольского глагола никак нельзя считать возникшими из повелительной, — проблема развития многообразных форм глагола, следовательно, и категорий последнего, не всегда может быть решена на базе изучения его современной морфологической структуры.

Повелительная форма 2-го лица считается основой глагола еще и потому, что посредством присоединения к ней различных суффиксов образуются и отглагольные слова. Так, например, в том же халхаском диалекте от глагольной основы *гар-* образованы отглагольные слова *гарлага* 'расход', 'ущерб'; *гарц* 'переход', 'переправа', 'брод'; 'урожайность', 'всхожесть'; *гардз* 'убыток', 'потеря', 'ущерб'; *гарш* 'выход', 'обнажение'; ср. бур. *гарбали* 'происхождение' и т. п.

Таким образом, в монгольских языках, как и в других языках алтайской группы, основа глагола тематически оказывается достаточно прозрачной, как бы значимой и семантически осязаемой, чего нельзя сказать в полной мере об основах глагола, например, во многих индоевропейских языках. Вместе с тем приходится отметить, что в монгольских языках основы подавляющего большинства производных глаголов одновременно являются как бы корневыми частями, или корнями, последних. Правда, в данном случае необходимо сделать некоторые оговорки в отношении как Односложных глаголов, так и неодносложных, которые некогда могли быть соответственно неодносложными и односложными.

Во-первых, конечные гласные неодносложных глаголов в свое время могли быть результатом парагогического наращения, как это на наших глазах имеет место в современном бурятском языке, в котором вместо общемонгольских *гар-* 'выйти', *од-* 'отправиться' и *ол-* 'найти' соответственно обнаруживаются *гара-*, *одо-* и *оло-* (это отнюдь не представляет собою явление орфографического порядка, ибо здесь орфография современного бурятского литературного языка лишь фиксирует создавшееся положение). Во всяком случае монголистика в настоящее время не может с полной уверенностью утверждать, что в глаголах типа старомонгольских *ябу-* 'идти', *хара-* 'смотреть', *хасу-* 'сокращать' и т. п. конечные гласные *у* и *а* не являются парагогическими наращениями что бы ни говорили соответствующие тюркские параллели типа *кара-* 'смотреть'. Конечно, в подобных случаях, если таковые имели место в отдаленном прошлом монгольских языков, односложные глагольные основы становились неодносложными.

Во-вторых, приходится считаться с возможностью и того,

что некогда неоднословные глагольные основы могли становиться однословными, хотя такое предположение является более проблематичным. Все эти весьма трудные вопросы о корневых основах монгольских глаголов могут быть решены лишь в ходе общеалтаистских исследований, которые в этом плане еще и не начаты. Здесь в первую очередь должны быть приняты во внимание различия в качестве и количестве слогов в монгольских и тюркских глагольных основах — как известно, определенные группы монгольских слов вообще на один слог длиннее соответствующих им тюркских слов (преимущественно именных, например, старомонгольские *коке* 'синий', *бору* ← **бора* 'серый' || кирг. *код* и *боз*). Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что в маньчжурском языке из согласных конечным может быть, как правило, только *н*.

Однако описанные фонетические видоизменения в непрямых основах монгольских глаголов ни в какой степени не могут поколебать положение о том, что в монгольских языках основы подавляющего большинства непрямых глаголов совпадают с корнями соответствующих глаголов же, поскольку при этом в морфемном составе последних не происходит каких бы то ни было изменений.

В заключение отметим, что в монгольских языках некоторые отдельные глагольные основы фонетически совпадают с соответствующими именными основами, например: бур. *адхā*-, орд. *адху*-, халх. *атага*-, класс. *адху*- 'брат горстью', 'сжимать в руке' || бур. *адха*-, орд. *адху*-, халх. *атга*-, класс. *адху* 'горсть', 'пригоршня'; бур. *алхā*-, орд. *алху*-, халх. *алх*-, класс. *алху*- 'шагать' || бур. *алхā*-, орд. *алху*-, класс. *алху* 'шаг' (ср. бур., халх. *алхам*-, орд., класс. *алхум* 'шаг'; халх. *алхā* 'шаг', 'поступь', 'крупный шаг'); бур. *шэнжэ*-, орд. *шинджи*-, класс. *синджи*- 'вникать', 'наблюдать', 'изучать', 'рассматривать' || бур. *шэнж*-, орд. *шинджи*-, класс. *синджи* 'признак', 'форма', 'вид'. В данном случае мы не имеем в виду, конечно, некоторых омонимичных слов типа халх. *гар*- 'выйти' и *гар* 'рука' или ойр. *су*- ← *сабу*- 'сидеть' и *су* ← *субу* 'подмышки' и т. п., имеющих во всех монгольских языках и диалектах как настоящего, так и прошлого. Что же касается весьма редких явлений совпадения глагольных основ с именами, которые ограничиваются почти только приведенными выше примерами, то в настоящее время трудно сказать об этом что-либо определенное. Можно только указать, что во всех трех приведенных случаях монгольские языки знают вторичные глагольные основы, образованные от приведенных же именных основ: бур. *алхāl*-, орд. и класс. *алхула*-, халх. *алхлā*- 'шагать' (иногда с оттенком ритмичности); бур. *атхāl*-, халх. *атгāl*- 'брат горстью', 'сжимать в руке' (иногда с оттенком многократности); халх. *шинжл*-, класс. *синжиле*- 'изучать', 'исследовать' (это образование — явно книжного характера).

Повелительно-наставительная форма 2-го лица

Повелительно-наставительная форма 2-го лица, именуемая в монголоведной литературе также формой предписания (praescriptivus) или формой повелительного наклонения будущего времени, широко применяется в бурятском языке и халхаском диалекте монгольского языка. В остальных же монгольских языках эта форма не встречается, в том числе, что особенно примечательно, в тех диалектах монгольского языка, которые распространены во Внутренней Монголии, если не считать отдельных говоров этих диалектов, территориально соприкасающихся с халхаским диалектом. В старописьменном монгольском языке классического периода эту форму следует считать возникшей под влиянием устной речи. Указание А. Попова о том, что в калмыцком, или ойратском, языке имеется форма повелительного наклонения будущего времени на *-ārai* и *-ērei*, пока еще нуждается в подтверждении и особом изучении³. Таким образом, описываемую форму следует считать, по ее распространению, бурятско-халхаской, причем в бурятском языке числа уточняются посредством наращивания лично-предикативных частиц (*гарарāш!* 'выйдешь потом!' и *гарарāt!* 'выйдете потом!'), а в халхаском диалекте по контексту.

Суффиксом повелительно-наставительной формы 2-го лица является *-arā ~ -ere ~ -orōḡ ~ -ōrōḡ ~ -ōrōḡ* (как в бурятском языке, так и в халхаском диалекте) с обычным вставным согласным *z* в положении после конечных дифтонгов и долгих гласных в основе спрягаемого глагола; в старописьменном монгольском классическом языке этот суффикс чаще всего встречается в виде *-rai ~ -rei ~ -arai ~ -erei* и *-ḡarai ~ -ḡerei*. Примеры:

Халх.	Бур.	Класс.	Значение
<i>гарарā</i>	<i>гарарā</i>	<i>ḡararai</i>	'потом выйдешь!'
<i>ирерē</i>	<i>жерерē</i>	<i>irerei</i>	'потом придешь!'
<i>орорōḡ</i>	<i>орорōḡ</i>	<i>orurai</i>	'потом войдешь!'
<i>ōrgōrē</i>	<i>ōrgōrē</i>	<i>ergūgerēi</i>	'потом поднимешь!'
<i>сугārā</i>	<i>хугārā</i>	<i>saḡurai</i>	'потом сядешь!'
<i>бāḡārā</i>	<i>бāḡārā</i>	<i>baḡarai</i>	'потом станешь!'

Г. И. Рамstedт полагал, что суффикс рассматриваемой здесь формы восходит к более древнему **-arai ~ *-erei*. Поскольку в современном халхаском диалекте конечный дифтонг древнего периода **-ei* отражается как долгий гласный *-ī*, то, по мнению Г. Рамstedта, в данном диалекте древний суффикс **-erei* дол-

³ Александр Попов, *Грамматика калмыцкого языка*, Казань, 1847, стр. 134. — На эту работу А. Попова ссылается и Г. И. Рамstedт, отмечая, что из калмыцкого языка до сих пор известен суффикс описываемой формы *-arai*. Однако эта форма в данном языке не была обнаружена затем и самим Г. И. Рамstedтом (соответственно см. его работы: *Über die Konjugation...*, S. 62; *Kalmückisches Wörterbuch*, Helsinki, 1935, S. XVII).

жен был бы обнаруживаться в виде *-ērī*. Этому обстоятельству придавалось особое значение. Дело в том, что Г. И. Рамstedт в суффиксе *-arā ~ -erē (-ērā)*, рассматривая его в историческом плане, находил «основную форму» **-ār ~ *-er* и «застывшую форму конечного слога» *-ā ← *-ai ~ *-ei*, имеющую усилительное значение. «Это предположение, — писал Г. И. Рамstedт, — достаточно подтверждается и псывлением *-ā* (или *-ē...*) вместо ожидаемого *-ī*»⁴. Однако в данном случае необходимо учитывать, что конечный дифтонг **-ei* древнего языка в современном халхаском диалекте никогда не отражается в виде долгого *-ī*, находясь в составе какого-либо суффикса (ср., например, оформление совместного падежа в этом же диалекте: *мал-тā* 'со скотом', *гер-тē* 'с юртой', — суффикс *-tā ~ -tē ← *-tai ~ *-tei*). Впрочем, и сам Г. И. Рамstedт замечает, что форма *-ērē (-ere, erā, как пишет наш автор)* «является равновесием, опирающимся на *-arā*»⁵.

В целом же Г. И. Рамstedт сопоставлял рассматриваемый нами суффикс повелительно-наставительной формы 2-го лица с суффиксами повелительного наклонения в якутском языке *-ar* и *-aruī*, второй из которых представляет собою лишь вариант или «усиленную форму» первого, т. е. разлагается на *-ār* и усиленную частицу *-uī (-ый, -ий, -уй, -үй)*⁶. Как известно, такая форма «повелительного наклонения будущего времени» не встречается в прочих тюркских языках. Поэтому не исключена возможность того, что данная форма в якутском языке является заимствованной из монгольского. Весь вопрос в данном случае заключается в определении того, чем является в этом суффиксе «усилительная частица» *-uī* в морфологическом отношении, — иными словами, оказывается ли суффикс *-aruī* производным от *-ār* или, наоборот, суффикс *-ar* на якутской почве представляет собою усеченный вариант первого. Тем не менее якутские данные делают все же более вероятным предположение о том, что исторически в монгольском суффиксе повелительно-наставительной формы *-arā ~ -erē* мы действительно имеем усиленную частицу *-ā ~ -ē ← *-ai ~ *-ei*.

Что же касается «основной формы» данного суффикса *-ār ~ -ēr-*, то она также расчленяется исследователями на *-ā ← *-ба* и **-р-*, из коих первая морфема представляется показателем вторичной глагольной основы⁷. Стало быть, в данном случае непосредственным показателем монгольской повелительно-наставительной формы 2-го лица является лишь формант *-р*, который исследователями обычно усматривается в показателе причастия будущего времени в тюркских языках *-ar*, также разлагаемом

⁴ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 63.

⁵ Ibid., S. 62.

⁶ С. В. Ястремский, *Грамматика якутского языка*, М., 1938, стр. 129.

⁷ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 63—64.

на *-а-* и *-р*⁸. В маньчжурском языке имеется причастие настоящего времени на *-ра*, в конечном гласном *-а* которого, по видимому, надо видеть парагогическое наращение, поскольку в этом языке такое весьма обычно. Если все приведенные сопоставления в какой-то степени можно считать оправданными, то приходится признать, что в монгольских языках возникновение повелительно-наставительной формы 2-го лица оказывается чрезвычайно сложным.

Во-первых, «вторичная глагольная основа» на *-ā ← *-ба-* может быть усматриваема в суффиксе общемонгольского причастия настояще-прошедшего времени *-ā ← *-ба*, а также в суффиксе халхаской формы желания *-ācā ← -ācā ← -ā-* и *-cā*. Во-вторых, в монгольских языках (бурятском и халхаском диалекте) к возможной причастной или, шире, именной форме на *-ā* присоединяется формант *-р-* (плюс *-ā*), который в свою очередь встречается в суффиксе причастия будущего времени в тюркских языках *-ар*. При таких условиях безоговорочное сопоставление приведенных выше элементов рассматриваемых суффиксов представляется весьма сомнительным, хотя и соблазнительным, поскольку все это требует семасиологического оправдания. Здесь мы уже не говорим о том, что в алтайских языках разные образования при помощи загадочного *-р* вызвали широкое распространение этой морфемы, так что, по справедливому замечанию Г. И. Рамstedта, в этом вопросе «и по сей день царит известная неясность»⁹. Во всяком случае результаты многих усилий алтаистов пока что приводят нас к гипотетическому выводу о том, что в бурятском языке и халхаском диалекте монгольского языка повелительно-наставительная форма на *-ārā ~ -ērē* по происхождению является именной.

В дагурском языке халхаско-бурятской форме на *-ārā ~ -ērē* соответствует *-gān'i ~ -gān'ē* и т. д., например: *сdгān'i* 'потом сядешь!', *онoгān'ē* 'потом поезжай на коне!' Конечно, эта дагурская форма имеет совершенно другую историю, ныне пока не вполне ясную, нежели рассмотренная нами халхаско-бурятская форма.

Повелительно-просительная форма 2-го лица

Повелительно-просительная форма 2-го лица, именуемая в монголистика также формой усиленной просьбы и *praesentivus*, зарегистрирована в некоторых современных монгольских языках, но не встречается в старолисьменном монгольском языке. Пока-

⁸ Ibid., S. 63.

⁹ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 84 (здесь и на следующих страницах своей книги автор приводит различные образования в алтайских языках, осуществленные при помощи форманта *-р*).

зателем этой формы является суффикс *-i-* (в бурятском и ойратском языках) или долгий гласный *-ā-~-ē-~-ō-~-ō-* (в монгольском и дагурском языках); иногда сопровождаемый лично-предикативной частицей 2-го лица, как бы для уточнения числа, особенно в бурятском языке. Примеры:

Халх.	<i>irēč</i>	<i>javāč</i>	<i>orōč</i>
Даг.:	<i>irē</i>	—	—
Калм.:	<i>irīč</i>	<i>javīč</i>	<i>orīč</i>
Бур.:	<i>īrīš</i>	<i>jabīš</i>	<i>orīš</i>

‘Приди же!’ ‘иди же!’ ‘войдите же!’

Происхождение повелительно-просительной формы 2-го лица в монголистике пока продолжает оставаться не вполне ясным. В некоторых монголоведных пособиях долгий гласный *-i-* или *a-*, составляющий суффикс данной формы, признается лишь эмфатическим наращением к основе глагола, а сама эта форма — только эмфатическим вариантом повелительной формы 2-го же лица¹⁰. Однако такое толкование оказывается не очень понятным применительно к явлениям в бурятском и ойратском языках. Дело в том, что в этих языках повелительная форма является не вообще формой 2-го лица обоих чисел, как это мы находим, например, в халхаском диалекте монгольского языка, а формой 2-го лица единственного числа. А между тем данная повелительно-просительная форма является именно формой 2-го лица обоих чисел во всех тех монгольских языках, в которых она имеется. Вряд ли можно допустить, чтобы в бурятском и ойратском языках данная форма 2-го лица обоих чисел могла оказаться эмфатическим вариантом повелительной формы 2-го лица единственного числа!

Правда, не очень затруднительно в долгом гласном *-i* видеть эмфатическое наращение к повелительной форме 2-го лица, хотя в монгольских языках именно этот гласный в подобной эмфатической роли не является обычным и распространенным. Впрочем, именно в бурятском и ойратском языках (реже в диалектах монгольского языка) долгий гласный *-i* оказывается эмфатическим вариантом суффикса повелительно-пригласительной формы 1-го лица, о которой речь будет идти ниже.

В этой связи Г. И. Рамstedт указывал на тождественность показателя и значения повелительно-просительной формы 2-го лица монгольских языков с таковыми же усиленного варианта повелительного наклонения будущего времени в якутском языке: монг. *-i* соответствует в данном случае якут. *-yī* (*-yū*, *-yū*, *-yī*, *-yī*). Причем, следовательно, Г. И. Рамstedт склонен был полагать, что рассматриваемый здесь долгий *-i* развился из более

¹⁰ См., например: Г. Д. Санжеев, *Грамматика калмыцкого языка*, М., 1940, стр. 71; Antoine Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, Peking, 1937, p. XLIV.

древнего и гипотетического **-aĭ*, из которого образовался также и усилительный компонент суффикса повелительно-наставительной формы 2-го лица¹¹. Однако при таком предположении остается загадочным, каким же образом из одного и того же исходного «усилителя» **-aĭ* древнего монгольского языка получают в современных монгольских языках различные образования в виде то *-i*; то *-ā ~ -ē ~ -ō* и *-ā ~ -ē*.

В равной же степени трудно понять, почему в диалектах монгольского языка, в которых вообще отсутствуют лично-предикативные частицы, к суффиксу повелительно-просительной формы 1-го лица наращиваются подобные частицы данного лица. Ведь, например, в халхаском диалекте эмфатические наращения в виде долгих гласных имеют глагольные формы, которые при этом, однако, не принимают лично-предикативных частиц.

Следовательно, скорее всего надо полагать, что повелительно-просительная форма 2-го лица в монгольских языках оказывается самостоятельной и не является эмфатическим вариантом повелительной формы того же лица.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа

Повелительная форма 2-го лица множественного числа, иначе именуемая иногда в монголистике формой вежливого обращения и *benedictivus*, встречается почти во всех монгольских языках, но пока еще не зарегистрирована в баоаньском, дунсянском и монгорском языках и некоторых внутримонгольских диалектах. В качестве показателей этой формы выступают суффиксы: *-ѳтун ~ -гтун* (в классическом), *-гтуң ~ -гтуң* (в халхаском), *-гтуї ~ -гтуї* (в бурятском), *-гтаң ~ -гтең ~ -гтоң ~ -гтоң* (в халхаском и бурятском), *-гтї* (наиболее распространенный вариант в бурятском), *-тн* (в калмыцком), *-та ~ -те ~ -то* (в дагурском), *-ту ~ -туна* (в могольском). Кроме того, в текстах «Сокровенного сказания» и сочинений первого периода старописьменного монгольского языка наряду с *-ѳтун ~ -гтун* встречается также суффикс *-джун ~ -джун*, из которого вряд ли, в порядке метатезы, образовалась форма *-ѳтун* и который пока еще нуждается в специальном исследовании. Примеры:

класс.: *ирегтун* 'придите!', *олубтун* 'найдите!'; халх.: *немэгтуң ~ немэгтең* 'прибавьте!', *гарэгтуң ~ гарэгтаң* 'выходите!'; бур.: *олгдгтуї ~ олгдгтоң* 'повесьте!'; калм.: *автн* 'берите!', *бичтн* 'пишите!'; даг.: *сдтд* 'садитесь!', *ирте* 'придите!'; мого.: *асукту ~ асуктуна* 'спросите!', *ирату ~ иратуна* 'придите!'

Таким образом, если оставить в стороне варианты суффикса рассматриваемой здесь повелительной формы *-джун ~ -джун*, о которой сказано выше, в качестве показателя этой формы в монгольских языках выступают суффиксы *-ѳтун ~ -гтуї ~ -гтї*

¹¹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 66.

~ -гтаң и -та ~ -ту ~ -туна (здесь не уточняются соответствующие вариации гласных, вызванные действием законов сингармонизма). Относительно -бтун ~ -гтуї ~ -гтуї ~ -гті ~ -гтаң вряд ли можно сомневаться в том, что они являются результатом развития -гтаң¹² ← *-бтун → усилительно-эмфатическое -гтуї ~ -гті. Можно равным образом полагать, что суффикс -бтун, принимаемый за изначально исходную форму, представляет собою составной показатель -б- и *-тун, поскольку возможность «метатезы» -дкун → -бтун нельзя считать оправданной как семасиологически, так и фонетически. Что же касается суффиксов -тн ~ -та ~ -ту ~ -туна, то принято считать, что они являются усеченными вариантами, которые якобы развились из *-бтун. Между тем такое предположение никак не может быть обосновано, если не фетишизировать формы старописьменного монгольского языка, всегда считая их изначально исходными для всех монгольских языков.

Относительно первого компонента суффикса -бтун, т. е. *-б-, в настоящее время трудно сказать что-либо определенное. Как известно, еще М. Кастрен полагал, что повелительная форма 2-го лица множественного числа в монгольских языках образовалась из повелительно-желательной формы 3-го лица на -г. Но эта гипотеза была отвергнута Г. И. Рамstedтом на том основании, что этот суффикс -г развился из *-гї и что второй компонент рассматриваемой тут повелительной формы -ту в другом месте не обнаружен¹³. Однако этот -тун можно видеть, по-видимому, также в суффиксе повелительно-желательной формы 3-го лица -тубаї ← *-ту- + *-баї. Если, далее, ойратско-дагурско-монгольский суффикс -тн ← -тан ← *-тун → -тан → -та ~ -тун-а (где -а есть эмфатическое наращение) ~ -ту действительно не является усеченным вариантом суффикса же *-бтун, то «загадочный» -тун, таким образом, «обнаруживается» тут же. Поэтому изложенное предположение М. Кастрена едва ли можно безоговорочно не принимать во внимание и вообще упускать его из поля нашего зрения. Правда, в данном случае следовало бы говорить не об образовании повелительной формы 2-го лица множественного числа из повелительной же формы 3-го лица, а об исторической взаимосвязи обеих этих изучаемых форм.

Однако все же здесь главное затруднение составляет вопрос о -г-, первом компоненте суффикса -бтун, поскольку предполагается, что суффикс повелительно-желательной формы 3-го лица -г восходит к более раннему *-гї. Но примечательно, что «полный» или составной суффикс -бтун (-ган) в соответствующую-

¹² Отмечается, что -гтаң в халхаской речи применяется для выражения «высокого стиля» (см. G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 67). В тех бурятских диалектах, в которых формы -гтаң и -гті сосуществуют, первая выражает более вежливое обращение, а вторая применяется для выражения категорического приказа.

¹³ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 68.

щих фонетических разновидностях отсутствует как раз в тех монгольских языках и диалектах, в которых суффикс повелительно-желательной формы 3-го лица представлен в виде *-г* плюс краткий гласный (имеющееся в литературе указание о наличии этого варианта данного суффикса в халхаском и некоторых бурятских диалектах не подтверждается). Кроме того, нельзя исключать и того, что, например, в монгольском языке или ордосском диалекте конечный краткий гласный в этом суффиксе может быть парагогическим наращением, — как известно, такие явления весьма распространены в монгольских языках и диалектах.

Основная трудность при решении данного вопроса, как и многих других, заключается в том, что пока монголистика не располагает возможностями проследить историю соответствующей изучаемой формы по данным лишь одного какого-либо монгольского языка или диалекта. Показания же различных памятников старописьменного монгольского языка в этом отношении имеют иную значимость, поскольку диалектная база этого языка с XIII в. до наших дней менялась неоднократно. Сравнительно-исторические же наблюдения пока что приводят монголистику к различным выводам.

Повелительно-желательная форма 3-го лица

Повелительно-желательная форма 3-го лица обоих чисел, именуемая в монголоведной литературе также «допустительной» (*concessivus*), встречается во всех монгольских языках. В качестве показателей этой формы применяются суффиксы двоякого рода: 1) в классическом (старописьменном монгольском языке вообще) *-тубай* ~ *-түгеи*, ойратском *-тхā*, в дагурском *-тхай* ~ *-тхеи* и *-тгай* ~ *-тгэй*, в ордосском *-түгā* ~ *-түгī* ~ *-тогдө*, 2) в халхаском, бурятском *-г* ~ *-к*, в ордосском *-га* ~ *-ге*, в монгорском *-раги* ~ *-лаге*, *-ге* ~ *-ги*, в баоаньском и дунсянском *-гэ* и в могольском *-гā*.

Примеры: класс. *гартубай* 'пусть выйдет'; ойр. *ортха* и *ордг* 'пусть войдёт'; даг. *олтхай* 'пусть найдёт'; орд. *унатүгā* и *унага* 'пусть падает'; халх. *буг* 'пусть спускается'; бур. *хатāг* или *хатāk* 'пусть сохнет'; мого. *ирагā* 'пусть придет'; монгор. *шджілаге* 'пусть идет'; *кургеге* 'пусть доставит'; дунс. *эчыгэ* 'пусть идёт', *таигэ* 'пусть поставит'; баоан. *натэгэ* 'пусть играет'.

Таким образом, форма консессива на *-тубай* отсутствует в могольском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках, а также в халхаском и большинстве бурятских диалектах; форма же на *-г* не имеется в дагурском и классическом (и вообще старописьменном) монгольском языках. Что касается ойратского (включая калмыцкие диалекты и современный калмыцкий литературный язык) языка и внутренне-монгольских диалектов, то здесь обе

формы консессива сосуществуют параллельно. При употреблении обеих этих форм консессива 3-го лица число уточняется в контексте.

Исходной или исконной формой для суффиксов первого рода является **-тубай*, который необходимо разложить на **-ту-* (**-тун-*?) и *-бай*. А между тем Г. И. Рамstedт полагал, что этот суффикс состоит из **-туг-* и **-ай*, пытаюсь при этом сопоставить первый из них с тюркским *-дук*, показателем номен акционис, которому, однако, в монгольских языках соответствует суффикс *-даг*, являющийся показателем так называемого многократного причастия¹⁴. Поскольку компонент *-бай* содержится и в суффиксе так называемой оптативной формы *-субай* ← **-су-* + **-бай*, хорошо известной в старописьменном монгольском языке, вряд ли возможно считать гипотезу Г. И. Рамstedта вполне приемлемой. Однако в данной гипотезе нашего автора заслуживает внимания выделение элемента *-ай*, относительно которого у него мы не находим какого-либо указания и который, по нашему мнению, является не более, как той же усилительной частицей, что и в суффиксе повелительно-наставительной формы *-а-р-ай*, о чем см. выше. Если это предположение относительно элемента *-ай* положить в основу наших дальнейших изысканий как абсолютно правильное, то суффикс рассматриваемой здесь повелительно-желательной формы 3-го лица в целом распадается генетически на **-ту-* (← **-тун-*?) + **-г-* + **-ай*, из коих первый элемент мы видели в составе суффикса повелительной же формы 2-го лица множественного числа *-гтун* ← **-г-* + **-тун*.

То обстоятельство, что ни в каких текстах старописьменного монгольского языка, как и ни в одном из живых монгольских диалектов, вместо *-тубай* не обнаруживается пока что-либо похожее на *-туг-* или *-дуг-* плюс какой-нибудь краткий гласный, например парагогического типа, надо считать весьма примечательным. Дело, видимо, в том, что сращение элементов **-ту-* + **-г-* + **-ай* в единый суффикс повелительно-желательной формы 3-го лица в древнемонгольских диалектах имело место после того, как произошло слияние **-г-* и **-ай* в **-бай* (то же самое можно сказать и относительно суффикса «оптативной» формы *-субай*).

Исходной же формой суффиксов второго рода следует признать элемент *-г*, который в ордосском, могольском и монгорском языках получает парагогическое наращение в виде соответствующего краткого гласного (мы уже выше отметили, что имеющееся в монголоведной литературе указание на наличие такого наращения в халхаском и некоторых бурятских диалектах не подтверждается более точными наблюдениями, что, впрочем, не может как-либо повлиять на ход наших изысканий, поскольку такие парагогические явления весьма обычны во всех монголь-

¹⁴ Ibid., S. 73.

ских языках и диалектах). Поэтому предположение Г. И. Рамстедта о том, что суффикс данной повелительно-желательной формы -г восходит к более древнему *-gi, трудно считать полностью доказанным и обоснованным¹⁵.

В свете излагаемого особенно важное значение может иметь то, что в бааринском диалекте монгольского языка в качестве показателя повелительно-желательной формы 3-го лица наряду с обычным в монгольских языках суффиксом -г существует еще -га ~ -гä¹⁶. По-видимому, к такому же суффиксу каких-то древнемонгольских диалектов и восходит второй компонент в разобранном выше составном суффиксе -тубай, имеющийся, как уже сказано, и в суффиксе так называемой «оптативной» формы -субай.

Как видно из изложенного, суффиксы типа -тубай и -г не имеют между собою этимологической связи, если не считать элемента -г- в первом из них. Иными словами, форме типа -тубай старописьменного монгольского языка и некоторых живых диалектов в других монгольских языках и диалектах лишь приблизительно соответствует форма на -г, — именно поэтому они в монголоведной литературе описываются как различные показатели одной и той же повелительно-желательной формы 3-го лица. Правда, еще Г. И. Рамстедт считал форму на -г «допустительной», не смешивая ее с «оптативной», одним из показателей которой наш автор считал суффикс -тубай¹⁷. Действительно, в тех монгольских языках и диалектах, в которых формы на -г и производные от -тубай сосуществуют, между последними легко обнаружить некоторые семасиологические различия именно такого рода. Поэтому, рассматривая эти формы под общим наименованием «повелительно-желательной формы 3-го лица», мы отдаем дань сложившейся в монголистике традиции.

Таким образом, в монгольских языках существует не одна повелительно-желательная форма 3-го лица с разными показателями, а разные формы, в одних из этих языков подвергшиеся семасиологической контаминации. При таких условиях в тех монгольских языках, в которых нет одной из форм консессива, значения обеих могут передаваться другой, наличной в этих языках. В этой связи заслуживают внимания данные «Сокровенного сказания». Как известно, в текстах этого замечательного памятника

¹⁵ Однако этим самым не снимается этимологическая связь этой формы с тунгусо-маньчжурской повелительной формой на -kin ~ -gin ~ -ki ~ -kini, установленная Г. Рамстедтом.

¹⁶ Чинггелтеi, *Монгол келен-ү бабарин-у аман ажалбун-у абил-а-јин джүі бл үгес-үч джүі*, Кокехота, 1959, стр. 37 (далее — Чинггелтеi, *Монгол келен-ү бабарин-у аман ажалбун*).

¹⁷ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 72. — Применительно к калмыцкому языку Г. И. Рамстедт форму на -тхā считал повелительной 3-го лица, а суффикс -к показателем «повелительно-допустительной формы» 3-го лица (G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. XVII). Равным образом А. Мо-старт отметил, что в ордосском диалекте формы консессива на -тугā и -га соответственно означают *puisse* и *laisser* (*Textes Oraux Ordos*, p. XLV).

монгольского языка XIII в. имеются две формы: 1) *-тубай*, которую интерпретируют как показатель консессива, и 2) *-тхун*, выражающую обращение ко 2-му лицу обоих чисел и трактуемую в качестве исходной формы суффикса бенедиктивной формы (в результате метатезы): *Eden-i ekes kö'üd-i nuntuq-tur gejü nü'ütkün ta ber bu abcu yabutqun ke'et* (§ 72) 'Оставьте этих матерей с детьми в кочевьях и никого не берите вы с собою'; *Eye Jenggi-ben bu talutqun, jaqa-ban bu tamtulutqun ke'ejü* (§ 126) 'Не развязывайте узла своего единоклещника, не обрезайте своего собственного воротника'.

Эти данные позволяют думать, что ойратская форма на *-тхай* и дагурская на *-тхай* имеют генетическую общность с формантом «Сокровенного сказания» *-тхун*, хотя все эти формы не сходятся между собой в отношении лица. Но затруднение заключается в том, как объяснить то обстоятельство, что форма *-тхун* ~ *-ткун*, передавая обращение ко 2-му лицу, могла дать начало образованию указанных форм в ойратском и дагурском языках, форм обращения к 3-му лицу. В этой связи необходимо привести из «Сокровенного сказания» следующий пример: *Tatar irgen-e bariqdaba-bi; tabun quru'ud-iyän kimul tamutala, harbän quru'ud-iyän ha'uttala häci minu aburan soritqun* (§ 53) Эту фразу говорит Амбагай-хаган, находясь в плену у татар, для последующей передачи Хадаан-тайджию, и ее можно понять двояким образом: 1) 'Я схвачен татарами. Мстите, мои потомки, за меня до тех пор, пока не потеряете ногтей пяти пальцев и не лишитесь всех десяти пальцев!'; 2) 'Я схвачен татарами. Пусть мои потомки мстят за меня до тех пор, пока они не потеряют ногтей пяти пальцев и не лишатся всех десяти пальцев!' Подобное употребление формы на *-тхун* может открыть косвенную возможность полагать, что в «Сокровенном сказании» она при определенных контекстных условиях иногда применялась и при обращении к 3-му лицу.

Пропозитивная форма 1-го лица

Пропозитивная форма 1-го лица в монгольских языках этимологически находится в тесной связи с желательной, или оптативной, формой. Поэтому в монголоведной литературе данные формы иногда рассматриваются под общим наименованием «оптатива», хотя различие между ними было ясно уже Алексею Бобровникову¹⁸. В качестве показателя пропозитивной формы 1-го лица употребляется суффикс: *-су* ~ *-сү* (в классическом и особенно старомонгольском языках), *-с* (в ойратском) и *-лу* (в бурят-

¹⁸ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 132—133. Автор строго различает формы на *-сүги* и *-басаи*, в разговорной речи соответственно *-сү* и *-асаи*, первая из которых определяется как «повелительная форма 1-го лица единственного числа, выражающая намерение, решимость», а вторая — как «желательная форма всех трех лиц».

ском, в котором, как и в ойратском, этот суффикс как бы для уточнения числа сопровождается лично-предикативной частицей 1-го лица). Примеры: ст.-монг.: *барсу* 'выйду-ка!', *огсү* 'дам-ка!'; калм.: *ювсв* 'пойду-ка я!' *орсвдн* 'войдем-ка мы!'; бур.: *ошд-һуб* 'пойду-ка я!', *харһубдй* 'посмотрим-ка мы!'.

В современном монгольском языке применяется книжная форма *-сугай* ~ *-сүгэй* (в устной речи *-сүгдэ*), по-видимому, в порядке контаминации бурятской *-һу* и классического *-субай*, например: *олсугай* 'найдемте!' или *үджсүгэй* 'посмотрим!' В могольском языке имеется форма на *-сун* ~ *-сунд* ~ *-асун*, которая Г. И. Рамstedтом именуется «оптативом» и значение которой, однако, пока что точно не улавливается ввиду ограниченности могольских текстов¹⁹.

Желательная форма

Желательная форма всех трех лиц, иначе называемая также оптативной, встречается почти во всех монгольских языках и находится в непосредственной этимологической связи с пропозитивной формой 1-го лица, будучи исторически производной от нее.

В качестве показателей этой желательной формы применяются следующие суффиксы: 1) *-субай* ~ *-сүгей* — в классическом монгольском языке, *-сд* ~ *-сд* — в ойратском (в калмыцком — только 1-го лица), *-сд* — в монгорском, *-сэ* — в могольском, *-сэ* — в дунсянском и баоаньском, *-һд* ~ *-һе* ~ *-һө* — в бурятском, 2) *-ба-субай* ~ *-гесүгей* — в классическом монгольском языке, *-асд* ~ *-есэ* ~ *-бодө* ~ *-бсэ* — в монгольских диалектах, *-аһд* ~ *-еһд* ~ *-дһд* ~ *-дһд* — в эхирит-булагатском и некоторых других северно-бурятских диалектах и говорах²⁰.

Примеры: класс. *олсубай* 'найти бы'; ойр. *гарсд* 'выйти бы'; бур. *олдһө* 'найти бы'; мого. *јавасд* 'пойти бы'; северно-бур. *ошдһд* 'пойти бы'; хеленд 'сказать бы'; баоан. *асгэсэ* 'спросить бы', дунс. *уджэсэ* 'посмотреть бы'. В бурятском и ойратском языках лицо и число этой желательной формы уточняются лично-предикативными частицами, а в остальных языках — по контексту.

В монгорском языке суффикс *-сд* является показателем повелительной формы 2-го лица обоих чисел, имеющей бенедиктивное значение, и иногда употребляется также в сочетании с суффиксом повелительно-пригласительной формы 1-го лица (волюнтатива), например: *чи ддесд* 'кушай, пожалуйста', *тасгд ндге амусасд* 'попробуйте, пожалуйста', *бу рејасд* 'я приду [к тебе]'. Из такого употребления данной формы очевидно, что она в монгорском языке представляет собой контаминацию двух форм: пропозитивной первого лица на **-су* и желательной на **-субай* (А. де Смедт

¹⁹ G. J. Ramstedt, *Mogholica*, Helsingfors, 1905, S. 56.

²⁰ Б. В. Матхеев, *О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора*, — «Сборник трудов по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 153.

и А. Мостарт сопоставляют данную монгольскую форму с классической на *-субай* и, по-видимому, при этом не имеют в виду форму на *-су*²¹).

Для суффиксов первого рода исходной или более древней является форма **-субай ~ *-сугей*; которая разлагается на **-су- + *-г- + *-ай* (см. выше о суффиксе повелительно-желательной формы 3-го лица) и присоединяется непосредственно к основе глагола. Что касается суффиксов второго рода, то для них исходным является **-ацай* (\leftarrow **-га- + *-су- + *-г- + *-ай*). В данном случае, иначе говоря, первоначально исходный суффикс *-субай* присоединялся к так называемой расширенной потенциальной основе глагола на *-га-*, как это было уже установлено Г. И. Рамstedтом²². Например: класс. *баруба- + -субай*, халх. *гара- + -ца̄*, северо-бур. *гара- + -һя̄* 'выйти бы!' Отсюда и появились в старописьменном монгольском языке различные «незаконные» суффиксы типа *-басубай* наряду с «усеченными» типа *-цай*, при наличии которых суффикс *-субай* часто применяется в качестве показателя пропозитивной формы вместо *-су*, характерной для более ранних периодов истории старописьменного монгольского языка.

В старописьменном монгольском языке под влиянием, конечно, устной речи халхаского типа желательная форма появляется сравнительно поздно. Поскольку эта форма в монгольских языках развивалась на базе пропозитивной формы 1-го лица на *-су ~ -сү*, то в различных памятниках монгольской «письменности» и изданиях на старописьменном монгольском языке, не говоря уже о рукописях и скоростных бумагах, можно обнаружить многочисленные случаи контаминации этих двух форм. Поэтому определить, что же означают в том или ином случае написания типа, например, *орусубай* 'войду-ка я' или 'войти бы мне', можно лишь при помощи контекста. Известную долю дифференциации пропозитивной и желательной форм мы обнаруживаем лишь в написаниях типа *орусу* и *орусаи*, первое из которых встречается, правда, очень редко, если иметь в виду классический период.

Так как выше об элементе *-гай* уже говорилось, здесь лишь напомним указание Г. И. Рамstedта о том, что элемент *-су-* (\leftarrow **-сун- ~ *-суи-*) находит свои соответствия в других алтайских языках: тюрк. *-сун ~ -сын ~ -син* (повелительная форма 3-го лица) и тунгусо-маньчжур. *-со ~ -су ~ -һу* («повелительное наклонение») ²³.

²¹ A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, II partie, *Grammaire*, Peking, 1945, pp. 105—107 (далее — A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*).

²² G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 74.

²³ Ibid., Ss. 71—72; Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 83. Отметим, что в обоих этих трудах Г. И. Рамstedта различие между пропозитивной и желательными формами не проведено, хотя необходимость этого стала ясной для него уже при издании им словаря калмыцкого языка (см. G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. XVII, где пропозитивная форма 1-го лица определяется как «оптативная вторая»).

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица, иначе именуемая в монголистике волюнтаривной (*voluntativus*), встречается во всех монгольских языках и применяется со значением то лишь множественного числа (преимущественно в бурятском языке), то обоих чисел (в остальных монгольских языках), имея в качестве своего показателя суффикс *-jā~-ja~-je*. Этот суффикс фонетически реализуется в монгольских языках и диалектах различно, сопровождаясь эмфатическим удлинением и изменением гласного *-a~-e* в долгий *-ā~-ē~* (реже) *-ō~-ō~* (часто) *-i*. Впрочем, в «спокойной» речи такое изменение гласного *-a~-e* не наблюдается. В халхаском и некоторых диалектах прочих монгольских языков при *-a~-e→-i* имеет место факультативное выпадение согласного *-j-*. Примеры:

класс. *олуј-а* 'найдемте!', *бичіј-е* 'напишемте!'; халх.: *јавјā~јавјā~јавајā~јавјi~јавi* 'пойдемте!', *ірјē~ірјē~ірјi~іpi* 'придемте!'; бур.: *орјō~орјi* 'войдемте!', *хелјē~хелјē~хелјi* 'скажемте!'; ойр.: *дусјā~дусiја* 'давайте кончим!', *күцāј~күцāјā* 'давайте выполним!'; мог.: *іраја* 'давайте придем!', *болуја* 'давайте будем!'; монгор.: *авуја* 'возьму-ка!', *очија* 'выпью-ка!'; даг.: *ичiја* 'пойдемте!', *болдјā* 'давайте сделаемся!'; дунс. *уджэјэ* 'посмотрим!', *курэјэ* 'достигнем!'.

В могольском языке к этому суффиксу волюнтаривной формы наращиваются часто личные показатели *-yі ← *bi* 'я' и *-ōy ← *ba* 'мы'; в бурятском языке эта форма имеет лишь значение множественного числа, и в некоторых его диалектах к этому суффиксу присоединяется факультативно личный показатель *-bd'i ← bide* 'мы', например: бур. *харiјtbd'i* 'пойдемте домой!'; мог. *ірајayi* 'приду-ка!', *ірајdū* 'придемте!'

Из изложенного видно, что суффикс волюнтаривной формы 1-го лица, известной во всех монгольских языках, состоит из *-j-* и соответствующего краткого гласного, который эмфатически может быть долгим — он рассматривался Г. И. Рамstedтом как нечто вторичное с усилительным значением²⁴. Следовательно, как бы ни решался вопрос об этом «вторичном» кратком гласном *-a*, основным элементом данного суффикса оказывается согласный *-j-*, который Г. И. Рамstedт склонен был усматривать также в суффиксе так называемой второй изъявительной формы настоящего времени *-ju*. Следовательно, в монгольских языках волюнтаривная форма 1-го лица и указанная изъявительная форма восходят, по мнению Г. И. Рамstedта, к одной форме, первичным показателем которой является суффикс *-ju* или *-j (-i)*. Поскольку эта некая форма древнемонгольского языка имела в своем значении оттенок «долженствования», постольку ей было «придано повели-

²⁴ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 74.

тельное значение». По крайней мере, по мнению А. Бобровникова и В. Л. Котвича, такой оттенок имеет в старописьменном монгольском языке вторая изъявительная форма настоящего времени.

Таким образом, по мнению Г. И. Рамстедта, и образовалась новая форма, волюнтаривная форма 1-го лица²⁵. В этой же связи Г. Рамстедт упоминает примеры из классического монгольского языка типа *болуи*, *буи* (и *бују*), представляющие собою остатки причастия настоящего времени. Далее наш автор монгольский суффикс *-ју*, или *-ј*, сопоставляет с тюркским *-а-јын ~ -е-јин* (в орхонских текстах), который трактуется как показатель 1-го лица единственного числа будущего времени или повелительного наклонения, а также и желательного²⁶.

Дубитатив

Под наименованием дубитатива (*dubitativus*) в монголистике известна форма, которая встречается во многих монгольских языках, не всегда имея одинаковые значения: предостережения и опасения в монгольских диалектах, заверения 1-го лица и допущения 3-го лица для большинства бурятских диалектов и т. д. Если опираться на эти неодинаковые и другие значения дубитатива, то применительно к отдельным монгольским языкам и диалектам можно было бы говорить о различных формах повелительно-желательного наклонения, объединенных общностью происхождения своих показателей от исходного суффикса **-буджі ~ *-гүджі*. Но так как эти значения пока что в достаточной степени не изучены, в настоящем обзоре условно сохраняется общее и установившееся в монголистике наименование дубитатива независимо от того, как более точно эта форма должна была бы определяться применительно к тому или иному монгольскому языку и даже отдельному диалекту.

В качестве показателей дубитатива употребляются суффиксы: *-буджай ~ -гүджей* (в старописьменном монгольском, классическом, языке), *-удзй ~ -удзе* (в халхаском), *-уджй ~ -уджэ ~ -уджйн ~ -уджён ~ -уджан ~ -уджин ~ -уджин ~ -уджі ~ -уджі* (в ордосском), *-узй ~ -узй* (в ойратском), *-ужй ~ -ужй* (в бурятском)²⁷. Примеры: класс. *бичигүджей* 'как бы не написал!'; халх. *очудзй* 'как бы не отправился!'; орд. *медүджен* 'как бы не узнал!' или 'как бы не проведали!'; ойр. *јовузй ~ јовузй* 'как бы не ушел!'; бур. *оруужаб* 'ладно, я войду!'; *һагужй!* 'пусть доит!'

Исходным прототипом приведенных суффиксов дубитатива надо признать *-буджі ~ *-гүджі*, разложимый на два компонента: 1) **-бу- ~ *-гү-* и 2) **-джі*. Относительно первого из этих компо-

²⁵ Ibid., Ss. 73—74.

²⁶ Ibid.

²⁷ В бурятском языке этот суффикс сопровождается лично-предикативными частицами, а орфографически передается в виде *-ужа*.

нентов пока вряд ли можно сказать что-либо определенное, хотя его сопоставляют с элементом *-бу* в словах типа класс. *хата-бу* 'твердый' от *хата-* 'сохнуть', *дарубу* 'низкий', 'наклонный', 'скромный' от *дару-* 'давить' и т. п.²⁸ — по-видимому, здесь мы имеем дело со случайным совпадением. Компонент **-джи* в старописьменном монгольском, ойратском и современном монгольском языках наращивается усилительной частицей **-ai ~ *-ei → -ā ~ -e*, которую можно видеть в составе соответствующих компонентов суффиксов повелительно-наставительной формы 2-го лица *-a-p-ai*, повелительно-желательной формы 3-го лица *-ту-б-ai* и желательной формы *-су-б-ai*. Таким образом, в чистом виде компонент **-джи* сохраняется в бурятском языке и (в суффиксах *-уджин ~ -уджи*) ордосском диалекте.

То специфическое значение, которое имеет бурятский «дубитатив», допускает возможность того, что компонент **-джи* имеет какую-то этимологическую связь с утвердительной частицей *дж-а* (в классическом языке), *дзā ~ дзā* (в халхаском) и *зāё ~ зā* (в бурятском и ойратском) 'ладно', 'хорошо', 'да'. Еще Г. И. Рамstedт относительно дубитативных форм в ойратском (калмыцком) языке на *-мзā* (*ирмзā* 'надеюсь, что еще придет!') и *-узā ← *-взā* (*ирүзā* 'как бы не пришел!') определенно утверждал, что они образовались посредством присоединения утвердительной частицы *зā* к изъявительным формам соответственно настоящего и прошедшего времен (суффиксы *-муі, -му; -ба, -бай*)²⁹. Однако, как нам думается, утвердительная частица *зā ← *дж-а* вряд ли сама по себе могла оказаться одним из компонентов суффикса дубитативной формы: здесь возможно говорить лишь о том, что эта частица, повторяем, лишь находится в какой-то этимологической связи с одним из компонентов суффикса данной дубитативной формы.

Весьма любопытно, что в ордосском диалекте дубитатив выражается также суффиксами *-джā ~ -джан ~ -дже ~ -джен* и *-джин*, которые наращиваются не к основе глагола, а к изъявительной форме прошедшего времени на *-ва*, и соответственно определяются А. Мостартом как дубитативы III и IV: *унаваджā ~ унаваджин* 'смотри не падай!', 'упадешь!'. В этом же диалекте дубитатив (по Мостарту — дубитатив V) выражается посредством суффикса *-гун ~ -гун*, например: *арихи увул согтогуу* 'если выпьешь вино, то смотри не опьяней!'³⁰.

Как известно, в ряде монгольских языков изъявительные

²⁸ См. G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 90—91, где автор компонент *-джи* сопоставлял с тюркским *-джак* (*-шак ~ -сак*) в образованиях типа *таргынджак* (*таргыншак* и т. д.) 'стесняющийся', 'робкий', хотя позже мы находим у него уже другое толкование, о чем см. ниже.

²⁹ G. J. Rainstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. XVII. — В ойратских диалектах Китая дубитативная форма своим показателем имеет суффикс *-бсā* или, в говоре элетов, *-бзā ~ -бзā* и употребляется применительно ко 2-му и 3-му лицу: *jobobсā ~ jobobзā* 'как бы ты (он) не ушел'.

³⁰ A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLII.

формы прошедшего времени иногда употребляются с дубитативным значением: бур. *унабайш* 'смотри не падай!', *гарлд* 'как бы не вышел' Ещё А. Бобровников заметил, что «первая повествовательная форма употребляется в разговорном языке для выражения предостережения. Например, *чи ене шадајиги оркибу чи* 'Смотри не пропусти этой строки!', *Табун джабун джил-ече джирбал-дабан тасібураджу сабуба чи* 'Да смотри, предаваясь своим забавам, не пресиди более пятисот лет'³¹. Это явление Г. И. Рамстедт в свое время склонен был трактовать как единичное отрицательное образование, идентичное тюркским отрицаниям (якобы здесь монг. *-ба* ← тюрк. *-ма*), что, конечно, не является правильным хотя бы по причине применения в монгольских языках с тем же дубитативным значением и такой изъявительной формы, как *-лай* ← **-луа* ~ **-луге* (к тому же ведь здесь не отрицание, а предостережение)³².

!Изолированные повелительно-желательные формы

Кроме описанных выше форм повелительно-желательного наклонения встречаются и такие формы этого наклонения, которые употребляются лишь в отдельных монгольских языках, имея, стало быть, ограниченное распространение и являясь поэтому в системе монгольского глагола в целом изолированными.

В халхаском, ойратском и монгорском языках встречается так называемая «потенциальная форма», показателем которой является суффикс *-мдзй* (халх.), *мзй* ~ *-мз* (ойр.), *-мдзйй*, например: халх. *ирёмдзё* 'возможно, что придет', ойр. *гармзй* 'возможно, что выйдет' (для ойратского языка Г. И. Рамстедт эту форму называл *dubitativus optans*), монгор. *курумдзйй* 'возможно, что достигнет'. Этот суффикс восходит к **-м-* (суффикс изъявительной формы настоящего времени) + **-джи*, т. е. к **-мджи*, второй компонент которого мы видели в составе суффикса дубитативной формы, о чем см. выше. В старописьменном монгольском языке этой форме соответствует именно сочетание изъявительной формы настоящего времени на *-м* ~ *-муи* с утвердительной частицей *дж-а* ~ *дж-е*, например: *барумуи дж-а* 'конечно, выйдет', *укум дж-е* 'пожалуй, умрет', *бобунідум дж-а* 'вероятно, укоротится'.

В бааринском говоре зарегистрирована повелительно-желательная форма 3-го лица на *-мач* ~ *-манчй* ~ *-манч*, которую можно было бы назвать формой вынужденного согласия, например: *Тер аббал абманчй* 'Если он берет, то пусть берет!', *Гарбал гарманчй* 'Если выходит, то пусть выходит!'. Эта форма иногда употребляется с вопросительной частицей, например: *Тер гарбал гарманчй?* 'Что же, ему выходить?' В известных случаях эта форма приме-

³¹ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 14 и 348.

³² G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 66.

няется и в 1-м лице, например: *би согтбол согтмач* 'Если я опьянею, то пусть опьянею!'. Пока не представляется возможным относительно этого суффикса сказать что-либо определенное.

В этом же бааринском говоре³³ встречается также форма 1-го лица того же наклонения на *-āslā ~ -āsslā*, которая по значению является желательной, например: *јірēsлā* 'да пришел бы!', *бордн орбслā* 'да пошел бы дождь!' Эта форма изредка применяется и в 1-м и 2-м лице, например: *би (чи) сән сураслā* 'да хорошо бы мне (тебе) преуспевать в учебе!' По-видимому, суффикс этой желательной формы представляет собою местную бааринскую contamination суффикса желательной формы на *-ācā-* и частицы логического ударения *-ла*: *-ācā + -ла → -āslā*. Отметим, что в этом же бааринском говоре суффикс *-āc* наряду с *-āш* является показателем повелительно-просительной формы 2-го лица, например: *јабāш ~ јабāс* 'иди же!', *угāш ~ угāс* 'пей же!'

Последнее обстоятельство заставляет предположить, что повелительно-просительная форма вряд ли оказывается следствием эмфатического употребления повелительной формы 2-го лица. По-видимому, в бурятском, ойратском и халхаском лично-предикативная частица *-ш ~ -ч* в суффиксе повелительно-просительной формы стала таковой в результате ложной этимологии какого-то согласного компонента данного суффикса. Если дело обстоит действительно таким образом, то в бурятском суффиксе повелительно-просительной формы лично-предикативная частица множественного числа *-т ← -та* 'вы' появилась лишь по аналогии. Примечательно, что в халхаском и ойратском применение этой лично-предикативной частицы множественного числа не является обычным, распространенным и широко известным (в халхаском это может быть результатом бурятского влияния).

Остается в заключение указать, что в некоторых монгольских языках и диалектах встречаются комбинированные повелительно-желательные формы. Так, например, в монгорском языке имеется форма консессива на *-ragi*, выражающая вынужденное согласие: *алараги* 'что ж, пусть убьет!' *осераги* 'что ж, пусть растет!' (о траве), *лосераги* 'что ж, пусть голодает!', 'что ж, придется ему голодать!' Суффикс этой формы состоит из компонентов *-ра-* и *-gi*. По мнению А. Мостарта, первый из них фонетически совпадает с суффиксом монгорского же целевого деепричастия (*gégondif final*), а второй соответствует суффиксу повелительно-желательной формы 3-го лица, хорошо известный в других монгольских языках (*-г ~ -к*)³⁴. Однако представляется более вероятным, что

³³ Чинггелтеi, *Монгол келен-й баарин-у аман ајалхун*, стр. 28—29. — Данная форма имеется также в ряде говоров восточного диалекта, например, в ару-хорчинском (см. Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 41—42).

³⁴ A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 106 et 128.

здесь компонент *-ра-* соответствует элементу *-р-* в суффиксе повелительно-наставительной формы 2-го лица (см. выше).

В некоторых бурятских диалектах за последние годы обнаруживались новые или подтверждались прежде известные комбинированные формы повелительно-желательного наклонения, распространенные и употребительные не в одинаковой степени.

1) Повелительно-наставительная форма 2-го лица множественного числа, известная почти во всех бурятских диалектах, выражается посредством комбинированного суффикса *-арăгтĭ* ← *-арă-* (суффикс той же формы для обоих чисел) + *-гтĭ* (суффикс повелительной формы того же лица множественного числа), например: *хагарăгтĭ* 'закройте потом!' Легко видеть, что в данном случае суффикс *-гтĭ* является вторым компонентом этого комбинированного суффикса, будучи применен вместо лично-предикативной частицы 2-го лица множественного числа *-т* ← *та* 'вы' (*хагарăгтĭ* вместо *хагарăт* с тем же значением 'закройте потом!').

2) Комбинированным суффиксом повелительно-желательной формы 3-го лица будущего времени, встречающейся в отдельных бурятских диалектах и употребительной очень редко, является *-арăг* ← *-арă-* + *-г*, т. е. сочетание форм 2-го и 3-го лица, *харарăг* 'посмотрит пусть потом!' В этой комбинированной форме ее первый компонент *-арă* оказывается лишь временным показателем, поскольку он самостоятельно выражает действие, подлежащее исполнению в будущем.

3) Наконец, в нижнеудинском и некоторых северобурятских диалектах, преимущественно в благопожеланиях, имеется комбинированная и как бы сдвоенная повелительно-желательная форма 3-го лица на *-тагăг* ~ *-тагăк* ← *-*тубай* + **-г* (два разных суффикса одной и той же глагольной формы, — см. выше), например: *ордл болтогôг!* 'да будет благо!', *теңгери харатагăг!* 'да убежит небо!' ³⁵ Образование этой комбинированной повелительно-желательной формы 3-го лица надо объяснять, по-видимому, тем, что в бурятских диалектах форма на *-тагă* ~ *-тогô* почти совершенно неизвестна и в таком виде применяется преимущественно в шаманской поэзии и эпосе. Поэтому, надо думать, второй компонент *-г* ~ *-к* играет роль уточнителя.

Таким образом, в монгольских языках и диалектах возможны различные комбинированные формы повелительно-желательного наклонения, составные компоненты суффиксов которых играют самую разнообразную смысловую роль. Характерно, что такие комбинированные формы отсутствуют в составе других глагольных (изъявительных, причастных и деепричастных) форм.

³⁵ См. также А. А. Дарбеева, *Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят*, — «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского Института», вып. 3, «Серия востоковедная», Улан-Удэ, 1960, стр. 123.

Основные повелительно-

Языки и диалекты Формы	Монг.	Бур.	Ойр.	Даг.	Монгор.
Повелительно-наставительная 2-го лица	-арā-	-арā-	—	—	—
	—	—	—	-гāн'ē, -гāн'ī	—
Повелительно-просительная 2-го лица	-а-	-ī-	-ī-	-ā-	—
Повелительная 2-го лица мн. числа	-гтāң, -гтуң	-гтī, -гтуī, -гтуң	—	—	—
	—	—	-тн	-тā	—
Повелительно-желательная 3-го лица	-г ~ -к	-г ~ -к	-г ~ -к	—	-ге ~ -гī
	—	—	—	—	-лаге
	-түгā	-тāгā	-тхā, -тхā	-тгаī, -тхаī	—
Пропозитивная 1-го лица	-сугā	-һу-	-с-	—	—
	—	—	—	—	—
Желательная	-асā	-аһā-	--	—	—
	—	-һā-	-сā, -сā	—	-сā
Повелительно-просительная 1-го лица	-jā-, -jā, -jl, -ī	-jā, -jī	-jā, -īj, -ījā	-jā	-ja
Дубитативная	-удзā, -үджā[н], -уджī[н]	-үжī-	-үзā, -үзā	—	—

желательные формы

Дунс. и баоан. .	Могол.	Класс.	Исходный прототип
—	—	—	<i>-а- (-ба-) -р-аі</i>
—	—	—	<i>-ба-?</i>
—	—	—	?
—	—	<i>-бтун</i>	<i>-б-тун (-ту?)</i>
—	<i>-ту[нà]</i>	—	<i>-ту[н]</i>
<i>-гэ</i>	<i>-га</i>	—	<i>-г</i>
—	—	—	<i>-г-г</i>
—	—	<i>-тубаі</i>	<i>-ту-б-аі</i>
—	<i>-сун[à]</i>	<i>-су</i>	<i>-су</i>
—	<i>-асун?</i>	—	<i>-ба-су</i>
—	<i>-асун?</i>	—	<i>-ба-су-б-аі</i>
<i>-сэ</i>	—	<i>-субаі</i>	<i>-су-б-аі</i>
<i>-јэ</i>	<i>-ја</i>	<i>-ја</i>	<i>-ја (-ј-а?)</i>
—	—	<i>-буджаі</i>	<i>-бу-джи-аі (-бу-джи?)</i>

Выше мы дали таблицу основных повелительно-желательных форм, наиболее употребительных и распространенных в монгольских языках и диалектах. В этой таблице знак дефиса после соответствующих суффиксов означает, что к последним присоединяются лично-предикативные частицы; знак тире означает, что в том или ином монгольском языке данный суффикс либо отсутствует, либо пока еще не зарегистрирован. Изменения в вокализме соответствующих суффиксов, вытекающие из правил сингармонизма, не отмечаются. Не помещена в таблице повелительная форма 2-го лица, совпадающая с основой глагола и не имеющая какого-либо суффиксального оформления. Показанные в таблице исходные прототипы соответствующих суффиксов не являются обязательно «праязыковыми», поскольку их образование и появление относятся к разным периодам развития монгольских языков. Все сказанное здесь относится ко всем таблицам глагольных форм, помещенным ниже на стр. 129, 139 и 166—167.

Отрицания (запретительные частицы)

В монгольских языках повелительно-желательные формы глагола имеют только им свойственные частицы отрицания, или запрета, которые не применяются при других глагольных формах: 1) класс. буу, даг. бᠦ. бур. бу, монгор. бᠢ, дунс. бу и мог. бᠢ 'не'; в некоторых монгольских диалектах и современном монгольском литературном языке частица отрицания классического языка буу употребляется, принимая фонетический облик бᠦ и являясь как бы чисто книжной; 2) халх. битгий, ордоск. бичиге, калм. бичкэ и баоан. тэгэ 'не'. Примеры:

класс. буу ору 'не входи', даг. бᠦ жаута 'не уезжайте', бур. бᠦ гаря 'не выходи', монгор. бᠢ нчалахге 'пусть он не спит', дунс. бу ирэгэ 'пусть не приходит', бу эчи 'не ходи', халх. битгий суу 'не сиди', орд. бичиге хара 'не смотри', калм. бичкэ бос 'не вставай', баоан. тэгэ окэ 'не давай'.

Относительно происхождения второй частицы отрицания Б. Я. Владимирцовым было высказано ныне никем не оспариваемое предположение о том, что она представляет собой консессивную форму вспомогательного глагола бᠦ- (бᠦ- ~ бᠦ-?) 'быть': бᠦтᠦгеи 'пусть будет'³⁶. Конечно, с семасиологической точки зрения трудно понять, как из положительной формы консессива древнейших монгольских диалектов с течением времени в некоторых современных монгольских языках могла получиться частица с отрицательным значением (впрочем, ср. русское разговорное *будет* в смысле 'довольно', 'достаточно', 'хватит'). Однако друго-

³⁶ Б. Я. Владимирцов, *О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке*, — «Известия Академии наук», Пг., 1916, стр. 349—358.

го, более удовлетворительного предположения об этимологии этой монгольской отрицательной частицы высказать пока невозможно.

Что касается первой отрицательной частицы *буу*, то ее этимология остается совершенно темной.

Как на особенность употребления приведенных частиц отрицания *буу* и *битгий*, которые ставятся обычно непосредственно перед соответствующими глаголами, следует отметить, что очень часто они располагаются не непосредственно перед глаголами, а перед теми словами, которые управляются последними: *битегей сирой тобусу болба* (X. X.—102) 'не пыли' (букв. 'не прах пыль сделай'), *тунг битегей уген-дуні ору* (X. X.—150) 'не поддавайся его речам' (букв. 'совсем не речам его входи'). Таким образом, получается как бы своеобразное замыкание.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Имперфектный презенс

В монгольских языках изъявительное наклонение настоящего времени, имперфектный презенс, представлено формами, в качестве показателей которых применяются следующие суффиксы: а) *-м*, *-муі* (*-му*), *-на*, *-нам* и б) *-ју*, соответственно образующие первую и вторую описательные формы (по терминологии А. Бобровникова). Все эти изъявительные формы настоящего времени, различие между которыми будет показано особо и которые иначе именуются формами несовершенного настоящего времени (в зарубежной монголистике *praesens imperfecti*), ниже рассматриваются по отдельности (по суффиксам).

Здесь необходимо сказать лишь несколько слов относительно формы на *-ју* ввиду ее неупотребительности в современных монгольских языках. Эта форма на *-ју* встречается лишь в старописьменном монгольском языке (преимущественно в доклассический период) и памятниках монгольской речи XIII—XIV вв., например: *иреју* 'приходит', *олују* 'находит', *медеју* 'знает'. Суффикс *-ју* еще Г. И. Рамстедт считал возможным этимологически увязать с показателем волонтактивной формы *-ја*, а его «более краткий вариант» *-ј* находил в словах типа *јабуі* 'идуший', *буі* 'сущий', *баруі* 'свыше' и т. д.³⁷ Как известно, Б. Я. Владимирцов этот же краткий *-і* в словах приведенного типа считал суффиксом былого причастия настоящего времени³⁸. Поэтому мало вероятно, чтобы затрагиваемый нами суффикс *-ју* был этимологически связан с этим кратким *-і* в словах подобного рода. Показания о вокализме суффиксов изъявительных форм, встречающихся в «Сокро

³⁷ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 173—174.

³⁸ Б. Я. Владимирцов, *Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке*, — «Доклады Российской Академии наук», Л., 1924, стр. 55.

венном сказании», дают основания полагать, что вариант *-ju*, якобы «полный», был всего лишь формой мужского рода единственного числа (*-ai* — того же рода множественного числа, *-i ~ -ji* — женского рода единственного числа). Если данные о наличии категории рода в раннемонгольском языке получают свое дальнейшее подтверждение, то вопрос о вокализме конечного слога какого бы то ни было монгольского суффикса должен получить какие-то другие решения. Например, тогда не будет исключено, что суффиксы данной изъявительной формы *-ju ~ -i ~ -ji* окажутся предикатными вариантами суффикса *-ба*, показателя причастия настоящего времени, о чем речь будет идти дальше.

Оставляя вопрос о суффиксе *-ju* на предмет дальнейших исследований, ниже приступаем к рассмотрению суффиксов *-м*, *-муи*, *на* и *-нам*.

1) *-м*

Показатель *-м* в его «чистом» виде обнаружен пока в монгорском, баоанском и могольском языках³⁹. А. де Смедт и А. Мостарт дали необходимые сведения о наличии этого показателя в памятниках монгольского языка, преимущественно XIII—XIV вв., и в составе различных глагольных и отглагольных образований⁴⁰. В монгорском языке суффикс *-м* является показателем изъявительной формы настоящего времени, например, *курум* 'достигает', *фугум* 'умирает', или, согласно сообщению Б. Х. Тодаевой, будущего времени, например, *танім* 'узнает' (в том же монгорском языке), баоан. *рэм* 'придет'. Любопытно, что и в могольском языке эта форма оказывается индикативом будущего времени, например, *хаулам* 'сдерет', тогда как форма на *-на* в этом же могольском языке оказывается индикативом настоящего времени. Последующие, более тщательные исследования должны показать, какие различия существовали в употреблении формы на *-м* в монгольской речи XIII—XIV вв. по сравнению с формой на *-муи*, ибо эти формы применялись в то время параллельно.

Суффикс *-м* находят иногда в качестве одного из компонентов суффиксов 1) «потенциальной» и дубитативной форм, 2) «полных» изъявительных форм настоящего времени на *-муи* и *-нам*, а также и на *-му*, и 3) отглагольных имен типа халх. *ангайм* 'до того, что раскрывается' и *тохом* 'потник' соответственно от глагольных основ *ангай-* 'раскрываться' и *тох-* 'накладывать на спину' (например, лошади). К этим немногим формам и образованиям можно было бы прибавить еще отглагольные образования типа *аёмхā* 'боязливый', *аёмшг* 'страх' и *аёмтгā* 'боязливый'

³⁹ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 82 и 118.

⁴⁰ A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 107—109; Shinobu Iwamura, *The Zirni Manuscript, A persian-mongolian glossary and grammar*, Kyoto, 1961, p. 23.

от *аё-* 'бояться', деепричастие образа действия на *-мгаша*: *хум-гаша* 'сидя'. Однако мало оснований полагать, что такого рода сопоставления действительно отражают возможность реальной этимологической связи данного суффикса *-м* с суффиксами образования отглагольных имен всех приведенных типов и бурятского деепричастия образа действия. Соображения фонетического, грамматического и семасиологического порядка скорее всего исключают такую возможность, как бы ни были соблазнительны приведенные сопоставления по частному или случайному звуковому сходству показателей различных грамматических и лексикологических категорий.

2) *-муі*

В старописьменном монгольском языке в качестве основного, более полного или «классического» показателя изъявительной формы настоящего (настояще-будущего) времени признается суффикс *-муі*, например: *барумуі* 'выходит', 'выйдет', *бичімуі* 'пишет', 'напишет'. Этот суффикс состоит из двух компонентов: *-м* (см. выше) и **-уі*. Предположение Г. И. Рамштедта о том, что в старописьменном монгольском языке суффикс *-м*, встречающийся наряду с *-муі*, появляется в более позднее время под влиянием «народного языка», т. е. устной речи⁴¹, в настоящее время следует считать отпавшим. Дело в том, что, во-первых, суффикс *-м* в устной речи пока обнаружен лишь среди баоаней и монголов, которые не могли в какой бы то ни было мере оказать влияние на старописьменный монгольский язык. Во-вторых, этот суффикс встречается, как уже выше сказано, и в памятниках монгольского языка XIII—XIV вв.

Относительно суффикса *-муі* в монголистике высказано много самых различных предположений⁴² и все же вопрос о нем до сих пор продолжает оставаться покрытым мраком неизвестности. Если признать, что компонент **-м* данного суффикса является исконным и более первоначальным, каково бы ни было его происхождение и как бы ни оставалась туманной его же этимология, то вопрос о втором компоненте этого же суффикса **-уі* также далек от своего разрешения. Если компонент **-м* в качестве самостоятельного суффикса *-м* зарегистрирован в баоанском и монгорском языках, а также в памятниках монгольского языка XIII—XIV вв., то суффикс *-муі* в целом встречается лишь в старописьменном монгольском языке и не обнаружен ни в одном из живых монгольских языков и диалектов (искусственная речь грамотеев из среды чиновничества и ламства дореволюционного времени здесь не может быть, конечно, принята во внимание).

Если бы суффикс *-муі* в целом мог сохраниться с той или иной фонетической модификацией в каком-либо монгольском язы-

⁴¹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 75.

⁴² Ibid., Ss. 75—80.

ке или диалекте, то следовало бы ожидать что-нибудь вроде *-ми* или *-маі* → *-мā* (ср. суффикс имперфектного претерита *-джубуі ~ -джибай*). В свое время Г. И. Рамstedт обратил внимание на халхаское слово *jamā* 'ну и пусть!' ← *ja* 'как быть?' + суффикс *-мā* ← **-маі*, который нельзя отделить от *-муі*, и на указание А. Орлова о наличии суффикса *-маі ~ маіджін* в неназванном им монгольском диалекте, имеющего деепричастное значение (*хеле-меі* 'говоря')⁴³. Выше мы указали на открытую Чингэлтэем в бааринском диалекте повелительно-желательную форму на *-мāнч ~ -мāчā*, в суффиксе которой легко видеть искомый *-мā* ← *маі* и пока неизвестный *-ч ~ -нч ~ -нчā*. Таким образом, ныне можно считать установленным наличие в монгольских диалектах суффикса *-мā* ← **-маі*, с которым в определенной этимологической связи, по мнению Г. Н. Рамstedта, находится показатель тунгусо-маньчжурского деепричастия настоящего времени *-мэ ~ -мі*⁴⁴. Это, конечно, еще не объясняет, что же представляет собою в суффиксе *-муі* его второй компонент *-уі*, а лишь уравнение с одним неизвестным превращает в уравнение с двумя или более неизвестными...

Что касается орфографической формы суффикса *-муі* в старописьменном монгольском языке при отсутствии написания в виде *-маі*, то это, возможно, объясняется влиянием губного согласного элемента *-м*. Следовательно, в этом случае здесь решающим может оказаться лишь элемент *-і*, который вместе с каким-либо другим гласным в монгольских языках образует эмфатическую частицу (ср., например, *-бай* ← *-ба- + -і* в суффиксе перфектного претерита; *-арай* ← **-а- + *-р- + *-ай* в суффиксе повелительно-наставительной формы 2-го лица и т. д.). Правда, такое предположение встречает серьезное сопротивление в том, что в старописьменном монгольском языке изъявительная форма на *-муі* не отличается от той же формы на *-м* тем, что она имеет эмфатическое значение, если не считать случаев ее применения вроде стереотипного *мбргүмуі* 'поклоняюсь!' в текстах буддийского содержания.

Однако этот вопрос может получить свое положительное решение, если полностью оправдаются известные предположения ряда монголистов (П. Пеллио, С. Одзава, Г. Дорфера и др.) о наличии категорий грамматического рода и числа в древнемонгольской системе глагола. Согласно этим предположениям, изъявительные формы настоящего времени на *-му* и *муі* являются формами мужского рода соответственно единственного и множественного чисел. Правда, в этом случае остается без разъяснения, что же представляет собою форма на *-м* и как же выражается в этой форме женский род тех же чисел; кроме того, в данном же случае необходимо допустить развитие *-муі* ← **-мун*, что пока еще не зарегистрировано в памятниках монгольского языка.

⁴³ Ibid., Ss. 77—78.

⁴⁴ Ibid.

3) -на

Суффикс *-на* (~ *-не* ~ *-но* ~ *-нѳ*, реже *-н*) встречается во всех монгольских языках, кроме старописьменного, в котором он появляется под несомненным влиянием устной речи. Гласный компонент этого суффикса реализуется самым различным образом, что зависит от наличия или отсутствия эмфазиса, то в виде редуцированного *-а* или даже нуля, то в виде долгого *-а*. Примеры:

мог.: *ирана* 'приходит', *асагунз* 'спрашивает'; ойр.: *јомна* 'идет', *ѳгна* ~ *ѳгн* 'даёт'; халх.: *орнѳ* ~ *орно* ~ *орбн* 'входит', *сунѳ* ~ *сун* 'сидит'; бур.: *гарна* 'выходит', *ошбнѳ* 'отправляется'; даг.: *шадан* 'умеет', *медѳн* 'знает'; орд.: *уилана* 'плачет', *унуна* 'садится верхом'; монгор.: *гарина* ~ *гарини* 'выходит', *куруни* 'достигает'; дунс.: *јавунѳ* 'пойдёт'.

Если гласный компонент данного суффикса спорадически выпадает, то в тех монгольских языках, в которых конечный переднеязычный согласный *-н* сохраняет свое качество, не переходя в заднеязычный же *-н*, получают омоформы:

а) изъявительная форма настоящего времени и б) слитное деепричастие, например: ойр. *сун* (*суна*) 'сидит' и *сун* 'сидя', баарин. *харан* 'смотрит' и *харан* 'смотря' и т. д.

Г. И. Рамstedт рассматривал в суффиксе *-на* ~ *-на* гласный *-а* (*-а*) как вторичный элемент, который постепенно становился неизбежным во всех тех случаях, когда какое-либо слово применялось предикативно, и в более позднее время снова подвергся редукции и даже полному исчезновению. Таким образом, по мнению Г. И. Рамstedта, изъявительная форма настоящего времени на *-на* в конце концов восходит к отглагольному имени на *-н*⁴⁵. Этим самым данная изъявительная форма ставилась в генетическую связь с слитным деепричастием. А. де Смедт и А. Мостарт относительно этого деепричастия писали, что его суффикс *-н* в сочетании с частицей *-а* или *-и* образует форму, которая более всего употребительна для выражения индикативного презенса⁴⁶. Первоначальная, или исходная, форма на *-н* признается отглагольно-именной потому, что слитное деепричастие обладает некоторыми именными признаками, о чем см. ниже.

4) -нам

Суффикс *-нам* (~ *-нем*) встречается лишь в старописьменном монгольском языке и зарегистрирован в памятниках монгольского языка ранних периодов. Например: *барунам* 'выходит', 'выйдет', *иренем* 'приходит', 'придет' и т. д. Относительно этого суффикса Г. Рамstedт в свое время не имел определенного мнения, но

⁴⁵ Ibid., S. 80.

⁴⁶ A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, p. 126.

полагал, что он представляет собой либо контаминацию синонимичных суффиксов же *-на* и *-м*, либо скорее всего, как думал еще Я. Шмидт, сочетание показателя слитного деепричастия *-н* и *ам* (\leftarrow *амуи*), т. е. вспомогательного глагола *а*- 'быть', ныне омертвелого, в форме настоящего времени изъявительного наклонения⁴⁷. Однако такое предположение Я. Шмидта можно было бы принять лишь в случае подтверждения с фактической и семасиологической точки зрения. Дело в том, что в монгольских языках сочетание названных форм не имеет такого распространения, какое характерно для сочетания соединительного деепричастия со вспомогательными глаголами. А между тем только такое сочетание может привести к полному сращению составляющих его компонентов, как это произошло с сочетанием соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *бае*- 'быть', например, в западных бурятских диалектах: *орбжй*- \leftarrow *орбжй бае*- 'входить' при *орб*- 'войти' (такие же образования в ойратских и других монгольских диалектах хорошо известны и описаны в монголоведной литературе). Во всяком случае возможность образования суффикса *-нам* из *-н + ам* \sim *амуи* никак нельзя обосновать исторически и фактически. Кроме того, следует иметь в виду, что такого рода деепричастно-глагольные сочетания характеризуются определенными значениями, близкими к значениям русского несовершенного вида (см. выше о видах) и отсутствующими в форме на *-нам*.

В связи с излагаемым необходимо обратить внимание на явления в могольском языке, в котором изъявительная форма настоящего времени по лицам спрягается следующим образом:

- 1-е л. ед. ч. *-нам-би* \sim *-м-би*
- 1-е л. мн. ч. *-намда* \sim *-мда* \sim *-нумба*
- 2-е л. ед. ч. *-нан-чи* \sim *-нчи*
- 2-е л. мн. ч. *-нан-то* \sim *-нто*.

Следовательно, оставляя в стороне лично-предикативные частицы, мы в этих суффиксах находим компоненты *-на* и *-м* (позиционно перед смычными согласными *-н*). Вместо этих компонентов здесь невозможно видеть аналитическое сочетание слитного деепричастия на *-н* со вспомогательным глаголом в изъявительной форме настоящего времени *ам* или *ам* \leftarrow *амуи*, т. е. полагать, что, например, *болунам-би* 'я становлюсь' образовался из *болун ам би* 'становясь есмь я'. Дело в том, что компонент *-м* отсутствует в формах 3-го лица (правда, мы ныне не располагаем еще могольскими текстами в достаточном количестве). Далее, что особенно важно и весьма существенно, этот же самый загадочный компонент *-м* имеется в могольском же имперфектном претерите (*болджам-би*, *болджамба*, *болджан-чи* и *болджан-то* соответственно

⁴⁷ G. J. Ramstedt, *Mogholica*, Helsingfors, 1905, S. 56.

'становился я', 'становились мы', 'становился ты' и 'становились вы') в формах первых двух лиц обоих чисел⁴⁸. Если во что бы то ни стало соблазняться предположением о развитии суффикса *-нам* из *-н + ам* или *амуи*, то тогда ничего другого не остается, как думать, что в могольском имперфектном претерите суффикс *-джа* является показателем именного или деепричастного характера, с которым только и может сочетаться какой-либо вспомогательный глагол. Совершенно очевидно, что возможность такого решения данного вопроса необходимо исключить. Равным образом показания могольского языка не в состоянии поддержать и робко высказанное Г. И. Рамstedтом предположение о контаминации двух синонимичных суффиксов *-на* и *-м*, а поэтому признать идентичными, с одной стороны, самостоятельный суффикс *-м* и, с другой, второй компонент *-м* в составе суффикса *-нам*.

Таким образом, вопрос относительно рассмотренного нами компонента *-м* и суффикса *-м* продолжает оставаться открытым и загадочным. Попытки же привлечь сюда омонимичные с ними словоизменительные и словообразовательные суффиксы и частицы ни в какой степени не приближают нас к искомому решению. В еще меньшей степени помогают делу произвольные сопоставления исследуемых нами морфем с однозвучными суффиксами других алтайских языков.

Перфектный презент

Перфектный презент в монгольских языках имеет различные смысловые оттенки как с точки зрения выражения времени, так и модальности, а поэтому в монголоведных грамматических пособиях называются не всегда одинаково, о чем будет сказано особо. В качестве показателей перфектного презента употребляются следующие суффиксы как бы трех типов, восходящие к одному и тому же прототипу **-луба ~ *-лүге*:

1) *-луба ~ -лүге* (в старописьменном монгольском, классическом, языке), *-ла ~ -лэ ~ -ло ~ -лб* (в халхаском, ордосском и др.), *-ла ~ -ла̄* (в ойратском), *-ла ~ -лаң* (в минхэ-монгорском говоре), — исходный прототип **-луба ~ *-лүге*;

2) *-луба̄и ~ -лүге̄и* (спорадически) *-лаба̄и ~ -леге̄и* (в раннестарописьменном и памятниках монгольского языка XIII—XIV вв.), *-ла̄ ~ -лэ̄ ~ -ло̄ё* (бур.), *-ла̄ ~ -ло̄ё* (баар.), — непосредственный исходный прототип **-луба̄и ~ *-лүге̄и ← *-луба + *i ~ *-лүге + *i*;

3) *-ла̄* (монгольский), *-л̄* (в дагурском) — исходный прототип **-лу*. Примеры:

к л а с с.: *дарулуба* 'давил', *немелүге* 'привил'; х а л х.: *очло̄* 'отправился', *гарла̄* 'вышел'; о р д.: *иделэ̄* 'ел', *бала̄* 'был'; о й р.: *орла̄* 'вошёл', *бичла̄* 'написал'; д о к л а с с.: *жабулуба̄и* 'пошёл', *меделүге̄и* 'узнал', *бичилеге̄и* 'писал'; б у р.: *ошло̄ё* 'пошёл', *жа-*

⁴⁸ Ibid., Ss. 56—57.

балъ 'ходил'; баарин.: *абла* 'взял', *орлоё* 'шёл' (о дожде); мог.: *ирала* 'пришёл', *болула* 'настал'; даг.: *сом* 'сел', *жарай* 'поспешил'; минхэ-монгор.: *сула-сулаң* 'сидит'.

О суффиксах этой же изъявительной формы в «Сокровенном сказании» необходимо говорить особо и в связи с рассмотрением категории рода в монгольских языках.

Г. И. Рамстедт в качестве исходного прототипа приведенных здесь суффиксов перфектного презенса выставлял **-луба* или **-лубай*, разлагаемый на два компонента: **-лу-* и **-ба* или *-бай*. Относительно первого из этих компонентов Г. И. Рамстедт очень осторожно высказался в том смысле, что этот **-лу-* находится в этимологической связи с суффиксом отглагольных образований типа халх. *жав-л-тё* 'надо идти' и *жав-л-үгё* 'не идя'⁴⁹. Надо полагать, что к этому первоначальному элементу и восходят могольский *-ла* и дагурский *-лай*. Иначе говоря, в могольском и дагурском языках сохраняется, по-видимому, древнейшая и первичная форма перфектного презенса, если в данном случае отсутствие долготы в гласном элементе суффикса этой формы не является следствием чего-то другого.

Относительно второго компонента **-ба* сказать что-либо определенное пока трудно. Конечно, можно здесь вспомнить *-б-* плюс *-ай* в суффиксах повелительно-желательных форм *-субай* и *-тубай* или *-ба*, суффикс причастия настоящего времени, но это не может привести нас к удовлетворительному результату. Однако о вариантах этого компонента *-ба* и *-бай* вполне допустимо думать, что во втором из них гласный элемент *-и* представляет собой обычное в монгольских языках эмфатическое наращение для выражения определенных модальных и иных оттенков, т. е. так называемую усилительную частицу (см. ниже о суффиксах перфектного претерита *-ба* и *-бай*). По-видимому, этим и можно объяснить то, что в монгольских языках встречаются два первых типа суффикса для выражения как будто бы одной и той же перфектно-презенсной формы. Не является случайным и то, что в этих языках данная форма имеет различные смысловые оттенки модального характера, о чем в монголоведной лингвистической литературе говорится довольно много и к чему нам придется вернуться в ходе дальнейшего изложения синтаксиса монгольского глагола.

Наличие в монгольском классическом языке суффикса перфектного презенса в виде *-луба* ~ *-лүге*, тогда как в ранних памятниках монгольской речи встречается *-лубай* ~ *-лүгеи* ~ *-лабай* ~

⁴⁹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 80—81. — Из изложенного предположения Г. И. Рамстедта вытекает, что в компоненте **-лу-* гласный *-у-* является лишь вставным или соединительным элементом, обычным в старописьменном монгольском языке. Однако показания памятников монгольского языка, например «Сокровенного сказания», позволяют искать здесь какие-то другие решения в разборе глагольных суффиксов словоизменительного порядка, принимая во внимание лишь их консонантный остов. Дело в том, что в этих памятниках монгольского языка соответствующие изменения суффиксального вокализма связаны со спряжением глаголов по родам и числам.

-*legei*, для истории языка не может иметь решающего значения. Ведь форма *-луба ~ -луге* в классическом монгольском языке есть только орфографический стандарт, от которого в письменности того же классического периода под влиянием устной народной речи встречаются отступления вроде *-лаi ~ -леi*, особенно в рукописях. Иначе говоря, историю языка невозможно смешивать с историей орфографии, богатой узаконенной литературной традицией.

Имперфектный претерит

Имперфектный претерит, именуемый в монголистике также изъявительной формой прошедшего времени неожиданного действия или третьей повествовательной, нечаянной, формой, является продуктивным почти во всех монгольских языках, кроме дагурского и бурятского, в последнем из которых эта глагольная форма встречается лишь в составном вспомогательном глаголе *һан-жi* ← **афсан аджi* 'был ведь'⁵⁰. В качестве показателей имперфектного претерита в монгольских языках применяются суффиксы сложного, или эмфатического, и простого типов. Исходным прототипом суффиксов простого типа следует считать **-джi*, восходящий к **-дi* ~ **-di*, которому в тюркских языках соответствует суффикс изъявительной же формы прошедшего времени *-дi*. К этому исходному прототипу восходит наличествующий в ряде монгольских языков суффикс *-дж ~ -ж* или *-джс ~ -жс* плюс краткий гласный, который варьируется по законам сингармонизма (*-ä ~ -ë -ö ~ -o*, но чаще — *ɨ*-); после конечных в глагольной основе согласных, кроме *-л*, соответственно часто мы находим *-ч* и *-ч*-.
Примеры:

ойр.: *олдж* 'нашел', *гарч* 'вышел'; халх.: *хардж* 'увидел', *дусч* 'кончил'; орд.: *огчи* 'дал', *ојоджi* 'сшил'; баар.: *јабдж* 'пошел', *јiрдж* 'прибыл'; монгор.: *гуледжi* 'говорил'; баоан.: *мартэджэ* 'забыл'.

Простой, неэмфатический суффикс *-джi* отсутствует в старописьменном монгольском языке всех периодов и не зарегистрирован в могольском и дунсянском языках. Этот же суффикс, по видимому, не является результатом ослабления сложного *-джiбай*, как предположительно думал Г. И. Рамstedт (будто бы в халхаском *-джi* ← *-джä* ← **-джiбай*)⁵¹.

Сложный, или эмфатический, тип суффикса имперфектного претерита восходит к **-джiбай*, состоящему из рассмотренного выше **-джi*- и собственно эмфатического компонента **-бай*, кото-

⁵⁰ Здесь мы, конечно, исключаем те бурятские диалекты, которые территориально примыкают к халхаскому диалекту и имеют форму имперфектного претерита.

⁵¹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 82. — См. ниже также о суффиксе соединительного деепричастия, омонимичном с данным суффиксом имперфектного претерита.

рый имеется в составе других глагольных форм, преимущественно повелительно-желательного наклонения (см. выше о суффиксах *-субаи*, *-тубаи* и др.), и в котором элемент *-ф* является, быть может, лишь вставным согласным. В современных монгольских языках этот эмфатический суффикс имперфектного претерита отражается в виде *-джā~-джā~-дже* (после согласных, кроме *-л- — -ча~-че*). Примеры:

ой р.: *олджā~олджā* 'нашёл', *гарча~гарчā* 'вышел'; халх.: *харже* 'увидел', *дусче~дусдже* 'кончил'; баарин.: *јабджā* 'пошёл', *јирджā* 'прибыл'; мог.: *ірāджā* 'прибыл', *асугчā* 'спросил'; монгор.: *буджā* 'спустился', *реджā* 'прибыл'.

Эмфатический характер сложной формы имперфектного претерита сказывается в том, что, например, в халхаском гласный элемент суффикса данной формы не подчиняется гармонии гласных, вместо ожидаемого *-джā~-джā* в глаголах с вокализмом заднего ряда проявляясь в виде *-дже* (ср. бур. *јабјажел бāёнā* 'всё идёт и идёт').

Относительно монгорской формы имперфектного претерита А. Смедт и А. Мостарт полагали, что форма *-джā* представляет собой суффикс соединительного деепричастия *-джи*, который с предикативным окончанием *-а* образует данную изъявительную форму⁵².

В классическом монгольском языке сложный суффикс имперфектного претерита представлен в виде *-джухуи* (*-джукуй*, *-чухуи*, *-чукуй*)←**-дзубуй* (ср. *адзубу* от омертвелога вспомогательного глагола *а-* 'быть'), например: *олджукуй* 'нашёл', *барчукуй* 'вышел'. Однако в свое время Г. И. Рамстедт правильно сомневался в том, что такое чтение известного старописьменного написания является правильным (в старой письменности диакритика для обозначения согласного *-ф*, в отличие от *-к*, не всегда ставилась). Следовательно, в данном случае исходным для этого суффикса имперфектного претерита классического монгольского языка необходимо признать тип *-дзубуй*. Памятники раннемонгольского языка (тексты квадратной письменности, «Сокровенного сказания» и др.), как думал в свое время Г. Рамстедт, несомненно подтверждают такое предположение. Дело в том, что формы типа *-джу'у~джу'уй~джи'аи*, встречающиеся в этих памятниках, не могли возникнуть из *-джухуи*, поскольку интервокальный хиатус в монгольских языках является следствием выпадения именно такого согласного *-ф*, а не *-х*⁵³. Что касается старописьменного написания гласного *-у-* в первой части этого суффикса, обстоятельства, смутившего В. Котвича⁵⁴, то это, по-видимому,

⁵² A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 122—123.

⁵³ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 82.

⁵⁴ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, — «Rocznik Orientalistyczny», Tom XVI, Kraków, 1953, s. 260.

является отражением задней артикуляции гласного*-i- (-джэ←*-дї).

Перфектный претерит

Перфектный претерит, иначе называемый в монголистиках изъявительной формой настоящего-прошедшего или прошедшего времени, первой изъявительной формой прошедшего времени или первой повествовательной формой, встречается во всех монгольских языках и диалектах, в некоторых из которых (например, в бааринском диалекте) она применяется редко. Исходным показателем перфектного претерита является суффикс *-ба~бе*, наличествующий в старописьменном монгольском языке всех периодов и некоторых

Таблица 7

Изъявительные формы

Языки и диалекты	Имперфектный презенс				Перфект- ный презенс	Импер- фектный претерит	Перфект- ный претерит
	-м	-муі	-на	-нам			
Классический монгольский	-м	-муі	-на	-нам	-луба, -лубаі	-джухуі, -джубу	-ба, -баі
Современный монгольский	—	—	-на	—	-лаа	-жээ, -чээ	-в, -б
Бурятский	—	—	-на	—	-лай	-жа ¹	-ба
Ойратский	—	—	-на̄	—	-ла̄	-дж, -ч	-в
Могольский	-м	—	-на̄	-нам	-ла̄ ²	-дж̄а	-ба, -на̄, -фа̄
Монгорский	-м	—	-на ³ , -на ⁴	—	-ла, -лаң ⁵	-джі, -джа ⁴	-ба, -ва
Баоаньский	-м	—	-нэ	—	—	-джэ, -джі ³ , -джо ⁴	-о, -во
Дунсянский	—	—	-нэ	—	?	?	-вэ
Дагурский	—	—	-н	—	-лі ⁶ , -ла̄ ⁸	—	-бэ, -бэі ⁷

Примечания.

1. Только от основы *а- 'быть'. 2. -ла̄←*-лу. 3. Формы 1-го лица. 4. Формы 2-го и 3-го лица. 5. В говоре минхэ. 6. -лі←*-лу. 7. Здесь форма настоящего-будущего времени. 8. -ла̄←*-луба.

Формы классического монгольского языка почти полностью совпадают с исходнопрототипными. Монгольские и бурятские формы даны в их современном орфографическом облике.

современных монгольских языках. Этот же суффикс наращивается эмфатическим гласным *-і* и выступает в целом как *-баі~беі*, если иметь в виду его исходное состояние. Однако в современных монгольских языках эмфатический характер этого суффикса

не всегда проявляется достаточно ясно. В соответствии с изложенным и фонетическими особенностями согласный элемент данного суффикса в современных монгольских языках в виде того же *-б-* или *-в-~-ш-~-п-~-ф-*, а гласный *-а-~-е-~* (эмфатически) *-аи-~-еи* соответственно варьируется по законам сингармонизма в виде *-а-~-а-~-э-~-е-~-о-~-о-~-о* или вообще выпадает. Примеры:

класс.: *гарба-гарбаи* 'вышел', *немебе-немебе* 'прибавил'; халх.: *ургйш-ургйшā* 'вырос', *хелёш-хелбё* 'сказал'; орд.: *ошгшд* 'дал', *олбо-олшо* 'нашел'; бур.: *ошббд* 'отправился', *не-хёбё* 'допытывался'; ойр.: *јошдш-јошшā* 'пошел', *бишш-бишшā* 'написал'; мог.: *ирāба* 'пришел', *болфа* 'настал'; монг. *урова* 'вошел', *рева* 'пришел'; даг.: *орсобэи* 'потечет', *дāшэи* 'поднимет'; дунс. *ирэвэ* 'пришел'; баоан. *ро* 'вернулся', *мартаво* 'забыл'.

Относительно суффикса *-ба-~-бе* в монголистике установлено, что он находится в этимологической связи с тюркским *-п* и маньчжурским *-фи*, показателями деепричастия прошедшего времени, в чем усматривается первоначальная форма претеритного отглагольного имени в протоалтайских языках. Следы такого имени, по мнению Г. И. Рамштедта, сохраняются в монгольских словах типа *төлөв* 'форма', 'вид', 'образ', *төсөв* 'план', 'наметка' и суффиксе *-вхий-←*-б- + *ки-* 'делать', например *алавхий-* 'вскакивать'⁵⁵.

ПРИЧАСТИЯ

Будущее причастие

Будущее причастие, или причастие будущего времени, имеющееся во всех монгольских языках и диалектах, часто называется в монголистике то изъявительной формой будущего времени, если оно применяется в предикативной функции, то «инфинитивом», без которого, как писал в свое время Г. И. Рамштедт, не мог обойтись и монгольский язык⁵⁶.

Исходным прототипом показателей будущего причастия является суффикс **-ку-* (*~ку*), который в монгольских языках и диалектах отражается более или менее одинаково, а именно: *-ха* (в халхаском, бурятском, ойратском и некоторых внутреннемонгольских диалектах; здесь, как и ниже, различная степень редукции конечного гласного данного суффикса не отмечается), *-ху* (в ордосском и некоторых других монгольских диалектах; гласный этого суффикса подвержен разным ассимиляционным изменениям), *-гi*, *-го* (в баоаньском), *-гу* (в монгорском, дагурском, баоаньском), *-гуi* и *-гун* (в монгорском), *-ку* (в могольском и дунсянском), *-ху*, реже *-хуi* (в классическом), *-ку*, *-куi* и *-кун*

⁵⁵ Г. И. Рамштедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 124

⁵⁶ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 80.

(в монгольских текстах раннего и среднего периодов, т. е. в старомонгольском), -ву (загадочный суффикс в дунсянском наряде с -ку). Примеры:

халх.: *олхӧ* ~ *олӧх* 'имеющий найти', *медӧх* 'имеющий знать'; бур.: *гарӧхӧ* 'имеющий выйти', *онӧхӧ* 'имеющий попасть в цель'; ойр.: *унӧхӧ* 'имеющий упасть', *ирӧх* 'имеющий прибыть'; орд.: *јашуху* 'имеющий идти', *соносху* 'имеющий услышать'; баоан.: *рэгү* 'имеющий прибыть'; *рэгi* 'прибуду', *рэгo* 'прибудет'; монгор.: *сүгү* 'имеющий сесть', *ашугүi* 'имеющий взять', *рэгүна* 'имеющий прибыть'; даг.: *хасогу* 'имеющий спросить', *дӧрӧгү* 'имеющий замерзнуть'; мог.: *амсаку* 'имеющий вкусить'; дунс.: *уаншыку* 'имеющий читать', *јавуку* 'имеющий идти', *ирӧву* 'имеющий прибыть'; класс.: *дабаху* 'имеющий перевалить', *удаху* 'имеющий задержаться'; старомонг. *орукуi* 'имеющий войти', *јабукун* 'имеющие идти'.

Как известно, форма будущего причастия обнаруживается в составе некоторых глагольных, преимущественно деепричастных, образований, о чем речь будет идти ниже.

Относительно происхождения будущего причастия и его суффикса сказать что-либо определенное пока что трудно. Во всяком случае Г. И. Рамstedт высказал предположение, что это монгольское причастие «восходит к монголо-тюркскому глагольному имени» (*Nomen verbūm*). При этом Г. И. Рамstedт находил для себя возможным сопоставлять показатель монгольского будущего причастия -ку с тюркским -гу, суффиксом имен действия в средневековой тюркской речи, сохранившимся в этом же виде в некоторых отдельных словах типа киргизского *сузгу* 'ковш' и развившимся, например, в казахском языке в -у (*жазу* 'письмо' от *жас-* 'писать', *алу* 'вычитание' от *ал-* 'взять', 'брать' и т. п.). Соответствие монгольского *к* тюркскому *г* в данном случае Г. И. Рамstedту казалось вполне допустимым. Кроме того Г. И. Рамstedт, вслед за О. Бётлингом, сопоставлял монгольские отглагольные имена на -бу типа классического *катабу* 'твердый', 'крепкий' от *ката-* 'сохнуть', *калабун* 'горячий' от *кала-* 'нагреваться' и т. п. с тюркскими именами действия, или «инфинитивами», на тот же суффикс -гу. Это сопоставление дало Г. И. Рамstedту возможность предположить, что монгольские отглагольные имена приведенного типа, с одной стороны, и форма будущего причастия, с другой, образовались по изначально идентичным образцам⁵⁷. Однако такое предположение Г. И. Рамstedта не представляется достаточно убедительным, как бы оно ни казалось заманчивым. Дело в том, что круг применения суффикса -бун (*калабун* 'горячий'!) выходит за пределы образования отглагольных имен.

⁵⁷ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 91; Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 89—90.

Причастие возможности зарегистрировано в калмыцком (суффикс *мър*, орфографически *-мър*), бурятском и современном монгольском (халхаском, — суффикс *-мър*, орфографически *-маар*) языках, а также в классическом монгольском языке (суффикс *-мар* и *-мар-а*, применяется под несомненным влиянием устной речи, чем и объясняется разноречивость в орфографии этих суффиксов, различных по своим значениям). Примеры:

калм.: *умшмар* 'читаемый'; бур.: *мэдэмээр* 'ведомый', *абамаар* 'доступный для получения'; халх.: *бийлмээр* 'победимый', *таармаар* 'подходящий', 'годный'; класс.: *очимар* ~ *очимар-а* 'необходимо отправиться', 'такой, что надо отправиться', *уджемер* ~ *уджемере* 'видимый'.

Суффикс причастия возможности генетически представляет собою форму орудного падежа отглагольного имени на *-ма*, так называемого определительного имени, *postea descriptionis*, в монгольских языках давно уже непродуктивного. Эту этимологию данного суффикса Г. И. Рамstedt считал вероятной, но отклонил ее на том основании, что в монгольских языках, по его мнению, имена в орудном падеже не могут применяться в атрибутивной позиции. Поэтому Г. И. Рамstedt думал, что суффикс *-мар* ~ *-мър* является совершенно независимым от *-ма* и образует в современных монгольских диалектах *postea agendi seu acturi*⁵⁸. Однако надо иметь в виду, что в монгольских языках, например, будущее причастие в орудном падеже в атрибутивной позиции употребляется довольно часто: халх. *харагдахаар газар* 'видимое место', бур. *баригдахаар баабгай бэшэ* 'не такой это медведь, которого можно было бы изловить'. То, что причастие возможности представляет собою генетически отглагольное имя в орудном падеже, сказывается и ныне в невозможности его применения в формах косвенных падежей, как это допустимо с другими причастиями вообще, — во всяком случае такое применение этого причастия не вполне обычно для современных монгольских языков.

Кроме того надо особо отметить, что суффиксы *-мър* и *-мар* являются средством образования различных по значению отглагольных имен, а не чередующимися вариантами одного и того же форманта. Если суффикс *-мър* образует причастие возможности от любой глагольной основы, характеризующее объект действия (халх. *гармаар* 'такой, который можно пройти'), то суффикс *-мъ* служит средством образования довольно немногочисленной группы давно уже непродуктивных отглагольных имен типа, например, бур. *шадмаар* 'способный', халх. *зөөмөр* 'грузчик', *бээмэр* 'тухлый продукт', имен, характеризующих субъект (в прямом и страдательном значениях). Правда, в неко-

⁵⁸ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 95.

торых отдельных случаях современный монгольский язык обнаруживает явления конвергенции этих двух форм, так сказать, в пользу суффикса *-маар*: 1) *татгалзмаар* ← *татгалзмар* 'способный, склонный возражать' и 2) *тагалзмаар* 'вызывающий возражения', 'неприемлемый'; 1) *тэсмээр* ← *тэсмэр* 'терпеливый' и 2) *тэсмээр* ← *тэсмэр* 'терпимый'⁵⁹.

В монгольских языках определительных имен на *-ма* очень немного, по-видимому, по той причине, что они оказались вытесненными причастием возможности: ведь эти имена и глаголы в форме данного причастия по значению близки друг другу, например, бур. *ама ангайма халуун* 'до того жарко, что рот открывается', халх. *хормой хийсдэм салхи* 'такой ветер, что подол развеивается'⁶⁰.

Множественное причастие

Множественное причастие (Nomen usus) имеется во всех диалектах современного монгольского, бурятского и ойратского языков (суффикс *-даг* ~ *-дак* с соответствующими изменениями гласного по законам сингармонизма), а также в старописьменном монгольском языке как доклассического, так и классического периодов (суффикс *-даб* ~ *-дег*). Примеры:

орд.: *хонодок* 'ночующий', *сэдак* 'находящийся'; халх.: *олдбг* ~ *олдбк* 'находящийся', *геддэг* ~ *геддк* 'теряющий'; бур.: *гардаг* 'выходящий', *нехеддэг* 'выскакивающий'; ойр. *хелддэг* 'говорящий', *судаг* 'сидящий'; класс.: *орудаб* 'входящий', *медсдег* 'знающий'.

Как известно, являются весьма обычными случаи, когда в одной группе родственных языков оказывается утраченной (или отсутствует) какая-либо грамматическая форма, которая малоупотребительна (или образовалась сравнительно недавно) в другой группе тех же родственных языков. Но в данном случае трудно найти объяснения тому обстоятельству, что в дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском и могольском языках не обнаружено наличие множественного причастия, весьма употребительного с давних времен в остальных монгольских языках. Поскольку распад некогда единого монгольского языка и образование современных монгольских языков относятся к недавнему времени, к XIV—XVII вв., постольку можно лишь сказать, что в перечисленных монгольских языках, развивавшихся на окраинах или даже вне остального монгольского языкового ареала

⁵⁹ Разные значения суффиксов *-мар* и *-маар* отмечены К. М. Черемисовым в его «Бурят-монгольско-русском словаре» (М., 1961, стр. 824—825).

⁶⁰ А. Д. Руднев в своем «Хори-бурятском говоре» (§ 180) даже считал, что суффиксы *-ма* и *-маар* являются показателями одного и того же деепричастия (?) возможности. Равным образом А. Мостарт в своем «Textes Oraux Ordos» (р. 52) эти же формы объединил под общим наименованием «описательных имен».

и под известным воздействием со стороны других, немонгольских, языков, многократное причастие оказалось утраченным в сравнительно недавнее время и очень быстро. В этих «окраинных» монгольских языках сохранились лишь некоторые отдельные остатки этого многократного причастия в виде небольшого количества его субстантивированных форм типа, например, даг. *шилдэк* 'отборный' от глагольной основы *шил-* 'отбирать лучшее' (возможно, что здесь мы имеем дело с халхаским заимствованием в дагурском языке), монгор. *фургудог* 'пугливый', *бедог* 'остов корзины' (соответственно ср. класс. *үргүдег* 'обычно пугающийся' от *үргү* 'пугаться' и *бајидаг* 'обычно стоящий' от *баји-* 'быть', 'стоять') и т. п. Кроме того в монгорском языке имеется единичное отглагольное образование *гида-гиди* 'именуемый', 'называемый' от глагольной основы *ги-* 'именовать', 'говорить' (ср. класс. *гедег*, *кемедег* от *ге-*, *кеме-*). Это обстоятельство в ряду других случаев подобного же рода представляет особый интерес в общелингвистическом плане в связи с проблемами развития «окраинных» языков вообще.

Относительно монгольского многократного причастия Г. И. Рамstedт полагал, что оно соответствует тюркскому отглагольному имени на *-дук*, которое посредством суффикса *-к* образовано от вторичной глагольной основы на *-д-*, *-т-*, до сих пор наличествующей в тунгусском языке со значением длительного вида, континуатива, но отсутствующей в тюркских и монгольских языках⁶¹. И именно в силу последнего обстоятельства — отсутствия в монгольских и тюркских языках вторичной глагольной основы на *-д-* или *-т-* — предположение Г. И. Рамstedта о генезисе показателя многократного причастия и тюркского имени на *-дук* делается маловероятным, хотя само по себе сопоставление монгольского *-даг* с этим тюркским *-дук* (и негидальским *-диг*, суффиксом глагольной формы настоящего времени) является вполне допустимым. Иными словами, в настоящее время попытки «разложить» на составные части монгольский *-даг*, тюркский *-дук* (и негидальский *-диг*) пока успехом не увенчались.

Однократное причастие

Однократное причастие — *Nomen actoris* — имеется почти во всех монгольских языках, хотя не в каждом из них оно сохранило свою чисто глагольную природу или собственно причастные свойства, превратившись в имя деятеля⁶². Исходным прототипом показателя этой причастной формы является суффикс **-бчи ~ *-гчи*, который отражается как *-бчи ~ -гчи* (в классическом), *-гчи ~ -кчи*

⁶¹ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, р. 39.

⁶² За этой причастной формой мы сохраняем ее традиционное название, исторически сложившееся в русской монголоведной литературе, хотя оно и не является достаточно точным для всех монгольских языков.

(в монгольском, ойратском), *-гшā* (в бурятском), *-чин~джін* (в монгорском), *-чын* (в дунсянском), *-чоң* (в баоанском), *-кчи* (в могольском). Примеры:

класс.: *жабуҗи* 'идуший', *ирегчи* 'приходящий'; монг.: *орбгчи~орбкчи* 'входящий', *нехёгчи~нехёкчи* 'ткущий'; ойр.: *куцагчи~куцакчи* 'исполнитель', *медёгчи~медёкчи* 'знаток'; бур.: *гологшб* 'бракующий', *углагшā* 'вдевающий'; монгор.: *реджін* 'приходящий', *лачин* 'плачущий'; дунс.: *уджэчын* 'смотрящий', *саучын* 'сидящий'; баоан.: *товчоң* 'седлающий', *вэлчоң* 'боящийся'.

Состав показателя однократного причастия *-гчи* давно уже выяснен в монголистике и генетически вполне прозрачен как включающий загадочный *-г-* и *-чи*, хорошо известный суффикс образования отымённых имен деятеля. Это, конечно, не означает того, что в современных монгольских языках, во-первых, возможно образование имен на *-г* от любой глагольной основы, поскольку в действительности такой способ образования отглагольных имен в этих языках давно уже не является продуктивным⁶³. А между тем форма однократного причастия может быть образована от любой глагольной основы. Во-вторых, отглагольные имена деятеля типа современных монгольских *эрхлэгч* 'заведующий', *командлагч* 'командующий' и т. п. представляют собою обычные случаи субстантивации однократного причастия, поскольку ни в одном монгольском языке нет соответственно отглагольных имен на *-г* типа *эрхлэг*, *командлаг* и т. д. Следовательно, суффикс данного причастия *-гчи* оказывается составным лишь в историческом плане и для современных монгольских языков уже не является разложимым на свои составные компоненты.

Что касается слов типа современного-монгольского (и общемонгольского) *зурагч*, то необходимо иметь в виду исторически образовавшиеся омонимы, точнее— омоформы: 1) *зурагч*— однократное причастие от глагольной основы *зур-* 'рисовать', 'чертить', и 2) *зурагч* 'фотограф' от *зураг* 'портрет', 'фотография', 'рисунок', 'чертеж', имени того же глагольного происхождения (в значении 'художник' в монгольском языке издавна известно слово *зураач* от той же глагольной основы *зур-*, тогда как *зурагч* от *зураг* в современном монгольском языке является новообразованием). Равным образом в этом же языке при наличии, например, имени деятеля *бичээч* 'писарь', 'технический секретарь' и формы однократного причастия *бичигч* от одной и той же глагольной основы *бич-* 'писать', издавна известных во всех монгольских языках, никогда не существовало имени деятеля *бичигч*. Иными словами, при наличии соответствующих отглагольных имен деятеля на *-аач* в монгольском языке однократное причастие не подвергалось полной субстантивации, если отсутствовала необходи-

⁶³ К тому же, как известно, в монгольских языках такого рода отглагольные имена на *-г* являются преимущественно заимствованиями из тюркских языков.

мость в семантической филиации, с которой, конечно, не следует смешивать образования имен деятеля типа приведенного выше *зураги* 'фотограф' от отглагольных имен же на -г. Следовательно, форма на -гчи в монгольских языках должна быть признана причастной, однократным причастием, которое может оказаться именем деятеля лишь в определенных случаях полной субстантивации⁶⁴.

Следует считать, что вопрос об идентичности первого компонента составного суффикса однократного причастия -г- известному суффиксу образования отглагольных имен -г, имеющемуся почти во всех алтайских языках, в настоящее время нуждается в дополнительном изучении. Как известно, Г. И. Рамstedт полагал, что, напр. *бичиг*- в *бичигчи* 'пишущий', вероятно, представляет собою *бичиг* 'письмо'⁶⁵. А между тем не исключена возможность того, что рассматриваемый первый компонент суффикса однократного причастия -г- должен быть поставлен также в какую-то связь с подобным же компонентом суффиксов прошедшего причастия, повелительной формы 2-го лица множественного числа и современной монгольской, бурятской и ойратской повелительно-желательной формы 3-го лица (соответственно: -*бсан*, -*бтун* и -*б*, если во втором суффиксе исключить возможность маловероятной метатезы). Поэтому форму на -*бчи* вряд ли можно считать образованной непосредственно от глагольной основы.

В большинстве достаточно хорошо изученных монгольских языков отглагольные имена деятеля в подлинном смысле этого слова образуются посредством суффикса *-бачи*→*-ачи*, например: класс. *джирубачи* 'художник' от *джиру-* 'рисовать', 'чертить', ойр. *ахлачи* 'глава' от *ахл-* 'возглавлять', халх. *медечи* 'знарок' от *мед-* 'знать'. В бурятском языке образование на *-айш*←**-бачи* является формой постоянного причастия, поскольку оно обладает главными свойствами глагола, например, полным управлением всеми падежами: *хажурара тарга сабийш* 'своей косою свои хлеба косящий'.

Суффикс *-бачи* является составным: *-ба-* плюс *-чи*, из коих первый компонент Г. И. Рамstedтом был идентифицирован с суффиксом настоящего причастия *-ба*⁶⁶.

Настоящее причастие

Настоящее причастие, или причастие настоящего времени (Non-perfect), в той или иной степени употребительное в старописьменном монгольском, современном монгольском, бурятском и

⁶⁴ При полной субстантивации любое причастие теряет свои главные глагольные особенности, как-то: управление всеми падежами и послелогам, функционирование в качестве глагольного сказуемого и т. п., как это имеет место в ойратском языке.

⁶⁵ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 103.

⁶⁶ Ibid., S. 104.

ойратском языке, отсутствует на окраинах монгольского лингвистического ареала, т. е. в речи дагуров, монголов, дунсян, баоаней и моголов⁶⁷. Показателем этого причастия является суффикс *-бай* (в доклассическом монгольском языке), *-ба* (в старописьменном монгольском языке), *-а~-'ai* (в монгольском языке XIII в.), *-ā* и, в положении после дифтонгов и долгих гласных, *-gā* (в живых монгольских языках). Примеры:

докласс. *сабубай* 'сидящий', монг. (XIII в.) *баригда'а* 'схваченный', класс. *оруба* 'входящий', халх. *гарā* 'выходящий', бур. *буга* 'спустился', калм. *көкй* 'сосал' (в бурятском и, изредка, калмыцком языках это причастие употребляется преимущественно в предикативной позиции).

Суффикс *-га* Г. И. Рамstedтом был идентифицирован, с одной стороны, с суффиксом тюркского деепричастия настоящего времени *-а*, и, с другой, с суффиксом же маньчжурского причастия прошедшего совершенного времени *-ка~-ха*, что в целом, по его мнению, позволяет говорить об алтайском праязыковом отглагольном имени⁶⁸. В самом монгольском языке Г. И. Рамstedт этот же суффикс *-га* находил в составе, например, отглагольного имени деятеля типа *бичигечи* 'писарь', 'технический секретарь' или отглагольных слов вообще типа *ачиба* 'кладь', 'груз' от *ачи-* 'грузить' (ср., подобную же номинализацию типа тюркского *тура* 'дом')⁶⁹.

Прошедшее причастие

Прошедшее причастие, или причастие прошедшего времени (Nomen perfecti), встречается во всех монгольских языках и диалектах, имея суффикс *-бсан* (в старописьменном всех периодов, в том числе и классического), *-ксбн* (в могольском), *-сайн~-сан* (в монгольском), *-сйн* (в дагурском), *-сан* (в ойратском), *-саң* (в баоанском), *-сэн* (в дунсянском), *-сан~-саң~-дзан* (в монгорских диалектах), *-һаң* (в бурятском). Примеры;

класс.: *жаубсан* 'пошедший', *уджегсен* 'увидевший'; мог.: *уніксбн* 'севший на коня', *іраксбн* 'прибывший'; халх.: *гарсайн* 'вышедший', *орсбн* 'вошедший'; орд.: *гесен* 'сказавший', *едегесен* 'вылечившийся'; даг.: *даудасйн* 'призывавший', *нэрлэсэн* 'называвший'; ойр.: *сусайн~-сусн* 'сидевший', *унасайн~-унасн* 'упавший'; баоан.: *рэсаң* 'прибывший', *ласаң* 'плакавший;

⁶⁷ О монгорском суффиксе *-а* см. ниже в разделе, посвященном разделительному деепричастию.

⁶⁸ За данной причастной формой мы сохраняем его традиционное наименование, хотя в бурятском и ойратском языках она выражает действие прошедшего времени, как и соответствующая ей причастная же форма в маньчжурском языке. В русской монголистике эта форма называется также прошедшим неоконченным причастием, а иногда, без уточнения времени, незаконченным или несовершенным.

⁶⁹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 86.

дунс.: *холусэн* 'бегавший', *кіэлэсэн* 'сказавший'; монгор.: *курісан* ~ *курісан* 'дошедший', *фунісан* ~ *фунісан* 'ехавший верхом', *редзан* 'прибывший'; бур.: *дулаһаң* 'певший', *дараһаң* 'победивший'.

В монголистике принято считать, что прототипом суффикса прошедшего причастия следует признать форму **бсан*, для которой в прочих алтайских языках не находят каких-либо удовлетворительных соответствий. Правда Г. И. Рамstedт не очень уверенно привлекал для данной цели суффикс манчжурского прилагательного *-схун* (например, *чжобосхун* 'озабоченный' от *чжобо-* 'заботиться'), поскольку метатеза *-бсан* ← **-сган* по типу *-бтун* ← **-дкун*, суффикс повелительной формы 2-го лица множественного числа, вполне справедливо казалась ему мало мотивированной. Вместе с тем Г. И. Рамstedт склонен был полагать, что согласный *н* в суффиксе *-бсан* является вторичным, о чем, по его мнению, свидетельствует суффикс продолжительного деепричастия *-бсабар* (см. ниже об этой деепричастной форме). Следовательно, согласно данному предположению Г. И. Рамstedта, первоначальным прототипом суффикса прошедшего причастия должен быть **-бса*⁷⁰. Однако настаивать на этом предположении весьма трудно, так как в монгольских языках отпадение конечного согласного *н* давно уже является обычным в тех случаях, когда соответствующие имена оказываются в форме орудного и ряда других падежей.

Поскольку в алтайских языках для суффикса *-бсан* не обнаруживались сколько-нибудь удовлетворительные соответствия, постольку его этимология для монголистики и алтаистики вообще продолжает оставаться темной. Учитывая известную необычность для монгольских языков стечения двух начальных согласных (как в слове, так и в слоге вообще), можно лишь полагать, что этот суффикс состоит из двух компонентов: **-б-* и **-сан*. Первый из этих компонентов, т. е. **-б-*, можно сопоставить с подобным же компонентом в составе суффиксов однократного причастия, повелительной формы 2-го лица множественного числа и повелительно-желательной формы 3-го лица (соответственно *-бчи*, *-бтун* и *-б*). Трудно сказать, в какой мере такое сопоставление может оказаться оправданным и сопоставим ли этот компонент *-б-* с суффиксом образования отглагольных имен *-г-* в словах типа *бичиг* 'письмо' от *бичи-* 'писать'.

Завершено-прошедшее причастие

В монгольских языках имеется некоторое количество отглагольных прилагательных на давно уже непродуктивный суффикс *-нгдай* → *-ндай*, например: класс. *еченгкей* 'усталый' от *ече-* 'уставать', халх. *туранхай* 'истощенный' от *тур-* 'тощать' и немно-

⁷⁰ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 88—89.

Причастные формы

Причастия Языки и диалекты	Будущее	Возможности ¹	Многократное	Однократное	Настоящее	Прошедшее	Звершено-прошедшее ²
Классический монгольский	-ху, -хуй	-мар [а]	-даб	-бчи	-ба	-сан	-нхай
Современный монгольский	-ах	-маар	-даг	-гч	-аа	-сан	-нхай
Бурятский	-ха	-маар	-даг	-гша	-аа	-нан	-нхай
Ойратский	-х, -ха	-мар	-дг, -дк	-гч, -кч	-а	-сн	-чхэй, -чхэй
Могольский	-ку, -куй	?	—	-кчи -чин	—	-ксон	?
Дагурский	-гү	?	—	?	—	-сан	?
Монгорский	-гү, -гуй, -гунг, -гуна ⁴	?	—	-чин, -джин, -джинр, -джина ⁴	—	-сан, -дзан, -санр, -сана ⁴	?
Баоаньский	-гү, -гүр, -гү ⁴	?	—	-чон	—	-сан	?
Дунсянский	-ку, -ву	?	—	-чын	—	-сэн	?
Исходный прототип	-ку [н]	-ма-бар	-даб	-бчи	-ба	-б-сан	-н-кай

Примечания: 1) причастная форма в бурятском, ойратском, классическом и современном монгольском языках; 2) причастная форма в восточнобурятских диалектах (в остальных языках и диалектах — отглагольное прилагательное); 3) предикативные формы 1-го лица; 4, предикативные формы 2-го и 3-го лица. Монгольские и бурятские формы даны в их современном орфографическом облике.

гие другие. Однако в некоторых восточнобурятских диалектах посредством этого же суффикса *-нхай* (орфографически *-нхай*) образуется форма завершено-прошедшего причастия, получившего широкое применение в бурятском литературном языке, например: *ябанхай* 'ушедший' от *яба-* 'идти', *бэшэнхэй* 'написавший' от *бэшэ-* 'писать', *олонхой* 'нашедший' от *оло-* 'найти' и т. п. Этот суффикс *-нхай* генетически состоит из двух компонентов, **-н*, образующего отглагольные имена типа, например, халх. *шингэн* 'жидкий', от *шингэ-* 'впитываться', и **-хай*, посредством которого образуются: с одной стороны, вторичные прилагательные от прилагательных же типа бур. *муухай* 'некрасивый' от *муу* 'плохой' и, с другой, отглагольные прилагательные типа халх. *тархай* 'разбросанный', 'рассеянный' от *тар-* 'расходиться', 'рассеиваться'⁷¹.

Атрибутивный оттенок в значении приведенных выше отглагольных прилагательных на *-нхай* заставляет полагать, что первый компонент этого суффикса представляет собою именно первоначальный **-н*, но не **-нг*. Дело в том, что в монгольских языках посредством суффикса *-нг* образуются не имена прилагательные, а существительные со значением результата действия, выраженного в производящей глагольной основе, например халх. *ээдэн* ← **егеденг* 'кашица из муки', 'клейстер' от *ээд-* ← **егеде-* 'кваситься', 'свертываться'. Заднеязычный же характер этого компонента в живой речи обусловлен тем, что в монгольских языках переднеязычный согласный *-н-* в положении перед согласным *-х-* вообще становится заднеязычным, что и имеет место в данном случае (в классическом монгольском языке сочетание *-нг-* не всегда восходит к **-нг*).

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Соединительное деепричастие

Соединительное деепричастие, именуемое иногда деепричастием настоящего времени или *Converbum imperfecti*, распространено во всех монгольских языках и диалектах, в которых исходный прототип его суффикса **-джу* отражается более или менее одинаково, а именно: *-джу* и, после конечных согласных, кроме *-л-*, *-чу* (в классическом монгольском языке), *-джи* (в дунсянском), *-джи* (в монгорском и баоаньском), *-жа* ~ *-ша* (в бурятском), *-джи* ~ *-чи* (в остальных монгольских языках и диалектах; здесь различная степень редукции — вплоть до исчезновения — и позиционные изменения конечного гласного *i* не отмечаются). Примеры:

⁷¹ Суффикс *-хай* входит также в состав и других сложных суффиксов, например *-рхай* в словах типа класс. *тасурхай* 'разорвавшийся' от *тасу*, непереводимого наречия, приблизительно соответствующего по значению русским «пополам», «надвое» и т. п.

класс.: *олджу* 'иходя', *босчу* 'вставая'; дунс.: *холуджы* 'бегаля', *уджэджы* 'вдя', монгор.: *гүиджі* 'прибегая', *уріджі* 'приглашая'; баоан.: *нэджи* 'открывая', *суджі* 'сидя'; бур.: *хусажэй* 'лая', *гаршэй* 'выходя'; халх.: *гарчи* 'выходя', *нехэжи* 'ища'; даг.: *хар'иджі* 'возвращаясь', *хиджі* 'делая'; мог.: *ботчи* 'вставая', *геджі* 'говоря'; ойр.: *суджі* 'сидя', *начи* ← **надчи* 'играя'.

Исходный прототип суффикса соединительного деепричастия *-*джу* в свою очередь восходит к *-*джи* ← *-*ди*, о котором уже сказано выше, в разделе об имперфектном претерите.

Соединительное деепричастие в некоторых монгольских языках, особенно в дархатском, ойратских и западнобурятских диалектах, в сочетании со вспомогательным глаголом, восходящим к *баји* 'быть', образует как бы сложную форму несовершенного вида, о чем говорится в разделах категорий времени и вида.

Разделительное деепричастие

Разделительное деепричастие, называемое также деепричастием прошедшего времени или *Synverbum perfecti*, распространено во всех монгольских языках и диалектах, кроме могольского и бизаньского, в которых оно пока не обнаружено. Показателями этого деепричастия являются суффиксы: 1) *-бид* (в классическом монгольском языке) ← *-*бид* → *-āt* (орфографически *-ад* в бурятском и халхаском, *-ад* в калмыцком), *-āp* (в дагурском); 2) *-ā* (в монгорском и дагурском) и 3) *-дэ* ~ *-дэнэ* (в дунсянском). Примеры:

класс.: *орубад* 'вйдя', *некегед* 'почкав'; бур. (орфографически): *олоод* 'находя', *ерээд* 'прядя'; халх. (орфографически): *бичээд* 'написав', *хийгээд* 'сделав'; ойр. (в калмыцкой орфографии): *гард* 'вйдя', *кэлд* 'сказав'; даг.: *бодбр* 'подумав', *вантэй* 'выспавшись'; монгор.: *орб* 'вйдя', *хай* 'закрыв'; дунс.: *холудэ* ~ *холудэнэ* 'убежав', *гэмэрэдэ* ~ *гэмэрэдэнэ* 'заболел'.

Кроме того, в минхэ-монгорском диалекте имеется еще особый суффикс разделительного деепричастия *-данаң* ~ *-дабанаң* ~ *-дабали*, генезис которого, как и дунсянского *-дэ* ~ *-дэнэ*, пока представляется неясным (вряд ли здесь можно предполагать, что эти суффиксы восходят к суффиксам дательно-местного падежа, хотя с семасиологической точки зрения это вполне возможно).

Огнестельчо исходно-прототипного суффикса разделительного деепричастия *-*бид* принято считать, что оно сопоставим с тюркским *-гач* ~ *-кач*. Такое сопоставление в свою очередь приводит к выводу о том, что деепричастие в прошлом представляло собою форму именительного падежа «тюркско-монгольского отглагольного имени», применявшуюся будто бы адвербиально еще с

«домонгольского периода»⁷². Причем именно характер происхождения разделительного деепричастия, по мнению Г. Рамштедта, проявляется в том, что оно в калмыцком языке может сопровождаться постпозиционным отрицанием *ügei* 'не', 'нет', например *орад уга* 'не вошел'. Однако, во-первых, оно при этом теряет свое конвербиальное значение, что весьма важно и не учитывается исследователями, и, во-вторых, этим же отрицанием могут сопровождаться в бурятских диалектах также и изъявительные формы, которые генетически не являются именными, например *орбнó үгэ* 'не входит', *орббó үгэ* 'не вошёл'.

Изложенная концепция Г. И. Рамштедта, который в данном случае шел по стопам О. Бётлингга и которого повторяют другие алтаисты, с необходимостью должна привести нас к выводу, что пратюркско-монгольское отглагольное имя на *-*ғач* ~ *-*қач* после предполагаемого распада гипотетической праязыковой тюрко-монгольской общности развивалось таким образом, что оно в монгольских языках, фонетически эволюционировав в *-*бад* → *-ād*, с течением времени оказалось деепричастной формой, но ни в одном случае не сохранилось в качестве какого бы то ни было отглагольного имени. В то же самое время в некоторых тюркских языках это же отглагольное имя, фонетически оставаясь в своем первоначальном неизменном облике, приобрело значение деепричастия совершенного вида, семасиологически сходного с монгольским разделительным деепричастием (например, узб. *ёзғач* 'написав', 'как только написал', уйг. *қайтқач* 'после того, как вернулся', 'вернувшись'), а в других тюркских языках сохранилось лишь в качестве различных отглагольных же имен непродуктивного типа (например, каракалп. *сыпыргаш* 'метёлка', тур. *kışkaç* 'щипцы', *ıtangaç* 'стыдливый' и т. д.)⁷³.

Как видно из изложенного выше, вся эта концепция Бётлингга — Рамштедта не представляется достаточно убедительной, как бы она ни казалась заманчивой и в семасиологическом отношении оправданной. Прежде всего отметим, что Г. И. Рамштедт для обоснования своего сопоставления тюркского отглагольно-именного суффикса *-ғач* ~ *-қач* с монгольским деепричастным суффиксом *-бад* вынужден был последний трактовать как *-*бад* ← *-*бат* с неаспирированным *-т*, что уже является безусловной

⁷² G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 107—108; W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 260; Г. И. Рамштедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 140.

⁷³ А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, Ташкент, 1948, стр. 212; Э. Н. Наджип, *Современный уйгурский язык*, М., 1960, стр. 90; А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 123 и 153; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, II, М., 1952, стр. 406—407. — По любезному сообщению Э. Н. Наджипа, форма на *-ғач* ~ *-қач* в обоих этих значениях была очень употребительна в одних и тех же памятниках тюркской речи XIV и, реже, XV вв. в частности в золотоордынских рукописях этого периода.

натяжкой⁷⁴. Но если даже такое сопоставление считать в какой-то степени допустимым с историко-фонетической точки зрения, то скорее всего следовало бы предположить заимствование монгольскими языками данной деепричастной формы из каких-то тюркских языков, так сказать, в готовом виде, т. е. после того, как в последних отглагольное имя на *-ғач ~ -қач* уже превратилось в деепричастие вследствие его адвербиального применения. Ведь в данном случае необходимо принять во внимание то обстоятельство, что в монгольских языках совершенно отсутствует какое бы то ни было отглагольное имя на **-бад → -ад*. Следовательно, невозможно говорить об общем тюрко-монгольском отглагольно-именном суффиксе **-ғач*.

Однако и такое решение разбираемого вопроса надо считать преждевременным. Дело в том, что, во-первых, не определена этимология тюркского суффикса *-ғач ~ -қач* и, во-вторых, не установлено, следовательно, являются ли в тюркских языках отглагольно-именное образование на *-ғач ~ -қач* и деепричастие на подобный же суффикс омоформами или результатом различного развития одного и того же явления. Во всяком случае имеется предположение о том, что тюркский деепричастный суффикс *-ғач* возник из прошедше-причастного *-ған* плюс *-ч ← *чаг* 'время'⁷⁵. Это предположение, как нам кажется, вполне приемлемо, если оставить в стороне весьма распространенное стремление определенные суффиксы во что бы то ни стало возводить к знаменательным словам, что почти всегда оказывается поспешным. Так, например, вряд ли можно второй компонент рассматриваемого здесь тюркского деепричастного суффикса *-ч* считать усеченной формой имени *чаг* 'время'. Этот компонент *-ч* с фонетической точки зрения вполне допустимо сопоставлять с раннемонгольским суффиксом исходного падежа **-ча*, другое и семасиологически противоположное развитие которого в монгольских языках дало, по-видимому, образование так называемого предельного падежа на *-чā ~ -цā ~ -сā* (орд. *дөррөчē* 'до стремян', калм. *нохаца* 'до собаки', бур. *тохоногсоо* 'до локтей')⁷⁶.

Поскольку, следовательно, сопоставление монгольского деепричастного суффикса *-бад* с рассмотренным тюркским *-ғач ~ -қач* оказывается неоправданным, не следует исключать возможность того, что данный монгольский суффикс *-бад* возник из **-ба-*, суффикса причастия настоящего времени, и **-д*, значение которого выяснить пока трудно. Весьма возможно, что этот **-д* обнаруживается в минхэ-монгорском *-данаң ~ -дабанаң ~ -дабали* и дунсянском *-дэ ~ -дэнэ*, т. е. в суффиксах того же разделительного деепричастия, а также и в бурятском *-д* единственного об-

⁷⁴ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 107.

⁷⁵ А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, стр. 212.

⁷⁶ Г. И. Рамстедт (см. его «Введение в алтайское языкознание», стр. 52) этот суффикс *-ча* не считает возможным сопоставлять с суффиксом исходного падежа *-ча*, полагая их омоформами.

разования *Јабуд* (← *Јабу* + **-гу* + **-д*) *хорьндө* 'моментально'.

Что касается монгорского и второго дагурского суффикса разделительного деепричастия *-а*, то, конечно, раннемонгольский суффикс **-бад* утратил свой конечный согласный *-д*, ибо совершенно невозможно предположить, что в монгорском и дагурском языках причастие настоящего времени приобрело значение данного деепричастия⁷⁷.

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие (*Converbum modale*) имеется почти во всех монгольских языках, в которых исходный прототип его суффикса **-н* отражается почти совершенно одинаково *-н*~*-ң*. Примеры:

класс.: *олун* 'находя', *меден* 'зная'; халх.: *гаряң* 'выходя', *осоң* 'вырастая'; ойр.: *орьн* 'входя', *нун* 'кочуя'; бур.: *унайң* 'падая', *аршайң* 'вытирая'; даг.: *уджэн* 'видя', *валлан* 'плача'; монгор.: *нтаран* 'спя', *гуин* 'бегая'; дунс.: *уджэн* 'видя', *кэлээн* 'говоря'; баоан. *кэлјаң* 'говоря'.

В могольском языке форма слитного деепричастия пока не зарегистрирована за отсутствием достаточного текстового материала.

Считается установленным, что слитное деепричастие генетически представляет собою отглагольное имя на *-н* типа современного монгольского *шингэн* 'жидкий' от *шингэ-* 'впитываться', к которому восходит также одна из изъявительных форм настоящего времени на *-на*, о чем речь уже шла выше (см. стр. 123). Дело в том, что это деепричастие в монгольских языках может сопровождаться постпозиционным отрицанием *үгеи* 'не'. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ордосском диалекте слитное деепричастие может принимать частицу безличного притяжания *-ан*, например, *јавуанан* 'со временем', 'идя', 'продолжая идти', а это вообще свойственно именам и глагольным формам именного происхождения. Однако необходимо учитывать, что в древнейшем памятнике монгольского языка XIII в., т. е. в «Сокровенном сказании» и других сочинениях, слитное деепричастие применяется с препозиционной частицей отрицания *үлү* 'не', характерной именно для «чистых» глагольных форм. Поэтому вряд ли можно считать, что слитное деепричастие находится в этимологической связи с отглагольными именами типа современного монгольского *шингэн* 'жидкий' от *шингэ-* 'впитываться', поскольку к тому же здесь встречаются затруднения семасиологического характера.

Скорее всего можно предполагать, что слитное деепричастие генетически связано с омертвелым ныне причастием настоящего

⁷⁷ Именно это подтвердил А. Мостарт, сообщивший нам в своем письме от 22 июня 1961 г., что у нариггорских монголов конечный согласный *-д* сохраняется лишь в заимствованных словах.

времени на $\bar{i} \leftarrow *j \leftarrow *n$, остатки которого можно видеть в словах типа халх. *даруй* 'немедленно', *гаруй* 'свыше' и т. п.⁷⁸. В этой связи следует заметить, что вряд ли в старомонгольском языке глагольная форма на $-n$, будучи еще «причастием», предикативно могла употребляться во множественном числе, как это казалось Г. И. Рамstedту⁷⁹. Здесь речь идет о глагольной форме на $-m$, о которой писали С. А. Козин и Э. Хэниш⁸⁰. Если бы эта форма представляла собою множественное число «причастия» на $-n$, то последнее мы должны были бы найти в подобной же предикативной позиции, примененное по той же синтаксической модели, чего в действительности нет.

Условное деепричастие

Условное деепричастие (*Converbum conditionale*), иногда называемое формой условного наклонения, в монгольских языках и диалектах представлено рядом форм, в генетическом отношении совершенно разнородных, но объединенных в одну общую группу лишь вследствие единства своих значений, отклонения от которого не бывают сколько-нибудь существенными. Из ряда форм условного деепричастия необходимо прежде всего выделить те, которые наиболее употребительны в монгольском этнолингвистическом мире и в которых генетически непосредственными носителями значения условности оказываются элементы $-c$ - и $-l$ -, точнее говоря, $-c$ - плюс гласный и $-l$ - плюс гласный, т. е. $-c$ -овые и $-l$ -овые формы.

Как это будет показано ниже, $-c$ -овые формы условного деепричастия в монгольских языках и диалектах некогда образовались по одной из двух морфологических моделей, а именно путем присоединения элемента $-c$ - либо к форме перфектного претерита или причастия настоящего времени, либо непосредственно к основе спрягаемого глагола. Результатом образования этих $-c$ -овых форм условности по первой морфологической модели являются, в частности, суффиксы $-басу \sim -бесу$ ($\leftarrow *ба$ -, суффикс перфектного претерита, $+ *су$) и $-басу \sim -гесу$ ($\leftarrow ба$ -, суффикс причастия настоящего времени, $+ *су$). Образование тех же форм по второй морфологической модели можно видеть, например, в бурятском послелого *ha* \leftarrow (см. ниже) 'если'.

Суффикс $-басу \sim -бесу$ является средством выражения условного деепричастия в старописьменном монгольском языке, напри-

⁷⁸ Б. Я. Владимирцов, *Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке*, стр. 55.

⁷⁹ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 92.

⁸⁰ С. А. Козин, *Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы*, — «Ученые записки Ленинградского государственного университета, Серия филологических наук», Л., 1939, стр. 28—33; E. Haenisch, *Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Mangol-un Niuca Tobca' an*, — «Studia Orientalia», XIV, Ss. 20—23, Helsinki, 1950.

мер: *олбасу* 'если найдет', *медебесу* 'если узнает' и т. д. Кроме того эта условная форма, подвергаясь соответствующим фонетическим изменениям, встречается иногда и в устной речи, но преимущественно в зонах распространения монгольского и ойратского старописьменных языков, где она употребляется грамотеями, рапсодами, певцами и ораторами. Этим обстоятельством и объясняется эмфатическая долгота гласного в составе суффикса данного деепричастия, которая соответствует обычной манере чтения старописьменных монгольских текстов: *-басу ~ -бās ~ -wāsу ~ -wās* и т. п. Правда, Чингелтей отмечает употребительность этой формы условного деепричастия в речи кукунорских монголов наряду с условными же формами на *-бал* и *-хулā ~ -хлā*: *үлн гарвасу судер дусуна* 'если поднимается облако, то падает тень'⁸¹.

По мнению Г. И. Рамstedта, элемент **-су* восходит к **-асу*, в котором *-а-* рассматривается, по-видимому, как основа омертвевшего вспомогательного глагола **а-* 'быть'⁸², что не подтверждается конкретными или исторически засвидетельствованными данными, а потому является лишь гипотетическим предположением. К такому предположению Г. И. Рамstedт пришел, по-видимому, сопоставляя данную форму на *-басу* с формой *-басу*, которая в памятниках монгольской речи XIV в., например в квадратной письменности, отражается в виде *-'асу : болу'асу* 'если будет', *но'кда'асу* 'если подпадет' и т. д. Эта форма условного деепричастия на *-басу* и есть та *-с-*овая форма, которая образовалась в результате наращения элемента **-су* к форме причастия настоящего времени и в старописьменном монгольском языке представлена в одном единственном образовании от основы вспомогательного глагола *бō-* 'быть', а именно — *бōгесу* 'если будет'⁸³. Поэтому из рассмотрения различных возможностей образования исходно-прототипного суффикса данной формы условного деепричастия, как непосредственного носителя значения условности, элемент **-а-* или **-аба* следует пока что исключить. Таким образом, этимологическому исследованию подлежит, собственно, лишь элемент **-су* (или **-с-* вообще, если при этом учитывать показания не одного лишь старописьменного монгольского языка).

В этой связи необходимо прежде всего устранить одно недоразумение, возникшее при попытке некоторых исследователей возвести элемент **-су* к гипотетическому **-суба* или **-субай*, а это в свою очередь было связано с неправильной интерпретацией

⁸¹ Чингелтей, «Думдаду улус-даки монгбол тбрүл-ун келен-нүгүд ба монгбол келен-ү ажалбу-нүгүд-ун жерүнкей байдал», — «Монгбол теүке, келе, бичиг», Көкхота, 1957, № 12, стр. 46—47 (далее — Чингелтей, *Думдаду улус-даки монгбол тбрүл-ун келен-нүгүд*).

⁸² Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 123.

⁸³ Однако и этот единственный случай образования условного деепричастия от формы причастия настоящего времени, зарегистрированной в старописьменном монгольском языке, представляется загадочным, если при этом иметь в виду форму предельного деепричастия от того же глагола *бō-* 'быть': *бōгетеле* вместо ожидаемого *бōтеле*!

формы выражения условности в бурятском языке⁸⁴. Дело в том, что в различных бурятских диалектах имеется послелог *hā* 'если', употребляемый при всех именах и причастиях, например: *гол hā* 'если это река', *му hā* 'если плох', *олдц hā* 'если много', *олд hā* 'если нашел', *харā hā* 'если видел', *олдхō hā* 'если найдет'. То, что бурятское *hā* является не суффиксом условного деепричастия, а послелогом с указанным значением, вытекает из его неподчиненности гармонии гласных, нормально долгого качества конечных гласных слов, при которых оно применяется, и возможности его употребления при всех именах (иначе говоря, если бы в бурятском языке это *hā* было суффиксом рассматриваемого здесь деепричастия, то приведенные бурятские примеры должны были бы иметь следующий вид: *олдhō* 'если нашел' и *харāhā* 'если видел', а другие были бы вообще невозможны, поскольку имена не могут принимать суффиксы из серии глагольных). В данном случае отметим только, что долгота гласного *ā* в этом послелого *hā* и дала повод некоторым исследователям возводить рассматриваемый нами элемент *-су к гипотетическому *-суба или *-субаи (правда при этом принимается во внимание и форма *-саи*, встречающаяся в некоторых памятниках монгольской письменности, о чем см. ниже). А между тем эта долгота появляется здесь вполне закономерно, ибо, как известно, в монгольских языках искони краткие конечные гласные односложных слов вообще становятся долгими, например, халх. *tā* ← **ta* 'вы', *x̄i* ← **ki* 'делать', *bā* ← **ba* 'и', 'да' и т. п. Поскольку, следовательно, бурятское *hā* 'если' в качестве послелога является самостоятельным и односложным словом, а не суффиксом условного деепричастия, постольку его конечный гласный оказывается долгим.

Нечто близкое к тому, что обнаруживается в бурятском языке, мы находим также в дагурском языке, в хайларском говоре которого показатель условности (по-видимому, послелог) *сā* 'если' как бы превращается в суффикс условного деепричастия *-āсā* ~ *-эсэ* ~ *-ōсō*, сочетаясь с суффиксом неупотребительного ныне причастия настоящего времени и в своем вокализме подчиняясь гармонии гласных⁸⁵. В бутхайском говоре дагурского же языка форма условного деепричастия образовалась по другой морфологической модели, которая была характерна, например для языка квадратной письменности, т. е. путем присоединения элемента *-с- к форме причастия настоящего времени, также неизвестного ныне и в этом говоре; *хар'эс* 'если вернуться', *ондс* 'если сесть верхом', *болдс* 'если будет'.

⁸⁴ См., например, G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 105.

⁸⁵ Как это в настоящее время происходит с халхаским послелогом *дёр* 'на', гласный которого начинает на наших глазах подчиняться гармонии гласных: *дār* ~ *дёр* ~ *дōр* ~ *ддр*. Имеющиеся в литературе данные о дагурском языке не позволяют более точно определить грамматическую сущность элемента *-сā*, в «суффиксе условного деепричастия», ибо в наличных транскрибированных дагурских текстах долгота и сверхдолгота гласных совершенно не различаются.

Таким образом, *-с*-овые формы деепричастия оказываются различными даже в пределах говоров одного и того же языка, в данном случае — дагурского.

Что касается бурятского послелого *hā* 'если', то он, конечно, представляет собою форму условного деепричастия, образованную в очень ранних «протобурятских» диалектах по другой морфологической модели, а именно путем присоединения элемента **-с-* непосредственно к основе ныне омертвело́го вспомогательного глагола **а-* 'быть', которая при этом сама со временем исчезла, как и в ряде других случаев (ср. например бур. *haң* и халх. *saң* ← **агсан* — связка прошедшего времени из причастия того же времени). Иными словами, бур. *hā* восходит к **асу* или **ас-*. Возможно, что то же самое надо сказать и относительно хайларско-дагурского элемента *-са*, о чем см. выше.

По этой же второй морфологической модели, т. е. путем присоединения элемента **-с-* непосредственно к основе спрягаемого глагола, форма условного деепричастия образуется в некоторых бурятских диалектах, например в баргутском (суффикс *-ha*), в монгорском (суффикс в говоре хуцза *-са*, в нарингольском говоре *-дза*), дунсянском и баоаньском (суффикс *-сэ*) языках, например: баргут.: *ороһо* 'если войти', *гарһа* 'если выйти'; монгор.: *мудеса* 'если узнает', *редза* 'если прибыл'; дунсян.: *јавусэ* 'если идти', *матасэ* 'если забыть'; баоан.: *дәрсэ* 'если замерз', *идэрсэ* 'если устал'. Нет оснований полагать, что в этих языках суффиксы условного деепричастия представляют собою следствие усечения суффиксов соответственно **-баса*, **-баджа* или **-басэ* ← **-ба-* + **-с-*. Примечательно, что в этих же языках отсутствует форма причастия настоящего времени.

В различных памятниках старомонгольской литературы, преимущественно в произведениях, в которых явно сказывается влияние устной диалектной речи, встречается форма условного деепричастия на *-са*, если передавать ее в точной и буквальной транслитерации, например: *унаса* 'если упадет', *ебдересе* 'если разрушится', *болуса* 'если будет' и т. п. Однако если учитывать, что в этих произведениях соответствующие авторы-грамотеи средствами старомонгольского алфавита транскрибировали диалектные формы, а по морфологическим правилам старописьменного монгольского языка суффиксы с начальным *-с-* не требуют вставного гласного *-у-* (между собою и основой спрягаемого глагола), то в действительности этот суффикс *-са* необходимо интерпретировать как *-аса* ← **-ба* (суффикс причастия настоящего времени) + **-с-*. В противном случае вместо *болуса* мы имели бы *болса*! Поэтому приведенные выше примеры соответственно необходимо представить в виде *унаса*, *ебдересе* и *болса*⁸⁶. Иными словами,

⁸⁶ Встречающаяся иногда в некоторых старомонгольских сочинениях форма этого же деепричастия на *-саі* является либо эмфатической вариацией предыдущей формы на *-са*, либо (появившейся по аналогии) контаминацией с желательной формой на *-суһаі* (см. выше).

здесь перед нами образование *-с-овой* формы условного деепричастия по первой морфологической модели, т. е. не от основы спрягаемого глагола непосредственно. В данном случае задача исторической морфологии и сравнительной монголистики заключается, следовательно, в том, чтобы по данным различных памятников старомонгольской литературы, могущих быть территориально локализованными, определить, в каких монгольских диалектах прошлого форма условного деепричастия образовывалась по первой из описанных выше морфологических моделей, а именно путем присоединения суффикса *-са* к форме причастия настоящего времени. Пока же надо отметить, что это главным образом те диалекты монгольских языков, которые были распространены преимущественно на восточных окраинах монгольского этнолингвистического ареала.

Изложенное выше показывает нам, каким образом в монгольских языках настоящего и обозримого прошлого образуются различные формы условного деепричастия. Если образование этого деепричастия по второй морфологической модели непосредственно от основы спрягаемого глагола не требует особых комментариев, то значительно сложнее обстоит дело с образованием этой же деепричастной формы по первой морфологической модели путем наращивания элемента **-с-* к форме перфектного претерита или причастия настоящего времени. Пока что наши данные не позволяют сказать, что представляло собою некогда, за пределами обозримого прошлого, образование рассматриваемого нами деепричастия на *-басу* (о концепции Г. И. Рамstedта выше уже упоминалось).

Предложенная Г. И. Рамstedтом реконструированная им модель *-басу* ← **-ба* + **асу* (по-видимому, **а-* + **-су*), как уже упомянуто выше, весьма гипотетична и не подтверждается какими-либо конкретными данными. И если эта рамstedтовская модель в какой-нибудь мере соответствует исторической действительности, то последняя могла иметь место в древнейших монгольских или даже «протомонгольских» диалектах. Дело в том, что такая модель вообще чужда строю монгольских языков настоящего и исторически обозримого прошлого: индикативные формы глагола в этих языках не могли и не могут применяться в качестве первых, или препозиционных, компонентов какого бы то ни было аналитического соединения. Следовательно, сочетание перфектного претерита от основы какого-нибудь глагола с любой формой вспомогательного или иного глагола в монгольских языках абсолютно невозможно. Поэтому форму условного деепричастия на *-басу* надо признать наидревнейшей в монгольских языках, происхождение которой следует отнести к той поре, когда в этих языках именные формы глагола и собственно глагольные формы еще, по-видимому, не дифференцировались. Примечательно, что эта условная форма не встречается в жирых

монгольских языках, если не считать отдельных случаев ее проникновения из книжной литературы в устную речь.

В тесной связи с изложенным представляет особый интерес указанный А. Бобровниковым и требующий дополнительного исследования и специальной проверки случай образования условной формы будущего времени путем присоединения частицы *-асу* (*a-+су?*) к изъявительной форме настоящего времени: *jabunāsu* 'если будет ходить', *irenēsū* 'если придет'⁸⁷.

Что же касается формы условного деепричастия на *-басу*, то данные бурятских и дагурских диалектов приводят нас к формуле **-ба-* (суффикс причастия настоящего времени) + **-а-* (основа омертвевшего ныне вспомогательного глагола **а-* 'быть') + **-су* или **-с-* (непосредственный носитель значения условности). Как известно, такая модель в монгольских языках вполне обычна. Следовательно, во всех монгольских языках настоящего и исторически обозримого прошлого, кроме монгольского, дунсянского и баоаньского, невозможность образования *-с-овой* формы условного деепричастия непосредственно от основы знаменательного глагола оказывается примечательной и в данном случае свидетельствует о древнейшем характере *-с-овых* форм этого деепричастия вообще.

Как бы ни решался вопрос о морфемном составе рассмотренных выше форм условного деепричастия, непосредственным носителем значения последнего оказывается, повторяем, элемент **-с-*, т. е. **-с-* плюс гласный. Этот элемент, или суффикс, *-с-* можно, по всей вероятности, сопоставить с тюркским показателем условной формы *-са*, этимология которого все еще продолжает оставаться предметом различных догадок и предположений⁸⁸.

Если в старописьменном монгольском, бурятском, дагурском, монгольском, дунсянском и баоаньском языках наиболее распространенным или даже единственным средством выражения условности являются различные *-с-овые* формы условного деепричастия, включая сюда и бурятский послелог *hā* 'если', а в ойратском (калмыцком) языке форма на *-хлā*, то в диалектах современного монгольского языка таковым оказывается условное деепричастие с суффиксом *-вал* ~ *-валā* (орфографически *-вал*) ~ *-бал* ~ *-балā*, в котором конечный гласный оказывается эмфатическим явлением, например: халх.: *авбал* 'если взять', *орвол* 'если войдет'; орд.: *амаравал* 'если отдохнет', *гаршула* 'если выйдет'. В бурятском и особенно ойратском языках эта условная форма употребляется значительно реже, нежели в современном монгольском языке, и

⁸⁷ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 144.

⁸⁸ Основным недостатком такого рода догадок и предположений является стремление некоторых исследователей этот показатель условности *-са* во что бы то ни стало возвести к какому-нибудь знаменательному слову, наличному в каких-либо тюркских языках. Конечно, такие попытки «этимологизирования» различных суффиксов широкого лингвистического ареала на зыбкой почве местных данных почти никогда не могут увенчаться успехом.

применяется преимущественно в различного рода поговорках, загадках и других произведениях устной народной словесности, распространенных во всем монгольском этнолингвистическом мире.

Относительно этой *-л-овой* условной формы в свое время Г. И. Рамstedтом было высказано предположение, что ее показатель *-бал ~ -бала* восходит к сочетанию суффикса перфектного претерита *-ба* и частицы *еле*⁸⁹. Как известно, эта частица является средством выражения логического ударения и может применяться при любом члене предложения, но ни в какой степени не имеет и не имела в истории монгольских языков значения условности или близкого к последней. Ни в каких памятниках и произведениях монгольской литературы нет данных, которые могли бы свидетельствовать, что сочетания перфектного претерита с частицей *еле* выражают условность. Не имеет подобного значения и любое другое сочетание этой частицы с какими-либо другими грамматическими формами. Поэтому изложенное предположение Г. И. Рамstedта относительно происхождения данной *-л-овой* формы условного деепричастия трудно считать обоснованным как семасиологически, так и фактически. Не находит для себя опоры это предположение и в других алтайских языках, в которых нет ничего такого, с чем можно было бы сопоставить эту *-л-овую* условную форму монгольского языка. Упоминаемое Г. И. Рамstedтом относительное местоимение маньчжурского языка *еле* 'все' также не может быть использовано для данной цели, поскольку оно совершенно не имеет значения условности и к тому же, по-видимому, заимствовано маньчжурами из монгольского литературного языка.

Следовательно, вопрос о происхождении *-л-овой* формы условного деепричастия, распространенного, как уже сказано, преимущественно в диалектах монгольского языка, следует считать требующим дополнительного исследования, поскольку приведенное выше предположение Г. И. Рамstedта основано лишь на внешнем фонетическом сходстве элемента *-л-* с частицей логического ударения *еле*.

Кроме *-с-овых* и *-л-овых* форм условного деепричастия в монгольских языках имеются и другие формы этого же деепричастия, а именно: 1) *-хула* (в ордосском диалекте), *-хала ~ -хла ~ -хна* (в ойратских диалектах; в калмыцком языке орфографически *-хла*), *-хла ~ -хна ~ -ла* (в говорах восточномонгольского диалекта), соответствует старописьменному монгольскому будущему причастию в соединительном падеже, что вполне точно и отражает происхождение данной формы условного деепричастия: *ја-бухуи-лува* = орд. *јашухула* = калм. *јовхла* 'когда пойдет', 'если пойдет'; ойр. *болхна* 'если будет', *бахна* 'если имеется', вост.-монг.: *ирхелә* 'если придет', *унла* 'если упадет'. Эту

⁸⁹ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 104—105.

форму условного деепричастия называют иногда последовательным деепричастием, о чем речь будет идти ниже⁹⁰;

2) *-ун ~ -ңгун* (в ордосском диалекте, в других монгольских диалектах пока не обнаружена), например, *багун* 'если имеется', *медеңгун* 'если знает'. Эта ордосская форма условного деепричастия весьма загадочна по своему происхождению как в семасиологическом, так и в морфологическом отношении, хотя ее умозрительно очень легко возвести к **-бун*, что, однако, ничего не объясняет и никак не может быть обосновано.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие (*Converbium concessivum*) в монгольских языках и диалектах образуется по моделям, которые в общем аналогичны моделям производства описанного выше условного деепричастия: элемент, восходящий к исходно-прототипному **-чу* и оказывающийся основным носителем значения уступительности, наращивается к форме либо перфектного претерита, либо причастия настоящего времени. Результатом этого в первом случае являются генетически составные суффиксы данного деепричастия *-бачу* (в старописьменном монгольском языке), *-ваджий* (в монгорском языке), *-wachī ~ -wāc ~ -wч* (в большинстве диалектов современного монгольского языка; орфографически *-вч*), *-вчи* (в калмыцком языке, очень редко), а во втором случае — *-јач* (в арухорчинском говоре), *-јаш* (в хорчинском говоре и дагурском языке). Примеры:

класс.: *олбачу* 'хотя и нашёл', *медебечу* 'хотя и узнал'; монг.: *авуваджий* 'хотя и взял', халх. (орфографически): *явавч* 'хотя и пошёл', *очивч* 'хотя и отправился'; арухорч. *харјач* 'хотя и проклинает'; хорч. *орјош* 'хотя и идёт' (о дожде); даг.: *јаујаш* 'хотя и пошел', *хэлјэш* 'хотя и сказал'; калм.: *болвчи* 'хотя (и был)'.

Уступительное деепричастие образуется также путем присоединения к *-с*-овой форме условного деепричастия элемента *-јэ* (в дунсянском языке), *-ја* (в минхэ-монгорском говоре), *-да* (в худзу-монгорском говоре и шара-уйгурском диалекте) или *-дэ* (в баоанском языке), например: дунс. *ірэсэјэ* 'хотя и придет', худзу-монгор. *ідесада* и шара-уйг. *едеседэ* 'хотя и скушает', баоан. *орсэдэ* 'хотя и пойдет' (о дожде). По всей вероятности, в этих языках уступительное деепричастие представляло

⁹⁰ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. LII. — Как известно, в монгольских языках, как и в других, значения условных и различных временных форм глагола оказываются весьма близкими друг к другу. Отметим тут же, что данная форма условного деепричастия распространена в тех монгольских языках и диалектах, где имеется и форма соединительного падежа. В старописьменном монгольском языке под несомненным влиянием устной диалектной речи ордосского типа встречается форма *-хула ~ -күле* преимущественно со значением условности, тогда как будущее причастие в соединительном падеже употребляется во временном значении.

собою аналитическую форму, генетически состоявшую из условного деепричастия знаменательного глагола и, по-видимому какой-то именной формы вспомогательного глагола *а- 'быть', выступавшей в дательном-местном падеже на -ја ~ -јэ или -да ~ -дэ и ныне подвергшейся выпадению.

В бурятском языке значение уступительности выражается частицей *-шье* (орфографическая форма, соответствующая различным диалектным вариациям, например *-шх`ї*, *-шијѐ*, *-шї* ← **-чїгї* ← **-чу* плюс загадочный элемент **-гї*, т. е. **-чугї* (?). Это бурятское *-шье* определяется именно как частица уступительности постольку, поскольку оно применяется при самых разнообразных формах и разрядах слов, чаще всего сопровождаясь послелогом условности *һаа* 'если', например: *мориншье һаа* 'даже если конь', *ороошье һаа* 'если даже вошел', *шишье* 'хотя бы и ты', *тэндэшье* 'даже там', *харгуйгааршье ябаа һаа* 'хотя бы отправился по дороге', 'даже если отправится и по дороге'. Как видно из этих примеров, значение уступительности оказывается тесно связанным со значением усилительности или, точнее говоря, исторически вытекающей из последней. Этой бурятской частице уступительности (и усилительности) в современном монгольском языке соответствует аналогичная частица того же происхождения *ч* (орфографическая форма вместо диалектных *ч* ← **чу* и *чїг* ← **чїгї*, которая пишется в письме раздельно), например: *би ч мэднэ* 'знаю и я', *тэр ч явна* 'пойдет и он', *бодсон ч үгүй* 'даже не думал.'

Как отметил еще А. Бобровников, впервые указавший на происхождение суффикса уступительного деепричастия *-бачу*, данное деепричастие среди остальных деепричастий монгольских языков занимает совершенно особое место: второй компонент суффикса *-бачу*, т. е. *-чу*, и частица *чїгї* употребляются часто раздельно, будучи применены «даже прежде глагола», например: калм. *ниген цаг чїгї болбо* 'хотя бы прошел один час' (т. е. 'хотя бы один час'), монг. *унен чї идебе* 'хотя бы и точно съел'⁹¹.

М. Ф. Козырев приводит ряд примеров из современного монгольского языка, свидетельствующих об употреблении частицы *ч* ← **чу* в сочетании с перфектным презенсом и имперфектным презенсом: *Ханд хэдэн зуун төгрөг авлаа ч дор нь арилгаж амжина* 'Хотя и получила Ханда несколько сот тугриков, но тут же их растратила'; *Хурал дээр үг хэлж байгаа хүмүүс ярихдаа ямар ч бэрхшээлээс айхгүй зориг хатуужилтай даван туулна ч гэх шиг дорвитой ярьж байх юм* 'Ораторы, выступающие на собрании, говорят так складно, как будто они не боятся никаких трудностей и твердо и стойко все могут одолеть'. В заключение автор полагает, что термин «уступительное деепричастие» представляет собою «лишь условное наименование» и что частица *ч*(у) «выполняет чисто синтаксическую функцию, сходную

⁹¹ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 143.

с функцией союза, и обслуживает связь придаточного предложения с главным»⁹². В связи с этим можно заметить, что вопрос о правомерности термина «уступительное деепричастие» должен быть окончательно решен после более тщательного исследования структуры оборота данного деепричастия. Известно, что в оборотах обстоятельственных деепричастий подлежащее, или субъект действия, выражается родительным или винительным падежом, — именно в этом плане структура оборота уступительного деепричастия пока еще не изучена в необходимой степени.

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие (*Converbum abtemporale*) имеется почти во всех монгольских языках и диалектах, кроме дунсянского, ойратского (калмыцкого) и могольского языков, в которых эта деепричастная форма либо пока не зарегистрирована, либо ее значение передается иными средствами. Показателем этого деепричастия является суффикс *-бсабар* и *-бсабар* (соответственно в старописьменном монгольском языке классического и доклассического периодов), *-сār* (в монгорском и монгольском языках, а также в циккарском и хайларском говорах дагурского языка, селенгинском и сартульском диалектах бурятского языка и ойратском диалекте, распространенном в Китае), *-рсār* (в бутхайском говоре дагурского языка), *-сэр* (в баоанском языке), *-һар* (во всех бурятских диалектах, кроме селенгинского и сартульского). Примеры:

к л а с с. *орубсабар* 'продолжая входить', *медегсегер* 'продолжая знать'; х а л х. (орфографически) *явсаар* 'продолжая идти', м о н г о р. *тусар* 'продолжая дуть' (о ветре); б у т х а й с к. *вачір-сār* 'продолжая встречать', *гуїрсэр* 'продолжая бегать'; б а о а н. *сāгасэр* 'продолжая ждать', *јусэр јусэр* 'продолжая разговаривать'; б у р. (орфографически) *дуулаһаар* 'продолжая петь', *хэһээр* 'продолжая делать'.

Все эти приведенные вариации суффикса продолжительного деепричастия восходят к сочетанию суффиксов причастия прошедшего времени и орудного падежа. Иными словами, продолжительное деепричастие в монгольских языках генетически представляет собой причастие прошедшего времени в форме орудного падежа: **-бса-* (←**-бсан*) плюс **-бар* ~ **-јар* ~ **-бар*. В калмыцком языке (данные по другим ойратским диалектам пока не уточнены) такое сочетание семасиологически не развивалось в данную деепричастную форму, продолжая выражать причинность, хотя при этом конечный согласный *-н* суффикса причастия прошедшего времени оказался утраченным. В этой связи надо отме-

⁹² М. Ф. Козырев, *Относительно «уступительного деепричастия» в монгольском языке*, — сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958, стр. 182.

тить, что в монгольских языках наряду с продолжительным деепричастием широко применяется прошедшее причастие в орудном падеже и выражает причинность, поскольку при этом конечный согласный *н* суффикса данного причастия не выпадает. Об этом писал в свое время еще А. Бобровников, приводя примеры 1) *кебтегсен-и-јер* 'по той причине, что лежал' и 2) *кебтегсегер* 'лежа', 'продолжая лежать'⁹³.

Несколько особняком стоит бугхайско-дагурская форма суффикса продолжительного деепричастия *-рсар*, поскольку здесь как бы лишним оказывается начальный согласный *р*. По-видимому, этот согласный *р* представляет собою развитие из *б*, если он вообще не является действительно «лишним», т. е. как бы вставным, что не поддается удовлетворительному объяснению. Иными словами, вполне возможно, что эта бугхайско-дагурская форма суффикса продолжительного деепричастия *-рсар* развилась из **-бса-бар ~ -бса-бар ~ *бсајар*.

По указанию Г. Й. Рамстедта, в могольском языке форма продолжительного деепричастия образована из прошедшего причастия в форме дательного падежа: *-ксо* ← **-бсан-а*⁹⁴. Однако такое образование данного деепричастия с семасиологической точки зрения кажется загадочным, а поэтому напрашивается два вывода: 1) либо при ограниченности текстового материала по могольскому языку действительно значение формы на *-ксо* понято не вполне точно, т. е. динная форма, возможно, и не является продолжительным деепричастием, 2) либо надо предполагать, что суффикс *-ксо* развился из **-ксо*, хотя в могольском языке не является обычным выпадение конечного согласного *-р*, по крайней мере — в суффиксе орудного падежа. Впрочем, здесь можно предполагать влияние тюркских диалектов, в которых причастия в дательном падеже имеют деепричастные значения.

Последовательное деепричастие

В монгольских языках и диалектах показатель последовательного деепричастия (*Converbum successivum*) является генетически сложным, так как в его состав вошли: 1) *-ху* ← **-ку*, суффикс причастия будущего времени, 2) элемент **-лу-*, являющихся первым компонентом суффикса соединительного падежа *-луба*⁹⁵ и 3) **-бар ~ -бар ~ *јар*, суффикс орудного падежа. Результатом

⁹³ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 145.

⁹⁴ G. J. Ramstedt, *Mogholica*, S. 57.

⁹⁵ Об этом см. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*. т. I, стр. 174—175. — Пользуемся здесь случаем указать на одну неточную формулировку, содержащуюся на этих же страницах нашей работы: вместо «...-лар есть соединение первоначального *-ла*, наличного в монгольском языке, и формата местного падежа *-би* → *-а*» следует читать «...-лар есть соединение первоначального **-лу-* и формата орудного падежа **-бар ~ -бар ~ *јар*».

этого в настоящее время и является суффикс данного последовательного деепричастия *-халār ~ -хулār ~ -хлар* (в монгольском и бурятских диалектах; орфографически соответственно *-хлаар* и *-халаар*), *-гула* (в монгорском языке, по-видимому, ← **-булар* ← **-хулабар* ~ **-кулубар* поскольку, в этом языке выпадение некоторых конечных согласных, в том числе и *-р*, является обычным и если в данном случае форма *-гула* не является соответствием одной из условных форм типа ордосского *-хула*), *-хлār(н) ~ -кнар(н)* в ойратских диалектах⁹⁶; здесь факультативное наращение конечного *-н* пока не представляется ясным так же, как оказываются загадочными элементы *-н*, *-анī* или *-анджін* в ордосской деепричастной форме, определяемой А. Мостартом как последовательное деепричастие (см. его «Textes Oraux Ordos», р. 52). Примеры:

х а л х. (орфографически): *явахлаар* 'как только ушел', *бичихлээр* 'как только написал'; б у р.: (орфографически): *буухалаар* 'как только опустился', *мэдэхэлээр* 'как только узнал'; монгор.: *давагула* 'как только перевалил' (через гору), *регула* 'как только пришел'; ойр.: *жавхлārн* 'как только пойдет', *ірхлārн* 'как только придет'.

Иногда в качестве формы последовательного деепричастия приводят будущее причастие в орудном падеже, например, в дагурском языке: *јауғуёр* 'когда поеду', *огдрін* 'лишь только выпьет'⁹⁷. Как нам кажется, в данном случае скорее следовало бы говорить лишь о том, что в некоторых монгольских языках и диалектах будущее причастие в орудном падеже употребляется иногда в значении последовательного деепричастия. Характерно, что именно в таких монгольских языках и диалектах будущее причастие в орудном падеже в значении целевого деепричастия либо совершенно не применяется, либо применяется крайне редко.

Выше уже отмечалось, что иногда условное деепричастие на *-хула ~ -хла* интерпретируется как последовательное деепричастие, для чего, по-видимому, имеется известное семасиологическое основание. Однако это обстоятельство никак не должно приводить нас к смешению различных по своему образованию форм, форм 1) условного деепричастия на *-хула ~ -хла*, генетически сочетание суф-

⁹⁶ На наличие этих форм в ойратском диалекте указывает Чингелтей в своей работе «Думдаду улус-дакі монғбол торул-ун келен-нугуд» (в журнале «Монғол теуке, келе бичіг», Кокехота, 1958, № 1, стр. 47). К сожалению, автор свое сообщение не сопроводил примерами. Автор-также указал на наличие в ойратском же диалекте и говорах восточномонгольского диалекта форм условного деепричастия на *-хла ~ -хна* (см. там же). Следовательно, чередование согласных *л ~ н* в составе приведенных суффиксов имеет сравнительно широкое распространение.

⁹⁷ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 66. — Отметим здесь, что на стр. 120 этой же работы Б. Х. Тодаевой приводится указание на наличие в баоанском языке предварительного деепричастия с суффиксом *-гула*, например: *рэгума* 'как только пришел', *хичэлгума* 'как только постригся'. Однако, по-видимому, эта баоанская форма на *-гула* является последовательным деепричастием и соответствует монгорской форме последнего на *-гула*.

фиксов будущего причастия и соединительного падежа и 2) последовательного деепричастия на *-хулар ~ -хлар*, генетически сочетание суффиксов будущего причастия и орудного падежа с элементом **-лу-* между ними, как это показано уже выше. В данном случае можно было бы говорить лишь о некоторых явлениях контаминации двух обозреваемых деепричастных форм, которая имеет место в отдельных монгольских языках и диалектах.

В заключение отметим, что попытка возвести суффикс последовательного деепричастия к сочетанию суффиксов будущего причастия, соединительного и орудного падежей, т. е. к **-хулузбатар*, вряд ли может быть признана удачной и убедительной. Дело в том, что в таком случае вместо *-хулар ~ -хлар* в качестве показателя данного деепричастия мы имели бы *-хулагар ~ -хлагар*, поскольку в монгольских языках при присоединении суффиксов с долгими гласными к склоняемым основам с долгими же конечными гласными, как известно, образуются два конечных слога с долгими гласными в каждом из них, х а л х. *улаа* 'подвода' — *улаагаар* 'подводой', но: *арга* 'способ' — *аргаар* 'способом'.

Предварительное деепричастие

Предварительное деепричастие (*Converbum contemporale*) более или менее широко применяется в классическом монгольском и дагурском языках, а также во всех монгольских и бурятских диалектах, в качестве своих показателей имея следующие группы суффиксов:

1) *-магча* — в классическом монгольском языке, *-магчэ* — в шарайгурском диалекте, *-магцэ* — в халхаском и западном монгольских диалектах; 2) *-мч* — в бааринском и шилингольском монгольских говорах, *-мса* — в хоринском, агинском и других восточнобурятских диалектах, *-мса* — в хучин-баргутском говоре; 3) *-мсар* — в аларском, хоринском и некоторых других бурятских диалектах, *-мсар* — во всех бурятских диалектах, *-мтэр* — в дагурском языке, *-мслар* — в аларско-бурятском диалекте; 4) *-мкi* — в дагурском языке; 5) *-гуэтэр* — в дагурском языке; 6) *-нарāн* — в восточном монгольском диалекте, например в бааринском, арухорчинском и хорчинском говорах. Примеры:

класс.: *медемегче* 'как только узнал', *орумагча* 'как только вошел'; х а л х. (орфографически): *явмагц* 'как только ушел', *ирмэгц* 'как только пришел'; баарин. *уджемч ~ уджёнёнрен* 'как только увидел'; агин.-бур. *гарамса* 'как только вышел'; хучин-барг. *оромсб* 'как только вошел'; алар.-бур. *гарамсар ~ гарамсар ~ гарамслар* 'как только вышел'; даг. *ужэмтэр ~ ужгуэтэр* 'как только увидел', *бмкi* 'как только выпил'.

Как видно из представленных примеров и перечня суффиксов предварительного деепричастия, во многих из указанных монголь-

ских языков и диалектов существуют и применяются параллельные формы данного деепричастия.

Относительно первой группы суффиксов предварительного деепричастия следует признать правильной концепцию Г. И. Рамштедта о том, что они восходят к *-*маг*- плюс *-*ча*. Как известно, суффикс *-маг*- ныне в монгольских языках и диалектах является уже давно омертвелым и наличным лишь в некоторых отглагольных именах типа халх. *холимог* 'смешанный' от *холи*- 'смешивать', *ээдмэг* 'заквашенное молоко' от *ээд*- 'закваситься', *хуурмаг* 'фальшивый' от *хуур*- 'обманывать'. В некоторых тюркских языках суффикс *-мак*, соответствующий монгольскому непродуктивному *-маг*, является продуктивным и живым формативом «инфинитива» и в настоящее время (ср., например, *олмоқ* 'брат', *бормоқ* 'идти' и т. д.) или, наоборот, непродуктивным формантом отдельных имен существительных, означающих орудие, предмет или результат действия (ср., например, тур. *çotak* 'дубина', *уитак* 'клубок' и 'мяч')⁹⁸. Что касается элемента *-*ча*, то это — древнемонгольский или, точнее говоря, общеалтайский суффикс уравнительного падежа⁹⁹. Следовательно, предварительное деепричастие генетически представляет собою отглагольное имя в уравнительном падеже, хотя с семасиологической точки зрения здесь скорее напрашивается именно исходный, как первоначально и думал Г. И. Рамштедт, встретивший затем, по-видимому, непреодолимые затруднения фонетического характера¹⁰⁰.

Относительно второй группы суффиксов (*-мч*, *-мса* ~ *-мса* ← *-*мча*) скорее всего надо думать, что в данном случае суффикс уравнительного (исходного?) падежа на *-ча* некогда наращивался к отглагольно-именному слову на *-м*, которое можно видеть в словах типа халх. *ээдэм* (наряду с *ээдэг*) 'заквашенное молоко' от *ээд*- 'закваситься', *тохом* 'потник' (под седло) от *тох*- 'положить на спину', *барим* 'мера в обхват пальцами руки' от *бари*- 'держать'. Хучин-баргутское *-мса* есть, по-видимому, эмфатический вариант *-мса* ← *-*мча*. В этой связи весьма примечательно, что в ойратском диалекте, распространенном в Китае, зарегистрирована как бы аналитическая форма данного предварительного деепричастия, состоящая из сочетания отглагольного имени на *-м* с послелогом *цацу* (= халх. *чацуу* 'равно', 'одинаково', 'равный', 'одинаковый'), например: *күрүм цацуу* 'как только достиг', *көдлм цацуу* 'как только тронулся', *тохм цацуу* 'как только оседлал', *јовм цацуу* 'как только ушел'¹⁰¹. Конечно, это отглагольное имя на *-м* не может быть признано формой слитного деепричастия, ибо в ойратском

⁹⁸ А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 114.

⁹⁹ Г. И. Рамштедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 51—52.

¹⁰⁰ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 115—117.

¹⁰¹ Чинггелтел, *Думдаду улус-даки монгол төрүл-ун келен-нүгүд*, — «Монгол теуке, келе бичиг», Көкхота, 1958, № 1, стр. 47; Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 41.

диалекте, как и во всех диалектах монгольских языков, формативом этого деепричастия является суффикс *-н*, никогда не чередующийся с согласным *-м*. Кроме того, как известно, в монгольских языках вообще сочетание слитного деепричастия с любым последующим словом невозможно, если последнее не является глаголом или отглагольным именем, сохраняющим свойства глагола.

Следовательно, суффиксы *-мч*, *-мса* ~ *-мсā*, восходящие к исходно-прототипному **-мча*, не могут рассматриваться как усеченные вариации формы на **-мабча*. К этому исходно-прототипному суффиксу **-мча* несомненно восходят также суффиксы третьей группы: *-мсār* ← **-мсар* ← *-мча-р*, *-мтэр* ← **-мча-р* и *-мслār* ← **-мча-лу* (?) *-р*. Если в аларско-диалектном суффиксе предварительного деепричастия *-мслār* можно предполагать развитие по аналогии с *-мсār*, то в остальных суффиксах данной группы загадочным является элемент **-р*. Дело в том, что здесь более первоначальной является, по-видимому, форма с кратким гласным, от которой по аналогии (например, с продолжительным деепричастием, которое по значению близко к предварительному деепричастию и о котором речь будет идти ниже) образуется форма с долгим гласным: **-мсар* → *-мсār*. Иными словами, в составе компонентов этих суффиксов обозреваемого деепричастия трудно усмотреть наличие форматива орудного падежа, поскольку в противном случае совершенно невозможно было бы объяснить краткость гласного в суффиксах *-мсар* и *-мтэр* (как известно, в составе суффикса данного падежа гласный является долгим: *-ār* ← **-бар* ~ **-бар* ~ **-jar*).

В дагурской форме суффикса предварительного деепричастия *-мкī* легко видеть рассмотренный выше отглагольно-именной суффикс *-маб* плюс гласный элемент *-ī*, о котором мы лишены возможности сказать что-либо определенное (но, может быть, это не что иное, как суффикс местного падежа **-ā* → *-ī*?). Равным образом пока ничего определенного невозможно утверждать относительно этимологии восточномонгольского диалектного суффикса предварительного деепричастия *-нārān* и дагурского *-гуэтэр*. Дело, по-видимому, заключается в том, что эти суффиксы определены как формативы предварительного деепричастия лишь в ходе недавних полевых диалектологических исследований и без достаточно полного изучения случаев их употребления сравнительно с остальными, описанными нами выше суффиксами и вариациями данного деепричастия. При таких условиях уточнять этимологию этих суффиксов на основании только их внешнего звукового сходства с какими-либо другими формативами было бы преждевременно.

Предельное деепричастие

Предельное, или совместное, деепричастие (*Converbum terminale*) распространено во всех монгольских языках и диалектах и образуется посредством суффиксов, исходным прототипом которых яв-

ляется **-тала*, а именно: *-тала* (в старорписьменном монгольском, современном монгольском, могольском, дагурском, дунсянском и ойратском языках, языках с различной степенью редуции гласных вплоть до их выпадения, как и в приводимых ниже суффиксах), *-тара* (в ряде восточнобурятских диалектов, а также в харачинском, шилингольском, ордосском говорах монгольского языка), *-дела* ~ *-дера* ~ *-тула* (в монгорских диалектах), *-тэла* (в баоаньском языке), *-сар* (в западнобурятских диалектах). Примеры:

класс.: *бартала* 'до выхода', *очитала* 'до отхода'; халх. (орфографически): *явтал* 'до ухода', *иртэл* 'до прихода'; мог.: *каратала* 'пока смотрит'; даг.: *эргэтэл* 'пока повернулся', *олтбл* 'пока не нашел'; дунс.: *курутала* 'пока не достигнет', *тулиэтала* 'пока сжигает дрова', калм. (орфографически): *йовтл* 'до отхода', *суутл* 'пока сидит'; бур.: *баритар* (*барисар*) 'пока держит', *буутар* (*буусар*) 'пока не спустился'; ордос.: *болтор* ~ *болтол* 'пока не станет', *дататар* 'пока тянет'; монгор.: *болидела* 'пока не станет', *блидера* 'пока не найдет'; баоан.: *вабатэла* 'пока стирает', *бадэтэла* 'пока косит сено'.

Относительно исходно-прототипного суффикса предельного деепричастия *-тала* в настоящее время складывается мнение, что здесь мы имеем дело с отглагольным образованием на **-та* (или **-да*, что менее вероятно) в местном падеже на **-ла*. Впервые это мнение было высказано С. А. Козиним, который в образовании на **та* видел гипотетическое причастие древнемонгольского языка, тогда как **-ла*, по его предположению, является сокращенной формой суффикса соединительного падежа, т. е. **-ла* ← **-луба*¹⁰². Однако В. Л. Котвич предпринял попытку улучшить концепцию С. А. Козина на основе реальных данных тунгусо-маньчжурских языков, *-та* (или *-да*) — суффикс причастия незаконченного действия в форме местного падежа на *-ла*¹⁰³. Как видно из изложенного, здесь мы видим по существу одну и ту же концепцию, поскольку местный и соединительный падежи в алтайских языках оказываются связанными друг с другом¹⁰⁴. К этому же мнению фактически присоединился и Г. И. Рамstedт¹⁰⁵, который в свое время высказался совершенно иначе. Так, в 1903 г. Г. И. Рамstedт писал, что суффикс предельного деепричастия *-тала* или *-тал-а* представляет собою сложное образование: **-тал* ← **-дал* (суффикс отглагольных имен типа *джарудал* 'расход' от *джару* 'использовать') и **-а* (суффикс дательного, или местного падежа)¹⁰⁶. Поскольку сопоставление суффиксов *-тала* и *-дал* является явно натянутым, постольку это прежнее мнение Г. И. Рамstedта надо

¹⁰² С. А. Козин, *Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке*, стр. 33.

¹⁰³ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 271.

¹⁰⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, стр. 174.

¹⁰⁵ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 113.

¹⁰⁶ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 111—112.

признать устаревшим. Кроме того, как правильно отметил В. Л. Котвич, отглагольное имя на *-дал* не обладает признаками и свойствами глагола, без чего любое отглагольное имя не может дать начало развитию глагольных форм, как причастных, так и деепричастных.

Приведенные выше различные варианты суффикса предельного деепричастия (*-тара*, *-дела*, *-дера*) являются, конечно, результатом различного развития исходно-прототипного суффикса **-тала* по законам фонетической системы того или иного монгольского языка и диалекта. Что касается западнобурятского суффикса этого же предельного деепричастия *-сара* ~ *-сар*, то о нем можно сказать то же самое. Однако Г. И. Рамstedтом было высказано предположение, что этот западнобурятский суффикс *-сара* ~ *-сар* якобы восходит к суффиксу **-са* ← **-ча*-, образующему отглагольное имя типа классического *ябуча* 'темп', 'ход' и приведенному выше **-ла*, т. е. суффиксу местного падежа в тунгусо-маньчжурских языках¹⁰⁷.

Попутное деепричастие

Попутное деепричастие, употребляющееся в речи сравнительно редко и пока что обнаруженное лишь в некоторых монгольских и восточнобурятских диалектах, выражается посредством суффиксов: 1) *-ңга* (в современной монгольской и бурятской орфографии *-нгаа*) — зарегистрирован в хоринском, баргутском и других восточнобурятских диалектах и некоторых говорах халхаского диалекта, 2) *-ңгут* (в современной монгольской орфографии *-нгуут*) — отмечен в чахарском, шилингольском, алашань-эдзинаском и некоторых халхаских говорах монгольского языка. Примеры:

монг. *явангаа* ~ *явангуут* 'по ходу', *оронгоо* ~ *оронгуут* 'входя'; бур. *бэшэнгээ* 'пища', *ошонгоо* 'отправляясь'.

Происхождение этих суффиксов для монголистики продолжает пока оставаться неопределенным. Как правильно заметил Г. И. Рамstedт¹⁰⁸, предположение о том, что суффикс *-ңга* восходит к отглагольному имени на **-н* в дательном падеже, т. е. к сочетанию суффиксов **-н* - **а*, или к тому же отглагольному имени на **-н* с частицей безличного притяжания, т. е. к **-н-іjan*, встречает препятствия со стороны морфологической фонетики, поскольку в обоих случаях вместо *-ңга* мы должны были бы иметь *-на*. Более вероятным могло бы быть предположение Руднева — Рамstedта о том, что суффикс *-ңга* развился в порядке ассимиляции из суффикса же **-мга*-, о котором речь будет идти в разделе о деепричастии образа действия, если бы при этом можно было удовлетворительно объяснить второй суффикс попутного деепричастия *-ңгут*. Весьма возможно, что в данном случае более близок к исти-

¹⁰⁷ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 119.

¹⁰⁸ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 110.

не был В. Л. Котвич, который допускал здесь влияние «богатой морфологии» тунгусо-маньчжурских языков¹⁰⁹, в глагольной системе которых имеется ряд деепричастных форм с элементом *-нга-*, например, маньчжурского деепричастия будущего времени на *-нга-*: *досингала* 'прежде чем войдет'¹¹⁰.

Как сообщает Сеченбатор, в бааринском и горлосском говорах монгольского языка попутному деепричастию по значению соответствует загадочная форма на *-лăган*, например *жабалăган* 'по ходу' (?). Отсутствие достаточного количества материала не позволяет точно определить значение и употребление данной бааринско-горлосской деепричастной формы, что в свою очередь затрудняет разбор этимологии ее суффикса. Однако Сеченбатор этот суффикс возводит к суффиксу перфектного презенса *-луба* с частицей безличного притяжания *-бан*¹¹¹, что весьма сомнительно, поскольку в монгольских языках изъявительные формы не могут сопровождаться какими бы то ни было притяжательными частицами. Равным образом невозможно трактовать эту форму как соединительный падеж на *-луба* с той же частицей безличного притяжания, так как в тех же монгольских языках глагольные основы по падежам не склоняются. Но, может быть, здесь мы имеем дело с какой-то усеченной формой причастия настоящего времени, которое в соединительном падеже с указанной притяжательной частицей семасиологически могло бы дать начало образованию попутного деепричастия?

Заменное деепричастие

В бурятских и монгольских диалектах имеется так называемое заменное деепричастие (*Converbum prolocotivum*), показателем которого является суффикс *-ңхār* (в бурятском языке орфографически *-нхаар*) или *-хār* (в монгольском языке орфографически *-хаар*), например: бур.: *ябанхаар* 'вместо того, чтобы идти', *оронхаар* 'вместо того, чтобы войти', *ерэнхаар* 'вместо того, чтобы прибыть'; монг.: *давахаар* 'вместо того, чтобы перевалить через гору', *гарахаар* 'вместо того, чтобы выйти'; орд.: *дăхār* 'вместо того, чтобы нести на себе'.

Бурятский суффикс заменного деепричастия *-ңхār* восходит к сочетанию слитного деепричастия с формой причастия будущего времени в орудном падеже от основы вспомогательного глагола **а-* 'быть', т. е. к **-н* **аху-бар*. Этим объясняется то обстоятельство, что вокализм этого суффикса в бурятском языке не подчиняется действию законов сингармонизма гласных. В монгольских же диалектах это деепричастие представляет собою причастие будущего времени (непосредственно от основы знаменательного глаго-

¹⁰⁹ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 274.

¹¹⁰ И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, СПб., 1879, стр. 196.

¹¹¹ Сеченбаѳатур, *Баһрин-у аман аралһун-у тухай*, — Монғол келе джоркјал, теўке», Көкөхота, 1959, № 11, стр. 50.

ла) в орудном падеже, хотя в этих диалектах названное причастие в данном падеже вообще выражает цель, например: *гархар* 'чтобы выйти', *олхёр* 'чтобы найти'. Вполне возможно, что описанная монгольская форма заменного деепричастия образовалась из той же аналитической формы, что и бурятская по аналогии с формой продолжительного деепричастия.

Следует отметить, что точные границы распространения заменного деепричастия в зоне бурятских и монгольских диалектов пока еще определенно не установлены.

В дунсянском, дагурском и баоаньском языках, а также в шар-уйгурском диалекте, согласно отрывочным сведениям, значение заменного деепричастия передается формой предельного деепричастия¹¹².

Целевое деепричастие

Целевое деепричастие, называемое также конечным деепричастием (*Converbum finale*), имеет в монгольских языках две совершенно различные формы, а поэтому можно говорить о двух целевых деепричастиях. Целевое деепричастие первое свойственно старописьменному монгольскому языку (суффикс *-pa*), монгорскому (суффикс *-pa* ~ *-la* — в зависимости от диалектов), дунсянскому и баоаньскому языкам (суффикс *-лэ* ← **-pa*). Примеры:

класс. *одур-а* 'чтобы отправиться', *медер-е* 'чтобы узнать'; монг. *сагара* 'чтобы спросить', *авула* 'чтобы взять'; дунс. *тарилэ* 'чтобы сеять', *киэлэ* 'чтобы делать'; баоан. *кэлэ* 'чтобы делать', *нджэлэ* 'чтобы смотреть'.

Исходный прототип этого суффикса **-pa* выяснен уже давно — он представляет собою отглагольное имя на **-p-* с суффиксом дательного падежа **-a*. Как известно, в тюркских языках суффикс *-p* образует преимущественно форму будущего причастия. В монгольских же языках с суффиксом *-p* сохранились лишь отдельные слова типа халх. *ендөр* 'высокий', *бузар* 'грязный' и т. п.

Целевое деепричастие второе распространено в бурятском и монгольском языках, имея суффикс *-ха* (орфографически *-хаа*) ← **-ху-* (суффикс будущего причастия) + **-a* (суффикс дательного падежа, давно уже утраченного современными монгольскими языками). В некоторых бурятских диалектах наряду с суффиксом *-ха* имеется еще *хајā* (орфографически *-хаяа*) ← **-хуј-* (суффикс того же будущего причастия) + **-a* (суффикс дательного падежа), например: *ошохоёо* 'чтобы идти', *дарахаяа* 'чтобы давить'. В некоторых внутримонгольских диалектах (арухорчинском, харачинском, туметском и т. п.) суффиксом этого же деепричастия является

¹¹² Чинггелтеи, «Думдаду улус-даки монгол төрүл-үн келен-нүгүд», — «Монгол теүке, келе бичиг», Көкхота, 1958, № 12. стр. 45. — К сожалению, в этой работе нет примеров, иллюстрирующих применение предельного деепричастия в значении заменного.

-хуй̄ ~ -хуй̄ё ← *-хуй-а, например: *абхуй̄* 'чтобы взять', *идхуй̄* 'чтобы кушать'.

В классическом монгольском языке будущее причастие в дательном падеже также служило средством выражения цели, например: *медекуй-е* 'чтобы узнать'. Из сказанного очевидно, что применительно к современным монгольским языкам форма на *-ха* определяется как целевое деепричастие постольку, поскольку в этих языках форма дательного, или местного, падежа на **-а* омертвела уже давно.

Принято полагать, что в генетической связи с целевым деепричастием первым находится так называемое цитатное, или приготовительное, деепричастие (*Converbum praeparativum*) на *-рун*, имеющееся только в старописьменном монгольском языке и совершенно неизвестное в живой речи. Это цитатное деепричастие, употребляющееся ныне перед прямой речью, образуется от основ весьма немногих глаголов, преимущественно речевых, например: *үгүлерун* 'сказал', *джарлиб болурун* 'соизволил повелеть' и т. п. Считается, что суффикс *-рун* восходит к сочетанию рассмотренного выше суффикса отглагольного имени **-р-* и **-ун*, суффикса, предположительно, родительного или орудного падежа¹¹³. Однако все попытки монголоведов обосновать это утверждение успехом не увенчались¹¹⁴. Дело в том, что с семасиологической точки зрения совершенно невозможно объяснить, каким образом отглагольное имя на **-р-* в форме одного из названных падежей дало начало образованию цитатного деепричастия. Ограниченный объем образования данного деепричастия от основ немногих речевых глаголов и столь же ограниченная сфера его применения лишь в старописьменном монгольском языке несомненно говорят о каком-то влиянии древнеуйгурского литературного языка (калька?) и о тюркском типе образования форм на *-рун* вообще. В этой связи надо заметить, что образования на *-рун* в примерах типа *ябурун койна* 'после ухода' (несомненная форма родительного падежа от основы отглагольного имени на *-р-*), с одной стороны¹¹⁵, и *джарлиб болурун* 'соизволил повелеть', с другой, являются, по всей вероятности, омоформами, из коих пока не очень ясна вторая, которая может оказаться генетически связанной с формой слитного деепричастия, как бы это ни казалось исключенным.

Деепричастия ограниченного распространения

Кроме рассмотренных выше деепричастных форм, встречаются и такие деепричастия, которые имеют распространение лишь в отдельных монгольских языках и диалектах и лингвистическая география которых пока еще точно и окончательно не установлена.

¹¹³ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 49, 86.

¹¹⁴ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 252.

¹¹⁵ Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 86.

Ниже мы остановимся лишь на некоторых из этих деепричастий ограниченного распространения, а именно на деепричастии образа действия, деепричастии степени действия и причинном деепричастии, поскольку по состоянию наших сведений о монгольских языках и диалектах у нас нет возможности исследовать все деепричастия, известные лишь в отдельных диалектах.

Деепричастие образа действия распространено среди ряда бурятских диалектов и широко применяется в бурятском литературном языке, имея в качестве своего показателя суффикс *-мгашаа* например: *оромгошоо* 'входя', *баймгашаа* 'стоя', *ябамгашаа* 'идя', 'на ходу'. Этот суффикс является генетически составным: 1) **-мга-*, имеющийся в суффиксе образования отглагольных прилагательных типа бурятского же *мартамгай* 'забывчивый', 2) *-ша*, по-видимому, из **-сi-* (ср. бу р. *хэптэши* 'лежанка' от *хэптэ-* 'лежать') плюс **-а*, суффикс местного падежа. Поэтому вряд ли можно думать, что суффикс данного деепричастия образа действия восходит к сочетанию суффиксов **-мбай-* и **-чи*, суффикса образования отглагольных имен деятеля, поскольку такая этимология описываемого суффикса не оправдывается с семасиологической точки зрения. С этим деепричастием не следует смешивать отглагольное прилагательное (причастие?) на *-мгайша* ← **-мбай-чи*, распространенное лишь в некоторых бурятских диалектах.

Деепричастие степени действия, известное в некоторых бурятских диалектах, в качестве своего показателя имеет суффикс *-хыса* (фонетически *-хиса*), например, *мэдэхысэ* 'пока не узнает', *орохысо* 'пока не войдет', *туршахыса* 'пока не испробует'. Этот суффикс представляет собою генетически сочетание суффиксов причастия будущего времени *-хуй-* и так называемого предельного падежа *-са* ← *-ча*. Наряду с этим деепричастием степени действия во всех бурятских диалектах широко распространено деепричастное образование на *-са* ← *-ча*, например: *ханхинаса* 'так сильно, что звенит', *гараса* 'так сильно, что выйдет', *ургаса* 'так сильно или так долго, что вырастет'. По-видимому, суффикс этого деепричастного образования генетически связан с суффиксом предельного падежа, хотя и представляется необычным то, что падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе глагола.

Причинное деепричастие пока обнаружено исследователями в некоторых говорах монгольского языка, распространенных в Чахаре и Ордосе, его суффиксы — *-ман*, *-маджин*, *-манджин* (в бааринском говоре), *-ман* (в чахарском говоре), *-ма*, *-ман*, *-маджин* и *-манджин* (в ордосском говоре), например: баарин. *ябманджин* 'так как пошел', *хелмён* ~ *хелмёджин* 'так как сказал', *уджман* 'так как видел'¹¹⁶; чахар. *хелмён* и орд. *хелмёджин* 'так как сказал'¹¹⁷, орд. *абмаджин* 'так как возьмет', 'если возьмет'.

¹¹⁶ Ссченбаѳатур, *Баѳарин-у аман аѳалѳун-у тухай*, «Монѳол келе дѳо-кѳид, теѳке», Кѳкехота, 1959, № 11, стр. 51.

¹¹⁷ Чинггелтеѳ, *Думдаду улус-дакѳи монѳол тѳрѳул-ѳн келен-нѳгѳд*, — «Монѳол теѳке, келе бѳичѳг», Кѳкехота, 1957, № 12, стр. 42.

	-тала	-талад, -тара	-тара, -сар	-та	-тала	-тала	-тала	-талад?
Предельное								
Степени действия	—	—	-тара, -сар	—	—	—	—	-талад?
Попутное	—	—	-хид-	—	—	—	—	-куй-ча -ча
Заменное	—	-нза	-нза	—	—	—	—	-н-ба
Целевое	-ра	-хур	-нзут	—	—	—	—	-н-бу-д?
Образа действия	—	-хад, -хур	-хад, -хад	—	—	-ра, -ла	-ла	-н-аку-бар -ра -куй-а
Причинное	—	—	-маша	—	—	—	—	-мба-ста?
Мгновенное ?	-бас-	-дас-	-дас	?	?	?	?	-ба-с -с
	-с-	-с-	-т-	?	?	?	?	

Примечания: 1) в прочих монгольских языках является книжной формой; 2) чередуется с -дза; 3) имеется вариант -хид; 4) если вариант -мзг; 5) эти формы не находятся в этимологической связи с прочими формами (о границах распространения диалектных форм бурятского и монгольского языков говорится в соответствующих разделах данной работы); 6) имеются варианты -дел и -дер; 7) применяется это деепричастие в сочетании с речевым глаголом ге- 'говорить'. В таблице не показаны деепричастные формы монгольского языка, в котором имеются соединительное и предельное деепричастия с суффиксами соответственно -джи ~ -чи и -тала. Кроме того, в этом же языке в значении продолжительного деепричастия употребляется прошедшее причастие в дательно-местном падеже (-кел). О монгольском спряжении глагола см. Shinobu Iwamura, *The Zirni Manuscript, A perstan-mongolian glossary and grammar*, pp. 23 — 28.

Эту деепричастную форму в ордосском говоре А. Мостарт определяет как *Converba rei prius agendaе* и сообщает, что она обозначает такое второстепенное действие, которое необходимо предшествует главному, и при известных условиях заменяет собою условное деепричастие¹¹⁸.

Относительно состава и этимологии суффиксов данного причинного деепричастия в настоящее время трудно что-либо сказать.

Наконец, в некоторых баргутских говорах исследователи находят две формы «предварительного» деепричастия: 1) *-ут*, например *идүт* 'как только поел', и 2) *-алһар*, например *хевтөлһөр* 'как только лег'¹¹⁹. Первый из этих суффиксов, по-видимому, соответствует бурятскому *-ут*, встречающемуся в единственном отглагольном образовании *јабут* 'моментально', 'сразу'. Относительно же второго суффикса «предварительного» деепричастия *-алһар* сказать что-либо трудно из-за ограниченности необходимых баргутских текстов. Весьма возможно, что здесь перед нами форма продолжительного деепричастия от глагольных основ на *-л-*, в свою очередь образованных от отглагольных имен на долгий конечный гласный (ср. бур. *эдеэлһээр* 'как только поел' ← *эдеэл-* 'есть' ← *эдеэ-* 'пища' ← *эди-* 'есть', 'кушать').

¹¹⁸ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, pp. LIII—LIV.

¹¹⁹ Чингелтеи, *Дамдаду улус-даки монгол торул-ун келен-нугуд*, — «Монгол теүке, келе бичиг», Көкөхота, 1957, № 12, стр. 29.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Употребление глагольных форм в монгольских языках изучено еще далеко не равномерно. Можно считать более или менее изученным применение этих форм в калмыцком, бурятском, классическом и современном монгольских языках, тогда как в отношении остальных монгольских языков мы в состоянии только сказать, что они имеют те или иные формы глагола, значения которых пока в деталях совершенно не изучены. К тому же существование некоторых из этих языков (дунсянского и баоаньского) нам стало известно лишь недавно. Если для морфологического исследования соответствующих грамматических форм вообще достаточно иметь только свидетельство об их наличии в том или ином языке, то для изучения их значений в различных употреблениях необходимо, конечно, обладать большими текстами и литературой на данном языке. А между тем мы не располагаем надлежащими материалами на могольском, дагурском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках. Это обстоятельство и отражается, конечно, на том изложении употребления глагольных форм в монгольских языках, к которому мы и переходим ниже, пользуясь материалами лишь на калмыцком, бурятском, классическом и современном монгольских языках.

Глагольные формы в монгольских языках по их синтаксическим функциям делятся на следующие:

1) окончательные, употребляемые в предложении только предикативно и подразделяемые на а) повелительно-желательные и б) изъявительные;

2) неокончательные, подразделяемые на а) причастия, которые в предложении употребляются в любой синтаксической позиции, и б) деепричастия, употребляемые лишь в обстоятельственной функции в широком смысле этого слова.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Те формы монгольского глагола, которые рассматриваются в настоящем разделе, объединяются в одну общую группу форм одного повелительно-желательного наклонения. Правда, с семасиологической точки зрения, учитывая различные модальные значения этих форм, их можно было бы интерпретировать как формы

различных наклонений, например, повелительного, желательного, дубитативного и т. д. Однако в монголистике различные модальные значения соответствующих форм обращения монгольского глагола принято фиксировать в наименованиях каждой из них, ибо то общее, что их объединяет, превалирует над тем, что их разъединяет. С семасиологической точки зрения повелительно-желательные формы выражают такое обращение говорящего, которое имеет своей целью вызвать совершение какого-нибудь действия со стороны слушающего или третьего лица, как отсутствующего, так и присутствующего при собеседовании двух первых лиц. А в какой форме выражается такое обращение (категорическое приказание, вежливая просьба, мольба, пожелание, предупреждение, опасение и т. д.), с грамматической точки зрения представляется несущественным и второстепенным. К тому же практически различия между повелительно-желательными формами глагола часто оказываются не столь уж большими, как это излагается в теории, поскольку обстановка речи, контекст, интонация и т. п. чрезвычайно многообразят значения этих форм.

С грамматической точки зрения существенно важным является то, что из многочисленных форм монгольского глагола только повелительно-желательные имеют одну, общую и свойственную лишь для них, препозиционную частицу запрета со значением 'не': класс. *буу*, халх. *битгий*, калм. *бичкэ*, монгор. *би*, бур. *бу* и т. д. А между тем все прочие формы монгольского глагола имеют другие частицы отрицания, принадлежащие только им и никогда не употребляющиеся с повелительно-желательными формами глагола.

Повелительная форма 2-го лица (императив)

Императив, выражающий категорическое требование или обычную просьбу совершить какое-либо действие немедленно, в бурятском, калмыцком и дагурском языках является повелительной формой 2-го лица единственного числа, тогда как в классическом монгольском, монгорском и современном монгольском (халхаском и других диалектах) — оказывается той же формой 2-го лица обоих чисел, например: бур. *Тэрэ хоёр буруугаа энэ дары туужа абаашажа үг!* (Х. Н.) 'Немедленно сгони этих двух телят!'; калм. *Төрскэннь төлэ йов, Теркэ хортур бос!* (К. Э.) 'За родину свою трудись. На коварного врага вставай!'; даг. *Халочэсэ хумна!* 'Если жарко, то выкупайся!'; класс. *Нада сэгүдери-јин кілбелген днггетү көкүр хара хујаф-іјан ача!* (Г.—4) 'Дай мне свой черно-синий панцирь, сверкающий блеском росы!', *Долубан көл мэрібан нада ача!* (Г.—25, из обращения Гесера к семи альбином) 'Дайте мне семь ваших коней!', *Сафун бајин јабухуй-дур солунгба бірабу метү јабу та!* (Л. сб.—59) 'В обыденной жизни будьте вы смиренны как телята!'; халх.

Та нар яв! (Лувс.) 'Идите вы!', Чи үүнийг аваачиж өг! (Далх.) 'Отнеси ты это!'; монгол. Чи аву 'Возьми ты!', Тасге до жау! 'Вы идите сейчас!'

Что касается могольского, дунсянского и баоаньского языков, то опубликованные тексты регистрируют употребление императива в качестве формы 2-го лица единственного числа, например: м. г. Морини ачара! 'Приведи [коня]'; дунс. Чы мині удуджы һэни шыды яву! 'Ты веди меня к нему!'; баоан. Чэ чоңлэ! 'Ты послушай!'¹

Как правильно отметил в свое время еще А. Бобровников, императив в определенных случаях может выражать обращение и к 3-му лицу, чаще всего отсутствующему: Хормуста тнгри бурбан көбөгүд-іјен іре кемебе (Г.—3) 'Небожитель Хормуста велел позвать к нему трех его сыновей' (букв. 'Хормуста небожитель трех сыновей своих «приди» сказал'). Особенность этого примера заключается в том, что в нем наличествует речевой глагол кемебе, обычно передающий только прямую речь. Такого рода применение императива наблюдается преимущественно в классическом монгольском языке и некоторых диалектах современного монгольского языка, например в ордосском: Теденут джа! (Ордос.—44) 'Пусть они укажут!', Аду мал-чин джуджара (там же) 'Пусть твои табуны и стада размножатся!' А. Мостарт указывает, что при этом императив приобретает значение оптативной формы.

Как это будет видно в ходе нашего дальнейшего изложения, система повелительно-желательных форм в монгольских языках характерна тем, что эти формы преимущественно различаются между собою по степени «настойчивости и обязательности повеления». Сказанное вытекает из того, что повеление присутствующему лицу по своей непосредственности имеет большую силу, нежели отсутствующему, как и обращение к одному лицу сильнее обращения ко многим. Отсюда, по мнению А. Бобровникова, происходит нарушение различия повелительно-желательных форм по лицам и числам². Равным образом, действие, которое должно быть исполнено немедленно, повелевается с большей категоричностью, нежели то, которое нужно исполнить после. Однако, надо полагать, именно вследствие характера модальности описываемых форм в монгольских языках и начали эти формы постепенно различаться по лицам и особенно числам. Иными словами, повелительно-желательные формы в древних монгольских языках первоначально отличались друг от друга главным образом степенью повеления и желания, т. е. были окрашены модальными оттенками. Отсюда и вытекают, в частности, изложенные особенности в употреблении императива в современных монгольских языках.

¹ По личному сообщению Б. Х. Тодаевой, в дунсянском и баоаньском языках императив является повелительной формой 2-го лица обоих чисел.

² А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 333.

Императив не имеет специального показателя и поэтому совпадает с чистой основой глагола, которая сама по себе никакой синтаксической функции не несет. Однако основа глагола применяется в качестве первого компонента дублированной формы продолжительного деепричастия. Кроме того в монгольском и дунсянском языках она употребляется иногда вместо сопутствующих деепричастий (может быть, здесь просто явление выпадения конечного согласного *-н* в форме слитного деепричастия?)³.

Повелительно-наставительная форма 2-го лица (прескриптив)

Прескриптив выражает такое обращение ко 2-му лицу совершить какое-нибудь действие, которое должно быть выполнено в будущем, а не вслед за моментом речи. Причем такое обращение носит более вежливый характер, чем при употреблении императива. Эта форма распространена в халхаском и бурятских диалектах, а также в классическом монгольском языке под несомненным влиянием устной речи халхаского типа: бур. *Тэрэхэн хоёр буруугаа үглөө үдэр эртэхэн туугаад манайда асаржа үгөөрэй* (Х. Н.) 'Тех двух телят завтра рано утром пригони к нам!'; халх. *Та авгайд эрхвиш намайг хагалсан гэж бичээрэй* (Далх.—38) 'Ты тете обязательно напишешь, что [бумагу] разорвал я'; класс. *Чи ене сөнi буу унтарай* (Л. сб.—120) 'Ты в эту ночь не спи!'

Прескриптив, выражающий обращение ко 2-му лицу, в числе уточняется контекстом и обстановкой речи или, в бурятских диалектах, лично-предикативными частицами: *Маргааша ябаарайш* 'Завтра пойдешь!' и *Маргааша ябаарайт!* 'Завтра пойдете'. В дагурском языке этой халхаско-бурятской форме прескриптива соответствует форма на *-ганi ~ -гане*: *Даудайганшин* 'Ты бы прочитал', *Ирэгэнтан* 'Вы бы пришли'. Как видно из примеров, дагурская форма прескриптива выражает просьбу или совет совершить соответствующее действие с оттенком сослагательности и в числе уточняется лично-предикативными частицами, что однако не всегда имеет место.

Следовательно, прескриптив отличается от императива как в отношении времени, так и по характеру модальности. Именно по этой причине Г. И. Рамстедт склонен был вообще не учитывать временной оттенок данной глагольной формы в халхаском диалекте⁴.

Повелительно-просительная форма 2-го лица (прекатив)

Эта повелительно-просительная форма в современном монгольском, дагурском, калмыцком и бурятском языках выражает повеление или просьбу совершить какое-нибудь действие в течение

³ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 84 и 102.

⁴ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 5.

ближайшего времени или немедленно, причем в значении этой формы оттенки убедительной просьбы, настойчивого увещания или усиленного понукания являются главными и наиболее существенными: халх. *морь маань гамнаж яваа!* (Р.—6) 'Береги же нашу лошадь!'; даг. *едегѣдж укѣ* (МОНК—VI—163) 'Вылечи, пожалуйста!'; калм. *үрәһән тохит, унад мордий, үгihэн келит, сонсад мордий!* (Б. Б.) 'Оседлайте же молодого коня, поедем на нем, говорите же речи, послушаем и уедем'; бур. *Зохид юумын байгаа хаа хэлэжэ үгьт* (Х. Н.) 'Если есть что-нибудь интересное, то расскажите, пожалуйста!'; орд. *Чи дүгиден ире!* (Ордос. 44) 'Иди же ты к своему брату!'

Таким образом, с семасиологической точки зрения данный прекатив может рассматриваться в качестве эмфатического варианта императива, хотя эти две формы в морфологическом отношении не являются, вопреки мнению А. Мостарта⁵, связанными друг с другом.

Рассмотренные выше три формы повелительно-желательного наклонения 2-го лица, полностью представленные не во всех монгольских языках, со всей очевидностью показывают, в какой степени вообще сильны в системе монгольского глагола оттенки модальности. Далее, как это видно из изложенного, если прескриптив и прекатив оказываются во всех отношениях более или менее соответственно одинаковыми и имеются не во всех монгольских языках, то императив в отношении категории числа (обоих чисел в одних монгольских языках или только единственного числа в других) является неодинаковым и наличествует во всех монгольских языках. В этом обнаруживается то обстоятельство, что прескриптив и прекатив в названных языках представляют собою формы сравнительно недавнего образования, тогда как императив — это древнейшая глагольная форма для тех же монгольских языков.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа (бенедиктив)

Эта бенедиктивная форма, отсутствующая в дунсянском, монгорском и баоаньском языках, а также в большинстве внутренне-монгольских диалектов, представляет собою обращение различной степени интенсивности и категоричности. В более старинных текстах классического монгольского языка эта форма выражает преимущественно категорическое требование совершить какое-либо действие, а в более поздних текстах этого же языка и в современных монгольских языках и диалектах, в которых она имеется, передает лишь простое обращение, очень часто употребляясь в различных воззваниях: *Танар бурбан боул-ун еки-ји сајихан сакі-*

⁵ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLIV.

бтун, бітегеі бусуд кумун-і нутублабулутун! (А. Т.) 'Тщательно охраняйте истоки трех рек, и не позволяйте садиться там чужим людям!' *Албату черіг мінү, сонусутун та!* (Л. сб.—59) 'Войска мои подвластные, слушайте вы!'

В более поздних текстах того же классического монгольского языка и в современных монгольских языках и диалектах, в которых имеется бенедиктив, он передает обращение ко 2-му лицу множественного числа с меньшей степенью категоричности: класс. *уул седкул-і дубар алдал үгеі-бер абчу үджегтүн!* (Э.—124) 'Получайте и читайте этот журнал, не пропуская ни одного номера!'; бур. *Харагты энэ Онгойе* (Шад.) 'Посмотрите на этого Онгоя!'; калм. *Та нааран суутн!* (Б. Б.) 'Садитесь вы поближе!'; халх. *Сурагчид, та нар хичээлдээ орогтун!* (Б. Ц.) 'Школьники, идите на урок!' Эта же форма применяется и при вежливом обращении ко 2-му лицу единственного числа во всех тех монгольских языках, в которых она имеется, — ограничимся здесь лишь одним примером из калмыцкого языка: *Аав, нааран суутн* (Б. Б.) 'Отец, садитесь поближе!'

Повелительно-желательная форма 3-го лица (консессив)

Повелительно-желательная форма 3-го лица выражает пожелание, разрешение или повеление, чтобы какое-либо лицо выполнило то или иное действие, а поэтому очень часто употребляется в разного рода воззваниях и обращениях ко 2-му лицу в отношении отсутствующего, т. е. 3-го лица, например, класс. *хубисхал-ун есергуу дајисун-нубуд сонүтүгеі* (Э.—95) 'Долой (букв. 'да сгинут') врагов революции!'

Однако эта форма в классическом монгольском языке применяется и при обращении ко 2-му лицу, причем не только для выражения просьбы или желания, как это предполагал А. Бобровников⁶, но и для передачи категорического приказа: *Худалдуджу үне-јі абчу іретүгеі* (ШК-П) 'Продай [кбня] и принеси сюда деньги!'; *Хасар еджен-ече дутахуі-дур улус-ун еджен джарлї болурун: Субегетеі бафатур-і ечіожу некетүгеі* (Л. сб.—59) 'Когда Хасар убежал от повелителя, тот приказал Субегетею: Пойди и найди!'; *Чи-бер ечиге еке-јүген күндүлен амубуланг сафутубаі*⁷ (Л. сб.—68) 'Почитая своих родителей, живи счастливо!'; *Та ендече хојісі бусатубаі* (Х. Х.—134) 'Вы отсюда возвращайтесь назад!'; *Төб намхан сафутубаі* (Вл.—75) 'Сиди тихо и смирно!'

В текстах «Сокровенного сказания» этот консессив употребляется лишь применительно к 3-му лицу, преимущественно един-

⁶ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 335.

⁷ В пекинском издании «Сідітү кегүр» (стр. 28) вместо *сафутубаі* применена императивная форма *сафу*.

ственного числа: *quda kö'ü-ben mörelgü bö'esü ottuqai, üjejü ötör iretūqai* (§ 69) 'Раз сват так горюет о своем мальчике, то пусть мальчик съездит к себе, да поскорее прибудет сюда!'; *Bidan-u bolja'an jamuqa-dača boltuqai* (§ 104) 'Место и время встречи пусть назначает Джамуха!' В этих же текстах при непосредственном обращении говорящего ко 2-му лицу консессив употребляется в том случае, если данное лицо названо в 3-ем лице, например: Дей-Сечен, обращаясь к Есугей-багатуру и называя его «сват», говорит: *ökin minu ücü'ügen büйү, quda üje-tūqai* (§ 65) 'Моя дочь еще малютка, пусть сват посмотрит ее'.

В современных монгольских языках и диалектах консессив с суффиксами, восходящими к *-тубай*, употребляется применительно к 3-му лицу обоих чисел: даг. *Ан мэдэтгэй* 'Пусть они знают'; орд. *Бичиге борон ортогдөй* 'Пусть пойдет небольшой дождь'; бур. (в отдельных застывших выражениях) *үрөөл болтогдөй* 'Да будет счастье'; калм. *Умитха гигэд нанд дегтр авч өгв* (Б. Б.) 'Мне купили книгу, сказав «пусть читает»'; халх. (в некоторых выражениях литературного стиля) *Манай эх орон мандах болтогой!* 'Да здравствует наша родина!'

Консессив на *-г~к*, отсутствующий в дагурском и классическом языках, в современных монгольских языках и диалектах применяется лишь в обращениях к 3-му лицу или, точнее, относительно 3-го лица: халх. *Гончиг танайд очиг* (Б. Ц.) 'Пусть Нончиг пойдет к вам'; калм. *Санж мөр зург* (Б. Б.) 'Пусть Санж нарисует коня'; бур. *Газар дуулаг, гахай шангнаг* (поговорка) 'Пусть слышит [вся] земля, пусть прислушивается свинья'; монгол. *Нда аладза аларагй* 'Если он хочет меня убить, то пусть убьет'; баоан. *Тэ жаджэ нэтэсэ нэтэгэ* 'Если мальчик хочет играть, пусть играет'.

Как уже было отмечено, формы консессива на *-тубай* и *-г* сосуществуют в ойратских (как в Калмыкии, так и в Китае и Монголии) и внутренимонгольских диалектах, в семасиологическом отношении несколько отличаясь одна от другой, правда, не во всех случаях своего употребления. Форма консессива на *-г~к* от другой формы того же консессива на *-тубай* отличается главным образом тем, что она может выражать не только повеление или желание, чтобы действие было совершено 3-м лицом, но и разрешение, чего не выражает форма на *-тубай*. В известных случаях консессивная форма на *-г~к* выражает также как бы примирение говорящего с тем, что фактически уже началось, — такое значение форма на *-г~к* имеет, впрочем, во всех монгольских языках: если, например, на бурятском языке говорящему сообщают, что 3-е лицо уже отправилось в путь вопреки желанию говорящего, то последний, примирившись с этим фактом, может сказать *ябаг* (чаще с частицами *лэ даа*: *ябаг лэ даа*) 'ну ладно, пусть уж идет'. К сожалению, такие случаи употребления консессива на *-г~к* нами в текстах не обнаружены, хотя они довольно часты в устной речи.

Данная форма, в числе уточняемая иногда лично-предикативными частицами или контекстом речи, выражает готовность говорящего совершить какое-либо действие и преимущественно употребляется в тех случаях, когда кто-либо предлагает свои услуги или просит позволения что-то сделать. При этом говорящий как бы напрашивается или порывается совершить то или иное действие. Примеры:

к л а с с. *Нада мори ача, би некеджу ачараджу огсу* (Г.—39) 'Дай мне коня и позволь мне найти и доставить'; *Боул дегере јисун сара болтала куліјесу би* (Г.—138) 'Подожду-ка я у реки до девяти месяцев'; бур. *Бидэнэр ябахуубди, таанар эндээ байгты* (С.—43) 'Дайте нам отправиться, а вы оставайтесь здесь'; к ал м. *Та зогсжатн, би түрүлэд умшсв* (Б. Б.) 'Вы подождите, прочитаю-ка сначала я'.

В текстах «Сокровенного сказания» пропозитивная форма 1-го лица на *-су* применяется довольно широко: *Buluqan daqu-yin qari'u butaraqsan ulus-i cinu bügütkeлдүјү öksü* (§ 96) 'За твою соболью доху я соберу тебе твой разбредший люд'; *Nökör nımı sumı nada аса, би, qarbulaldusu* (§ 91) 'Дай мне, друг, лук и стрелы, буду-ка я отстреливаться'.

В старописьменном монгольском языке и текстах «Сокровенного сказания» вместо пропозитивной формы на *-су* довольно часто применяется форма на *-субай*: *Би энде-ече хојар түмен моріту черіг абчу джегун бар болсубай* (А. Т.) 'Я возьму отсюда двадцатитысячную конницу и составлю левый фланг'; *Биде кеј буу талбіджу черігі турсі джу уджесүгеј* (Л. сб.—134) 'Мы холостыми выстрелами пощупаем [вражеских] воинов'; *Көбегун-і чіну би ілегесүгеј* (Викр.—82) 'Пришлю я тебе твоего мальчика'; *Сі энде байі, ві sirqa aqtatan tede бүі һүлдејү qarsuqa* (С. ск., § 90) 'Ты стой здесь, а я сгною оттуда тех соловых лошадей'; *Ükü'esü inu ükü'süqeј, a'asu inu asuqai* (С. ск., § 24) 'Умереть так умереть мне! Живу быть, так буду жить!'

В ойратском языке, судя по текстам калмыцкого литературного языка, пропозитивная форма применяется крайне редко. Употребление же этой формы в современном монгольском языке (собственно — в халхаском диалекте) нуждается в тщательном изучении методами диалектологического исследования и филологического или текстологического анализа произведений самых разнообразных стилей и жанров. Дело в том, что в этом языке наблюдаются различные контаминации диалектных и книжных форм, неожиданные семасиологические изменения и т. п. — это в такой же степени относится и к классическому монгольскому языку, примеры из которого мы выше приводили и в котором часто обнаруживаются элементы и влияние множества местных диалектов. Такая картина в монгольском лингвистическом ареале особенно часто наблюдается в случаях, когда в одном из мон-

гольских языков имеется лишь одна какая-либо форма, которой в другом языке соответствуют две или даже три формы. Что касается бурятского языка, то в нем отличие его пропозитивной формы 1-го лица от описываемой ниже желательной формы является наиболее отчетливым и ясным.

Желательная, или оптативная, форма

Данной формой говорящий выражает желание, чтобы какое-нибудь действие было кем-либо совершено, причем такое желание не содержит в себе никакого оттенка повеления, например: бур. *hanahanaa хүсэһэйш, харбайhanaa бариһайш* (Им.—103) 'Достичь бы тебе задуманного, схватить бы тебе искомое'; калм. *Бадмиг көдлмишэс һарад сурһульд орхла ормднь би орса* (Б. Б.) 'Если Бадма уйдёт с работы на учебу, поступить бы мне на его место'; орд. *Биенун чигеджи кигесэ, танут харраджи баягасэ* (Ордбс.—45) 'Сделать бы это мне так, а вам бы посмотреть'; баоан. *Бэ нджансэ нэгэ асбэсэ, чэ чоңлэ* 'Я спрошу-ка у него кое-что, а ты послушай'; класс. *Тубул-и-жан бүридкеджү үджесеи* 'Собрать бы тебе своих телят и посмотреть'.

В современном монгольском литературном языке желательная форма на *-сугай* (в теории как бы равная устной форме на *-асэ*, или орфографической *-аасай*) употребляется в разного рода публичных и официальных обращениях: *Ариун цэврийн хууль дүрэм зөрчигчидөд зохих шийтгэлийг үзүүлсүгэй* (Э.—103) 'В отношении лиц, нарушающих правила санитарии, применять соответствующие меры взыскания'; *Зохих арга хэмжээ авч гүйцэтгүүлэхийг мал тариалангийн яаманд тушаасугай* (там же) 'Проведение необходимых мероприятий возложить на министерство скотоводства и земледелия'. Как уже выше говорилось, в классическом и современном монгольских литературных языках письменная форма на *-сугай* часто передает то пропозитивную форму 1-го лица, то желательную форму 3-го лица, поскольку в живой халхаской речи нет особого показателя первой из этих форм, как и самой последней. Дело в том, что в классическом языке написания типа *-су* и *-басай ~ -басубай* не считались стандартными и орфографически выдержанными, будучи признаваемы просторечными. В современном же монгольском литературном языке предпринимаются ныне попытки регламентировать различие между суффиксами, с одной стороны, *-сугай*, как показателя чисто литературной, или книжной, формы пропозитива 1-го лица, и, с другой, *-аасай*, как средства выражения желательной формы 3-го лица. Очевидно, что употребление формы на *-сугай* в официальной документации и публичной речи все же стоит особняком, поскольку в этом случае данная форма не может быть признана пропозитивной вообще. Правда, в некоторых учебных пособиях по современному монгольскому литературному языку оговаривается, что форма на *-сугай* наряду с формами на

-тугай и -гтун используется лишь в официальной документации⁸ лозунгах, призывах и произведениях высокого стиля⁸.

Изучая пропозитивную форму на *-аасай* (всех трех лиц в бурятском и других монгольских языках, но лишь 3-го лица в халхаском диалекте) в современном монгольском литературном языке, следует учитывать, что процесс дальнейшего развития этого языка происходит в условиях, когда в общественной и литературной жизни всего монгольского народа активное участие принимают носители не одного халхаского диалекта, а ряда монгольских диалектов, например бурятского и ойратского. Отсюда проистекает все то, о чем выше говорилось, поскольку буряты и ойраты в своей речи четко различают названные повелительно-желательные формы глагола.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица (волюнтатив)

Волюнтатив в монгольских языках выражает намерение говорящего совершить какое-нибудь действие, а также обращение ко 2-му лицу присоединиться к 1-му для выполнения намеченного действия, например, класс. *Бi тере абулан-дур очiј-а* (Викр.—143) 'Пойду-ка я на ту гору'; калм. *Нанла хамдан балһс орий* (Б. Б.) 'Поедем вместе со мною в город'; бур. *Хормойн шэнээн газарһаа хорин бухал абая* (Ант.—109) 'С клочка земли давайте получим сена на двадцать стогов'; халх. *Чи нэг зогс, би нэг хэлье* (Далх.) 'Ты постой немного, а я кое-что скажу'; мого. *ирáјдý* 'Прибудьте'; даг. *Ба бада идэја* 'Поедим-ка кашу'; монгор. *Чiанiдчiја* 'Выпью-ка я чаю'; баоан. *Мангэ энэ шунэ оншэјэ* 'Прочитаемте эту книгу'.

В официальной документации на современном монгольском языке волюнтатив, как и желательная форма, применяется в качестве как бы формулы обращения: *Жолоочийн 322 торт үнэмлэхийг гээгдсэн тул хүчгүй болгоё* (Ү.—3561) 'Шоферское удостоверение за номером 322 по случаю утери считать недействительным'.

В некоторых текстах на классическом монгольском языке волюнтатив употребляется в сочетании с вопросительными словами, содержа в себе оттенок как бы недоумения: *Али джүг-түр одуја би* (Г.—83) 'В какую бы сторону мне отправиться?', *Долубан кдл мори-бан дгкүле, биде јабу унуја* (Г.—25) 'Если отдать семь своих лошадей, то на чем бы нам самим ехать?'

Так как в бурятском языке волюнтатив является формой только множественного числа, при волеизъявлении 1-го лица единственного числа применяется причастие будущего времени с лично-притяжательной частицей данного лица и числа *-мни*:

⁸ Ш. Лувсанвандан, *Монгол хэлний зүйн сурах бичиг*, Улаанбаатар, 1956, стр. 86.

Би ара гаража аргали хароажа асарахамни (Балд.) 'Я отправлюсь на север и привезу сюда серну, пристрелив ее из лука'.

Выше уже отмечалось, что в бурятском языке различие между пропозитивной формой 1-го лица и оптативом проявляется со значительно большей отчетливостью, нежели в других монгольских языках. Как это совершенно очевидно, данное обстоятельство и весьма широкое употребление пропозитива в бурятской речи находятся в безусловной связи с тем, что во всех бурятских диалектах волонтактив является формой лишь множественного числа и по существу оказывается только пригласительной. Поскольку данные всех монгольских языков, кроме бурятского, говорят о том, что волонтактив с незапамятных времен был формой обоих чисел 1-го лица, постольку надо считать, что в бурятском языке эта волонтактивная форма лишь с какого-то времени не стала употребляться применительно к единственному числу того же 1-го лица. Это, конечно, связано также с тем, что в системе глагола монгольских языков модальная сторона явно преобладала над другими категориями, над категориями лица, времени и числа, которые, следовательно, надо признать позднейшими.

Дубитатив

Дубитатив в классическом монгольском, ойратском, современном монгольском и отчасти бурятском языках выражает предостережение, опасение и боязнь, как бы не совершилось какое-нибудь действие: класс. *Тан-и-јен үкүгүджей геджү чинггебе би* (Г. — 119) 'Я сделал это так потому, что боялся, как бы вы (не умерли)', *Ене нөкүр-үн седкил-и јабакин хубулху болубуджа* (Панч. — 82) 'Как же можно обескуражить этого друга' (т. е.: 'Как бы не обескуражить этого друга'); орд. *гаран халагудж гече* 'боясь, как бы не обжег свои руки', *арихи увул согтогуң гече* 'боясь, что если выпьет вино, то опьянеет'; халх. *Барих болуузай гэж усан дотор ургамалын дотор нуугджээ* (Далх.) '[Лягушка], опасаясь, что ее поймают, спряталась в речной траве'.

Аналогичное употребление дубитатива встречается и в текстах «Сокровенного сказания»: *Minu tula aqa de'ü-tür тахи-qalin bolulča'-u-jai* (§ 131) 'Как бы братья не перессорились из-за меня', *Sirgü'etü namayi alaju ile'ü-jai* (§ 149) 'Как бы меня не убил Ширгуэту'.

В бурятских диалектах форма на -уужа является не только дубитативной, так как она приобрела также значения заверительной формы 1-го лица и повелительной формы 3-го лица. Заверительная форма употребляется тогда, когда говорящий откладывает совершение какого-нибудь действия на будущее, не желая заниматься этим в момент речи или уклоняясь от этого вообще: *Баяраингаа тухай байтагаа хэлүүжэм* (Баяр — 99) 'Насчет Баяра я расскажу потом', *Ламые ерэхэдэ үлгыень нюугаадшыь*

байгуужабди (Ч. Цыд. — 21) 'Когда придет лама, то колыбель мы спрячем'. Этой же формой выражается заверение, что какое-нибудь действие будет совершено в будущем непременно: *Оргодон тухайдатнай би эжы абадатнай дамжуулуужам* (Ар. онт. — 22) 'О вашем бегстве я уж передам вашим родителям'. В известном смысле заверительная форма 1-го лица по значению противоположна пропозитивной, в случае употребления которой говорящий не уклоняется от совершения того или иного действия, а, наоборот, как бы сам напрашивается на совершение чего-либо.

Повелительно-допустительная форма в бурятском языке выражает либо некатегорическое повеление, либо пожелание говорящего, чтобы какое-нибудь действие состоялось в будущем и было совершено 3-им лицом: *Хэрбэээ хэн халуудаа хаа, газаа-нуугуужа* (Ч. Цыд. — 238) 'Если кому будет жарко, то пусть он посидит на улице'; *Элбэг нэгөөн соо байг! Алёна хаажа байгуужа* (Ч. Цыд. — 136) 'Пусть [теперь корова] остается на изобильной траве! Пусть [потом] будет доить Алена!' Эта же форма выражает какое-либо действие, не взирая на которое говорящий изъявляет свое намерение во что бы то ни стало совершить что-то: *Иимэ гоёоы би шабараар хэжэрхихэб, үнгэрөөл хаа сохюужал* (Ч. Цыд. — 116) 'Таких нойонов я забросаю глиной. В худшем случае пусть побьют меня'.

Иногда повелительно-допустительная форма передает сомнение говорящего относительно реальности какого-нибудь факта: *Шини имэ гоё найхан Кяхтада ерэнэн байгуужа Коковин. Тэрэшни Петербургада гу, али хилын саана байдаг* (Ч. Цыд. — 187) 'Вряд ли приехал Коковин в твою прекрасную Кяхту. Он теперь либо в Петербурге, либо уже за границей'.

Вместе с тем в бурятском языке форма на *-уужа* часто применяется и в обычном дубитативном значении, чаще всего сопровождаясь при этом речевым глаголом *гэжэ* 'говоря': *Ааляр, гэнтэ манайхин дуулуужан* (Ж. Тум. — 36) 'Тише, как бы не услышали наши'; *Шамайе гэнтэ ерэнгүй байгуужан гэжэ ханаалби* (Ж. Тум. — 36) 'А я думала, что ты вдруг не придешь'.

Не подлежит сомнению, что такое разнообразие в значениях бурятской формы на *-уужа* отчасти объясняется многообразием диалектов бурятского языка. К сожалению, в этом плане изучение дубитативной формы в различных бурятских диалектах еще не проведено с достаточной полнотой. Но можно уже в настоящее время утверждать, что если в том или ином из этих диалектов форма на *-уужа* преимущественно является показателем заверительной или повелительно-допустительной формы, то она в меньшей степени употребляется в дубитативном значении, заменяясь в этом случае изъявительными формами на *-ба* и *-лай* в сочетании с лично-предикативными частицами, о чем речь будет идти ниже.

Повеление, долженствование и некоторые выражения обращения в монгольских языках передаются не только при помощи повелительно-желательных форм глагола, но и посредством разного рода синтаксических конструкций и лексических сочетаний, которые мы условно называем оборотами обращения. Эти обороты обращения не подвергались специальному исследованию, хотя о них отдельные сведения сообщаются в различных учебных пособиях по монгольским языкам. Ниже нами, ради известной полноты описания, вкратце излагаются основные обороты обращения в той мере, в какой они строятся при помощи глаголов и являются наиболее распространенными в хорошо изученных монгольских языках: бурятском, калмыцком (сведения об ойратских диалектах в Китае и Монголии весьма скудны), современном и классическом монгольских языках.

1. Класс. *керегтеи*, халх. и бур. *хэрэгтэй* и калм. *кергтэ* 'надо' (имя существительное *керег* || *хэрэг* || *керг* 'дело' в совместном падеже; ср. тюрк. *керек* 'нужно', 'надо', 'необходимо') или соответственно *керег үгеи*, *хэрэггүй* и *керг уга* 'не надо' (букв. 'дела нет') в сочетании с будущим причастием выражает надобность или ненадобность совершения какого-нибудь действия: класс. *чеберлеку керегтеи*, халх. *цэвэрлэх хэрэгтэй*, бур. *сэбэрлэхэ хэрэгтэй* и калм. *цеврлх кергтэ* 'надо чистить'; класс. *кику керег үгеи*, халх. *хийх хэрэггүй*, бур. *хэхэ хэрэггүй* и калм. *кех керг уга* 'не надо делать'. Иногда в классическом монгольском языке, как и в других монгольских языках, вместо *керегтеи* употребляется в том же значении *керег* в именительном падеже: *тусхай ниген дебтер джоски-яху керег буй* (Э. — 111) 'Нужно составить особую брошюру' (букв. 'Особую одну брошюру составить дело есть').

Вместо причастия будущего времени в сочетании с обозреваемым *керег үгеи* || *хэрэггүй* употребляется причастие прошедшего времени с частицей логического ударения *чу* || *ч* || *-шье*, в результате чего полученный отрицательный оборот содержит в своем значении оттенок «не стоит и...»: класс. *орууцап чу керег үгеи*, халх. *орсон ч хэрэггүй*, бур. *ороһоншье хэрэггүй* 'не стоит и заходить', 'нет нужды и заходить'.

2. Класс. *јосутай*, халх. *ёстой* и бур. *ёһотой* 'должно', 'необходимо' (имя существительное *јосун* || *ёс* || *ёһон* 'правило', 'обычай', 'порядок' в совместном падеже) в сочетании с будущим причастием выражает необходимость и непременную обычность совершения действия и отличается от предыдущего *керегтеи* большей категоричностью: класс. *татаху јосутай*, халх. *татах ёстой*, бур. *татаха ёһотой* 'необходимо тянуть'.

3. В современном монгольском литературном языке, преимущественно в публицистическом стиле, особенное употребление получило слово *чухал* 'важно', сочетающееся с причастием будущего

времени с частицей притяжания 3-го лица *байгуулах нь чухал* 'важно организовать'.

4. В публицистическом стиле современного монгольского языка очень широко применяется оборот, состоящий из условного деепричастия и глагола *зохи-* 'соответствовать', 'подходить', 'годиться' и выражающий категорическое требование или непреклонную обязательность совершения какого-либо действия: *байгуулбал зохино* 'необходимо организовать'. Так как в бурятском языке глагол *зохино*, соответствующий монгольскому *зохих*, не получил описанного значения последнего, то подобное сочетание по-бурятски (*байгуулбал зохино*) означает в данном случае 'если бы организовать, то получилось бы хорошо, подошло бы'.

5. Соединительное деепричастие в сочетании с глаголом *бол-* выражает действие, подлежащее разрешению или, при наличии отрицания, запрету, а также объективную возможность или невозможность действия: класс. *оруджу улү болому*, калм. *орж болшо* 'входить нельзя', 'вход не разрешается'; класс. *кіджу болуму*, халх. *хийж болно*, бур. *хэжэ болоно* 'сделать можно'. Оттенки этого оборота — запрет или объективная невозможность — зависят от контекста.

6. В калмыцком языке причастие будущего времени в сочетании с частицей *-мн* (← **јабума* 'вещь', 'предмет', а не ← *мдн* 'именно', 'действительно') употребляется для выражения категорического требования: *Керг бээхлэ куцэхмн* (Б. Б.) 'Если есть дело, то [его] надо непременно сделать'.

7. К оборотам обращения можно условно отнести сослагательный оборот со значением «хорошо бы», который образуется сочетанием условного деепричастия с предикативным класс. *сајин бдлүге*, халх. *сайн билээ* и бур. *хайн бэлэй* 'хорошо ведь': класс. *орубасу сајин бдлүге*, халх. *орвол сайн билээ*, бур. *оробол хайн бэлэй* 'хорошо бы войти'. Этот оборот можно было бы назвать условно-желательным.

Изложенным не исчерпываются все имеющиеся в монгольских языках обороты обращения, которые подлежат более тщательно изучению, особенно в таких языках, как могольский, дагурский, монгорский, дунсянский и баоаньский.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Изъявительные формы глаголов недаром еще А. Бэбровниковым были названы «окончательными» (такowymi же считаются и императивные формы). Дело в том, что в монгольских языках предложение преимущественно должно оканчиваться глаголом (предикатом или связкой) в изъявительной или императивной форме. Если же сказуемым оказывается какое-нибудь имя, то последнее должно сопровождаться связкой, даваемой чаще всего именно в изъявительной форме. Правда, при этом связка настоящего времени часто опускается. Следовательно, глаголы в

изъявительной или императивной форме синтаксически обязательно оказываются только сказуемыми. А это обстоятельство — определенная и постоянно закрепленная синтаксическая функция названных форм глагола — приводит к тому, что лишь тогда сказуемое может не занимать в предложении последнего по порядку места, когда оно выражено изъявительными формами глагола. Так как имена, и причастия в том числе, в предложении играют различную синтаксическую роль, то порядок их в предложении чрезвычайно строг и зависит от их синтаксической функции.

Сказанное подтверждает общеизвестное и давно уже установленное в лингвистике положение о том, что там, где слабо выражены морфологические показатели, большую роль играет порядок слов в предложении⁹. Как известно, в монгольских языках сказуемое располагается после всех прочих членов предложения. Поскольку же изъявительные и императивные формы монгольских (и, конечно, ряда других) языков как бы являются морфологическим выражением предикативной функции глагола, постольку порядок членов предложения, точнее, — определенное место сказуемого во фразе, не является обязательным именно в тех случаях, когда предикативно применяются эти глагольные формы. Такое явление можно наблюдать во всех монгольских языках и диалектах настоящего и прошлого, как в письменных текстах, так и особенно в устной речи, не говоря уже о диалектах. Что касается именных сказуемых, выраженных собственно именами и причастиями, то они могут не занимать последнего места в предложении преимущественно в тех случаях, когда они снабжены лично-предикативными частицами. Это «нарушение» особенно часто имеет место в устной речи; что же касается письменного языка, то в нем указанный закон обычно соблюдается очень строго, хотя в этом особой необходимости, казалось бы, и нет. Но, тем не менее, и в письменных текстах довольно часто встречаются примеры, в которых сказуемые, выраженные изъявительной или императивной формой глагола, оказываются в предложении не на последнем месте. Подобное явление, как уже сказано, особенно часто наблюдается в устной речи, которая располагает таким важным средством определения синтаксической функции какого-либо слова, как интонационное членение предложения. В классическом монгольском языке жанром, по форме близким к устной речи, является беллетристика, особенно та, которая своими корнями уходит в фольклор. Поэтому не случайно, что именно в беллетристических жанрах этого языка мы преимущественно обнаруживаем многочисленные примеры, в которых сказуемое, выраженное изъявительными формами, располагается не на последнем месте предложения. Ограничимся

⁹ См., например: Э. Сэпир, *Язык*, М., 1934, стр. 91; Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, Харьков, 1937, стр. 315.

ниже лишь несколькими примерами: *Джабан-и унджу одба кббегун-и-јен уджере* (Шм. — 162) 'Отправился верхом на слоне взглянуть на своих сыновей'; *Седкил-и-јен джобанин јабуба тсре баджар-тур* (Викр. — 62) 'Обеспокоенный отправился в ту местность'; *Мал табуджу барба ебуген* (Г. — 19) 'Старик вышел, погнав скот'.

В известном монгольско-тюркско-арабском словаре «Мукад-димат ал-Адаб» также встречается множество примеров с такого же рода перестановкой сказуемого, которую нельзя считать случайной или результатом небрежности переписчиков этого словаря, так как в нем нет случаев перестановки именных сказуемых: *Ирекун удаба биик* 'Письмо, которое должно было прийти, задержалось'; *Куун сiba'ун олон болба ерејин* 'У мужа детей стало много'.

Здесь нам нет необходимости останавливаться на том, в силу чего происходит та или иная перестановка членов предложения в монгольских языках, — это дело описательных грамматик каждого из этих языков. Но в самом общем виде здесь можно сказать, что в монгольском предложении самое последнее место занимает тот из его членов, на который падает логическое ударение. Правда, в устной речи соответствующая перестановка членов предложения происходит в результате спешки и т. д.

Приступая ниже к описанию употребления изъявительных форм глагола в монгольских языках, считаем необходимым сказать несколько слов насчет терминологического обозначения этих форм. Дело в том, что та или иная изъявительная форма от одного монгольского языка к другому имеет разные временные значения. Поэтому если мы будем говорить, что, например, имперфектный презенс в таком-то языке выражает действие будущего времени, то это надо понимать в том смысле, что обще-монгольский имперфектный презенс в данном языке является формой именно будущего времени. Конечно, в описательной грамматике того или иного отдельного монгольского языка данная изъявительная форма должна называться формой будущего времени, а не имперфектным презенсом (само собою разумеется, сказанное не всегда должно означать, что имперфектный презенс здесь приобрел значение будущего времени). Такой терминологии можно было бы избежать, если бы не было слишком громоздким вместо «имперфектный презенс» каждый раз говорить, например, «форма на -на».

Вообще же, наряду с русской монголоведной терминологией и ради краткости, в нашей работе применяется та латинизированная терминология, которая была введена в научный оборот главным образом Г. И. Рамstedтом и ныне является общепринятой в монголистике, хотя во многих случаях она оказывается неточной, особенно в системе обозначения именно изъявительных форм глагола и отчасти причастий («номен» вместо «причастие» и т. д.).

В самом общем виде можно кратко сказать, что имперфектный презент в монгольских языках выражает действие настоящего и будущего времени, а в чисто грамматическом плане — настоящего-будущего времени, т. е. как бы одного непрошедшего времени. Точная временная локализация действия, выраженного данной глагольной формой, улавливается в контексте речи, в частности благодаря наличию или отсутствию разного рода обстоятельств времени вроде класс. *марбаси* 'завтра', *едуге* 'теперь', *ирекү он-дур* 'в будущем году' и т. п. Кроме того имперфектный презент иногда окказионально обозначает действие так называемого расширенного настоящего времени, присущее какому-нибудь предмету в силу природы последнего или условий его существования и необязательно совершающееся именно в момент речи, например: класс. *Джарим сібабуд ебул-деген дулабан орон-дур нисүмүи* 'Некоторые птицы на зиму улетают в теплые края'; бур. *үбэлдөө наран һулаар шарана* (Им. — 96) 'Зимой солнце греет слабо'; калм. *Лозунгин сүүлд хээхргч темдг тэвгднэ* (Павл. — 8) 'После лозунгов ставится восклицательный знак'; халх. *Бүргэд гурван сарын дундуур өндэглөнө* (Далх.) 'Орлы несут яйца в середине марта'.

Если нужно особо подчеркнуть, что действие происходит в данный момент речи, т. е. выразить единично-конкретное, то применяется имперфектный презент от основы составного глагола. Иными словами, знаменательный глагол ставится в форме соединительного или слитного деепричастия и сопровождается вспомогательными. Примеры:

класс. *Тере үјиледбүри-јин баджар-тур 1500 орчин аджилчид арад-ун кереглеку ед-бараба үјиледүрилен барбаджу бајимуи* (МЭО. — 49) 'На этом предприятии около 1500 рабочих производят необходимые аратам товары'; халх. *Би авдаа очихыг хүсэж байна* (Далх.) 'Я хочу ехать к своему отцу'; бур. *Манай эхэ ороннютаг сэнгэлиг хүхюүн, сэсэглиг гоё боложо байна* (Шад.) 'Наши места становятся рдостными и прекрасными'; калм. *Армения Грузьяла зергдэж бээнэ* (Павл. — 47) 'Армения граничит с Грузией'; дунс. *Нэ надуджы вэинэ* 'Он играет'.

В калмыцком и дунсянском языках, а также в западнобурятских и некоторых монгольских (например, дархатском) диалектах в этом же значении употребляется имперфектный презент несовершенного вида (см. в разделе о видах): калм. *Тана школ эргэжэнэ* (Павл. — 47) 'Ваша школа строится'; дунс. *нэ надуджывэ* (ср. выше: *надуджы вэинэ*) 'Он играет'; дархат. *Бі гера булгажайна* 'Я сгружаю свою юрту'; западнобур. *Тэндэ улад јабжайна ха* 'Там, кажется, люди ходят'.

Знаменательный глагол в форме имперфектного презента может выражать единично-конкретное действие и без вспомога-

тельного глагола, если контекст и предмет высказывания точно подсказывают, что действие происходит в момент речи независимо от того, свойственно оно данному предмету или нет: класс. *абула ѓгеде олан кумун дабкйлдуна* (Чб. — 69) 'В гору скачет множество людей'; халх. *Бид бол дэлхий дээр хааяагүй эндхийн адил байдаг шиг санана* (Далх.) 'Мы думаем, что на земле везде так же, как и у нас'; бур. *Тэндэ нуугты гэжэ гараараа заана* (Х. Н.) 'Рукой показывает, где нужно садиться'; калм. *кевэһарнь урһесн моднь көкөрж мануртж үзгднэ* (М. Б.) 'Виднеются зеленые деревья, растущие по берегам'; монгол. *Те нде суна* 'Он сидит здесь'.

Имперфектный презенс в соответствующем контексте обозначает также действие будущего времени: класс. *Бі танар-і бѓгем-і јер бајси-јин сурбабули-јин егуден асхаджу оркіна* (Чб. — 59) 'Я высажу всех вас у дверей педагогического училища'; халх. *Би энэ замаар очно, чи тэр замаар оч* (Далх.) 'Я пойду по этой дороге, а ты ступай по той дороге'; даг. *Ан ул ірэн* 'Они не придут'; дунс. *Чы энэ джунбала шиджизнэ* 'Ты будешь шить этой иголкой'.

Необходимо обратить особое внимание на то, как настоящее и будущее времена разграничиваются в дагурском, баоаньском и монгорском языках. В дагурском и дунсянском языках имперфектный презенс соответственно на *-н* и *-нэ* является изъявительной формой будущего времени, т. е. приблизительно так же, как в халхаском диалекте, в котором эта форма преимущественно выражает действие именно будущего времени и весьма редко — настоящего. В дунсянском языке, как мы выше видели, действие настоящего времени выражается формами 1) *-джывэ* ← **-джу бајина* → 2) *-джы вэинэ*. В дагурском же языке единично-конкретное действие настоящего времени выражается формой на *-джабэй* ~ *-јабэй* ← **-джу* (соединительное причастие) плюс **буі* (вспомогательный глагол со значением 'сущий'): *јауджабэй* ~ *јаујабэй* 'идет'. Вообще же в дагурском языке в значении имперфектного презенса применяется общемонгольский имперфектный претерит *-баі* → *-бэй*: *ба ідэбэй* 'мы едим'.

В монгорском и баоаньском языках древнемонгольский имперфектный презенс на *-м* оказывается формой будущего времени: монгол. *Чи сурем* 'Ты будешь учиться', баоан. *Бэ тэ авунэ танім* 'Я узнаю того мальчика'. Выше уже приведен пример из монгорского языка на употребление имперфектного презенса *-на* со значением настоящего времени. Что касается баоаньского языка, то в нем действие настоящего времени выражается формой на *-джи* (1-е лицо) и *-джо* (2-е и 3-е лицо), восходящей либо к форме имперфектного претерита (в пользу этого предположения говорит характер различения лиц по огласовке суффикса данной формы), либо к сочетанию **-джу баји* (см. дунс. *-джывэ*) с выпадением вспомогательного глагола, т. е. второго компонента данного сочетания: *Бэ гунзонэ варджі*

‘Я заканчиваю работу’, *Чэ авунэ тэрджэ* ‘Ты держишь ребенка’, *Нджаң ндаңнэ хаджэ* ‘Он закрывает дверь’.

Остается сказать, что в ойратском и бурятском языках действие будущего времени выражается причастием на *-х ~ -ха*, о чем речь будет ниже. Употребление имперфектного презенса в могольском языке уточнить пока трудно из-за отсутствия достаточного количества материалов, но имеющиеся сведения говорят о том, что в этом языке данная глагольная форма выражает действия настоящего времени как расширенного (оказионально), так и «обычного»: *Могол мбiнi турту барiна* ‘Моголы ловят рыбу сетями’, *Тонар jobунaм би* ‘Я иду вместе с вами’.

Таким образом, в отношении употребления имперфектного презенса монгольские языки расходятся между собою. Общим для большинства или почти всех монгольских языков является то, что сочетание соединительного деепричастия знаменательного глагола со вспомогательным глаголом *баји-* ‘быть’ в форме имперфектного презенса выражает единично-конкретное действие настоящего времени. Расхождения между этими языками в отношении имперфектного презенса можно показать в следующей таблице.

Таблица 10

Употребление имперфектного презенса

Язык	Временное значение форм	
	<i>-м, -муi</i>	<i>-на, -нам</i>
Классический	настоящее и будущее (настояще-будущее?)	
Современный монгольский	нет	будущее, оказионально настоящее расширенное и, реже, настоящее конкретное
Бурятский и ойратский (по данным калмыцкого)	нет	настоящее конкретное, оказионально настоящее расширенное и, реже, будущее
Дагурский	нет	будущее, чаще всего с отрицанием <i>ул</i> ‘не’
Могольский	будущее	настоящее конкретное и оказионально настоящее расширенное
Дунсянский	нет	будущее
Монгорский	будущее	настоящее конкретное и оказионально настоящее расширенное
Баоаньский	будущее	будущее (редкая форма)
Исходное значение в древнем монгольском языке	настояще-будущее, или непростое	

Характерным для системы глагола в монгольских языках является наличие в ней, кроме имперфектного презенса, таких трех изъявительных форм, которым в зарубежной монголоведной литературе присвоены наименования перфектного презенса, перфектного и имперфектного претеритов и которые в нашей отечественной монголистика и учебных пособиях, издаваемых в Элисте, Улан-Удэ и Уланбаторе, определяются главным образом как различные формы прошедшего времени. Причем поиски различий между этими тремя изъявительными формами идут в двух направлениях.

С одной стороны, различия эти пытаются свести к степени завершенности действий и градации в рамках одного и того же прошедшего времени. Так, например, Бадмин Бата утверждает, что в калмыцком языке имеются три изъявительные формы прошедшего времени: 1) на *-ла*, т. е. перфектный презент (по зарубежной терминологии), для обозначения недавно совершенного действия (*удан эс болсиг*), 2) на *-дж*, *-ч*, т. е. имперфектный претерит, для сообщения о совершении действия и 3) на *-в*, т. е. перфектный претерит, для выражения действия прошедшего времени¹⁰. Проф. Ш. Лувсанвандан пишет, что в современном монгольском языке перфектный презент выражает «теперь законченное действие», имперфектный претерит — прошедшее продолженное действие, а перфектный претерит — «прошедшее законченное действие», причем все эти три формы включаются в общую группу форм прошедшего времени¹¹. Нельзя сказать, чтобы приведенные характеристики калмыцких и современных монгольских изъявительных форм отличались достаточной определенностью и, чего вообще невозможно требовать от авторов школьных пособий, должной полнотой.

С другой стороны, различия между описываемыми изъявительными формами монгольского глагола находят главным образом в том, что а) перфектный претерит выражает действие, заканчивающееся в момент речи или закончившееся раньше, а поэтому называется либо изъявительной формой настояще-прошедшего времени, либо повествовательной формой (*х а л х. гарав* 'выходит'); б) перфектный презент передает такое совершившееся действие, о котором как бы лишь напоминает, и называется либо заведомо известной изъявительной формой прошедшего времени, либо второй повествовательной достоверной, или прежде известной, формой (*х а л х. гарлаа* 'как известно, вышел', 'ведь вышел'); в) им-

¹⁰ Бадмин Бата, *Хальмг келнд учебник*, Элст, 1959, стр. 124.

¹¹ Ш. Лувсанвандан, *Монгол хэлний зу йн сурах бичиг*, стр. 87. — Учебные пособия по монгольскому языку, составленные калмыцкими, монгольскими и бурятскими педагогами, являются чрезвычайно ценными в научном отношении, поскольку последние по необходимости вынуждены искать сжатые и ясные определения наиболее важного и самого специфического в значениях той или иной грамматической категории.

перфектный претерит обозначает такое действие, совершение которого представляется как бы неожиданным, и определяется как третья повествовательная форма нечаянная, или неожиданная¹² (халх. *гарчээ* 'оказывается, вышел').

Разной в определении значений трех изъявительных форм отражает вполне реальную и объективную трудность, с которой приходится сталкиваться как авторам учебных пособий для средних школ, так и лицам, занимающимся специальными исследованиями системы монгольского глагола. Причина этого заключается в том, что историческое развитие глагольных форм в монгольских языках протекало в условиях сложного переплетения временных значений с модальными и не в одинаковой степени завершилось в том или ином из этих языков, в той или иной жанровой сфере от фольклора и устной речи до публицистики и деловой документации. Вследствие этого различия между тремя изъявительными формами монгольского глагола обнаруживаются иногда лишь в частностях, о чем нам ниже главным образом и придется говорить¹³.

Перфектный презенс в трактовке А. Бобровникова употребляется «при изложении такого обстоятельства, которое предполагается уже известным слушающему, или когда говорящий не рассказывает как новость, а только напоминает уже известное»¹⁴. Этот частный оттенок в значении перфектного презенса по-русски может передаваться вводными словами типа «ведь», «как известно» и «видишь ли», хотя при переводе с монгольского языка на русский к ним практически не прибегают. В общем в отношении употребления этой формы здесь можно ограничиться следующими суммарными заключениями.

1. Перфектный презенс не выражает действие настоящего времени. Однако в некоторых случаях наблюдаются исключения, если кто-либо как бы «застается» в процессе такого действия настоящего времени, которое переходит из прошедшего в будущее: халх. *баахан айж явлаа* (Х. Т.—115) 'Бегу я в страхе'; класс. *үлiгерчi малчiн Джiрбал-ача үлiгер сонусху-бар мордалуба* (Ц.—3—9) 'Поехал к скотоводу-сказителю Джиргалу послушать былину'; орд. *Өрвөлгөтi бечик ван: өртөгөр гарла* (Ордос.—251) 'Срочное письмо, оно отправлено почтой'.

2. Перфектный презенс выражает такое действие будущего времени, в отношении которого делается предостережение или о совершении которого можно говорить как о факте, должном непременно состояться: бу р. *Хосорлойлди! Хосорлойлди!* (Ж. Тум.—

¹² А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 134—135. См. также Г. Д. Санжеев, *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 73.

¹³ Отсюда ясна чрезвычайная условность латинизированной терминологии в монголистике, принятая для этих форм.

¹⁴ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 350.

251) 'Погибли мы! Погибли мы!'; халх. *чамайг хариу ч гүй шааж аллаа, бушуу нум сум хоёроо онилж авахгүй юу!* (Х. Т.—87) 'Непременно тебя убьют без лишних слов, не приготовить ли тебе лук со стрелами!'; орд. *Джэ би явулā* (Ордос.—47) 'Ну я пошел'; *Би энд үхлээ* (Х. Т.—51) 'Ну я погиб здесь'.

2. Перфектный презент преимущественно выражает действие прошедшего времени, законченность которого несомненна или подразумевается сама по себе: класс. *мину көбегүни хабан булжан абачиджу алалуба* (Викр.—30) 'Моего мальчика хан насильно увел и убил'; халх. *Мод навчлаад өнгийн цэцэг алаглалаа* (Далх.—32) 'Деревья покрылись листьями, и запестрели разноцветные цветы'; бур. *Хонинойнгоо олондо хото шэбээ бодхойлб, хольшор багын эрхэдэ оброо хилэ дабалайб* (Ант.—87) 'Поставил я изгородь, так как у меня много овец; перешел я границу, так как был в пору своей резвой молодости'; калм. *Савр эн дегтр умшла* (Б. Б.) 'Савар прочитал эту книгу'; даг. *Ан уджлэдэ* 'Они видели'.

Перфектный презент употребляется, иногда безразлично чередуясь с двумя другими изъявительными формами прошедшего времени, когда говорящий избегает однообразия, т. е. по эвфоническим соображениям: халх. *Хүү цааш явваа. Хаанайд очлоо даа. Алтан уяанд буучх жээ* (Х. Т.—99) 'Мальчик отправился дальше. Направился к ханскому двору. Остановился у золотой конюзи'.

В бурятских диалектах перфектный презент встречается очень редко, а в некоторых из них совершенно неизвестен, как и в монгорском, дунсянском и басаньском языках. О точном значении этой глагольной формы в могольском языке сказать что-либо трудно из-за слабой изученности этого языка вообще.

Таким образом, перфектный презент в монгольских языках выражает действие, безусловное совершение которого говорящий считает необходимым особо подчеркнуть. Примечательно, что лишь это основное значение перфектного презента древнемонгольского языка сохраняется во вспомогательном глаголе класс. *бдлүге*, халх. *билээ*, бур. *бэлэй* и т. д., о чем см. выше на стр. 76.

Имперфектный претерит

Как известно, имперфектный претерит выражает действие, которое оказалось либо неожиданным, либо необычайным, а поэтому данная форма по своему значению противоположна перфектному презенту. Существенное различие между этими двумя изъявительными формами глагола может быть проиллюстрировано следующим образом: халх. *Энэ гэрт баавгай байдаг санжээ* (Далх.) 'В этой избушке, оказывается, жил медведь'. Если в этом предложении вместо *санжээ* (← **абсан аджубу*: причастие прошедшего времени от основы вспомогательного глагола **а-* 'быть,

плюс имперфектный претерит от основы того же глагола) употребить *билээ*, т. е. перфектный презент от основы вспомогательно-го глагола **бд*- 'быть', то получим: *Энэ гэрт баавгай билээ* 'В этой избушке жил ведь медведь'. В первом случае что-то было неизвестно и оказалось неожиданным, когда об этом узнали, а во втором—известно, о чем лишь как бы напоминает. Такое значение данной имперфектно-претеритной формы особенно прочно сохраняется ею в тех случаях, когда сказуемое выражается или сопровождается вспомогательными глаголами: халх. *Энэ газрын ойр орчимд хүн огт байсангүй юмсанжээ* (Далх.) 'В ближних окрестностях не было, оказывается, ни одного человека'; калм. *Эн мөрн хурдн бээж* (Б. Б.) 'Эта лошадь оказалась быстрой'.

Неожиданность или необычайность какого-нибудь действия может быть четырех родов: 1) для говорящего, 2) для слушающего, 3) для обоих собеседников (во всех этих трех случаях из отдельно взятой фразы не всегда можно понять, для кого же из собеседников что-то оказалось неожиданным, если это не было ясным из предшествующего рассказа), 4) для действующих лиц, о которых речь идет в данном повествовании: класс. *Ебүген гү-јиджу тубул-јан бүридкебе, тубул-инү бүрн аджубу* 'Старик побежал и сосчитал телят, которые все оказались налицо',—наличие всех телят оказалось неожиданным лишь для старика, тогда как автор (говорящий) и читатель (слушающий) об этом уже знали из предыдущего повествования¹⁵.

Так как предполагается, что говорящему о самом себе всегда что-либо известно, то отсюда вытекает необычность употребления или даже неупотребительность имперфектного претерита при 1-м лице. Во всяком случае такое употребление данной формы встречается крайне редко в тех монгольских языках, в которых наличны все три изъявительные формы прошедшего времени со строгим сохранением их исконных модальных особенностей. Из классического монгольского языка можно привести лишь некоторые примеры такого необычного употребления имперфектного претерита: *Бі ене кеүкед-үд-үн джокіјафсан толі-јі үджегсегер дабараху јадаху-јі чдм умартаджухуі* (Индж.—97) 'Просматривая словарь, составленный этими детьми, я совершенно позабыл о холоде и усталости'; *Біденер ајимаф-ун төлүгелегчи-јі ірегед бајиху-дур медегсен үгеі сабуджухуі* (Л. сб.—122) 'Мы пребывали в неведении о прибытии представителя аймачного управления'.

Но все сказанное сводится почти на нет тем, что в письменном языке и устной речи давно уже имеет место «вольное» употребление имперфектного претерита. Вот почему только анализ

¹⁵ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 359 (данный пример взят А. Бобровниковым из Гесериады). А. Бобровников (см. там же, стр. 356—360) говорит о трех родах неожиданности, не выделяя случая, когда что-либо может оказаться неожиданным для обоих собеседников.

применения разных форм вспомогательных глаголов, восходящих к *а- 'быть' или *оо- 'быть', позволяет восстановить первоначальные значения и действительную функцию описываемых форм глагола в том виде, в каком это сформулировано А. Бобровниковым и как об этом говорилось уже выше. «Вольное» же употребление имперфектного претерита А. Бобровниковым интерпретировалось следующим образом: «Событие, поражающее своей нечаянностью, естественно обращает на себя внимание слушателя. Отсюда происходит новое употребление третьей повествовательной формы для того, чтобы выставить на вид слушателям какое-нибудь событие, как особенно замечательное»¹⁶. Поэтому в стилизованной речи, особенно в устных народных сказках, в которых все нарочито представляется необыкновенным и сказители которых стремятся поразить своих слушателей разными неожиданностями, наблюдаются частые случаи произвольного применения имперфектного претерита, когда в этом, казалось, не было особой необходимости. Примеры:

класс. *Барабун бар-іjan ертен-у ілду-јін барібул дегере талбіджеі* (Ц.—2—23) 'Свою правую руку положил на рукоятку старинного копья'; халх. *Цааш явж байтал нэг байшин дайралджээ* (Х. Т.—29) 'Когда они направились дальше, показался один дом'¹⁷; калм. *Бадм өрүн ирж* (Б. Б.) 'Бадма пришёл вечером'; ба о ан. *Чэ надэ кэлсаңнэ мартэджэ* 'Я забыл о том, что ты мне говорил'.

Однако при всем изложенном выше специфические особенности имперфектного претерита проявляются в том, что эта форма:

1) не выражает действия настоящего и будущего времен как в сильной, так и в слабой синтаксической позиции, т. е. независимо от контекста,— в этом ее существенное отличие от всех прочих изъявительных форм, если здесь учитывать окказиональное употребление перфектного презенса и имперфектного претерита со значением указанных времен;

2) не употребляется для выражения предостережения или высказывания опасения,— в этом ее существенное отличие от перфектного презенса и имперфектного претерита, окказионально применяющихся как бы вместо дубитативной формы глагола;

3) не используется в тех случаях, когда какое-либо действие уже известно или предполагается общеизвестным,— в этом ее коренное отличие от перфектного презенса,— заметим здесь же, что никакая другая изъявительная форма глагола не употребляется в тех случаях, когда хотят что-либо представить как нечто неожиданное: это — монополия имперфектного претерита;

4) оказывается неустойчивой в том смысле, что она исчезла

¹⁶ Там же, стр. 363.

¹⁷ Впрочем, в этом примере наличие дома оказалось неожиданным не для собеседников, а для тех, о ком речь идет в рассказе.

ити исчезает в ряде монгольских языков, например в бурятском, дигурском и дунсянском, иногда сохраняясь лишь от основ отдельных глаголов, преимущественно вспомогательных,— это связано с общей тенденцией большинства монгольских языков выражение модальных значений с глагольных форм переложить на лексические средства.

Из сказанного очевидно, что если в поле зрения исследователя оказывается только то общее, что объединяет все изъявительные формы, то найти различия между последними чрезвычайно трудно. Это, между прочим, означает, что при изучении соответствующих форм глагола (да и остальных частей речи) необходимо учитывать не только наличное в их значениях, но и то отсутствующее, которое имеется в значениях других глагольных форм.

Перфектный претерит

Если в монгольских языках перфектный презенс и имперфектный претерит обладают известными модальными оттенками и именно поэтому в некоторых из этих языков начали исчезать или исчезли, то перфектный претерит, будучи лишен в своем значении каких-либо дополнительных модальных и иных оттенков, оказывается наиболее употребительной и известной формой во всех названных языках. Эта изъявительная форма глагола выражает такое действие, которое закончилось в прошлом, до момента речи или перед событием, составляющим предмет повествования, а равно действие, завершение которого в момент речи представляется несомненным, т. е. действие и настоящего времени: класс. *Бидмн саји тендгче иребе* (Индж.—101) 'Я только что пришел оттуда'; бур. *Хара түмэр хадагни хадын шэмэг болобо* (Балд.) 'Мой чёрный железный сагайдак стал украшением горы'; калм. *Бийсинь туск дууг байрта айсар дуулв* (Л. Ц.) 'Радостно запели о нем песню'; халх. *тэртээ ууланд түймэр шатаж байхыг үзэв* (Х. Т.—154) 'Увидел, как там, на горе, занялся пожар'; монгол. *Бу тарани авува* 'Я купил семена'; дунс. *Кавысыла холуджы ирэвэ* 'Прибежали дети'; баоан. *Н.джан базарсэ сэро* 'Он не вернулся из города'; мог. *Кана би, канаса анна-то?* 'Где это имеется, откуда вы взяли?'

Так как перфектный претерит выражает иногда действие и настоящего времени, но такое, завершение которого несомненно, то эта форма может быть заменена имперфектным презенсом. Такая же обратная замена имеет место и в тех случаях, когда о прошлом рассказ ведется описательно. Поэтому перфектный претерит и имперфектный презенс довольно часто употребляются один вместо другого: класс. *Минү аха-бар есе чідаба: едуге еден-нү бар-тур оруджу бајімуі* (Викр.—3) 'Мой старший брат не справился: теперь он попадает в их руки'. Эта же фраза в пекинском издании Викрамадитья дана иначе: *Аха-минү есе чіда-*

бай: едуге еден-у бар-тур оруба 'Мой старший брат не справился теперь он попал в их руки'. В сочинении «Алтан тобчи» мы находим следующее: *Хулусуту набур-тур хунг балабун ондегелбе геле, мон хулусун-дур итегеджу сабубсабар хулату мабу сѣбабун-дур ондеге джуджаба-бан идегдебе* (Л. сб.—60) 'Говорят, лебедь снес яйца на камышесом озере и, доверившись камышам, допустил, чтобы злая птица-мышелов съела его яйца и его птенцов'. У Саган Сечена эта же фраза имеет следующий вид: *Хулусуту набур-а хун балабун ондегелемуи, хулусун-и-жан сэгүдер-е ереджу итеген асбабар холиту сѣбабун-а ондеген джуджабан-и-жан идегден амуи*¹⁸ 'Лебедь кладет свои яйца в камышесом озере и, полагаясь на тень камыша, допускает, чтобы злая птица съела его яйца и птенцов'.

Употребление перфектного претерита со значением формы настоящего времени особенно часто наблюдается в живой речи, когда несомненное завершение действия именно в данное время представляется очевидным, так сказать, в контексте обстановки. Например, если все видят людей, к чему-либо приближающихся, то монголы обычно говорят: *Тэд ирэв* 'Они пришли', тогда как по-русски сказали бы: «Они прибывают». В письменной речи такое употребление перфектного претерита несколько ограничено, поскольку при этом не всегда возможно изобразить контекст обстановки.

Именно в силу изложенного в дагурском языке перфектный претерит превратился в изъявительную же форму настояще-будущего времени: *Ака ирэбэй* 'Старший брат придет', *Би мэдэбэй* 'Я знаю'. Изложенное же привело к тому, что перфектный претерит в некоторых монгольских языках употребляется в дубитативном значении, выражая предостережение или опасение, причем из контекста и обстановки речи должно всегда явствовать, что речь идет о будущем: класс. *Табун джабун джил-ече джир-бал-дабан тасѣураджу сабуба чи* (Г.—1) 'Смотри, предаваясь своим забавам, не просиди более пятисот лет'; *Сајин ере-ји-чи ну нохай бариджу идегүджей, нохай-дур идегүлүгед джобаланг манду болбаба чи* (Г.—39) 'Твоего доброго молодца не съела бы собака; смотри, не дай собаке съест его и не причини нам страдания'; бур. *Маргааша орой бодожэ хээрээ гарахаяа хожомдобош* 'Смотри, как бы ты завтра не опоздал на поле, встав поздно'.

Таким образом, перфектный претерит в монгольских языках является одной из тех глагольных форм, которые за исторически обозримый период не подверглись каким-либо существенным семасиологическим и грамматическим изменениям, а поэтому во

¹⁸ Erdeni-yin Tobči, *Mongolian Chronicle by Sagan Sečen with a critical introduction by A. Mostaert and an editor's foreword by F. W. Cleaves*, pt II, Cambridge, Massachusetts, 1956, p. 76.

всех этих языках имеют более или менее одинаковое значение и аналогичное употребление.

ПРИЧАСТИЯ

В монгольских языках причастия отличаются от всех остальных форм глагола тем, что они могут выступать в качестве любого из членов предложения: 1) определения, находясь непосредственно перед определяемым именем в форме своей основы или родительного падежа, 2) подлежащего, употребляясь в именительном падеже и чаще всего сопровождаясь лично-притяжательными частицами, 3) дополнения или обстоятельства, принимая падежные суффиксы, т. е. подвергаясь падежному склонению, или управляясь различными послелогом, и 4) сказуемого, занимая в предложении самое последнее по порядку место, т. е. оказываясь его, предложения, заключительным членом. Учитывая специфические особенности причастий в монгольских языках, типы их употребления надо сгруппировать на 1) непредикативный (с подразделениями соответственно на атрибутивный, субъектный и объектный) и 2) предикативный. Дело в том, что кроме изложенной особенности эти причастия чрезвычайно характерны также в лексикологическом, или лексико-семасиологическом, отношении: они в своем непредикативном употреблении могут окказионально обозначать не только действие, но и исполнителя, объект или результат действия, чего, как общеизвестно, совершенно нельзя сказать о причастиях, например в индоевропейских языках, в которых наблюдаются лишь явления субстантивации типа русских «заведующий», «командующий», «искомое» и т. п. Нижеследующие примеры поясняют изложенное:

класс. 1) *јабума боуху-ану јабума побуджу, тасулбури би-чйкү-инү бициджү буи* (Л.сб.—97) 'Кто вещи обвязывает, кто квитанции выписывает' (сцена в магазине, букв. 'вещи обвязывающие вещи обвязывают'), здесь причастия *боуху-ану* и *би-чйкү-инү* соответственно от глагольных основ *боу-* 'обвязывать' и *би-* 'писать' обозначают исполнителей действий; 2) *Чериг-ун буудаху-ану чбгереджеи* (Чб.—73) 'Стрельба солдат стала редкой',—здесь причастие *буудаху-ану* от *бууда-* 'стрелять' обозначает действие; 3) *бар-тур барйсан чинү јабун буи* (Викр.—156) 'Что ты держишь в руке?',—тут причастие *барйсан* от *бар-* 'держать' означает объект действия; 4) бур. *haahaniinь haabaar дүүрэг* (А. П.—538) 'Пусть жбаны наполнятся надоенным (по смыслу точнее было бы перевести: 'тем, что надоили')',—причастие *haahaniinь* от *haa-* 'доить' обозначает результат действия, т. е. «молоко». При разборе значений причастий в двух последних примерах необходимо учитывать, что они, причастия, даны в форме прямого залога, а не страдательного, как это было бы вполне обычно в рус-

ском языке («держимое» и «надоенное») ¹⁹. Для большей прозрачности излагаемого и показа зависимости лексического значения причастий от контекста мы вынуждены дать ниже четыре примера с одним и тем же халхаским причастием *саасан* от *саа* 'дойть', принципиально ничем не отличающиеся от уже приведенных выше и в иллюстративных целях искусственно составленные нами, поскольку в литературе совершенно невозможно найти такого рода примеры с одним и тем же лексическим составом: *Эрт саасан нь надтай явна* 'Кто рано подрал, тот и пойдет со мной'; *эрт саасан нь одоо билмиж явна* 'Та [корова], которую подоили рано, теперь пасется'; *эрт саасан нь зүйтэй* 'Правильно, что подоили рано'; *эрт саасан нь одоо гашилжээ* 'То [молоко], что надоили рано, теперь прокисло'.

Такого рода лексико-семасиологическим модификациям причастия в монгольских языках не подвергаются, когда они употребляются в предикативной позиции. Но зато эти причастия именно в предикативной позиции выражают действия, которые в общем довольно четко локализируются по времени. Именно это и учитывается в монголистике при характеристике причастий с точки зрения определения их временных значений.

Таким образом, в монгольских языках причастия, могущие употребляться в качестве любого из членов предложения, это такие формы глагола, которые выражают: 1) действие различной степени завершенности или определенным образом локализованное во времени, 2) исполнителя действия и 3) либо объект, либо результат действия. Если какая-либо глагольная форма отвечает только первому требованию, то это повелительно-желательная, изъявительная или деепричастная форма; при наличии лишь второго условия соответствующее образование от глагольной основы оказывается именем деятеля, или номен акторис; в третьем же случае мы будем иметь дело с разного рода отглагольными именами. Из синтаксических особенностей причастий вытекают и их морфологические особенности, или, точнее говоря, морфологические особенности причастий дают им возможность выступать в любой синтаксической позиции. Это означает, что причастия могут склоняться по падежам и управляться послелогом. Таковы главные и наиболее характерные черты причастий в монгольских языках. К сказанному надо добавлять, что эти причастия могут принимать суффиксы множественного числа, обозначая при этом лишь исполнителей действия: халх. *ирсэд* 'прибывшие' от *ирсэн* 'прибывший', 'прибытие в прошлом', *суулцсад* 'участники собрания' от *суулцсан* 'вместе сидевший', 'присутствовавший на собра-

¹⁹ Это обстоятельство сильно затрудняет буквальный и объяснительный перевод монгольских примеров на русский язык, в котором имеются лишь отдельные случаи такого рода, например «сидячее место», т. е. действительное причастие вместо страдательного, «ожидаемого» по смыслу, так как непременные глаголы вообще не могут быть в форме страдательного залога.

нии', 'совместное сидение в прошлом'; бур. *үхэхэд* 'умершие' от *үхэйн* 'умерший', 'умирание в прошлом'²⁰.

Из сказанного выше очевидны те различия между монгольскими и, например, индоевропейскими причастиями, которые привели к тому, что после ряда трудов Г. И. Рамштедта в зарубежной монголистике причастия монгольских языков именуются глагольными именами (исмен верба). По этому поводу Г. И. Рамштедт писал, что такого рода имена находятся на грани между именем и глаголом и что сопоставление с инфинитивом и причастием других языков не является достаточным в сравнительном плане²¹. Что же касается русской монголистики, то в ней за обозреваемыми глагольными формами давно и прочно укоренилось терминологическое обозначение как причастий, поскольку это оказалось необходимым для отграничения их от отглагольных имен, обозначающих процессы.

Выше уже было вскользь сказано, что в монгольских языках причастия выражают действия различной степени законченности или определенным образом локализованные во времени. При уточнении временных значений причастий необходимо отсекают те модификации, которые привносятся разного рода связками и вспомогательными глаголами, участвующими в образовании так называемых сложных временных форм и подлежащих рассмотрению в описательных грамматиках каждого из монгольских языков.

Ниже мы рассмотрим особенности употребления причастий в монгольских языках, опуская те отдельные причастные формы, которые известны лишь в одном каком-либо из этих языков, поскольку об употреблении таковых можно узнать из тех же описательных грамматик и поскольку их обозрение не способствует пониманию общемонгольского.

Будущее причастие

Во всех монгольских языках причастие будущего времени безусловно выражает действие будущего времени, если оно употребляется в предикативной позиции, например: класс. *Нйта чйлабурхаф корусун-оу томусу тарйасу ургуху үгеи* (У.—2992) 'Если картофель сажать на голую каменистую почву, то он не вырастет'; бур. *Табан зуун алтан зоос мүнгэ үгэхэб* (Ант. — 54) 'Я дам пятьсот золотых монет'; калм. *Хөрн жилин*

²⁰ В старомонгольском языке причастия во множественном числе могли применяться в качестве определений имен, также данных в форме множественного числа, и поэтому не могли в подобной синтаксической позиции сами по себе самостоятельно обозначать исполнителей действия. Это же самое иногда можно видеть ныне в некоторых бурятских диалектах. О причастиях в индоевропейских языках см. А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М.—Л., 1938, стр. 205 и 375—380.

²¹ G. I. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 32. — Точнее было бы сказать, что причастиям свойственны черты как глагола, так и имени.

ноолдан хөөн хөөнэн мартгхий? (Д.Б.) 'Разве будет позабыта в веках двадцатилетняя борьба?'; халх. *Хичнээн жилин газраас морь уралдах вэ?* (Х. Т. — 152) 'С расстояния скольких лет пустим лошадей в бег?'; монгол. *Бу али мори хонигу?* 'На какой лошади мне ехать?'

Так как в бурятском и калмыцком языках имперфектный презент употребляется главным образом как форма настоящего времени, будущее причастие в этих языках оказывается основной формой предикативного выражения действия будущего времени. Поскольку, наоборот, в современном монгольском языке имперфектный презент является формой преимущественно будущего времени, постольку в данном языке будущее причастие в предикативной позиции встречается крайне редко, особенно без связок.

Преимущественно в бурятских диалектах чаще всего встречается двоякое применение будущего причастия в предикативной позиции: 1) с лично-предикативными частицами, например: *Гайха тагна, юушые үзэхэш* (Ант. — 54) 'Сколько ни удивляйся, увидишь все, что угодно', и 2) с лично-притяжательными частицами, например: *Баабай, хаана ошохошниб?* (Балд.) 'Отец, ты куда собрался идти?', *Би энэ нүхэндэ орохомни* (Ант. — 73) 'Я хочу обратиться в эту яму', *Шубуунай үндэгэ хулгайлжа абыхышни харахамни* (Ант. — 78) 'Хочу я посмотреть, как ты будешь красть у птицы яйца'; *Ши юунда намайе буудахашниб?* (Ант. — 12) 'Зачем хочешь стрелять в меня?', *Унахашни!* 'Упадешь!' В первом случае утверждается только то, что будет иметь место в будущем, а во втором — выражается какое-либо отношение говорящего к предстоящему или предполагаемому действию: настроение, желание, убежденность, опасение или заключение на основании того, что имеется в момент речи, например, видят, что лошади оседланы: значит — едут; ребенок поднимается по крутой лестнице: значит — упадет и т. д. Кроме того, как видно из некоторых примеров, в бурятском языке будущее причастие с лично-притяжательной частицей 1-го лица единственного числа употребляется со значением волюнтатива, так как последний в этом языке является формой лишь множественного числа, о чем уже говорилось.

Аналогичное употребление будущего причастия с лично-притяжательными частицами встречается иногда и в классическом монгольском языке (под влиянием халхаского диалекта): *Би энде балджабураху-ни да!* (Ц. — 1—45) 'Я здесь с ума сойду!', *Одо бсје-бен абчу келекү-ни!* (Ц. — 1—46) 'Теперь ведь наговорит мста!'

Таким образом, будущее причастие с лично-притяжательными частицами выражает чаще всего такое действие будущего времени, которое может и не состояться, если принять какие-либо меры, — отсюда вытекает как бы предупредительный оттенок в употреблении такого оборота («Упадешь!» — значит: «Берегись!»).

Иногда этим оборотом высказывается как бы сожаление: бур. *Ябахашни 'Уходишь'* (смысл: «что же мне остается делать?»).

Будущее причастие в сочетании со связками класс. *јабума-жум*, халх. и бур. *юм* ← **јабума* 'вещь', 'нечто' обозначает долженствование или пожелание, а также и сослагательность: класс. *Јабу-бан күліжекү јум биле?* (Ц. — 1 — 45) 'Чего я должна ждать?'; бур. *Энэ хүбүүгээ халгаагаад, бэшэ тээшэ ябуулха үлдэхэ юм байна* (Ант. — 53) 'Надо бы этого парня отделить и куда-нибудь отправить'. Часто вместо этого оборота применяются обороты будущего причастия со связками класс. *јабума афсан* (букв. 'нечто было'), халх. *юмсан*, бур. *юм хэн*, класс. *афсан*, *сан*, бур. *хэн*, иногда срастающиеся с класс. *аджубу*, халх. *жээ*, бур. *жа* (соответственно: *јабума афсан аджубу*, *юмсанжээ*, *юм ханжа*): класс. *Кумун-теі жариху Јабума афсан* (Ц. — 1 — 44) 'Надо бы с кем-нибудь поговорить'; халх. *Тэднийхнийг нүүлгэх юмсан* (Санж.) 'Надо бы их переселить'; бур. *Байз, тэрэ мори бариха юм хэн* (Санж.) 'Подожди, надо бы поймать того коня'; класс. *уджегчид-тур сонирхал-і-јар ілегуу бајиху агсан аджубу* (Ц. — 1 — 59) 'Для зрителей было бы интереснее'; халх. *Энэ сайхан хангай нутгий нь бушуу түргэн авах сан* (Х. Т. — 61) 'Надо бы поскорее захватить эту прекрасную хангайскую степь'.

Встречаются случаи применения таких оборотов и без указанных модальных оттенков: класс. *Хожіту едур чімајі алаху аджубу* (Л. сб. — 68) 'Завтра тебя убьют', *Монгвол улус-тур мабу үјіледчү јабуху афсан аджубу* (Г. — 12) 'В Монголии [ламы] творили злодеяния'.

Будущее причастие в сочетании со вспомогательным глаголом класс. *бдлуге-биле*, халх. *билээ*, бур. *бэлэй* выражает действие, совершение которого представляется крайне желательным, причем иногда такое выражение сопровождается оттенком сослагательности: класс. *Ене бабагаі-ача јабакиджу орбун ожајілаху бдлуге?* (У. Б. — 26) 'Как бы это убежать от этого медведя?'; халх. *Яаж дийлэх билээ?* (Х. Т. — 108) 'Как бы одолеть?'; калм. *Би болхла цагтан ирх билэв* (Павл.) 'Я бы прибыл своевременно'; бур. *Хэнтэй ябаха бэлэйб?* (Хилт.) 'С кем бы мне отправиться?'

В некоторых текстах классического монгольского языка и «Сокровенного сказания» в подобных оборотах будущее причастие выражает обычное и, в отличие от многократного причастия, постоянное действие: *Хабур-ун екін сара-јін сони біде үнеге бүгүде улху бдлуге* (Л. сб. — 51) 'Мы, все лисицы, ночью первого весеннего месяца должны (=имеем обыкновение) выть'; *Qurban ne'йrit qaјara qaгаqu биле'e* (С. ск. — § 4) 'Видел (=мог видеть) на расстоянии трех перекочевок'. В этих фразах вспомогательный глагол *бдлуге-буле'e* как бы напоминает слушающему об общеизвестном явлении.

Будущее причастие в сочетании со связкой класс. *болумуі*,

формой имперфектного презенса от бол- 'становиться', чаще всего выражает действие с оттенком долженствования, необходимости или неизбежности последнего: класс. *Унтаху нојір үгеі ма-наджу харабулху чу јабудал бајиху болумуі* (Л. сб. — 95) 'Бывает и так, что приходится без сна стеречь [скот]', *Тере хо-бурунду джам талбіху-дур баджар-і ухүджу тегсілеку дожер-ге аджіл-і кіку болумуі* (У. — 2927) 'При проведении дороги нужно будет выполнить земляные работы'; бур. *Хэмнай ясаха болоно?* (Санж.) 'Кому из нас придется отправляться?'

Будущее причастие в сочетании с одной из форм прошедшего времени от того же глагола бол- выражает, что скоро должно совершиться действие, например, в результате наступления соответствующего момента, принятия решения или вынужденного обстоятельства: класс. *Ерденітү олан чимег-үд-іјен емүсчү јабуху болба* (Г. — 83) 'Надев свои драгоценные украшения, [Герсер] собрался в путь', *Ејімү-дүр чи маргасі јабуху болджей* (Чб. — 55) 'Поэтому (=теперь выходит так, что) ты должен ехать завтра'; халх. *Модон гэрт баавгайн хамт суух болжээ* (У. Б. — 6) 'Придется жить вместе с медведем в деревянной избушке'; бур. *Хамта хэйноһоонь мордохо болободи* (Балд.) 'Придётся нам ехать вслед за ними'; калм. *Күн болһн йовх болв* (Павл.) 'Все [теперь скоро] должны отправляться'.

В халхаских говорах и восточнобурятских диалектах будущее причастие с отрицанием -гүй обозначает действие настоящего времени, но в том почти единственном случае, когда такое действие выражается глаголом *мэд-~мэдэ-* 'знать': халх. *мэдэхгүй*, бур. *мэдэхэгүй* (в западнобурятских говорах: *мэдэнзгүй*) 'не знает'. Несомненно, что в данном употреблении такого оборота обнаруживается известная экспрессивность отрицания.

В калмыцком языке весьма характерно употребление будущего причастия с частицами: 1) *-мн* ← **мон* 'именно', 'действительно' и 2) *-ш* ← *биши* ← **бусу* 'не, а...' В первом случае с крайне отчетливой экспрессивностью высказывается, что какое-либо действие непременно совершится или должно совершиться: *Николай эндр ирхмн* (Б. Б.) 'Николай сегодня непременно придет'. Впрочем, в калмыцком языке частица *-мн*, в употреблении чередующаяся с утвердительным словом *мөн* ← **мон*, применяется и при других причастиях: *Түүно давтж келсн* (или *келсн мөн*) 'Ему говорили повторно', *Бадм дегтр хурдар умидг мөн* (или *умидмн*) 'Бадма ведь книгу читает бегло'. Во втором случае с той же экспрессивностью отрицается какое-нибудь действие: *Бидн танаһур орхивдн* (Павл.) 'Мы к вам заходить не будем', *Би таниг таньхшв* (Б. Б.) 'Я вас не знаю'. В калмыцком языке наряду с частицей *-ш* существует относительное отрицание *биш* 'не, а...', к которому и восходит данная частица и которое имеется в остальных монгольских языках (класс. *бусу*, халх. *биш*, бур. *бэшэ*): калм. *Би ик наста күн бишв* (Б. Б.) 'Я не очень психилой человек' (подразумевается: сравнительно молодой). Таким образом,

в калмыцком языке общемонгольское бусу подверглось семасиологическому раздвоению, сопряженному и с фонетической дифференциацией, чего нет в остальных монгольских языках.

Таково в монгольских языках будущее причастие, когда оно употребляется в предикативной позиции.

Переходим к рассмотрению случаев непредикативного употребления причастия будущего времени, т. е. объектного, субъектного и атрибутивного применения этого причастия, что можно было бы объединить под общим наименованием «субстантивированное употребление», если бы это не было ассоциировано с субстантивацией. При объектном употреблении будущее причастие может выражать действие будущего, настоящего или прошедшего времени, что уточняется временным значением подчиняющего глагола, который в предложении или словосочетании следует за данным причастием, если последнее не применяется атрибутивно. Иначе говоря, действие будущего причастия относится к тому же времени, что и действие предикативного глагола: класс. *Чи намаји мори уну-бад ирекү-ји харафсан сиу да* (Ц. — 1 — 24) 'Ты же видел, что я прибыл верхом на лошади', *Илегүдекү-ји убута сага мэтү-дүр хуријан хадабаламуи* (Л. сб. — 93) 'В кожаных мехах прячут то, что стается', *Чидаху жадаху-сар јабүсжу усжеје* (Л. сб. — 59) 'Попытаемся отправиться так, как сумеем'; бур. *Хатанайнгаа хангай уулын хабсагайда харшанда баригдаад байхада абархан баатар энэ юм* (Балд.) 'Вот витязь, который спас твою супругу, когда она в хангайских ущельях была схвачена недобрыми людьми', *Дээшэ гарахадаа хайша хайшаа аймхайгаар хараашална* (Мал.) 'Поднимаясь выше, со страхом оглядывается по сторонам', *Харин холо зориходонь хазаарта моруиень бэлдээрэй! Хатуу дайнда мордоходонь хабата зэбсэгиень бэхилээрэй!* (Балд.) 'Когда они устремятся в далекую чужбину, готовь их верховых коней! Когда они отправятся в жестокий бой, их оружие выправляй!' халх. *Хаалгыг гараар сарьж хөдлөхөд нээгдлээ* (У. Б.) 'Когда дверь толкнули руками, она открылась'; калм. *Намаг ирхд Савр гертэн бээж* (Павл.) 'Савр был дома, когда я пришел к нему'.

Таким образом, время действия, выражаемого будущим причастием в своем объектном употреблении, оказывается будущим по отношению не к моменту речи, а ко времени действия предикативного глагола. Однако такая зависимость будущего причастия от подчиняющего глагола несколько ослабляется, если оно сопровождается своими обстоятельными словами времени или если разные действия по логике вещей должны в определенной последовательности следовать друг за другом, не совершаясь одновременно, например: класс. *Сине бајисн-дур оруху-ду емусумуи* (Чб. — 61) 'Наденут, когда будут въезжать в новый дом'. *Би табудакі хонуб дегере негүкү-дүр јабума-бан белед-*

кегед бајја (Чб. — 42) 'Пятого числа, к моменту переселения, я со своими вещами буду готова'. *Бүкү чідал-іян сібхан барбаху-жі уріјалаја* (Ц. — 1 — 70) 'Призываем отдать все свои силы'; к алм. *Эндр манад холас гишнр ирхиг би медләв* (Павл.) 'Сегодня я узнал, что к нам издалека приедут гости'; бур. *Мангадхайн харбахые хүлезн һууба ха* (Ант. — 148) 'Сидел ожидая, когда же мангус пустит стрелу'.

При объектном употреблении будущее причастие лексической субстантивации подвергается крайне редко, главным образом в устной диалогической речи (в литературе примеров мы не нашли), например, среди бурят иногда можно слышать фразы типа *Маргааша ябахыень гэртэ оруулаад унтуул* 'Того, кто отправляется завтра, уложи спать в юрте' (букв. 'завтра отправляющегося в юрту введи и спать уложи').

При субъектном употреблении будущее причастие имеет различные значения, которые можно проиллюстрировать следующими примерами: класс. *Тигри-дур бархун-ни тигри-дү барба, лусун хад-ту орухун-ни оруба* (Г. — 11) 'Те, кому предстояло подняться на небо, поднялись на небо; те же, кому предстояло спуститься к царям лусов (водных божеств), спустились'; бур. *Ябахань ябан, үлэхэнь үлэг* (Им. — 109) 'Идущие пусть идут, остающиеся пусть останутся'. В этих примерах будущее причастие обозначает действующие лица или, в последнем примере, лицо, подвергшееся действию, — одним словом, здесь речь идет о лицах, а не о действиях. Что же касается времени, в течение которого действуют лица в этих примерах, то оно, как подсказывал контекст, будущее и, в последнем же примере, настоящее. В тех же случаях, когда необходимо обозначить лицо, действующее в момент речи, т. е. в течение настоящего времени, то в калмыцком языке употребляется многократное причастие, о расхождении и схождении которого с будущим причастием будет сказано особо (см. стр. 206).

Однако будущее причастие при субъектном употреблении все же чаще всего выражает действие как процесс, например: класс. *Уге келекү-ни ірабу тэдурхай* (Чб. — 69) 'Речь его приятно и ясно' (букв. 'Слово говорение-его приятно и ясно'); халх. *Биеэ цэвэр авч язах нь их хэрэг мэн* (У. Б.) 'Содержать себя в чистоте — весьма важное дело; бур. *Ябахань вершоог, эдихэнь горшоог* (поговорка) 'Как идти, так всего на вершок, а как кушать, так на целый горшок' (букв. 'хождение его вершок, трапезничание его — горшок'); к алм. *Уняртсн теегт хатяр гөрэс үзхнь йир сонъмжата* (Павл.) 'Очень странно видеть во мгlistой степи изможденного зверя'. В калмыцком языке будущее причастие чаще всего при выражении действия как процесса заменяется отглагольным именем существительным на -лһн или -дл, например: *Порт-Атурин унлһн самодержавин унлһн бээсмн* (Павл.) 'Падение Порт-Артура было падением самодержавия', *Мөрнэ гүүдлнь үзмжтэ* (Санж.) 'Бег лошади замечателен'.

Приведенные примеры иллюстрируют субъектное употребление будущего причастия с лично-притяжательными частицами. Однако в монгольских языках это причастие может довольно часто оказаться в позиции подлежащего и без таких частиц, например: класс. *Одо улам хојісі хура усун-у чаб болху ојіратуба* (Индж. — 109) 'Приближается теперь наступление дождливого периода', *Удабсан үгеі харангбуі болху сіхаджу* (Индж. — 116) 'Скоро будет темно' (букв. 'Скоро темнота наступление подгоняет'); бур. *Хүн болохо багаһаа, хүлэг болхо унаганһаа* (поговорка) 'Человеком стать — [так надо] с детства, рысаком стать — [так это зависит от того, каким он является, еще будучи] жеребенком'. Функционирование будущего причастия в качестве подлежащего возможно преимущественно в тех случаях, когда оно во фразе предшествует непосредственно следующему за ним глаголу или находится в конце интонационно выделенной синтагмы.

Во многих случаях можно обнаружить такое субъектное употребление будущего причастия, когда оно оказывается подлежащим лишь формально, фактически являясь обстоятельством или таким компонентом предложения и сложного синтаксического целого, которому трудно найти место в общепринятой синтаксической классификации, например: к алм. *Өрлэ босад гархнь өвдгцэ цасн орж* (Павл.) 'Когда он утром встал и вышел, то оказалось, что выпал снег по колено', *Ораһаснь маажхнь тавн өтн унм, жагрмгаснь маажхнь арвн өтн унм тарха хожһр* («Джангар», из песни о Хонгоре) 'Такой он шелудивый, что с него падало пять червей, когда поцарапаешь его с макушки, падало десять червей, когда поцарапаешь его с висков' (букв. 'С макушки поцарапать — пять червей падает...'); класс. *Джочид гејігчид ірекуіну тобз үгеі олан, теденер-үн ідекү, уубуху, ініјелдүкү, бајасулдуху-ану гер хаҗрамара* (Л. сб. — 114) 'Прибытие гостей было многочисленным, и они ели, пили, смеялись и веселились так, что разваливалась юрта' (букв. 'гости прибытие-их без счета множество, их трапезничание, выпивание, смеяние и торжествование [таковы, что] юрта разваливалась'), *Сімнус харін Халаша-хаҗан-і орубулджу абубад алба абху-ану ніген едүр ніген тајіджі терігүлен джаҗун күмүн-і абху бөлүге* (Викр. — 28) 'Шимнусы, захватив Халаша-хагана, ежедневно брали в дань по сто человек во главе с тайджием' (букв. 'Шимнусы Халаша-хагана захватив дань взимание: ежедневно с тайджием во главе сто человек брали ведь'). Такого рода обороты в известной степени можно было бы рассматривать как паратаксическое целое.

Как видно из всех приведенных примеров, будущее причастие при субъектном употреблении с лексико-семасиологической точки зрения напоминает собою инфинитив, например, индоевропейских языков, — этого никак нельзя сказать относительно всех прочих форм монгольского глагола. Ведь при этом временная окраска будущего причастия является более бледной и неопределенной,

нежели при его же объектном и особенно предикативном употреблении. Именно поэтому будущее причастие может рассматриваться как такая глагольная форма, которая при субъектном употреблении выражает как бы панхронное действие. Вот почему это причастие иногда интерпретируется как форма неопределенного, или неокончательного, наклонения, обозначающая «действие без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц»²². В равной мере по этой же причине будущее причастие в монголо-ведных лексикографических пособиях является общепризнанной словарной формой.

Будущее причастие в определительной или атрибутивной позиции выражает действие, которое либо должно совершиться в будущем, либо представляется назначением или процессным свойством какого-нибудь предмета. В первом случае это причастие оказывается формой конкретного будущего времени, например: к ал м. *намрар ирх кун* 'человек, который прибудет осенью'; бур. *маргааша тайгада гараха хүн* 'человек, который завтра отправляется в тайгу'; х ал х. *явах газраа ч мэдэхгүй, таних айл ч үгүй* (Э. — 264) 'Не знает, куда и ехать, и айла знакомого нет' (букв. 'Ехать место не знает, узнавать айла даже нет'). Во втором же случае будущее причастие представляет собою форму панхронно-потенциального времени, например: класс. *джакідал бичікү чабасу* 'почтовая бумага', 'бумага для писем' (букв. 'письмо писать бумага'); бур. *тэргэ тэмээгээр ябаха тэгшэ харгы* 'ровная дорога, по которой можно проехать на телегах и верблюдах'; х ал х. *харах нүд сонсох чих* 'глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать'; к ал м. *умшх дегтр* 'книга для чтения'.

Так как какое-либо предстоящее действие является лишь фактом будущего, могущим почему-либо и не состояться, то отсюда и применение будущего причастия для обозначения действия вообще и процессного свойства или назначения предмета, например книга для чтения может быть еще не прочитана или вообще не будет прочитана. Этим обстоятельством и объясняется то, что действие будущего причастия в определенных случаях оказывается панхронно-потенциальным, а само это причастие по значению — близким к инфинитиву индоевропейских языков, особенно русского в конструкциях типа «наука побеждать», «время жить, время умирать» (нем. *Zeit zu leben. Zeit zu sterben*) и т. п. Вот почему в монгольских языках будущее причастие гораздо чаще всех прочих причастий подвергается субстантивации и преимущественно употребляется в атрибутивной позиции второго типа, в силу чисто практических потребностей общения значительно реже применяясь для выражения конкретного будущего действия, поскольку речь идет о той же атрибутивной позиции, т. е. о первом типе последней.

²² Александр Попов, *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 134.

В бурятском языке будущее причастие иногда может выступать в атрибутивной позиции, употребляясь в форме орудного падежа и выражая определенную экспрессивность или модальность с оттенками «хорошо бы», «легко» и т. п.: *Шагнлхаар онтхон бэлэй, дуулахаар онтхон бэлэй* 'Вот ведь была, которую хорошо бы послушать, вот ведь была, которую хорошо бы спеть', *Татл гэмэ номо, таби гэмэ номондо тудгдахаар хомор хүн бэлэйл* (Билд.) 'Не такой ведь он человек, которого легко пристрелить из любого лука и любой стрелой'.

Если будущее причастие при субъектном и, изредка, объектном употреблении может подвергаться лексико-семасиологической субстантивации окказионально и в зависимости от контекста, то этого совершенно нельзя сказать, когда оно находится в атрибутивной позиции, как и в предикативной. Но атрибутивное употребление будущего причастия, в отличие от предикативного, может привести его к субстантивации. Правда, такое явление наблюдается очень редко, главным образом в современном монгольском языке, при условии выпадения соответствующих определяемых имен, например: *нягтлан бодох бичээч* → *нягтлан бодох* 'бухгалтер', *үнэмлэх бичиг* → *үнэмлэх* 'удостоверение' и т. п. Особенно часты такие случаи субстантивации будущего причастия в просторечии: *хянан байцаах комисс* → *хянан байцаах* 'контрольная комиссия', *ардыг гэгээрүүлэх яам* → *гэгээрүүлэх* 'министерство народного просвещения', *дотоодыг хамгаалх газар* → *хамгаалах* 'государственная внутренняя охрана', *сурган гэгээрүүлэх хэлтэс* → *сурган гэгээрүүлэх* 'культурно-просветительный отдел' и т. п.

Таким образом, только что показанная субстантивация будущего причастия, связанная с выпадением определяемых имен, принципиально отличается от той, которая имеет место при его субъектном и иногда объектном употреблении, а по структурному типу напоминает собою субстантивацию прилагательных, типа, например, русских «столовая», «рабочий», «дежурный» и т. п.

Причастие возможности

Причастие возможности характеризует объект или предмет такого действия будущего времени, совершение которого признается очевидным, вероятным, неизбежным, возможным, допустимым или необходимым. В предложении это причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях, а также в прочих синтаксических функциях, если оно сопрягается, как правило, вспомогательным глаголом в одной из причастных или деепричастных форм. Именно такое применение данной глагольной формы делает ее причастной, а не деепричастной, как это казалось А. Д. Рудневу²³. Примеры:

²³ А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, § 180.

класс. *Багчаку хабур-ун уларил-ун абуджим чилуген-дур ерегтеи емегтеи кумун ердем бичиг сурху ба ојуху, ескеку, уралаху дархалаху дархалаху-ји сурчу болумар-а; беје-јин ебед-чин-и емчилегулбесу едегереджу чидамар-а; сурбабули сојул-дур орулдафсад-тур кичијел немегдемер-е* (Л. сб.—89) 'Лишь весною, когда много свободного времени, мужчины и женщины могли учиться грамоте, шить, крбить, мастерить и заниматься ремеслом; могли и поправить свое здоровье, если была возможность лечиться, а у учащихся открывалась возможность усилить свои занятия'; халх.: *Одоо үүнд арга хэмжээ авмаар байна* (У.—3047) 'Теперь необходимо по отношению к нему принять меры', *Дийлмээр солбол миний хойноос очоорой. Дийлмээргүй болбол битгий очоорой* (Х. Т.—119) 'Если возможно одолеть его, то отправляйся вслед за мной. Если невозможно одолеть, то оставайся'; калм. *Ахр эгшг эрэ соңсгдмар келгднэ* (Павл.—11) 'Краткие гласные произносятся так, что [их] еле слышно'; бур. *ород хэлэ найн мэдэмээр хүн* (Ант.—85) 'человек, хорошо знающий русский язык', *Углөөнэй мүшэдтэй жэшээлжэ бэшэмээр өөрыншни гэрэлтэй нүдэд байнал* (Ц. Д.) 'Вот таковы твои прелестные глаза, что их надо описать, уподобляя утренним звездам', *Тэрэ харгуйгаар ябамаар байгаа* (запись из устной речи) 'По той дороге проехать было возможно'.

Причастие возможности субстантивации почти никогда не подвергается. Равным образом нельзя считать это причастие отглагольным именем прилагательным, так как оно обладает способностью управлять всеми падежами, а это есть важнейшая черта глагола в монгольских языках.

Множественное причастие

Множественное причастие, как известно, выражает такое действие, которое для предмета является обычным в течение известного времени, определяемого связкой или, при непредикативном употреблении этой глагольной формы, вспомогательными глаголами в одной из причастных форм. Иными словами, данное причастие выражает ряд последовательных акций одного и того же действия, приписываемых предмету в качестве его свойств или обыкновений и совершающихся в течение одного и того же времени. Если же связка или вспомогательные глаголы при этом опускаются, то действие множественного причастия относится к расширенному настоящему времени или, при наличии обстоятельственных слов типа халх. *одоо* 'теперь', окказионально к собственно настоящему времени. Поэтому-то данная глагольная форма называется также множественным причастием настоящего времени, наряду с которым в монгольских языках имеется еще однократное причастие настоящего времени²⁴.

²⁴ А. Д. Руднев, *Лекции по грамматике монгольского письменного языка*, М., 1931, стр. 42; А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 136.

Многочастное причастие отсутствует в могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском языках и имеется во всех прочих монгольских языках, в которых оно употребляется почти совершенно одинаково. Поэтому мы ниже ограничимся лишь приведением некоторых примеров употребления этого причастия, причем там надо будет особо отмечать его отличия от имперфектного презенса с окказиональным значением настоящего расширенного времени и будущего причастия при употреблении в атрибутивной позиции второго типа (см. выше, на стр. 204).

1) Многочастное причастие — сказуемое: класс. *Бату Кесиг хојар үргүлжү джакідал-іјар харілчадаб болба* (Д. С.) Бату и Кешиг установили между собой письменную связь' (букв. 'Бату и Кешиг постоянно письмами обмениваться стали'); калм. *Шавтси гаран боочкад дэки күрз авдг билэ* (У. Д.—40) 'Перевязав больную руку, снова брался за лопату', *Гал уга газрас утан гардго* (поговорка) 'Дыма без огня не бывает'; бур. *Би зундаа элдэб жэмэс түүдэгби* (Им.—110) 'Я летом обычно собираю разные ягоды'. Если в последнем примере многочастное причастие заменить имперфектным презенсом (*Би зундаа элдэб жэмэс түүнэби*), то данное действие окажется как бы постоянно совершающимся как одно непрерывное, тогда как при многочастном причастии оно совершается неоднократно, как бы с перерывами, т. е. представляет собою ряд акций одного и того же действия, причем в обоих случаях мы можем иметь дело с расширенным настоящим временем.

2. Многочастное причастие — определение: халх. *уудаг ус* 'вода, которую обычно пьют' (уже, но необязательно в момент речи, ср. *уух ус* 'питьевая вода' или, в зависимости от контекста, 'вода, которую будут пить', *ууж байгаа ус* 'вода, которую пьют в момент речи'); бур. *Хойшоо хаража хусадаг, урагшаа хаража улидаг хоёр гүлэгэ* (А. М.) 'Щенята, которые вообще лают, глядя на север, и обычно визжат, глядя на юг'. Как видно из примеров, многочастное причастие отличается от будущего причастия тем, что оно в атрибутивной (и предикативной) позиции обозначает процессное свойство какого-нибудь предмета на основании уже совершившихся акций данного действия. От причастия настоящего времени в той же атрибутивной позиции многочастное причастие отличает то, что оно обозначает действие как свойство предмета, тогда как первое выражает действие, конкретно совершающееся в момент речи независимо от того, свойственно оно данному предмету или нет: *хусадаг нохой* 'вообще лающая собака', *хусажа байгаа нохой* 'собака, которая лает' (в данный момент, ср. *хусаха нохой* 'собака, которая должна или будет лаять'). Многочастное причастие от основ некоторых глаголов, употребляясь атрибутивно, не отличается от будущего причастия: халх. *бичиг үсэг мэддэг хүмүүс* или *бичиг үсэг мэдэх хүмүүс* 'люди, которые знают грамоту', т. е. 'грамотные люди' (нельзя быть грамотным многократно; от осно-

вы данного глагола конкретное будущее действие выражается будущим причастием при наличии обстоятельств времени: *ирэх жил бичиг үсэг мэдэх хүмүүс* 'люди, которые будут грамотными в будущем году').

3. Многократное причастие — подлежащее: халх. *Ажлыг хир зэрэг үнэлэн үздэг нь тун ч илэрхий* (У. О.—2212) 'Хорошо видно, как ценят работу'; бур. *Бага хүдүү дахуулжа асраад байл захингүй тийдэгтэй буруу байна даа, баатар* (Балд.) 'То, что вы, витязь, привели сюда маленького мальчика и опустили его без достаточных наставлений, есть ваша провинность' (в этом примере многократное причастие по эвфоническим соображениям употреблено вместо прошедшего, что видно из ответа витязя: *Хүсэд заагаагүй тийхан миний гэм юумэ бэээ* 'Да, это моя вина, что опустили без должного наставления'); калм. *Теднэ нүднэ секгдх дутман Ленинд болн түүнэ партыд итгэгдгнх икдэд бэээ* (У. Д.—43) 'По мере того как раскрывались их глаза, росло и их доверие к Ленину и его партии'. В калмыцком языке при необходимости субстантивно выразить действующее лицо вместо будущего причастия, обычного в этой функции в прочих монгольских языках, чаще всего применяется многократное причастие: *Меддгнх босж үг келчхэв* (Павл.) 'Знающий (тот, который знает) встал и сказал речь', *сурхулян сээнэр сурдгнх мөрэ азх* (Павл.) 'Тот, кто будет хорошо учиться, победит в соревновании'.

4. Многократное причастие в объектном употреблении семасиологически не отличается от остальных причастий: класс. *Ертен-у байдаг-ача-бан энг илгүү сүртеи-бер, уриду-йи байдаг-ача-бан улам илгүү джибухулангтай* (Ц.—1—12) 'Значительно мощнее того, что бывало раньше, еще величественнее того, что бывало прежде', *Би чу абудаг-банг абуја, та чу бггүдеген бжү болджі* (Х. Х.—129) 'Я возьму то, что мне обычно причитается, а вы дадите то, что должны дать'; халх. *Хяналт анхааралтай ажилладаггүйгээс зарим дугааруудыг ингэж олноор дутагдаж* (У. О.—2205) 'Некоторые номера [газет] во множестве не доставляются из-за того, что работают без контроля и невнимательно'; калм. *Залхуин герт түлэн уга, зальгдгин герт хот уга* (поговорка) 'У ленивого дома дров нет, у обжоры (у того, кто объедается) дома еды нет'; бур. *Намдаа найдан хүндэлдэг хал ашъень харюулхые авсахагүй бэээт* (Балд.) 'Если вы питаете ко мне доверие и уважение, то, надеюсь, не будете возражать против того, чтобы отблагодарить его'.

Для калмыцкого языка очень характерно употребление многократного причастия при глаголе *дасх* 'изучиться', 'привыкать', тогда как в остальных монгольских языках в этих случаях применяется соединительное деепричастие или будущее причастие в значительном или, иногда, дательном-местном падеже: *Би мингрльскэр келдг дасхар бээнэз* (У. Д.—19) 'Я хочу научиться

говорить по-мингрельски', *Би умидг дасвв* (Павл.) 'Я научился читать'.

Остается сказать, что многократное причастие в настоящее время лексической субстантивации никогда не подвергается, чем оно коренным образом отличается от однократного причастия, в прочих случаях весьма сходного с ним.

Однократное причастие

Однократное причастие выражает такое действие, которое обычно для какого-нибудь предмета и в отличие от действия многократного причастия совершается как единый процесс, не распадающийся на ряд акций. Поэтому однократность такого действия не следует понимать в смысле мгновенности, единичности или меньшей протяженности во времени. Поэтому однократное причастие в большей степени, чем многократное, выражает действие расширенного настоящего времени, если при этом иметь в виду его употребление со связкой настоящего времени или вообще без таковой. Во всем остальном это причастие, за исключением случаев субстантивации, почти ничем не отличается от многократного. Именно этим обстоятельством объясняется, что однократное причастие в монгольских языках оказывается единственной глагольной формой, которая, субстантивируясь, служит средством образования отглагольных имен деятеля и имен прилагательных, например: класс. *удуридубчи* 'руководитель' от *удурид-* 'руководить', халх. *эрхлэгч* 'заведующий' от *эрхлэ-* 'заведовать'; калм. *медгч* 'знаток' от *мед-* 'знать', *күцэгч* 'исполнительный' от *күцэ-* 'исполнять'; бур. *түрүүлэгшэ* 'председатель' от *түрүүл-* 'быть во главе'. В современном монгольском языке это причастие применяется также для образования отглагольных имен типа *авагч* 'приёмник (в радиосвязи)' от *ав-* 'брать', *ус төрөгч* 'водород' (букв. 'воду рождающий') от *төр-* 'рожать', 'родиться' (во многих диалектах только 'родиться') и т. п. Конечно, однократное причастие не могло бы быть средством образования такого рода отглагольных имен деятеля, если бы оно выражало лишь единичное действие, — об этом приходится говорить потому, что наименование этого причастия как однократного иногда вызывает недоразумения.

Некоторые исследователи склонны отрицать глагольность однократного причастия, считая его преимущественно отглагольным именем деятеля и, следовательно, утратившим свои способности управлять падежами и выражать действия как процессы²⁵. Это, однако, справедливо только отчасти, как это будет видно из нашего дальнейшего изложения.

1. Однократное причастие в объектной и субъектной позициях, если оно не подвергалось субстантивации в качестве имени

²⁵ G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 32.

деятеля, в монгольских языках все же употребительно, хотя и весьма редко: класс. *Муур бафасу-бан нѳубуѳи егун-ече улам фарба* (Вл.—477) 'Отсюда и пошло то, что кошки прячут свой кал', *Тере харабдаѳи манай гер биле* (Х. Х.—95) 'То, что виднеется там, ведь наша юрта'; калм. *Басѳ эс мэдгдгчэр эгчэн орж ирхинь хэллхэд бээнэ* (У. Д.—26) 'Басанг незаметно следил за тем, не войдет ли его старшая сестра'; бур. *Зай, тэрэ минии хэлэгшые ши хээгүш?* (Ант.—69) 'Ну, ты сделал то, о чем я говорил?'

2. Однократное причастие в атрибутивной и предикативной позициях употребляется значительно чаще, нежели в объектной и субъектной: класс. *Кѳбулджегчи егүлен-ү дегегүр, кѳкерегчи тигри-ѳин добуур ниген ниску онгбуца нисун ѳабуми* (Лувс.) 'Летит один самолет выше облака колыхающегося, ниже неба синеющего'; калм. *цээллгожжэх үгиг дахгч цээлллт* (Павл.) 'определение, следующее за определяемым словом'; бур. *Илагшын эрхэ минии, илагдашын хохи шинши* (Балд.) 'Право победившего за мной, участь побежденного за тобой', *Сэрэгүүднай яатараа удабаб ямар илалтатой ерэгшэд ааб?* (Балд.) 'Чего это задержались наши воины, с какими победами они придут?', *Араатанише ойро хараа хаа амин голыень хадхагшаб* (Аб.) 'Если вижу я близко зверей, то пронзаю их насмерть'.

В монгорском, дунсянском и баоанском языках однократное причастие употребляется в значении причастия настоящего времени, что, по-видимому, объясняется отсутствием в этих языках обшемонгольского причастия на *-ѳа//а*, как и многократного, например: монгор. *уроджѳн удие* 'входная дверь', дунс. *нэ ѳавучын ши клэн вэ?* 'Кто это там идущий?'; баоан. *Тэ морэ-нэ тоѳчоңнэ урэ* 'Пригласи седлающего лошадь'. Впрочем, отсутствие достаточного материала не позволяет с точностью установить значение данного причастия в этих языках. А. де Смедт и А. Мостарт пишут, что однократное причастие в монгорском языке по значению соответствует многократному, отсутствующему в этом языке²⁶. Б. Х. Тодаева и Чингелтей сообщают, что обшемонгольское однократное причастие в названных языках является именно причастием настоящего времени²⁷.

В целом относительно однократного причастия можно сказать следующее: 1) в классическом монгольском языке глагольная форма на *-ѳчи*, первоначально будучи именно причастной, все более и более утрачивала свой глагольный характер и переставала употребляться в объектной и субъектной позициях; 2) в современном монгольском языке эта глагольная форма имеет тенденцию превратиться в отглагольное прилагательное и имя деятеля,

²⁶ A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, II partie, p. 117.

²⁷ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 82, 120 и 119; Чингелтей, *Думдаду улус-даки монгбол тѳрул-ун келе-нүгүд*, — «Монгбол теүке, келе бичиг», Кокехота, 1958, № 12, стр. 43—44.

в связи с этим теряя свои способности управлять всеми падежными формами, т. е. переставая обрастать зависящими от нее словами, дополнениями и обстоятельствами: если, например, еще около двадцати пяти лет назад в этом языке можно было встретить примеры типа *сониньг эрхлэгч* 'редактор газеты' (букв. 'редактирующий газету'), то в настоящее время мы находим *сонинь эрхлэгч* (винительный падеж заменился родительным, поскольку управление винительным падежом есть монополия глагола); заслуживает особого внимания то обстоятельство, что при этом отглагольное имя на *-гч* обозначает не только действующее лицо, деятеля, но и предмет, например: *авагч* 'приёмник' (в радиосвязи и т. д.) от *ав* 'брат', *устөрөгч* или *ус төрөгч* 'водород' от *ус* 'вода' и *төр-* 'рожать', 'родиться' (во многих диалектах только 'родиться'), *дамжуулагч* и *нэвтрүүлэгч* 'проводник' (в физике и технике) соответственно от *дамжуул-* 'передавать' и *нэвтрүүл-* 'распространять' и т. п.²⁸.

3. В бурятском и калмыцком языках однократное причастие продолжает сохранять свои исконные свойства глагола почти полностью, хотя в некоторых диалектах этих языков оно перестает применяться в объектной и субъектной позициях; для калмыцкого языка характерно, что его порядковые числительные представляют собою форму однократного причастия от глагольных основ, образованных от соответствующих числительных и совершенно неупотребительных в речи, за исключением *негд-* 'объединяться' от *негн* 'один': *тавдгч* 'пятый' от *тавд-←тави* 'пять', *хойрдгч* 'второй' от *хойрд-←хойр* 'два' и т. д.²⁹.

Однократное и многократное причастия, с одной стороны, и имперфектный презенс, с другой, в том, в чем они сходятся, существенно отличаются друг от друга тем, что эти причастия выражают действия расширенного настоящего времени в силу своих основных и главных значений, тогда как для имперфектного презенса такое значение является окказиональным и зависящим от контекста. Столь же существенное отличие названных причастий от будущего причастия, атрибутивно примененного для обозначения назначения какого-нибудь предмета (например, *халх. уух аяга* 'чашка для питья' и *унах мөр* 'лошадь для езды'), заключается в том, что они употребляются тогда, когда как бы вывод говорящего о том или ином назначении предмета делается на основании уже имевших место фактов, на-

²⁸ Прежде эта форма могла приобретать подобные значения лишь окказионально в крайне редких случаях, преимущественно при опущенном определяемом имени в быстрой и небрежной бытовой речи.

²⁹ В некоторых бурятских диалектах такая форма числительных применяется со значением порядковости из определенного количества, например *нэгдэгшэ* 'первый' (из десяти, двенадцати и т. д.), (см. А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, § 92).

пример: халх. *уудаг аяга* 'чашка, из которой пьют' и *унадаг морь* 'лошадь, на которой ездят'. В окинской рукописи монгольской эпической повести о Хан-Харангуе говорится следующее: *Танай джерге-йиң ходжібарханду абуху ајаба бусу біле, манай хан аба сібабун-данг очиху-ду джобууладаб ајаба біле* (X. X.—95) 'Эта чашка не для питья таких плешивеньких, как вы, а это — чашка, из которой наш хан пьет кумыс во время своих выездов на охоту'. В кызыльской версии этой же повести приведенная фраза выражена несколько иначе: *Танар мету ходжігір куу абуху сабаджин бусу, ман-у хабан аба гөрүгесүнду морілаху-ду чай джоублэху сабаджин буи* 'Это ведь чашка не для питья таких паршивых мальчишек, как вы, это ведь чашка, из которой нашему хану пить чай во время своих выездов на охоту'³⁰. Иными словами, если будущее причастие в атрибутивном употреблении выражает чаще всего лишь потенциальное действие, которое может и не состояться, то однократное и многократное причастия обозначают действия, уже имевшие место и поэтому-то являющиеся обычными в настоящем или будущем. Однако приведенные примеры из разных списков «Хан-Харангуя» говорят о возможных случаях стилистического разнообразия³¹.

Настоящее причастие

Об употреблении и значениях настоящего, или несовершенного, причастия можно судить по данным классического и современного монгольских и бурятского языков, ибо это причастие оказывается чрезвычайно редкой формой в доклассическом монгольском и ойратском (по крайней мере в калмыцких диалектах) языках и совершенно отсутствует в остальных монгольских языках. При этом весьма примечательно то большое различие между этими тремя языками, которое наблюдается в употреблении и значениях данного причастия. В классическом и современном монгольских языках форма на *-ба||-а* является причастием настоящего времени, почти совершенно неупотребительным в предикативной позиции, по крайней мере без связок, тогда как в бурятском языке она оказывается причастием прошедшего вре-

³⁰ Г. Д. Санжеев, *Кызыльская рукопись монгольской эпической повести «Хан-Харанбуи»*, — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 286.

³¹ Дело ни в какой степени не может, конечно, меняться от того, что в русском переводе эти отличия между обозреваемыми глагольными формами по стилистическим обстоятельствам не всегда отмечаются. Вообще же точные значения многократного и однократного причастий в русском переводе передаваемы посредством вводных выражений типа «имеет обыкновение делать то-то» или «обычно делает то-то», а это в стилистическом отношении для русского языка представляется излишним и громоздким из-за частоты употребления названных причастий во всех монгольских языках.

мени³², почти совершенно неупотребительным, наоборот, в не-предикативной функции,— в данном случае имеется в виду употребление этого причастия в положительной форме. В субъектной и объектной позициях настоящее причастие во всех трех названных языках встречается очень редко,— здесь речь идет о применении данного причастия в отрицательной форме, без частиц отрицания. Примеры:

класс. *Харін кен-дур байжа јум?* (Чб.—50) 'Но у кого это находится?', *хамту јабуба ајил-ун джалабу* (Даржаа) 'молодой односельчанин, идущий вместе', *Минү беје мабу байжа-ду седкїл джобаджу байна* (Чб.—41) 'Беспокоится из-за того, что я нездоров', *Мал-іјан керкін чїрмајин малладжу байжа-бан точи дурадчей* (Д. С.) 'Коротко упомянула о том, с каким прилежанием она выращивает свой скот', *Герман фасїст-ї бутачокїджу байжа-таї адалї-бар мал-ун-іјан тїлүге джїдкүд-жу* (Чб.—40) 'Борясь за [выращивание] своего скота с таким же рвением, с каким громят германских фашистов', *Минү нїдун-дур сегүлчї-јин удаба амїду джогсуджу байжа-ану харабдад-жу біле* (Ц—1—27) 'Перед моими глазами стоит как живой, каким я его видел в последний раз' (букв. 'перед моими глазами в последний раз живым стоящий виднеется'); халх. *Дайрах нь чангарч байгааг хэлэхийн хамт нэлээд хүний амь үрэгд-сэний харамсав* (Ү.—2999) 'Рассказав об усилении воздушных налетов, выразил сожаление по поводу гибели большого количества людей', *Обручев бүтээлийг гарган ажилласаар байгаа нь манай өсөж байгаа сэхээтэнд яруу жишээ мөн* (Цэв.) 'Для нашей растущей интеллигенции ярким примером является то, что Обручев по-прежнему продолжает плодотворно трудиться'; бур. *Юун болооб, яагааб? Адуундатнай шоно ороо гү? Али алта зөөридэтнай хулгай ороо гү?* (Ант.—59) 'Что случилось, что произошло? Не волк ли забрался к вашим табунам? Или вор пробрался к вашему имуществу?'

В бурятском языке, как уже отмечено, настоящее причастие почти никогда не употребляется в предикативной и особенно атрибутивной позиции, но довольно часто применяется в объектно-обстоятельственной функции преимущественно с некоторыми послелогами: *Шамайе абажа үгөөгүй хаань курсыншни эрхилэг-шые гада хараажирхихаб* (Мал.) 'Если он тебя не примет, то я здорово поругаюсь с заведующим курсами', *Пальто абахаа ерээ хадашни үгэхэ байгааб* (Мал.) 'Если бы ты пришёл просить пальто, то я бы дал тебе'.

В калмыцком языке настоящее причастие употребляется крайне редко, главным образом в поговорках и пословицах общемон-

³² С учетом употребления этой формы и в отрицательной конструкции ее чаще всего называют причастием настояще-прошедшего времени, поскольку к тому же в бурятском языке имеется всего три причастия прошедшего времени на *-аа*, *-һан* и *-һай*, которые необходимо было каким-нибудь образом различать терминологически.

гольского распространения, т. е. в устойчивых словосочетаниях и застывших оборотах, а также в атрибутивной позиции и в сочетаниях со вспомогательными глаголами в форме предельного деепричастия: *Тер мини умша дегтр* (Б. Б.) 'Это — книга, которую я читаю', *Хур ора бэатл мини үр гарч йовад хонгтан гертэн ирв* (Павл.) 'Несмотря на то что дождь продолжал идти, мой друг вышел и к ночи прибыл домой'. Характерно, что в калмыцком языке это причастие никогда не склоняется, т. е. не употребляется в объектно-обстоятельственной функции, а в отрицательной конструкции заменяется разделительным деепричастием: *Долан гертэн ирэд уга* (Оч.) 'Долан домой еще не пришла', *Рыбаков дасад уга кергтэн күчр зуткэ болн йир сэн подлврта бээж* (У. Д.—35) 'Рыбаков с жаром брался за дело, к которому он еще не привык, и хорошо разбирался в нем'.

Таковы существенные различия между монгольскими языками в употреблении настоящего причастия, наименование которого не соответствует его значению в бурятском языке³³. Однако между этими языками совершенно отсутствует какое бы то ни было различие, когда данное причастие употребляется в отрицательной форме, т. е. с частицами отрицания класс. *үгеi* и *едүйi*, халх. *-гүй* и, редко, *-дүй*, бур. *-гүй* и, в восточных диалектах, *-дүй*, в джоу-удаском и джиримском говорах *-дд*, в ордосском и уджемчинском говорах *-дг ~ -дүй*, в прочих говорах центрально-монгольского диалекта *-гүй*³⁴. Очень важно отметить, что эти отрицания при настоящем причастии имеют значение 'еще не'. Иными словами, это причастие в отрицательной форме выражает такое действие, которое еще не совершилось и не совершается, но, по мнению говорящего, ожидалось или ожидается, которое должно произойти. Примеры:

класс. *Бүтүн сара дуубаруба үгеi-бен инггиджү дуубардаб байна* (Ц. —1—45) 'Так-то он и говорит после того, как молчал целый месяц' (смысл: целый месяц ожидали, что он будет говорить), *Морі унуджу сурубадуi, күјитен джэибер-нү дабарабсан хојар-нi* (Чб.—71) 'Эги двое еще не научились ездить на лошади верхом и [поэтому] продрогли на холодном ветру'; халх. *Энэ онд «Матар» сэтгүүл огт очоогүй байна* (У. О.—2205) 'В этом году пока еще совершенно не доставлен журнал «Матар

³³ Некоторые языковеды на лингвистической конференции 1936 г. в Улан-Удэ предлагали эту глагольную форму впредь именовать изъявительной, но вынуждены были считаться с тем, что она в отрицательной конструкции или в сочетании с послелогом продолжает весьма продуктивно сохранять свои исконные причастные свойства. Впрочем, мы здесь не упоминаем тех исследователей, которые все причастия считают изъявительными формами, если они употребляются в предикативной позиции.

³⁴ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ряде монгольских диалектов Китая настоящее причастие употребляется весьма редко или вообще не применяется, если оно не сопровождается приведенными частицами отрицания (см. Чингелтеi, *Думдаду улус-даки монгол тэрүл-үн келе-нүгүд*, — «Монгол теүке, келе бичиг», Көкхота, 1957, № 12, стр. 36 и 42).

(Крокодил)», *Хэнд хэдийгээс [эхлэн захиа ирээгүй нь тодорхой байна (У. О.—2212) 'Ясно, кому и с какого времени письма еще не приходят'; бур. Тайга хүбшэдэмнай танигдаагүй, үдхэн хүбшэдэмнай үзэгдөөгүй та, худамнай, хэн агша бэлэйт?* (Котий Баатар) 'Кто же вы, сват, которого еще не знают в наших таёжных сопках, которого еще не видели в наших густых сопках?', *Ханилхан найхан Хабхарайнь харин ерээгүй байба* (Шад.) 'Однако его милая красавица Хабхарай [тогда] еще не приходила'.

Следовательно, настоящее причастие в своей отрицательной форме обозначает как бы ожидаемое несовершенное действие будущего времени и в данном значении не может быть заменено какой-либо другой глагольной формой,— в этом его жизненность в тех монгольских языках, где оно имеется, даже утрачивая свою положительную форму.

В ордосском говоре настоящее причастие употребляется как бы «вместо» разделительного деепричастия: *авā жаву-* 'идти, что-либо взяв с собой' (*авāt жаву-* 'идти, что-то получив и, возможно, не взяв с собой'), *дагā жаву-* 'идти за кем-либо не отставая' (*дагāt жаву-* 'идти вслед за кем-нибудь, возможно, отставая'). По-видимому, здесь оттенок такой же, как и при аналогичном употреблении прошедшего причастия, о чем А. Мостарт не сообщает³⁵ и о чем см. ниже на стр. 216—217.

Прошедшее причастие

Прошедшее причастие, имеющееся во всех монгольских языках, в гораздо большей степени, нежели остальные причастия этих языков, сохраняет и выявляет исконную природу причастий вообще, а поэтому оно в некоторых отношениях нуждается и в более подробном рассмотрении.

Прошедшее причастие обозначает действие, полностью совершившееся до момента речи или до наступления другого действия, которое выражается каким-либо последующим глаголом, вспомогательным глаголом и связками, о чем выше уже говорилось на стр. 197. Временные значения этого причастия очень хорошо передаются в переводе соответствующими формами глагола немецкого языка: халх. *би бичсэн* 'ich habe geschrieben', *би бачсэн билээ* 'ich hatte geschrieben', *би бичсэн байх* 'ich werde geschrieben haben' (соответственно по-русски: 'я написал', 'мною будет уже написано').

По характеру употребления прошедшего причастия монголь-

³⁵ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. LI. — Приведенные примеры А. Мостартом соответственно переводятся как 'emporter' ('нести') и 'partir à la suite de quelqu'un' ('идти за кем-нибудь'). Конечно, без дополнительных пояснений никакие переводы с одного языка на другой вне контекста вообще не могут полностью и точно передать все оттенки в значениях любой грамматической формы.

ские языки несколько отличаются друг от друга, причем на одном полюсе находится современный монгольский язык, в котором это причастие при предикативном употреблении почти не сопровождается связкой настоящего времени *байна* 'есть', а на другом — бурятский, в котором применение данной связки обязательно, так же как и в старописьменном монгольском языке (*сајимуй* или *амуй* 'есть'), например: совр.-монг. *Багш гэрт орсон*, бур. *Багша гэртэ ороһон байна*, ст.-монг. *Багси гертур орубан амуи* 'Учитель вошел в дом' (в двух последних случаях букв. 'учитель в дом вошедший есть').

Однако отметим, что если в современном монгольском языке предикативно применяемое прошедшее причастие сопровождается связкой *байна*, то последняя приобретает модальное значение «оказываться». Причем вывод со значением «оказывается» основывается на определенных признаках состоявшегося действия, свидетелем коего говорящий не был, тогда как имперфектный претерит выражает, что совершение какого-нибудь действия оказалось неожиданным для говорящего независимо от отсутствия или присутствия последнего при акте этого действия. Подобное значение эта связка в бурятском и классическом монгольском языках может иметь лишь occasionally. Что касается прочих монгольских языков, то они либо занимают промежуточное положение между современным монгольским и бурятским языками, либо в синтаксическом отношении пока изучены очень слабо.

Как уже отмечалось нами, причастия обозначают, кто каков есть или в каком состоянии находится в силу содеянного им действия, тогда как индикативы выражают, кто что сделал, — здесь мы говорим как об атрибутивном употреблении причастий, так и об их предикативном применении. Хотя в ходе длительного развития глагольной системы в монгольских языках указанное различие между причастиями и индикативами давно начало постепенно стираться, оно все же продолжает сохраняться и в настоящее время. Сказанное обнаруживается в том, что предикативно употребляемое прошедшее причастие в монгольских языках может сопровождаться и такой связкой, как класс. *јабума*, халх. и бур. *юм* ← **јабума* 'вещь', 'предмет', 'нечто', например: класс. *Худа медегсен јабума*, халх. *Худ мэдсэн юм*, бур. *Худа мэдэһэн юм* 'Сват ведь узнал' (букв. 'Сват есть нечто, что-то узнавшее')³⁶.

Равным образом об этом свидетельствует то, что в бурятском языке часто наблюдаются случаи применения прошедшего причастия в специфической обстоятельственной функции без какого

³⁶ Так как в разделе о категории времени роль и значение связок и вспомогательных глаголов уже освещены, здесь нет особой надобности подробно говорить о предикативном употреблении прошедшего причастия или приводить какие-либо дополнительные примеры.

бы то ни было оформления: *Мори хараа тэргэлхэн, хүрээ хүхөө абаһан, Элеэгэй үйлсэдэ бэлэн байхат* (Ж. Тум. — 138) 'Будьте готовы на Элейской улице запрягшие лошадей и держащие лопаты и топоры'; *Һэрэмжэ хэрэгтэй, пулемет тодхон һон ябажа болохо* (Ж. Тум. — 160) 'Нужна бдительность, [они] возможно, будут двигаться, установившие пулеметы'; *Зата гартаа ташуур бариһан Дүүмэ соһоо гаража* (Х. Н.) 'Зата выходит из Думы, держащий в своей руке кнут'; *Опоонхи сагаан халат үмдэһэн орожо грэнэ* (Х. Н.) 'Опоонхи входит одевшийся в белый халат'; *Онгой тармуур бариһан орожо ерээ* (Шад.) 'Онгой вошел держащий грабли'. В русском переводе этих бурятских примеров стилистически следовало бы причастия передавать деепричастиями или иными синонимичными средствами, т. е. соответственно: 'будьте готовы с запряженными лошадьми и с лопатами и топорами в руке'; 'будут двигаться, установив пулеметы'; 'выходит из Думы, держа в руке кнут' (или 'с кнутом в руке'), 'входит Опоонхи, одетый в белый халат' (или 'в белом халате'), 'вошел Онгой с граблями в руке' (или 'держа грабли'). Однако тогда нам не удалось бы передать оттенки в значениях бурятских причастий. Особенность такого применения прошедшего причастия именно в том и заключается, что при этом обозначается, в каком состоянии действует то или иное лицо (которое при этом не определяется, как в случае, когда причастие находится в атрибутивной позиции), и не указывается, каким образом производится действие (для этого используется одно из сопутствующих деепричастий). Для пояснения излагаемого можно привести примеры употребления русских причастий и прилагательных в обстоятельственной позиции: *охотники вернулись усталые и измученные* (ср. *усталые и измученные охотники вернулись*). Надо особо отметить, что в такой обстоятельственной функции прочие причастия в монгольских языках не употребляются, если не считать совершенно-прошедшего причастия, имеющегося только в бурятском же языке: *номо һаадагаа агсанхай орожо ерэнэ* (ремарка в пьесе Н. Балдано «Бабжа Барас баатар») 'входят, закинувшие свои луки со стрелами'. Правда, А. Мостарт привел несколько примеров такого же применения настоящего причастия в ордосском говоре, о чем выше уже упоминалось на стр. 215.

То же специфическое свойство монгольских причастий проявляется и тогда, когда прошедшее причастие употребляется в объектно-обстоятельственной позиции, при которой в соответствующем состоянии оказывается не действующее лицо, подлежащее, а объект действия: класс. *чимаји тбрүджү оркибсан-и биде теджидеджү жеке болбалуба* (Викр. — 23) 'Мы ведь вскормили и вырастили тебя, брошенного [матерью] после родов', *Баса ниген хомха араки зарубсан-и асура-нар абуба* (Вл. — 472) 'Как только появилась кружка вина, ее взяли асуранары (мифические существа)' (букв. 'Еще кружку вина появившукся взяли асуранары'), *ниген чајибур джибасун зокі-ду орубсан-и*

Бегтер Белгутей аха дегуу хојабула булјаджу абуба (С. ск. — 76, по Дамдинсуруну) 'Братья Бектер и Белгутей вдвоем отобрали у нас блестящую рыбку, как только она попалась на удочку' (букв. 'одна блестящая рыбка на удочку попавшуюся...'); халх. *115-дугаар тоот үнэмлэхийг алдсаныг хүчгүй болгоё* 'Удостоверение за № 115 по случаю утери считать недействительным'.

Эта своеобразная объектно-обстоятельственная причастная конструкция чрезвычайно легко может быть заменена атрибутивной. Однако при этом были бы утрачены оттенки в значении данной конструкции, которые вообще очень трудно передать по-русски без дополнительных пояснений³⁷. Например, всю фразу о рыбке можно изложить по-монгольски в следующем виде: *бокиду орубсан чајibur джэбасун-и Бегтер Белгутей аха дегуу хојабула булјаджу абуба* 'Братья Бектер и Белгутей вдвоем отобрали у нас блестящую рыбку, попавшуюся на удочку' (по-монгольски при этом может подразумеваться, что рыбку отобрали и после того, как она давно уже была снята с удочки). Вообще же в монгольских языках излагаемой здесь конструкции стараются избегать, так как прошедшее причастие в винительном падеже обозначает действие, а поэтому эту же фразу с гипертрофированно-формальной точки зрения можно «понимать» и так: '...отобрали попадание рыбки на удочку!'

Таким образом, мы изложили то, в чем прошедшее причастие выявляет исконную природу монгольских причастий вообще, особенности которой все более и более утрачиваются по мере того, как эти причастия в некоторых из названных языков начинают применяться предикативно без связок или без вспомогательных глаголов и все меньше и реже употребляются в некоторых непредикативных позициях. Сказанное особенно относится к будущему причастию в калмыцком и бурятском языках и причастию на-а ← *-ба в бурятском языке.

Что касается субъектного употребления прошедшего причастия, то в том, в чем оно ничем не отличается, например, от будущего причастия, можно ограничиться лишь немногими примерами без специального рассмотрения: класс. *Ечегсен тујилдабсан-ану хочурчу ергі-буу-дур унаджухуи* (Л. сб. — 89) 'Уставшие и изнуренные падали в обрывах и канавах'; бур. *Урид хаюуламнай тоолоод хэбтэхэ* (Ант. — 153) 'Кто из нас будет сброшен раньше, тот и будет считать' (букв. 'раньше сброшенный будет считать'); халх. *Бас биеийн тамирын талбарыг байгуулсан нь дэхэм болов* (У. — 3112) 'Помогло то, что устроили спортивную площадку', или 'Помогло устройство спор-

³⁷ Эти трудно передаваемые оттенки в русском языке иногда можно находить в выражениях типа *мы видели охотников усталыми и измученными и я застал детей играющими в прятки* (ср.: *мы видели усталых и измученных охотников и я застал детей, играющих в прятки, или ...которые играют в прятки*).

тивной площадке»; к алм. *Чини келснчн чик* (Павл.) 'Справедливо то, что ты сказал', *Хөөткэн сансн цецн, хуучан хатхсн урн* (поговорка) 'Мудр тот, кто думает о будущем, искусен зашивающий старое' (букв. 'о будущем задумавший мудр, старое починивший искусен'). В этих примерах прошедшее причастие обозначает как действия, так и действующие лица и сопровождается лично-притяжательными частицами (за исключением последнего примера), которые применяются и в качестве показателей подлежащего и без которых последнее обходится лишь в определенных случаях, когда оно не может быть понято как определение какого-нибудь следующего за ним имени.

Однако в монгольских языках встречаются многочисленные случаи такого применения прошедшего причастия в именительном падеже, сопровождаемого теми же лично-притяжательными частицами, когда вопреки ожиданию оно оказывается не подлежащим какого-нибудь предложения или логически субъектным членом словосочетания, а тем, что условно можно назвать пока квазиподлежащим или квазиподлежащим причастным оборотом (дальнейшее уточнение этого явления предоставим грамматистам). Примеры:

к л а с с. *Халджан бију геджу нөгөгсөн-минн хара буха баяинам* (Г. — 49) 'Погнался я как будто бы за белоголовым [быком, а оказывается это] черный бык', *Еси теси-бен харабсан-чинн мал-ун хота хоб хобусун* (Ц. — 1—21) 'Посмотрел ты по сторонам—загон для скота совсем пуст'; бур. *Жаахан ашаяа эльгэ-эһэмни энэ яһан харита сэмэгэ сэмэгэ тэбэрүүлжэ табяа* (Шад.) 'Послал я своего внучонка, а его отпустили назад, дав ему голую кость без мяса', *Эрээн нохойгоо тэжээһэмнай эжэндээ мэдэхээр эрхэлнэл* (из одной песни аларских бурят) 'Пеструю собаку вскормили мы, а она при всех ласкается к своим хозяевам' (букв. 'Пеструю собаку кормление-в прошлом-наше — к хозяевам-своим — чтобы-все-знали — ласкается'); х а л х. *Холбооны хороо нь хар гэрт байна. Яагаад гэвэл нэг байшин барилж байсан барьж дуусаагүй нураад ойчжээ* (У. — 2998) 'Почтовая контора помещается в закопченной юрте. Дело в том, что строили один дом, который, незаконченный постройкой, совсем развалился' (букв. 'один дом строить-поручили-они — строить еще не кончили — обрушившись развалился').

Первая часть каждого из приведенных примеров формально является причастным подлежащим оборотом, поскольку причастие в именительном падеже с лично-притяжательной частицей обычно выполняет функцию подлежащего. Следовательно, вторая часть каждого из этих примеров является предложением-сказуемым, т. е. вся эта конструкция в целом формально соответствует, например, русскому сочетанию предложения-подлежащего с предложением-сказуемым. Правда, в некоторых отдельных случаях такая монгольская конструкция как бы напоминает собою паратакисическое соединение двух самостоятель-

ных предложений с той весьма существенной разницей, что вместо первого из них в монгольских языках применяется причастный оборот, а не законченное предложение: класс. *Ебесу урбуфсан-ану хоні імаба улү харафдамуі* (У. О. — 1759) 'Трава выросла, и овцы и козы не видны', т. е. 'Выросла такая высокая трава, что овец и коз не видно'. Иногда такого рода конструкция на русский язык переводима сложноподчиненным предложением с придаточным обстоятельство времени: бур. *Лаблаад хараһамни баруун хүлдэнь шинии улаан сабаху (айгаа* (Шад.) 'Когда я внимательно присмотрелся, то на его правой ноге оказался твой красный сапог' = 'Присмотрелся я внимательно, а на его правой ноге твой красный сапог'³⁸.

Но как бы ни трактовать описываемую монгольскую конструкцию с чисто грамматической точки зрения, квазиподлежащий причастный оборот выражает действие или событие, после которого наступает другое, оказывающееся неожиданным, отчасти противоположным предшествующему или почему-либо особо примечательным³⁹.

В монгольских языках излагаемая нами синтаксическая конструкция с квазиподлежащим оборотом, в котором прошедшее причастие сопровождается лично-притяжательными частицами, возможна лишь тогда, когда подлежащее такого оборота не является в то же самое время подлежащим второй, заключительной, части данной же конструкции (аналогично тому, как это бывает в сложносочиненных предложениях). В противном случае прошедшее причастие принимает частицу безличного, или возвратного притяжения, например: класс. *Дулма асабуху-сан беркесіјегсегер неліјед удафсан-іјан джорібладжу асабуфсан амуі* (Даржаа) 'Дулма долго не решалась спросить, но, наконец, осмелилась и спросила'; бур. *Улад зонхон хоёрынь унтажа хэбтэхэнээ һэриһэн шэнги болобо* (А. Тороев) 'Люд-народ спал, и [вдруг] весь как будто проснулся', *Манай халуун зүрхэнэй ошон бадаран байһанаа мүнөө унтараа* (Шад.) 'Пылали искры наших горячих сердец, а ныне успокоились'.

Во всех рассмотренных нами случаях предикативного и субъектного, в том числе и квазиподлежащего, употребления прошедшего причастия обозначает уже состоявшееся (до момента речи или предмета повествования) действие совершенно независимо

³⁸ Нечто аналогичное можно наблюдать и в тех случаях, когда прошедшее причастие сопровождается лично-притяжательными частицами, будучи в форме винительного падежа: *Гурбалдайн гурбан сэсэниие хаалгаатай нууһанишнь татуулжа асараад* (из сказки о трех умниках) 'Вызвал к себе трех умников Гурбалдаевых, которые сидели взаперти' (подразумевается: 'ничего не ведая' или 'вызвали неожиданно для них').

³⁹ Иногда квазиподлежащий причастный оборот выражает причинность какого-нибудь действия, например: класс. *Сајин сајихан-і сајитур келегсен-чині бајарлаба* (Х. Х. — 100) 'Рад, что ты рассказал о ее красоте и прелестях'; бур. *Нүдэнь абаһамни холо ошохоо болио* 'Когда я вынул у нее (овцы) глаза, она уже не могла больше уходить далеко'.

от временных значений каких-либо управляющих глаголов, конечно, за исключением связок и вспомогательных глаголов. В атрибутивном и объектно-обстоятельном употреблении прошедшего причастия его временные значения являются многообразными, поскольку при этом оно оказывается в относительно слабой синтаксической позиции, отрезаемой либо подчиняющим глаголом, либо контекстом в целом. Нижеследующие примеры поясняют сказанное.

Прошедшее причастие в атрибутивной позиции выражает действие, которым характеризуется предмет-определяемое и которое совершается в прошлом 1) либо по отношению к тому, о чем говорится в подчиняющем глаголе, 2) либо по отношению к моменту речи, 3) либо по отношению к тому и другому одновременно. В первом из этих случаев мы имеем дело с относительным прошедшим временем, которое по отношению к моменту речи может быть «давнопрошедшим» или, наоборот, будущим, а во втором и третьем случаях перед нами абсолютное прошедшее время.

Если определяемое имя с причастным определением взято вне контекста или если подчиненный глагол, в том числе и связка, представлен в одной из форм настоящего времени, то атрибутивно примененное причастие выражает действие абсолютного прошедшего времени, например: калм. *күмүн-ү оркiбсан көке будиг* 'сиялая краска, которую кто-то оставил', бур. *Бадмын бариһан байшин тээ тэндэ байна* 'Вон там находится дом, который построил Бадма'. Если подчиняющий глагол представлен в одной из форм прошедшего времени, то атрибутивное причастие выражает действие «давно прошедшего» времени, например: калм. *Долана келси тууляс кезинь тодлулж авлж* (Павл.) 'Из загадок, которые рассказала Долан, я запомнил много'; бур. *Гагаһан түрэнэн дайдадаа хара ехэ длаһе харайлгажа гатлһа* (из песни о Шэно-батаре) 'К своей стране, где он появился и родился, направился верхом на коне, перескочив через великое черное море'. Если подчиняющий глагол представлен в одной из форм будущего времени и в свою очередь подчиняется третьему глаголу в одной из форм прошедшего времени, то атрибутивное причастие выражает действие будущего времени по отношению к моменту речи и, одновременно, прошедшего — по отношению к действию своего подчиняющего глагола: халх. *Уран сайханы бүлгэмүүдийг нэгэтгэж, цаашид нэгдсэн хүчээр ажиллах болгов* (У. — 3006) 'Решено объединить кружки художественной самодеятельности и в дальнейшем вести работу объединенными силами' (объединение сил происходит после решения, но раньше ведения работы).

Но если подчиняющий глагол дан в одной из форм будущего времени и в свою очередь никакому другому глаголу не подчиняется, то атрибутивное причастие выражает действие 1) либо относительного прошедшего времени, т. е. будущего по отноше-

нию к моменту речи и, одновременно, прошедшего по отношению к действию подчиняющего глагола, 2) либо абсолютного прошедшего времени, — то и другое зависит от контекста речи, в том числе и от лексического значения самих причастий, а также от обстановки речи. Примеры:

1) *Төөлэнэн зураһан газартам ябаха гээшэ байналта, түхэрээлэн газартам хонохо гээшэ байналта* (обычная в бурятском эпосе формула расставания жениха с поезжанами и свитой своей невесты, спешащего домой для подготовки свадебного обряда) 'Поезжайте по тем местам, где чертой я проведу, в тех ночуйте местах, где я кругом вскружусь'⁴⁰.

2) *Түрэн ба эжһэнэнь юрөөлын баан мордоорой* (из бурятской песни-обращения к невесте, отправляемой к жениху) 'Поезжай с благословением своего отца и матери, которые родили тебя'; бур. *Хариһаа ерэн дайсанше хамха сохихо хабатайл* (Ант. — 90) 'Может разгромить врага, прибывшего с чужбины'; *Унтажа хэбтэн хүнише татажа һэрүүлдэг бэлэйл* (из эпоса) 'Людей, которые легли спать, будят ведь потрогав'.

Вторая группа примеров не вызывает никакого затруднения с точки зрения определения временных значений атрибутивных причастий. Первый же пример, будучи взят вне контекста, понимаем двояким образом: во-первых, в том виде, как это только что передано нами по контексту, и, во-вторых, иначе (при условии, что проведенным напутствием жених после свадебного торжества провожает в обратный путь поезжан, уже знающих дорогу с ее приведенными чертами и кругами, т. е. с путевыми знаками): 'поезжайте по тем местам, где чертой я проведся, в тех ночуйте местах, где я кругом вскружился'. Однако в обоих случаях оформление всего этого обращения жениха остается одним и тем же, поскольку в монгольских языках изъявительные формы глагола не употребляются в атрибутивной позиции⁴¹.

Изложенным далеко не исчерпываются временные значения причастий, функционирующих в качестве определений, значения, чрезвычайно многообразные и требующие специального исследования. В отношении временных значений употребление прошедшего причастия в объектно-обстоятельственной позиции по существу ничем не отличается от атрибутивного применения этого же причастия. Поэтому мы ниже остановимся лишь на некоторых

⁴⁰ «Аламжи Мерген», Бурятский эпос, Стихотворный перевод Ивана Новикова. Вводная статья и комментарии Г. Д. Санжеева, М.—Л., 1936, стр. 218.

⁴¹ Например, в русском языке атрибутивно употребительны и причастия и формы изъявительного наклонения, образующие разнообразные определительные придаточные предложения и причастные обороты: дороги с проведенными чертами и кругами; дороги, по которым проведены (...были проведены, будут проведены) черты и круги и т. п.

других особенностях прошедшего причастия при его объектно-обстоятельственном применении.

Во-первых, прошедшее причастие при таком его применении, особенно объектном, окказионально может подвергаться частичной субстантивации, обозначая не действие, а действующее лицо или, наоборот, предмет действия, например: калм. *Уульсиг сурһ, инэсиг сур* (поговорка) 'Заплакавшего поучай, а у засмеявшегося спрашивай'; халх. *уншсаныг тайлбарлуулах* 'комментировать то, что читали'; класс. *идегсэн уубугсан-йжан сингегекү-йин тула* (Вл. — 487) 'чтобы переварить то, что съели и выпили'. Вообще же прошедшее причастие в объектно-обстоятельственной позиции обозначает действие, например: халх. *Сайхан ордоньг бүтээн бэлэглэсэнд онц сайн сурлагын амжилтаар хариу хүргэхийг батална* (Цэвэгмэд) 'В ответ на то, что для нас построили и дали нам прекрасный дворец, заверяем, что будем учиться на отлично'; бур. *Шандаган һөөл ехээр айһандаа хүлөө мэдэн харайба* (Аб.) 'Заяц в очень сильном страхе (= когда очень сильно испугался) ускакал со всех ног'; калм. *Деер бичгдснэс ахрар товчлгджахнь* (Павл. — 16) 'Из того, что изложено выше, кратко отмечается'; класс. *Ниген етегед-ече малтабсан-йјар боу-ану абудам болубад джабан өбер-йјен босулуба* (Л. сб. — 51) 'Когда (= так как) с одной стороны ров подкопали, он сделался просторным, и слон сам выбрался изова'.

Во-вторых, если в классическом и современном монгольских языках прошедшее причастие форму винительного падежа образует от своей полной основы, то в калмыцком языке — от своей усеченной основы, т. е. теряя свой конечный согласный *н* (в бурятском языке, собственно в его некоторых диалектах, такое явление наблюдается спорадически), например: класс. *орубсан-й*, халх. *орсоныг*, калм. *орсиг*, бур. *ороһониие* и *ороһые* 'о том, что вошел' или 'вошедшего'. В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что в бурятском языке иногда можно наблюдать тенденцию к использованию двух «форм» винительного падежа прошедшего причастия в семантических целях: *Хайшан гээд үрөөһэн нюдэнзыйн муу болоһые мэдээбши?* (Ант. — 125) 'Каким образом ты узнал, что у него один глаз стал хуже видеть', *Хубхай дайсанай хорото гарынь Соёедуудэй үргэн орон дээгүүр эритэ хутага далайн байһыень эгээ бидэнэр мэдэнэлди* (Дунаев) 'Знаем же мы, что над широкими просторами страны Советов коварная рука подлого врага размахивает ножом'. В этих двух примерах прошедшее причастие, данное в форме винительного падежа от своей усеченной основы, обозначает объективное действие, тогда как в следующих примерах оно же, данное в форме того же падежа от своей полной основы, выражает не действия, а лица: *Үхэнэниие амидыруулдаг, үгырэнэниие баяжуулдаг* (из эпического описания красавицы-волшебницы) 'Умершего оживляет, обедневшего обогащает';

Тэрэ улад зон сооһоо урид эмээл моритой байһанишнь ябуул-ха хэрэгтэй (из устной речи) 'Из тех людей прежде всего надо отправить имеющих оседланных коней'. Впрочем, надо отметить, что в бурятском литературном языке примеры второго рода нами пока не зарегистрированы вследствие, по-видимому, орфографической нивелировки.

В-третьих, если в классическом и современном монгольских языках прошедшее причастие в орудном падеже сохраняет свой конечный согласный *н*, то в калмыцком языке этот согласный выпадает, например: класс. *орубсан-ијар*, совр.-монг. *орсноор* и калм. *орсар* соответственно от класс. *ору-*, совр.-монг. и калм. *ор-* 'войти'. Что касается бурятского языка, то в нем наблюдаются обе «формы» прошедшего причастия в орудном падеже, различия между которыми в настоящее время пока еще не установлены, — возможно, что здесь мы имеем дело с явлениями диалектного характера.

Примечательно, что в калмыцком языке нет особого продолжительного деепричастия, которое в прочих монгольских языках представляет собою, как известно, прошедшее причастие в орудном падеже, так сказать, калмыцкого типа, поскольку в этом языке данное причастие образует свою форму орудного падежа, теряя свой конечный согласный *н*. Может быть, было бы точнее сказать, что в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже выражает все те основные значения, которые в других монгольских языках передаются двумя дифференцированными формами, т. е. формой собственно прошедшего причастия в орудном падеже и продолжительным деепричастием. Впрочем, нельзя исключить возможности того, что в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже и продолжительное деепричастие являются исторически сложившимися омонимами, омоформами. Однако такое предположение могло бы оправдаться в том случае, если бы удалось доказать, что, во-первых, в калмыцком языке форма на *-сар* выражает все значения продолжительного деепричастия, а этого, по-видимому, сказать нельзя, что, во-вторых, в некую раннюю пору в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже сохраняло свой конечный согласный *н*, утратившийся позже, и что, в-третьих, в ту же раннюю пору в этом языке одновременно и параллельно существовало также и продолжительное деепричастие, — исследовательские поиски в этом направлении по данным памятников ойратской, или заяпандитовской, письменности успехом увенчаться не могут, поскольку в ней традиционно копировались формы старописьменного монгольского языка.

Вообще же прошедшее причастие в орудном падеже в монгольских языках, в том числе и в калмыцком, обозначает преимущественно причинное действие, иногда с оттенком условности, например: халх. *Бичсэн юм олон болнооо бас сайн нэр олох биш* (Ц. — 1—3) 'Тем, что много напишешь, доброе имя себе не

найдешь'; класс. *Егге-ни есе медегсен-ієр абчу ідем гетел* (Г. — 23) 'Отец, не зная (= 'так как не знал'), хотел было съесть'; калм. *Үгин эклцд һ үзгин орнд г үзг бичсэр үгин чинр сольгдхш* (Павл.) 'Если в начале слова вместо буквы *һ* написать букву *г*, то значение слова не изменится'⁴². В калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже обозначает также то, что в остальных монгольских языках передается продолжительным деепричастием, например: *Урһц ик болсар цуһар дала буудята болз* (Павл.) 'С тех пор, как (= 'по той причине, что') урожай стали богатыми, теперь все имеют много хлеба', *Глаголин эн янзнь глаголин хойрдгч нүүрт бээсэр дам-жулгдж гурвдгч нүүрт бээснүр заквр келгдхлэ керглднэ* (Павл.) 'Данная глагольная форма, продолжая оставаться глагольной формой 2-го лица, употребляется при обращении к 3-му лицу'.

Прошедшее причастие в орудном падеже употребляется в монгольских языках для выражения и некоторых других значений, например: класс. *Бусуд-і али олдабсан-іјар чимедег бд-лүге* (Викр. — 125) 'Прочих наряжали тем, что нашли', (т. е. одеваливо что попало), *Тан-у хабан-у сігүгсен-ієр үлү болху* (Викр. — 3) 'Не следует поступать так, как это рассудил ваш хан'; халх. *Мэдэгдэхүүнүүдийг цуглуулан авснаар үл барам Обручев бол монголын ард түмэнд их тусыг хүрээжээ* (Ү. — 3301) 'Обручев не ограничился тем, что собрал [ценные научные] сведения, он оказал также большую помощь монгольскому народу'; калм. *Деер келгдсэр талин келнэс орсн Нь болн НИЙ чилһтэ үгмүд төргч надеждэн Я авх болж гарчана* (Павл.) 'Согласно тому, что сказано выше (= 'по сказанному выше', букв. 'выше сказанным'), иноязычные слова с конечными *Н* и *НИЙ* в родительном падеже принимают окончание *я*', *Талин келнэс орсн үгмүд олзгдж шингрсэрнь үлдэхмн* (Павл.) 'Иноязычные слова оставлять [в калмыцком письме] в том же виде, в каком они усвоены' (в калмыцкой устной речи).

Таким образом, мы рассмотрели различное употребление прошедшего причастия в классическом монгольском, бурятском, калмыцком и современном монгольском (халха-монгольском) языках. Об употреблении же этого причастия в остальных монгольских языках судить пока трудно из-за отсутствия достаточного количества текстовых записей и каких-либо пространственных литературных произведений, поскольку моголы, дагуры, монгоры, дун-

⁴² Так как в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже особенно часто применяется для выражения причинного действия, то оно в исходном падеже с данным значением почти не употребляется. К тому же для выражения причинности в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, используются и многие другие средства, как грамматические, так и лексические.

сяне и баоаньские монголы не имеют письменности на своих языках. В монголистике лишь установлено, что в этих языках имеются соответствующие формы прошедшего причастия. Известно все же, что в монгорском языке прошедшее причастие, как и настоящее и будущее, в своем предикативном употреблении сопровождается частицами 1) 1-го лица *-i* и 2) 2-го и 3-го лица *-a*, о чем мы уже упоминали в разделе о категории лица (см. выше на стр. 92).

Завершено-прошедшее причастие

Завершено-прошедшее причастие выражает такое действие прошедшего времени, которое закончилось до момента речи и исполнитель которого еще не вернулся в исходное положение. В данном случае дело вовсе не сводится только к тому, что при применении этой причастной формы действие характеризуется со стороны завершенности или степени законченности. Равным образом завершено-прошедшим причастием отмечается не только та или иная градация результативности и фиксируется не только отсутствие или наличие результата действия. Следовательно, эта причастная форма, распространенная в некоторых восточнобурятских диалектах и ныне весьма употребительная в бурятском литературном языке, не вполне соответствует наименованию, используемому исследователями для ее обозначения.

Для того, чтобы уловить оттенок в значении завершено-прошедшего причастия, необходимо рассмотреть его в сопоставлении с прошедшим причастием, с которым оно во многих отношениях неоднозначно. Например, если в определительном обороте с прошедшим причастием *эндэ ерэнэн багша* 'сюда прибывший учитель' сообщается, что речь идет об учителе, который прибыл сюда, то при этом не уточняется, вернулся он обратно или нет. Поэтому этот оборот может быть понят вне контекста двояко: 'учитель, который прибыл сюда' и 'учитель, который был здесь'. Точно так же двояко может быть понято выражение *аба тайгада ошонон юм*: 'отец отправился в тайгу' и 'отец был в тайге' — в зависимости от того, вернулся отец из тайги или нет. Если же в обоих этих примерах определительное прошедшее причастие заменить завершено-прошедшим причастием, т. е. соответственно сказать *эндэ ерэнхэй багша* и *аба тайгада ошонхой*, то понимание примеров окажется однозначным: 'учитель, который прибыл сюда' (подразумевается: еще находится здесь) и 'отец отправился в тайгу' (и еще не вернулся оттуда).

Завершено-прошедшее причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях и почти никогда не субстантивируется: *Аяар холо хойто зүгтэ мүнхэ мүлһөөр хушагданхай хүйтэн далай байдаг юм* (Им.) 'Далеко далеко на севере находится холодное море, покрытое вечными

льдами', *Байгал далайн дэлгилсо дуулама басагад үдэнхэй* (Нимбуев) 'Девушки также появились, о которых надо распевать так, чтобы взволновался Байкал-море'.

Эта причастная форма употребляется преимущественно при 3-м лице, что, по-видимому, объясняется изложенным оттенком в ее значении. Однако в литературе встречаются случаи применения ее и при 1-м лице: *Иимэ хадаа мунөө би мунхэ наһа олонхойб* (Ант. — 201) 'Поэтому-то теперь я вечную жизнь обрел'. В данном случае здесь сказывается многодиалектность бурятского языка, поскольку носители некоторых бурятских диалектов не различают значения разных причастий.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Монгольские языки характерны большим многообразием таких различных форм глагола, которые всеми монголистами объединяются под одним общим наименованием «деепричастия». Общим для всех этих глагольных форм является то, что они 1) не могут быть в предложении конечными, или заключительными, сказуемыми, а это отличает их от всех остальных форм глагола, 2) никогда не употребляются в функции определения имени, что свойственно только причастным формам глагола, — случаи типа бур. *Бадма гэжэ багша* 'Учитель Бадма' (букв. 'Бадма говоря учитель') являются единичными и сводятся лишь к особенностям употребления речевого глагола *гэ-* 'говорить', 3) никоим образом не могут применяться в качестве подлежащего, что также свойственно лишь причастиям, и, конечно, 4) ни при каких обстоятельствах не подвергаются субстантивации.

В монгольских языках деепричастия выражают действия, которые либо сопутствуют действиям управляющих глаголов, либо являются обстоятельствами, при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов. В соответствии с этим деепричастия в названных языках делятся на 1) сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и 2) обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, предварительное, последовательное, предельное, продолжительное, попутное, причинное, «цитатное» и др.), — сопутствующие деепричастия могут выражать обстоятельственные действия лишь контекстуально, например: бур. *Би газаа гаража хүйтэ абааб* 'Выходя на улицу, я простудился' (по смыслу: 'так как я выходил на улицу, то простудился'). Характерным отличием обстоятельственных деепричастий является синтаксическая и смысловая стабильность каждого из них, тогда как синтаксические функции сопутствующих деепричастий изменчивы и зависимы от соответствующего контекста. Отметим тут же, что в монголистике обстоятельственные деепричастия иногда называются «псевдоконвербиальными формами глагола».

С точки зрения временных значений монгольские деепричастия всегда находятся в слабой синтаксической позиции, поскольку они в этом отношении целиком зависят от управляющих глаголов, исключая отдельные случаи, обусловленные соответствующим лексическим окружением. Иными словами, деепричастия выражают действия того же времени, что и действия управляющего глагола, — назовем это время контекстуальным. Однако в рамках такого контекстуального времени деепричастия выражают действия предшествующего, синхронного или предстоящего времени, которые никоим образом не следует смешивать соответственно с прошедшим, настоящим или будущим временем (вот почему вместо «деепричастие настоящего или прошедшего времени» в монголистике принято говорить «деепричастие соединительное или разделительное»). В соответствии с этим в монгольских языках 1) условное, уступительное, причинное, предварительное, последовательное, продолжительное и разделительное деепричастия можно считать формами предшествующего времени, 2) соединительное, слитное, попутное, образа действия, продолжительное (последние два — окказионально) деепричастия — формами синхронного времени, 3) степени действия, целевое и предельное деепричастия относятся к формам предстоящего времени. При этом предполагается, что эти деепричастия употребляются без вспомогательных глаголов или вне сочетания с обстоятельственными словами времени, при наличии которых соответствующие временные значения обозреваемых форм глагола могут видоизменяться самым различным образом. Предшествующее, синхронное и предстоящее времена этих деепричастий могут совпасть соответственно с прошедшим, настоящим и будущим временами в том случае, если управляющий глагол окажется в предикативной позиции, будучи применен в форме настоящего времени.

Чрезвычайно знаменательно то обстоятельство, что если повелительно-желательные, изъявительные и причастные формы глагола по своим значениям и синтаксическому употреблению иногда существенно меняются при переходе от одного монгольского языка к другому или даже при переходе от одного диалекта к другому, то значения и особенности применения каждого из деепричастий в общем за небольшими исключениями совершенно одинаковы и идентичны во всех монгольских языках. Различие же между монгольскими языками в отношении деепричастий заключается только в том, что не все эти формы глагола одинаково представлены в каждом из названных языков, — это особенно касается обстоятельственных деепричастий, исторически образовавшихся значительно позже сопутствующих и статистически употребляемых гораздо реже, нежели последние. Это обстоятельство дает нам возможность наше дальнейшее изложение употребления деепричастий в монгольских языках сделать максимально кратким.

Соединительное деепричастие

Соединительное деепричастие в монгольских языках является наиболее употребительной формой глагола. Так, например, на 122-й странице монгольского литературного сборника «Монгол келен-у ирабу најиразулба» (Уланбатор, 1934), раскрытой нами наугад, глаголы в этой деепричастной форме встретились 22 раза, тогда как во всех прочих формах — всего лишь 48 раз (напомним, что в классическом монгольском языке всего имеется более 25 форм глагола). Это деепричастие, будучи чрезвычайно употребительным, в то же время оказывается наиболее богатым по своим значениям и синтаксическим функциям.

Соединительное деепричастие выражает действие определяющее и поясняющее, т. е. характеризующее, каким образом протекает действие управляющего глагола, а поэтому лишь в данном отношении напоминает русское деепричастие несовершенного вида от основы настоящего времени: класс. *Би сүке-бен бариджу хусу обтулба* (Л. хр.—144) 'Я срубил березу, держа топор'; халх. *Миний дүү гэртээ харьдж очжээ* (Лувс.) 'Мой младший брат ушел, отправляясь домой'; калм. *Долан ду дуулж, хөздэн хурдар тууж, газтан ирв* (Павл.—120) 'Долан прибыла на место, распевая песни и быстро погоняя своих овец'. Так как функции соединительного деепричастия многообразны, то в современном монгольском литературном языке, особенно в публицистическом стиле, во избежание недоразумений эту форму стилистически заменяют сочетанием будущего причастия со словом *зэргээр* (*зэрэг* 'ряд', 'степень'⁴³ в орудном падеже) или *замаар* (*зам* 'дорога', 'путь' в орудном падеже, — несомненная калька с русского) 'путем', 'посредством': *Хөдөө тосгонуудар бас ч намын бус идэвхитнийг оролцуулах зэргээр намын ухуулан танилцуулах ажлыг явуулал зохино* (Ү.—2784) 'В сельских местностях агитационно-разъяснительную работу партии необходимо проводить также путем вовлечения в нее беспартийного актива', *Цаг тухайд шудрагаар төлөх замаар ардуудаас өөрийн хөсгийг хөдөлгөх болгохо* (Ү.—2675) 'Путем своевременной и справедливой оплаты сделать так, чтобы араты включили [в работу по перевозке товаров] свои перевозочные средства'.

Соединительное деепричастие выражает действие, протекающее одновременно с действием управляющего глагола или, в соответствующем контексте, предшествующее этому второму действию. Иными словами, данное деепричастие употребляется в функции

⁴³ В подобных случаях из ряда значений полисемантических слов нами приводятся лишь те, из которых вытекает служебное применение таких слов.

сказуемого слитного⁴⁴ и сочиненного предложения, но не обстоятельства, как это мы кратко показали выше: *Ере кумуйн гер тур тдруджү, кегере укүкү јосутай* (Х. Х.—136) 'Мужчина родится дома и погибает на поле [брани]'; халх. *Зөв харж инээж, буруу харж уйлна* (обычное эпическое выражение) 'Смеется, смотря прямо, плачет, смотря в обратную сторону'; бур. *Гулва ноён гуурһа бэхээг гаргажа, саарһа хэрэгээ дэлгэжэ, хоолойгоо шангаар заһана* (Х. Н.) 'Голова вынимает чернила с пером, раскладывает бумаги с делами и громко откашливается'.

Как известно, в монгольских языках в позиции неконечных сказуемых сочиненного предложения употребляются сопутствующие деепричастия, в том числе и соединительное, например: класс. *Ебул-үн бобуні едур днгереджү, наран барабун-а келбегјегед, абула-јин сегүдер бабуба* (Чб.—70) 'Зимние короткие дни миновали, солнце склонилось к западу и с гор спустилась тень'; бур. *Үүлэ манан дэгдэжэ, үнгын шубууд жэргэбэ* (Ант.—3) 'Улетучились облака и туманы, запели птицы всех цветов'; калм. *Хавр болж, цасн хээлв* (Павл.) 'Настала весна, и снега растаяли' (букв. 'Весна наступая, снега растаяли').

Соединительное деепричастие в соответствующих контекстах обозначает различного рода обстоятельственные действия, особенно в тех случаях, когда характер причинно-следственной или иной связи между различными действиями прозрачен в такой степени, что нет никакой необходимости прибегать к падежно-последложным причастным конструкциям или употреблять обстоятельственные деепричастия. Таким образом, мы здесь встречаемся с явлениями своеобразного паратаксиса: класс. *Аба чинү адуфа-бан гемингече нбуджү ондур абулан-дур барубсан амуі* (Ц.—1—30) 'Твой отец поднялся на высокую гору, пряча (чтобы спрятать) от интервентов свой табун'; ойр. *Негё залу морі усулдж голдб одша* (Обр.—72) 'Один юноша отправился к реке поить (букв. 'поя') лошадь', бур. *Хура бороо ехэ орожо, тарья ногоомнай хүгжэхэ байна* 'Пойдут большие дожди, наши хлеба и травы будут расти хорошо' или (если дожди уже были) 'шли большие дожди, наши хлеба и травы будут расти хорошо'⁴⁵.

Соединительное деепричастие, подчиняясь некоторым глаголам, выражает действия, которые являются объектами других действий, и поэтому оно в таких случаях оказывается прямым дополнением подобно, например, русскому инфинитиву. Примечательно, что если в прочих синтаксических позициях соединительное деепричастие стилистически может легко заменяться какими-либо дру-

⁴⁴ Здесь и дальше слитным предложением называется лишь такое, в котором при одном подлежащем имеется несколько сказуемых, а не предложение с однородными членами вообще.

⁴⁵ В маньчжурском языке настоящее и прошедшее деепричастия применяются в аналогичной синтаксической позиции для выражения причинности, цели и т. д. (см. И. Захаров. *Грамматика маньчжурского языка*, стр. 192 и 211).

гими формами глагола, то в данной объектной функции оно является незаменимым. Здесь имеется в виду подчинение этого деепричастия таким глаголам, как класс. *чiда* 'мочь', *јада-* 'не мочь', *сур-* 'научиться', *удже-* 'попробовать', 'испытать' (букв. 'смотреть'), *бол-* в значении 'можно' или, при отрицании, 'нельзя' и некоторые другие: класс. *Тере ујiледбурi-јiн еджед бри-бен тблуджу чiдаху угеi болба* (Ц.—4—27) 'Хозяева того предприятия оказались не в состоянии платить свои долги', *Морiд-ану терген-дур јабуджу сурубсан амуi* (У.—2507) 'Их лошади приучились ходить в тележной упряжи'. *Обер-ун уре-јi теджi-једжу уджеје* (Г.—11) 'Попробуем вскормить свое дитя'; халх. *Хэн хүн зоригоор орж үл болно* 'Никто не может войти без разрешения', *Нар сүрхий халааж эхлэв* 'Солнце начало сильно пригревать'; бур. *Би малаа оруулжа ядабаб* 'Я не смог загнать свой скот'; калм. *Эн му мөрэр йовж болшго* 'На этой плохой лошади ехать невозможно'.

По своим синтаксическим функциям соединительное деепричастие целиком зависит от подчиняющих глаголов, как это мы вывели из предыдущих примеров. Ниже приведем примеры, в которых это деепричастие оказывается в позиции подлежащего, определения и дополнения, поскольку именно в этих же позициях употреблены подчиняющие глаголы:

класс. *Мал-iјан арачiлан хамгаладжу, болбасун емнелгебер емчiлегүлкү-инү чiхула болумуi* (У.—2925) 'Важно бережно охранять свой скот и пользоваться современной ветеринарией', — здесь соединительное деепричастие *хамабаладжу* 'охраняя' оказалось подлежащим, поскольку таковым является подчиняющий глагол в форме будущего причастия *емчiлегүлкү* (букв. 'подвергать лечению'); *ујiледбурiчин-у хорiја-ану нам-ун тбб хорiјан-у бугүде, улус-ун 28-дубар Бафа хурал-ун барбабсан тобтубал сiдбурi-јi джујил бурi дегере бејелегүлджү, коделмури дегере жеке бутүгел-и барбаджу, һитлерчүд-ун үкүл-и улам бурi тургедкекү джорилба-јiн доура монгол-ун хубисхал-ун 25 джiл-ун oi-јi уштуджу урулдубан-и джокiјаба* (У.—2919) 'Комитет профсоюзной организации к 25 годовщине монгольской революции организовал соревнование под знаком всемерного выполнения решений пленума Центрального Комитета партии и XXVIII сессии Малого хурала, выпуска большей продукции труда (= 'повышения производительности труда') и [тем самым] еще большего ускорения гибели гитлеровцев', — в этом предложении глаголы в форме соединительного деепричастия *бејелегүлджү* и *барбаджу* (букв. соответственно 'выполняя' и 'выпуская') оказались определениями к имени *джорилба* 'задача', 'знак', ибо такова синтаксическая функция подчиняющего их причастия *тургедкекү* 'ускорить'; *Одо джарим күмүс днгерегсен джiл-дур мал-iјан джун-у белчигер-тур ертекен барбаджу, хорсiјан-у ачiја тегеге турилегсен-iјен биден-дур јариджу дгчei* (Э.—118) 'Теперь некоторые люди рассказали нам о том, как они в прош-

лом году пораньше угнали свой скот на летние пастбища и занялись перевозкой грузов местного кооператива', — здесь соединительное деепричастие *барбаджу* (букв. 'угоняя') синтаксически согласуясь с объектным причастием *тегегебүрileгсен* ('занялись перевозкой'), является прямым дополнением, поскольку оно по смыслу вовсе не поясняет, каким образом люди занялись перевозкой груза.

Такое разнообразное синтаксическое употребление соединительного деепричастия, как и разделительного, вытекает из того, что в монгольских языках повелительно-желательные, изъявительные и, соответственно, причастные формы глагола применяются преимущественно в конечных позициях, т. е. в ряду однородных глагольных членов предложения или однородных глагольных же компонентов словосочетания, занимают самое последнее место, подчиняя себе все предыдущие глаголы, находящиеся в формах названных деепричастий и синтаксически согласующиеся с управляющими глаголами. Такое применение сопутствующих деепричастий аналогично применению именных основ в различных падежных конструкциях. Как известно, в монгольских (и вообще алтайских) языках из ряда однородных членов предложения соответствующее падежное оформление получает лишь последний, например; б у р. *Бадма, Доржо, Галдан гурбанда нэм эльгээбэ* 'Бадме, Доржи и Галдану отправили книгу' (букв. 'Бадма, Доржи, Галдан троим книгу отправили').

Разделительное деепричастие

В слитном и сочиненном предложениях речь идет о ряде действий, совершающихся либо одновременно, либо последовательно одно за другим. В первом случае в позиции неконечных сказуемых такого рода предложений употребляется соединительное деепричастие, как это мы видели выше, а во втором случае — разделительное деепричастие или, по неточному наименованию, деепричастие прошедшего времени. Такова, так сказать, теория, в действительности же во многих случаях это правило нарушается, что чаще всего обуславливается либо стилистическими и эвфоническими обстоятельствами, либо «небрежностью» говорящего: очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого. Поэтому специфические особенности в употреблении этих деепричастных форм глагола приходится определить весьма ограничительно в следующем виде: 1) если нужно подчеркнуть или особо отметить, что несколько действий протекают одновременно, то применяется соединительное деепричастие, 2) если же необходимо также особо подчеркнуть, что какие-либо действия совершаются не одновременно, а одно за другим, то используется разделительное деепричастие. Например: класс: *Олан тегүн-и сонусубад, седкіл жеке көделджу, Чобту сонүтүгеі кепен баркіралдумуі* (Ц.—3—37) 'Люди услы-

шали это и в крайнем волнении закричали «долой Цогту!» (букв. 'Люди, это услышав, крайне волнуясь, закричали...'), — здесь люди сначала слышали «это» (передано разделительным деепричастием *сонусубад* 'услышав'), а затем закричали, одновременно крайне волнуясь (выражено соединительным деепричастием *кёделджү* 'волнуясь'); халх. *Эндээс гарч чадахгүй гэж бодоод гүйн одлоо* (Далх.) '[Мальчик], решив, что [сестра] не сможет выйти отсюда, отправился бегом'; ойр. *Чи гуршв хонат ирө* (Обр.—70) 'Ты проночуй трое суток и возвращайся'; калм. *Тедн сэн идгтэ газр хээгэд нүүдг бээж* (Павл.) 'Они, осмотрев места с хорошими травами, перекочевывали'; бур. *Шүрэ мүнгэн ногтоороо морио нэгтолжо баряад, шудхамал мүнгэн хагаараараа хазаарлажа баряад, уян татан орхисо* (А. Тороев) 'Надел на коня недоуздок из коралла и серебра, надел [затем] узду из литого серебра и оставил его на привязи'.

В связи с излагаемым необходимо отметить начинательный оттенок в значениях некоторых монгольских глаголов, например во фразе типа класс. *Чи намаји мори унубад ирекү-ји харабсан сиу* (Ц.—1—19) 'Ты же видел, как я приехал верхом на лошади' (букв. 'ты же видел, что я приехал, севши верхом на лошадь') или бур. *Хүбүүшни орон дээрээ хэвтээд номоо уншана* 'Твой сынок, лежа на своей кровати, читает книгу' (букв. 'Сынок твой, на свою кровать легши, книгу читает').

Из этих примеров видно, что глаголы класс. *уну-* и бур. *хэвтэ-* соответственно означают 'сесть верхом' и 'лечь', а не 'сидеть верхом' и 'лежать', — иными словами, монгольские глаголы с начинательными оттенками в своих значениях иногда соответствуют русским глаголам совершенного вида. Об этом приходится говорить потому, что в таких случаях монгольские глаголы в форме разделительного деепричастия по-русски передаются в форме несовершенного деепричастия от основы настоящего времени изъявительного наклонения, а потому грамматическая природа монгольского разделительного деепричастия может быть понята неправильно.

Вообще можно отметить, что сфера употребления разделительного деепричастия в монгольских языках значительно уже сферы употребления соединительного деепричастия. Если часто соединительное деепричастие может быть применено вместо разделительного, то обратного не бывает, особенно в тех случаях, когда первое употребляется при глаголах *чида-* 'мочь', *јада-* 'не мочь', *сур-* 'научиться', *бол-* 'можно' и т. п., о чем см. выше на стр. 231, а также в целевом значении: нельзя, например, вместо *Мори усуладжу боул-дур одба* 'Отправился к реке поить лошадь' сказать *Мори усулабад боул-дур одба*, ибо тогда получится 'напоил лошадь и затем отправился к реке'.

Однако в тех случаях, когда разделительным деепричастием выражается противопоставление одного действия другому, то оно не может быть заменено соединительным, например: класс. *Хо-*

jar борби үгеи би-чини хојина-ача харабад хочурба, үјілен-дур барібдабад би-чини үкүл-іјен күліјегед хочурба (Ц.—1—33, из предсмертной речи волка, попавшего в капкан) 'Я-то остался без двух ног, глядя вслед [за своими убежавшими собратьями], я-то, оказавшийся в капкане, так и остался, ожидая своей смерти', в подобных примерах разделительное деепричастие может быть заменено лишь продолжительным деепричастием, т. е. вместо *харабад* и *күліјегед* соответственно можно сказать *харабсабар* и *күліјегсегер* 'продолжая глядеть' и 'продолжая ждать' (как это видно, разделительное деепричастие по-русски переводится несовершенным деепричастием). Такие случаи применения разделительного деепричастия были в свое время отмечены А. Бобровниковым, который при этом приводил следующие примеры: *Хажірлал үгеи өгліге өгкү-ји номлабад, харамту хабан-у герген болбаху бују* 'Проповедуя подавать милостыню без скупости, разве сделаешь меня супругой скаредного царя', *Дөрбед Далай тајісі хојар аха кө егүн-деген баба-ји өггүгед, Дајічі-хосібу-чі-ду јеке-ји өггүгсен* 'Дэрбэтский Далай-тайши своим старшим сыновьям дал меньше, а Дайчин-хошучию — больше'⁴⁶.

Такая противопоставительная функция разделительного деепричастия особенно четко сохраняется в бурятском *аад* ← **абад*, в форме разделительного деепричастия от омертвелого вспомогательного глагола **а-* 'быть': *Табан жил соо сугтаа нуутараа нэгэшье дуу гаралсаагүй аад, мунөө хэлэ ама татаха болобо* (Шад.) 'Жили вместе целых пять лет и при этом ни разу не повышали друг на друга голоса, а теперь вот такие раздоры начались', *Тэрэ добо дээрэ хоёр набтар аад бүдүүн хуһад* (Мал.) 'На том холме две низкорослые, но толстые березы'. Ср. следующие примеры из классического монгольского языка, в которых отражаются значения халхаского глагола *аад*: *Бүме неліјед болбасуралтай күмүн абад, ном унгсіху дуратай аджубу* (Ц.—2—13) 'Буме, будучи весьма культурным человеком, любила читать книги', *Күмүс асару олан абад, күмүн оруху арба үгеи* (Ц.—2—12) 'Народу было [так] много, что пройти было невозможно'. Равным образом некоторые глаголы в формах соединительного и разделительного деепричастий в процессе лексикализации стали заметно отличаться друг от друга по своим значениям, например: класс. *чингкигед* ← **тејін кигед* 'так сделал' → халх. *тэгээд*, бур. *тиигээд*, орд. *чигет*, калм. *тиигэд* означает 'затем', 'потом', 'так сделал', в то время как класс. *чинггеджү* ← **тејін киджү* → бур. *тиижэ*, халх. *тэгээжэ* означает 'так', 'таким образом'.

Характерной чертой разделительного деепричастия является то, что оно в калмыцком языке употребляется и с отрицанием *уга* 'не', обстоятельство, совершенно необычное для него в остальных монгольских языках, в чем некоторые исследователи

⁴⁶ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 307.

видяг доказательство именного происхождения этого деепричастия. Однако особенно важно учесть, что данное деепричастие при этом применяется и в тех случаях, когда в остальных монгольских языках используется настоящее, или несовершенное, причастие: *Кертэ юмн кегдэд уга* (X. Y.—3930) 'Нужные вещи еще не сделаны', *Мартад уга болхт* (X. Y.—3930) 'Вы, конечно, еще не забыли', *Кино хаврас нааран үзүлдэд уга* (X. Y.—3930) 'С самой весны кинокартины еще не демонстрировались', *Малдан хот белдэд уга колхоз энд уга* 'Здесь нет колхоза, который еще не заготовил бы для своего скота корм', *Цасн орад уга цаг* 'Время, когда еще снег не выпал', *Нарн гарад угад йовий* 'Отправимся, пока еще солнце не взошло'⁴⁷.

Такое употребление разделительного деепричастия, по-видимому, возникло по двум причинам. Во-первых, оно возникло из-за обычного в монгольских языках опущения связки настоящего времени, в данном случае к алм. *бээнэ* 'есть', например: *йовад, уга (бээнэ)* 'ушедши отсутствует', т. е. 'ушел и [теперь его здесь нет] → *йовад уга* — 'еще не ушел'. Во-вторых, такой сдвиг в значении отрицательной формы разделительного деепричастия произошел в порядке контаминации с причастной формой на -а, которая в современном калмыцком языке употребляется очень редко: *йовад уга (бээнэ)* 'ушедши отсутствует' → *йовад уга (бээнэ)* 'еще не ушел' ← *йова уга (бээнэ)* 'еще не ушел'. В этой связи уместно напомнить, что ведь слитное деепричастие с отрицанием *угеи||-гүй* в монгольских языках употребляется только в обстоятельственной позиции, ни в каких других синтаксических функциях не выступая. Примечательно при этом, что в калмыцком языке разделительное деепричастие с отрицанием *уга* не употребляется, в противоположность слитному, в обстоятельственной позиции. Поэтому отрицательная форма разделительного деепричастия в калмыцком языке сама по себе еще не может служить доказательством именного происхождения данной глагольной формы.

В связи с излагаемым обращает на себя внимание наличие в дагурском и монгорском языках формы разделительного деепричастия на -а, а ведь к тому же в этих языках отсутствует причастная форма на -а ← *-ба, которая, как уже сказано, почти не употребляется в современном калмыцком языке.

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие, называемое также модальным, особенно широко употребляется для выражения одновременных действий, когда «два глагола описывают одно и то же действие, только одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так

⁴⁷ Г. Д. Санжеев. *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 98, 140 и 142.

что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется (подобно качественным именам) для ограничения смысла другого»⁴⁸, т. е. для большего уточнения многозначного глагола. Из изложенного вытекают два важных обстоятельства.

Во-первых, слитное деепричастие особенно часто встречается в составе парных глаголов в качестве их первого компонента, например: халх. *эмчлэн анагаа*- 'вылечить' (букв. 'леча оздоровить'), *өргөн барь*- 'преподнести' (букв. 'поднимая держать'), *үйлэвэрлэн гарга*- 'выпускать (продукцию)' (букв. 'производя выпускать'), *оргон зайл*- 'бежать', *хянан шалга*- 'контролировать', *сэлбэн зас*- 'отремонтировать', *цэвэрлэн арилга*- 'вычистить' и т. п. Подобные примеры во множестве имеются во всех тех монгольских языках, в которых надичествует слитное деепричастие.

Во-вторых, многие глаголы в форме слитного деепричастия как бы превратились в наречия образа действия и даже места, например: халх. *урьдчилан* 'заблаговременно', 'заранее' от *урьдчил*- 'делать заблаговременно', *ёсчилон* 'по форме', 'как следует' от *ёсчил*- 'делать как полагается', *зэрэглэн* 'рядом' от *зэрэглэ*- 'становиться в ряд', 'равняться', *сандан мэндэн* 'в спешке', 'крайне торопливо' соответственно от **санда*- (ныне неупотребительно, ср. *сандар*- 'чрезмерно торопиться', 'быть в замешательстве') и *мэнд*- 'спешить', 'прийти в смятение', *орчин тойрон* 'близости', 'около', 'вокруг', 'окрестность' соответственно от *орч*- 'кружиться' и *тойр*- 'окружать', 'обходить кругом', *дахин* 'снова' от *дахь*- 'повторять' (имеются наречия с этим же значением от данной глагольной основы *дахиж* и *дахиад*, соответственно формы соединительного и разделительного деепричастий), *баримтлан* 'на основе' от *баримтал*- 'придерживаться' и т. п., также имеющиеся в остальных монгольских языках.

Сказанное вовсе не означает того, что слитное деепричастие уже не употребляется в речи. А. Бобровников указывал также, что оно применяется для обозначения такой быстрой преемственности одновременных действий (в рамках все же одного грамматического времени), что они «сливаются как бы в одно действие»⁴⁹, например: клас. *Сангдун менгдун босун сабун уубуджу идеку мету* (Л., сб.—91) 'В спешке как бы завтракает, то вскакивая, то садясь' (т. е. 'на ходу'); халх. *Нугасууд ганганан сандарцгаасан* (Далх.) 'Утки замучили [лягушек] гогоча и крикая'; бур. *Шандаган ехээр айһандаа шэшэрэн халганан байба даа* (Абидуев) 'Заяц в сильном страхе стоял, дрожа и трепеща'. Если в форме слитного деепричастия следует друг за другом несколько близких по значению глаголов, полусинонимов и синонимов или повторяется один и тот же глагол, то тем самым выражается

⁴⁸ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 313—314.

⁴⁹ Там же, стр. 313.

длительное действие, совершающееся с короткими или мгновенными перерывами: класс. *Байн байн асудаф-чині жабу буи* (Ц.—1—41) 'Чего это ты все спрашиваешь?', *Чину-а хабурубад бучаджу иреку болбау гегсен-деген хучан хучан маналуфа* (Ц.—1—35) 'Полагая, что волк может снова вернуться, [собака] была на страже, все лая и лая'; халх. *Энэ баавгайгаас яаж оргох билээ гэж бодон бодон байлаа* (Далх.—6) 'Она все думала-думала, как бы убежать от этого медведя'; *Шоно Баатарай хабые харан үзэн мэдэхэдээ бэе бээдээ хэлсэнэ* (Ант.—51) 'Присмотревшись к мощи Шоно Батора (букв. 'глядя и смотря'), они о том переговариваются друг с другом'.

При всем изложенном выше слитное деепричастие употребляется в тех же обстоятельственных значениях, что и соединительное: класс. *Бату чабан тобусу буджигинабулун далда оруба* (Ц.—1—13) 'Бату скрылся, поднимая облако белой пыли'; халх. *Чоно бүх хүчээ гарган тун дөт замаар гүйлээ* (Далх.—15) 'Волк побежал по прямой дороге, напрягая все свои силы'; бур. *Олон зон хэрүүлтэй шууяатай түрсэлдэн орожо ерэнэд* (Балд.) 'Люди толпою входят, толкаясь, с руганью и шумом'.

Данное деепричастие, равно как соединительное и разделительное, применяется также в позиции неконечного сказуемого сочиненного предложения и в качестве дополнений при некоторых глаголах. Примеры:

класс. *Чагатай Сартабул-дур хабан сафун, дед-ану Джучи Тогмаф-тур хабан сафуджу, думдаду-ану Огедей хабан орон-и сакйба* (П.—65) 'Чагатай воссел ханом в Персии, Джучи — в Кипчакии, а средний сын [Чингисхана] Угедей занял великоханский престол', *Ене мету кобегун-и хамйба-ача олун чйдаху буи* (Л. сб.—69) 'Где можно найти такого юношу?' *Окин уджегед тегун-дур тачијаджу хафачан јадан телериджу угүлерун* (Л. сб.—69) 'Девушка, увидев, влюбилась и, не сумев разлучиться с ним, обняла его и сказала'; халх. *Б,ргэд үзээд түүний дээгүр нисэж хумсаар савардан эхэллээ* (Далх.) 'Увидев [кабана], орел начал летать над ним и царапать его когтями', *Хөдөө тал хөхрөн хөндийн ногоо жигдэрлээ* (Далх.) 'Степи зазеленели, в котловинах поднялись травы'; бур. *Энэнь хашхиран, тэрэнь дуулан байна, яахашье аргагүй* 'Этот кричит, тот поет: ничего нельзя поделаться'.

Как известно, глагол класс. и бур. *алда-*, халх. и калм. *алд-* 'терять', 'уронить', подчиняя себе другой глагол в форме слитного деепричастия, приобретает значение «чуть не...», например: класс. *унан алда-* и халх. *унан алд-* 'чуть не упасть'; бур. *Бата тэрэ шубууе барин алдаба* (Им.—121) 'Бата чуть было не поймал ту птицу'.

В ордосском говоре отмечены любопытные случаи, как думает А. Мостарт, применения слитного деепричастия в функции отглагольного прилагательного, правда, всего лишь в двух загадках (даны слева):

1) *Нāгуң нāгуң муоу-чин
најаң хојор салāтā;
сала бурін урчигити,
урчиги бурін ондөгөтi.*

2) *Гуїң гуїң шаргагчин;
гүчигдекуг шаргагчин;
бāёң бāёң шаргагчин,
баригдакуи шаргагчин.*

1) *Муоу-чин нāгуң нāгуң
најаң хојор салāтā;
сала бурін урчигити,
урчиги бурін ондөгөтi.*

2) *Шаргагчин гуїң гуїң
гүчигдекуг шаргагчин;
шаргагчин бāёң бāёң
баригдакуг шаргагчин.*

Эти загадки А. Мостарт соответственно переводит: 1) 'Дерево, которое раскачивается, имеет восемьдесят две ветви; на каждой ветви имеются гнезда, а в каждом гнезде есть яйцо' (отгадка: просо); 2) 'Это — газель, которая бежит, это — газель, которую не догонишь; это — газель, которая стоит на месте; это — газель, которую не поймашь' (отгадка: мираж)⁵⁰. Однако, как нам думается, здесь мы встречаемся с инверсией, весьма обычной в монгольской рифмованной речи (справа нами показано,⁵¹ как эти загадки выглядели бы в прозаической речи). Например в одной монгольской детской песне мы вместо *Улаан-баатар* 'Улан-Батор' нашли *Баатар-улаан*, так как следующий стих начинался словом *багачууд* 'дети', ради рифмовки с которым и инверсировано название монгольской столицы (как известно, в монгольской поэзии чрезвычайно сильна начальная рифма). Поэтому мы бы предложили несколько иной перевод этих двух ордосских загадок: 1) 'Дерево это раскачивается от ветра и имеет...' (далее так же, как и в переводе А. Мостарта); 2) 'Эта газель — такая газель, которая бежит и бежит, и никак ее не догонишь; эта газель — такая газель, которая (хоть и) все стоит на месте, и (все-таки) ее не поймашь'.

Если слитное деепричастие в своей положительной форме встречается в речи реже остальных сопутствующих деепричастий, то оно довольно часто употребляется с постпозиционным словом-отрицанием класс. *үгеi* (халх. и бур. *-гуй*, калм. *уга*) 'не' или с препозиционной частицей отрицания класс. *үлү* (халх. и бур. *үлө*) 'не'. Дело в том, что слитное деепричастие в монгольских языках является единственной деепричастной формой, которая может употребляться со словом-отрицанием *үгеi*, не теряя своего конвербиального свойства, чего нельзя сказать относительно разделительного деепричастия, применяемого в калмыцком языке как бы вместо причастной формы

⁵⁰ A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, pp. 419, 430; A. Mostaert, *Folklore Ordos*, Peip'ing, 1947, pp. 474, 478.

на -а с этим *уга*⁵¹. Правда, в своей отрицательной форме слитное деепричастие меняет свой конечный согласный *н* на *л* во всех монгольских языках, кроме бурятского. Впрочем возможно, что образование на -л является супплетивно-отрицательной формой слитного деепричастия (синтаксически же — всех трех сопутствующих деепричастий), т. е. суффикс -л не представляет собой фонетического видоизменения показателя слитного деепричастия -н так же, как он не имеет генетической связи с суффиксом -л, образующим отглагольные имена типа халх. *мэдэл* 'знание' от *мэд-* 'знать'⁵². Примеры:

класс. *Тере хабан дабун барул үгеи Јабуса* (Викр.—112) 'Тот хан отправился, ничего не сказав'; халх. *Хэрэв ологүй харивал бид толгойгоо авхуулах юм* (Х. Т.—29) 'Если мы вернемся домой, не найдя [рыбки], то лишимся своих голов'; калм. *Орнаси өндэж, босл уга алһдж дууна тетрадь шүүрнэ* (Т. Г.—59—5—70) 'Не поднимаясь и не вставая со своей кровати, хватается за тетрадь с записанными песнями'; бур. *Алагданан дайсаниие илагдананда тоолоно гэдэг, алагдангүй илагданан дайсаниие хэндэ тоолодог бэ?* (Балд.) 'Говорят, убитого врага считают побежденным, но кем же считать врага, побежденного, не будучи убитым?'

Относительно употребления слитного деепричастия с препозиционной частицей отрицания *үлү//үл* 'не' нам придется говорить особо, в связи с изложением отрицания вообще (см. ниже на стр. 250—259).

Обстоятельственные деепричастия

Как уже упоминалось, обстоятельственные деепричастия в монгольских языках отличаются от сопутствующих весьма существенно тем, что они в синтаксическом и смысловом отношении стабильны и в своих значениях не подвержены контекстуальным изменениям, если не считать некоторых отдельных случаев. Поэтому наше предстоящее обозрение этих деепричастий может быть предельно кратким. Кроме того, о причинном деепричастии из-за отсутствия необходимых текстовых материалов нам придется вообще умолчать.

Обстоятельственные деепричастия выражают действия, с которыми действия подчиняющего глагола находятся в определенных временных, причинно-следственных, целевых, условных и иных модальных связях.

⁵¹ Эта причастная форма в калмыцком языке употребляется очень редко.

⁵² В некоторых случаях образуются как бы омоформы типа, например, калмыцких *үкл уга* 'не умирая' и *үкл уга* 'бессмертный' (*үкл уга орчлн* 'нетленный мир', 'царство бессмертия'). Однако, если отрицательная форма деепричастия может быть образована от любой глагольной основы, то отглагольные имена на -л количественно весьма ограничены

Условное деепричастие

Условное деепричастие выражает действие, при наличии которого может совершаться действие подчиняющего глагола, — это относится ко всем формам этого деепричастия, к первой на *-басу*, ко второй на *-бал* и к третьей на *-хула*. Примеры:

класс. *Чи намаји мартаху үгеі болбасу би чімаји мартаху үгеі* (Ц. — 1 — 13) 'Если ты меня не забудешь, то и я тебя не забуду', *Чи мангус-і есе гүјичекүле дөрбөн табағ-і-чині тасур чабчіджу алаја* (Х. Х. — 93) 'Если ты не догонишь мангуса, то я убью тебя, отсекая все твои четыре ступни'; халх. *Эхэлбэл дуусах хэрэгтэй, эрвэл олох хэрэгтэй* (поговорка) 'Если начали, то надо кончать, если стали искать, то надо найти'; бур. *Ноёдоор хэрэлдэбэл нюргагүй, нохойдоор хэрэлдэбэл хормойгүй* (поговорка) 'Если с господами поругаться, то быть без спины, если с собаками поругаться, то остаться без подола'; калм. *Кемр үүли хурхла боран орх* (поговорка) 'Если тучи соберутся, то быть дождю'.

Условное деепричастие первое обозначает также такое действие, в конечный момент которого или непосредственно за которым совершается действие подчиняющего глагола: класс. *Тере ниген хатун-і абубасу, тегүн-ече Наран-герелтү кемекү ниген көбөгүн төрүбе* (Л. сб. — 67) 'Когда он взял одну жену, то от нее родился мальчик по имени Наран-герелту', *болбумджитай-бар хабалба-ји тонгсібасу болуна кемекү сонустаба* (Чб. — 69) 'Когда осторожно постучали в дверь, то послышалось «можно»'. Такое же безусловно-временное значение имеет условное деепричастие третье: калм. *Чанад идж үзхлэ амтнь сэн махн бээж* (Павл.) 'Когда сварили и попробовали, то на вкус мясо оказалось хорошим'. В таком временном значении формы условного деепричастия употребляются преимущественно тогда, когда подлежащие их оборотов, с одной стороны, и основной части всего предложения, с другой, оказываются разными.

В классическом монгольском языке условное деепричастие первое очень часто употребляется в сопровождении показателя орудного падежа (?) *-бар*, выражая при этом уступительность: *Хатун-і-жан нирван болубсан-у тула джобабасу-бар седкіл-дур джокісту чімаји үджегед, седкіл-мінү сергүбе* (Викр. — 95) 'Хотя я и горевал по случаю кончины супруги, сердце мое успокоилось, когда я увидел тебя, такую прекрасную'.

Условное деепричастие, как видно из приведенных примеров, выражает действие, предшествующее действию управляющего глагола. Однако если нужно выразить действие, которое по отношению к действию управляющего глагола должно быть предстоящим, то применяется аналитическая форма, состоящая из будущего причастия от основы знаменательного глагола и условного деепричастия от основ вспомогательных глаголов (класс. *абасу* от **а-* 'быть', *болбасу* от *бол-* 'становиться'),

халх. и бур. *болбол*, или, во избежание гаплогонии, *бол*, к'л а с с. *кемebesу* от *кеме-* 'говорить', халх. *гэвэл* от *гэ-* 'говорить', бур. *гэвэл* или *гээ хаа*, — эти вспомогательные слова можно считать сою ами подчинения со значением «если»): класс. *Алус хола баджар ачија тегеге у ілекү а асу морід-іјан тахула-булху керегтеі* (Ү. — 1249) 'Если предстоит перевозка грузов в далекие места, то лошадей надо подковать'; халх. *Ма, гааш хөдөө гарах бол одоо эндэх ажлаа дүүргэх ёстой* 'Если завтра надо ехать в степь, то здешнюю работу следует закончить'; бур. *Иигээд тайгадаа гарахамни гээ хаа мүнөө юумээ тү-хөөрэ* 'Если ты едешь в тайгу, то теперь готовь свои вещи'.

В кратких высказываниях, если предстоящее действие оказывается уже решенным, то форма условного деепричастия образуется непосредственно от основы знаменательного глагола: бур. *Ялабал яба* 'Если отправляешься, то отправляйся'.

Как уже говорилось, обстоятельственные деепричастия, условное в том числе, выражают действие предшествующее, синхронное или предстоящее безотносительно к моменту речи. Однако для установления временной связи действия, например, условного деепричастия с моментом речи, в монгольских языках прибегают к более сложным конструкциям, в которых большую роль играют причастия, сопровождаемые вспомогательными глаголами в форме условного деепричастия: класс. *Ујиле бүтүгсен абасу та ја-бакін јабумуі?* (Ү. — 1247) 'Если дело уже сделано, так чего вы ходите?', *Кербе оруху керег буі абасу, урид-іјар оруху джөб-сіјерел-і абу орутун* (Л. сб. — 118) 'Если вам войти по какому-нибудь делу, то получите сначала разрешение [на то, чтобы] войти'; бур. *Шамтай ошохо болоо хаа шанга хэлсээн хэрэгтэй* (Абидуев) 'Если предстоит ехать вместе с тобой, то нужно об этом серьезно поговорить'. С этим связано то, что в монгольском языке условное деепричастие стало усиленно употребляться в сравнительных оборотах, по-видимому, не без влияния русского языка: класс. *1926 он-дур 3 мінгбан күмүн Унен сонін-і джакіјаладжу бајіјсан болбасу ене 1945 он-дур 26 мінгбан баруі күмүн джакіјаладжеі* (Ү. — 2956) 'Если в 1926 году на газету «Унэн» подписывалось 3 тысячи человек, то в 1945 году подписалось свыше 26 тысяч человек'. Вообще же прежде такие сравнительные обороты выражались причастиями с лично-притяжательной частицей: класс. *18 І он-дур нісен кү-мүн-дур бода мал дөрбөн-еңе ілегүү нубдаджу бајіјсан-ану 1904 он-дур ніге чу нубдаху үгеі болубсан* (Ц. — 21) 'Если в 1861 году на одного человека приходилось свыше четырех голов крупного рогатого скота, то в 1909 году не приходилось и одной головы' (о дархатах Хубсугольского района).

Остается сказать несколько слов о некоторых частных явлениях, связанных с употреблением условного деепричастия. В Герсиаде часто употребляется форма условного деепричастия на *-са*, например: *Гесер мерген хабан сергегеджі есе чідаса те-*

гүн-ече бгбре(вместо *бгере*) *кен сергегеджі чідаху буі?* (Г. — 62) 'Если не сможет разбудить его мудрый Гесер-хан, то кто же еще может разбудить?', *Ене олан ердені үгеі болуса бі үлү очіху бују* (Г. — 64) 'Если не будет всего этого добра, то я не пойду'. В этой же Гесериаде встречаются случаи употребления перфектного претерита вместо условного деепричастия, например: *Оруба ору, харіба харі, та хојар-ун джоріб* (Г. — 60) 'Если вступаете в бой, то всгупайте, если уходите, то уходите, — воля ваша'.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие выражает действие, вопреки которому совершается другое: класс. *чі марбасі іребечу надатаі јазуджу амджіна* (Д. С.) 'Успеешь поехать со мною, если даже придешь завтра', *Басалабачу туса үгеі* (Викр. — 20) 'Сколько ни горюй, бесполезно', *Хаміба чу хонуба баріху керег үгеі* (Викр. — 54) 'Где бы они ни ночевали, задерживать не надо', — в последнем примере мы видим инверсию второго компонента суффикса уступительного деепричастия, т. е. вместо *хонубачу* — *чу хонуба*, причем частица *чу* интонационно примыкает к вопросительному *хаміба*: *хаміба-чу*, как это встречается во всех тех случаях, когда в предложении имеется любое вопросительное слово.

В калмыцком языке это деепричастие применяется очень редко: *Зоя Цевг хойр хоорндан звэр удан селвгцж, дурна ик, берк болвчн олна кишг түүнэс даву гиж шиидэд, дуран тэжх болна* (Т. Г. — 59 — 5 — 95) 'Хотя Зоя и Цевек и любили друг друга очень сильно, но отложили решение своей судьбы, интересы общественного счастья ставя выше личного'. Как уже говорилось, уступительное деепричастие совершенно не встречается в бурятском языке и очень редко применяется в халхаском и ойратском диалектах, в которых оно соответственно заменяется оборотами с частицами *чиг*, *-шье*, *чигн* или *бийнь*: халх. *Чамайг эхнэрээ хийж чадахгүй байсан чиг чамайг би алж чадана* (из речи мангуса в эпосе) 'Хотя я не смог сделать тебя своей женой, но убить тебя сумею'; бур. *Бурят зон үсөөншье наа богоол зараса болоогүй юм* (Балд.) 'Бурятский народ не был в рабстве, хотя он и малочисленный'; калм. *Долан ора гарч йовсн бийнь цагтáрн ирв* (Павл.) 'Долан прибыла во-время, хотя и вышла поздно'.

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие выражает такое действие, которое совершается на всем протяжении другого действия, и отличается от почти всех остальных деепричастий тем, что исполнителями этих разных действий является одно и то же лицо: класс.

Босубсан кумун босубсабар ујила! сабуубсан кумун сабуубсабар ујила! есе јабуубсан кумун бајибсабар ујила! идегсен кумун идегсегер ујила! кемең хабан ејимү джарлиб болба (Г. — 62) 'Хан [по случаю смерти своей жены] приказал: пусть тот, кто встал, плачет стоя! пусть тот, кто сел, плачет сидя! пусть тот, кто не двинулся с места, плачет пребывая на месте! пусть тот, кто кушает, плачет кушая!' бур.; *Бабана тэхэ эбэрээ һарайлгаһаар, һүүлээ шэдойлгоһээр, һаһалла бамбалзуулһаар хүрэжэ гэртээ ерэбэ* (Ант. — 247) 'Козел Бабана прибывает домой, все раздвигая свои рюга, все торчком поднимая свой хвост и все потряхивая своей бородой'; орд. *енүни гартан барисар ири* 'Ступай, все время держа это в руках'.

В тех случаях, когда речь идет о временах, действия продолжительного деепричастия и подчиняющего глагола относятся к разным исполнителям или предметам: класс. *Ене дэјин бајилдубан екилегсегер бурбан джэл болджу бајимуи* (У. — 2897) 'С тех пор, как началась эта война, исполняется три года', *Едур хонуб одун харбуху мету турген днгергсегер Октобер-ун бајар ојиратаба* (Чб. — 61) 'Дни продолжают миновать стремительно, точно метеоры, а праздник Октября уже приближается'.

Очень часто продолжительное деепричастие выражает такое действие, после которого его исполнитель сразу же приступает к другому действию, а поэтому одно действие является непосредственным продолжением другого (вот почему в предложении с подобным оборотом продолжительного деепричастия всегда имеется лишь одно действующее лицо, одно подлежащее)⁵³, например: бур. *Тэрэнше мэдэжэ абаһаар шабгансын шанана соо уһа хэжэрхибэ* (Им. — 21) 'Он налил воду в уполовник старушки, как только узнал это', *Үнезһүүднай зуһаландоо ороһоор гол тээшээ буушээ* 'Наши коровы сразу же бросались к реке, как только прибыли на летнее кочевье'; орд. *Бі будаган идесер јашујя* 'Я отправлюсь сразу же после того, как съем обед' (в переводе А. Мостарта: je partirai dès que j'aurai pris mon repas⁵⁴).

Поскольку продолжительное деепричастие выражает, таким образом, длительно совершающееся действие, то оно является в монгольских языках единственной формой глагола, при которой последний может быть дублирован, находясь в форме своей основы, например, халх. *яв явсаар*, бур. *яба ябаһаар* и класс. *јабу јабуубсабар* 'продолжая идти и идти'. В таких случаях это деепричастие выражает такое длительное действие, которое совершается кем-либо настойчиво и упорно до тех пор, пока поставленная цель не будет им достигнута: класс. *Мал емнелгејин сурбабули хоб хајадаб баджар-тур хоб-іјан хајаху-јин*

⁵³ В этом состоит отличие данного деепричастия от последовательного и предварительного.

⁵⁴ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLII.

орон-дур хасіян-у дотур-а ачіран обуфала обуфалабсабар хасіян-у баруф тег думда-ача дегегсі барчеі (Ү. — 2928) 'В ветеринарном техникуме (букв. 'ветеринарный техникум') вместо того, чтобы сбрасывать мусор на свалку, так нагромодили его во дворе, что куча мусора поднялась почти на половину высоты двора', бур. *Сагаадай Мэргэн хүбүүн сабша сабшааар сабшана, сагаан яһан болгоно, дара дарааһаар дарана, далан хэһэг болгоно; Буха Хара хаан буулга буулгааһаар буулгана, боро шорой болгоно, гэшхэ гэшхэхээр гэшхэнэ, гэдэһэ яһан болгоно* (Им. — 129) 'Сагадай Мэргэн все рубит и рубит, пска не получается белая кость, все давит и давит, пока не получается семьдесят кусков; Хан Буха Хара все валит и валит, пока не получается серый прах, все топчет и топчет, пока не получается голая кость'.

За последние 30—40 лет в монгольском языке продолжительное деепричастие очень часто выступает в функции самостоятельного конечного сказуемого, сопровождаясь связками *баји-* и *іре* и выражая действие, продолжающееся длительно и как бы переходящее из прошлого в настоящее: класс. *Чи баса кебтегсегер бајина уу?* (Ц. — 1 — 40) 'Ты все лежишь?', *Одо емнелге-јін баджар-ун аджилчид тус аджил-іјан јабубулулсабар бајиму* (Ү. — 1234) 'Теперь работники больницы все еще продолжают вести эту работу', *Монгол арад түмен Джэббелтү Холбуфату улус-табан нејите-јін дајисун һитлерісм-і есергүчен темечекү сидурбу темечел-дүні бүкү күчү-бер тусалабсабар іребе* (Ү. — 2921) 'Монгольский народ всемерно помогал и помогает Советскому Союзу в его справедливой борьбе против всеобщего врага, против гитлеризма'.

Учащающиеся случаи такого синтаксического применения данного деепричастия в современном монгольском языке начинают приводить даже к тому, что при этом связки настоящего времени уже иногда не используются, как и в случаях предикативного функционирования прошедшего, будущего и многократного причастий: *манайхан явсаар* 'Наши все еще идут'.

Последовательное и предварительное деепричастия

Последовательное и предварительное деепричастия по своим значениям не совсем близки друг к другу. Первое из них выражает такое действие, в момент завершения которого наступает другое, и таким образом конец первого действия по времени совпадает с началом второго действия. Поэтому последовательное деепричастие часто оказывается однозначным с продолжительным и третьим условным деепричастиями, чего никак нельзя сказать относительно предварительного деепричастия. Примеры:

халх. *Зах дээгүүр явахлаар амитан бүгд авч байна* (Х. Т. — 22) 'Стоит только появиться на рынке, как все люди начинают брать'; бур. *Газаа гараад ябахалаараа Ошор зүүн*

гар таладаа үндэр добо хараба (Ант. — 249) 'Когда Ошир вышел на улицу и отправился, то на левой стороне увидел высокий холм', *Бидэ наранай гарахалаар гэртэһээн гаража ябаа һамди* (Им. — 127) 'Мы отправились из дома, как только солнце начало всходить'; калм. *Дегтриг өнгэн өгч умшхларн бидн умшсан сээнэр медвдн* (Павл.) 'Когда нам отчетливо и ясно прочитали книгу, мы хорошо поняли прочитанное', *Чинрлгч нерн бээлһнэ нернэ цээлһгч үг болж йовхларн тер бээлһнэ нерэн дахж эс хуврдг* (Б. Б.) 'Если (когда) качественное имя оказывается определением предметного имени, то оно не согласуется с ним и не изменяется' (по падежам и числам); ба ит. *Очхдәрн ене-чйн чамā абха* (Обр. — 70) 'Когда пойдешь, тебя он схватит тут же'.

Предварительное деепричастие обозначает такое действие, после совершения которого немедленно наступает другое, и употребляется преимущественно «для показания такой связи между действиями, по которой одно из них непосредственно является за другим, как его следствие»⁵⁵. Таким образом, здесь начало одного действия не совпадает с концом другого, как это мы видели при рассмотрении последовательного деепричастия. Примеры: класс. *Енеку хабудасу-ји абумагча даруи беје-бер-ijen ipesügei* (Л. сб. — 122) 'Явиться сюда лично и немедленно по получении этой записки'; халх. *Түүний хашгаралтыг сонсмогц бүх шувууд айн ширвэгдэнэ* (У. Б. — 12) 'Все птицы в страхе дрожат, лишь только услышат его (орла) клетот'; бур. *Шитэндэ хүрэмсөөрөө Батые наашань эльгээгээрэй* (Им. — 126) 'Как только придешь туда, сразу же пошли сюда Бату'.

Как видно из изложенного, предварительное деепричастие отнюдь не выражает одновременности двух действий, а поэтому считать его одновременным деепричастием (*converbum contemporale*) нельзя.

Предельное деепричастие

Эту глагольную форму в русской монголистике принято называть то предельным деепричастием, или деепричастием предела, то совместным деепричастием, отражая тем самым различные значения, выражаемые данной формой. В монгольской же литературе эту деепричастную форму называют «встречным деепричастием» (*угтуулах нөхцөл үг*), а в зарубежной монголистике — *converbum terminale*.

Во-первых, предельное деепричастие обозначает такое действие, до наступления или, наоборот, завершения которого совершится другое действие, — иными словами, здесь одно действие во временном отношении оказывается как бы пределом для другого, например: класс. *Бичимаји иретеле хадабалджу чи-*

⁵⁵ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 322.

даху буи (Викр. — 48) 'До твоего прихода я это сумею сохранить'; бур. *Наранай оротор гэртээ хүрэхэбди* (Им. — 125) 'До захода солнца мы доберемся домой'; калм. *Долан час болд угабээтл би хэрж ирвв* (Павл.) 'Не было еще семи часов, как я уже прибыл домой'. Подсобное значение предельного деепричастия привело к тому, что оно широко применяется также для выражения такого действия, которое для другого целенаправленного действия является степенью его интенсивности, например: бур. *Огторгойдо утаан болотор, уулада тооһон болотор харбажархиба* (Х. Н.) 'Так пустил стрелу из лука, что в небесах поднялся дым, а в горах — пыль'; халх. *Нойтси модыг ноцтол, хуурай модыг хугартал зодоод байжээ* (Х. Т. — 23) 'Так его бил, что разгорелось сырое дерево, а сухое — сломалось'. Как видно из примеров, предельное деепричастие выражает предстоящее действие, — отсюда и его данное наименование.

Во-вторых, предельное деепричастие обозначает и такое синхронное действие, которому в каком-либо отношении как бы противопоставляется другое, совершающееся одновременно с ним, например: бур. *Би нугаһа агнажа ябатараа галуу алажархёо нэм* (Им. — 125) 'Я, охотясь на уток, раздобыл гуся'; халх. *Эд жимсээ түүгээд гэртээ буцаж явтал нэг харсан нь Маша байдаг гүй* (Далх. — 5) 'Когда они после сбора ягод возвращались домой, то, оглянувшись, увидели, что Маши нет'; класс. *Урида-јин кеүкен-и арајихан абчу јабутала едуге нилха чису-тай-ји јабакін абчу јабуху буи* (Викр. — 20) 'Кое-как неся прежнего ребенка, как же понесем еще одного новорожденного, лежащего в крови?' Противопоставительное употребление предельного деепричастия включает в себя также обозначение неожиданности или непредвиденности: халх. *Ажилчны клубд иртэл эрт байна* (Далх.) 'Когда пришли в клуб для рабочих, то было еще рано', *Морио тавиад очтол долоон улаан халзан тэмээ байжээ* (Х. Т. — 23) 'Когда отпустили коней и пошли, то там оказалось семь красных лысых верблюдов'; класс. *Долубан хонуб јабутала ниген бкин-ину нирајилаба* (Викр. — 20) 'Когда они шли уже седьмой день, одна девушка родила'. Такое противопоставительное употребление данного деепричастия с выражением неожиданности свойственно классическому и современному монгольскому языкам, но не зарегистрировано в других монгольских языках. Чаще всего при таком употреблении предельного деепричастия большую роль играют глаголы движения, как это и видно из большинства приведенных примеров, а также вспомогательные глаголы, примененные в форме этого деепричастия: *Бурбан ердени чабласи үгеи ауба кучу тегүсүгсен согетеле јабун-у тула үлү такиху буи*⁵⁶ 'Почему бы не почитать три драгоценности, когда они преисполнены великой силой', *Енекү*

⁵⁶ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 323.

аджил-ј жабуулбасу джокімуі кепен джіџабурілабсан атала
јабу чу кігсен үгеі болаі (Ү. — 1731) 'Ничего не сделали, в то
время как было указано, что необходимо провести эту работу'.

Деепричастие степени действия

Это деепричастие выражает такое действие, которое характеризуется крайней степенью интенсивности какого-нибудь другого действия: *Хориин зон хул татахысаа хүдэлхэ солохо юм* (Х. Н.) 'Хоринские люди должны будут трудиться так, что протянут свои ноги'. Равным образом, широко распространенное в бурятском языке деепричастное образование на *-са* обозначает действие, показывающее, с каким напряжением своих сил кто-либо совершает соответствующее действие: *Далайда үрмэ гарса, шулуун дээрэ ногоо гарса зугаална* (эпическая гипербола) 'Так беседуют, что на море образуется пена, а на камне появляется трава', *Энэ хоёрой тэмсэлдээн энэ дайдын элдэрсэ, тэрэ дайдын тэхэрсэ байха болтогой* (Ант. — 28) 'Пусть эти двое состязаются до тех пор, пока не рухнет этот мир и не настанет свет другой'.

Следовательно, это деепричастие напоминает собою предельное деепричастие, когда последнее употребляется для выражения степени действия. Однако определенное различие между этими формами состоит в том, что действие первой из них не является непосредственной целью действия подчиняющего глагола (когда, например, герои эпоса ведут оживленную беседу, они тем самым вовсе не добиваются того, чтобы на море образовалась пена, а на голом камне появилась трава: этого они могут даже и не знать), тогда как действие предельного деепричастия такой целью может оказаться. Кроме того, действие подчиняющего глагола при деепричастии степени действия не прекращается, а между тем при предельном деепричастии оно приостанавливается, поскольку цель оказывается достигнутой.

Деепричастие образа действия

Это деепричастие употребляется тогда, когда лицо, совершая какое-либо действие, не занимает обычного для данного случая положения или не принимает удобной позы: *Галша хумгашаа орон дороһоо нэгэ үрөөһэн сад сой дүрөө абажа* (Х. Н.) 'Галша из-под кровати достал одно стремя с подушками сидя' (то есть не поднимаясь с кровати и продолжая по-прежнему сидеть: как сидел, так сидя и достал одно стремя с подушками), *Баймгашаа эдеэлхэээ ханаа хүн хүн гүш?* 'Ты что это за (подразумевается: странный) человек, хочешь кушать стоя (т. е. не сидя за столом)?', *хуумгашаа унтаба* 'спал сидя' (т. е. не ложась на кровать). Как нетрудно понять, деепричастие образа (надо

бы сказать: необычного образа) действия образуется от основ очень немногих глаголов.

Попутное деепричастие

Попутное деепричастие выражает такое действие, в ходе совершения которого попутно или мимоходом осуществляется другое. Следовательно, попутным оказывается действие не самого этого деепричастия, а подчиняющего глагола: бур. *Морёо уһалхаа ошонгоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* (Им. — 130) 'Когда пойдешь поить коня, принеси кстати ведро воды'; *Гэртээ бу-сангаа түлэг тээгээд ябашуужамди* (Им. — 130) 'Возвращаясь домой, попутно привезем дрова'; *Арад зоной дунда абарал буулгажа, зөөри суглуулангаа ошолтой гү гэжэ һангдана* (Ар. онт. — 3) 'Не отправиться ли нам совершать молебствия в народе, кстати, собирая даяния', халх. *Хот очингоо тэдний түггээр дайраарай* (из записей Г. Рамстедта) 'Когда поедешь в город, загляни к ним попутно'. Это деепричастие употребляется в речи очень редко, так как в необходимых случаях вместо него прибегают к использованию будущего причастия в дательном-местном падеже: бур. *морёо уһалхаа ошоходоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* 'когда пойдешь поить коня, принеси ведро воды'.

Заменное деепричастие

Заменное деепричастие выражает действие, совершение которого признается нежелательными или менее «выгодным», нежели другое, считаемое более желательным: бур. *Хараалта муу нэрэ эдлэжэ амиды ябанхаар солото һайн нэрэ эдлээд үхэхэн дээрэ* (Балд.) 'Чем жить, нося проклятое и недоброе имя, лучше погибнуть, приобретя доброе имя', *Дааража ябанхаар даажа ябаһаниһнь дээрэ* (поговорка) 'Чем мерзнуть, лучше что-нибудь нести на себе'.

Это деепричастие употребляется редко⁵⁷, так как чаще всего вместо него используется будущее причастие в родительном падеже в сочетании со словом *орон* 'место' в дательном-местном падеже (бур. *ябахын орондо* 'вместо того чтобы идти', халх. *суухын оронд* 'вместо того чтобы сидеть') или прошедшее причастие в исходном падеже в сочетании со словом бур. *дээрэ*, халх. *дээр* (бур. *Эндэ ябаһанһаа тэндэ ошоһон дээр* 'Чем здесь ходить, лучше туда отправиться', халх. *Дэмий суусна-ас явсан дээр* 'Чем зря сидеть, лучше идти').

⁵⁷ Например, мы не нашли примеров его применения в современной монгольской литературе, хотя оно упоминается в учебных пособиях по монгольскому языку.

Целевое деепричастие обозначает такое действие, которое является непосредственной целью действия подчиняющего глагола: класс. *Хан көбөгүн хулабай кире ојира гетеджү сабузсан* (Викр. — 23) 'Царевич сидел поблизости, чтобы совершить кражу', *Биде усун-дур угіјара одсубай* (Вл. — 73) 'Мы отправимся купаться в реке'; ба о ан. *Агу матэбдэ сэ кэлэ шджо* 'Девушка ушла поливать цветы'; дунс. *Уіліэ кіэлэ ірэсэн кун вэ* 'Это человек, который приехал к нам работать'; монгор. *Моріне фуніла барива* 'Вышел, чтобы ехать верхом'; бур. *Байгал далайе онгосоор гаталжа, хурдан түргэн дуулгахаяа ерэлэйб* (Балд.) 'Я прибыл сюда, пересекая Байкал-море на лодке, чтобы как можно скорее сообщить об этом'.

Однако в монгольских языках для выражения цели вместо целевого деепричастия чаще всего используются другие средства: а) будущее причастие в орудном падеже, которое в этой форме некоторыми исследователями даже называется целевым деепричастием (бур. *ябахаар* 'чтобы идти', халх. *сурахаар* 'чтобы учиться'), б) будущее причастие в сочетании с речевым глаголом халх. *гэж*, бур. *гэжэ*, калм. *гиж* и т. п. со значением 'чтобы' (букв. 'говоря': калм. *йовх гиж* 'чтобы идти'), в) будущее причастие в родительном падеже в сочетании с послелогом класс. *тула* и *төлүге*, калм. *төлэ*, бур. *тула*, халх. *тул* и *төлөө* 'для' (класс. *оруху-јін төлүге*, калм. *орхин төлэ* 'для того чтобы войти' и т. д.).

«Мгновенное деепричастие»

Кроме с неодинаковой полнотой рассмотренных нами деепричастий, почти во всех монгольских языках исследователи находят так называемое «мгновенное деепричастие», *converbum momentaneum*, которое по существу не является деепричастной формой. Дело в том, что это «деепричастие» играет роль первого компонента аналитической формы мгновенного, или ослабленного, вида, выражающего действие, которое производится мгновенно и прерывается мгновенно же, не будучи доведенным до конца, или же совершается слегка. Показателем этого «деепричастия» (таковым его можно и признать в составе данной аналитической формы) является суффикс *-с* или *-д*. Вторым компонентом мгновенного вида является речевой глагол *ге-* 'говорить' или *ки-* 'делать'. Примеры:

класс. *Дайсун донгбус гед далда оручлуба* (Ц. — 1 — 26) 'Противник высунулся было, но сразу же скрылся', *Ниген джибасу дегегсі-бен чохус гекүй үджегед Унеге тере ухус гекүй-дур джибасун далай-јін ірубар одба* (Вл. — 469) 'Лиса увидела, как из-под воды высунулась было рыба, и [чтобы поймать ее] бросилась было в воду, но рыба исчезла в глубине моря'; бур. *Мо-*

рлмнай ялад гээдлэ байшана 'Наша лошадь то пойдет немного, то вдруг осанавливается'; халх. *Олмоо татс хийгээд орхиз* 'Слегка подтянул подпругу'. А. Мостарт приводит ордосскую форму мгновенного вида, которая имеется также и в других монгольских диалектах: *бултгак бултагак гехкхё* 'время от времени высываться, быстро исчезая', *аңгак аңгак гехкхё* 'открывать и закрывать рот' (например, о рыбе, вынутой из воды)⁵⁸.

Мгновенный вид образуется также и от изобразительных слов при помощи глагола *ге-* 'говорить' или *ки-* 'делать': класс. *даб ге-* 'броситься с места', бур. *бур бур гэ-* 'булькать' и т. п.

ОТРИЦАНИЕ

В системе глагола монгольских языков имеются двоякого рода препозиционные частицы отрицания: а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах и описанные выше на стр. 118, и б) собственно отрицательные, применяемые при изъявительных, причастных и деепричастных формах, *есе* 'не' и *үлү* 'не'. Таким образом, причастия и деепричастия в силу также и этого обстоятельства не могут выключаться из системы монгольского глагола вообще и составлять особые части речи, отличные от глаголов.

По мнению А. Бобровникова, различие между частицами отрицания *үлү* и *есе* носит, как сказали бы мы теперь, модальный характер: частица *үлү* «отрицает прямо и решительно, показывает, что если действие не совершилось, то это... так и должно было случиться; *есе* показывает, что действие хотя не совершилось или не совершается, однако... оно было возможно», будучи ожидаемым говорящим⁵⁹. Но это замечание А. Бобровникова не подтвердилось фактами языковой действительности. Поэтому еще со времени О. Ковалевского в монголистике получило общее признание положение о том, что частица *үлү* применяется при глагольных формах настоящего и будущего времен, тогда как *есе* употребляется при глагольных формах прошедшего времени⁶⁰.

Таким образом, для монгольских языков, как, например, и для тунгусо-маньчжурских, характерно то, что в их грамматической системе каждая определенная группа глагольных форм имеет только ей присущую частицу отрицания, запрета. Для этих же языков специфично, что все чисто глагольные частицы отрицания или запрета, которые не применяются при именных частях речи, являются препозиционными, тогда как именные отрицания оказываются постпозиционными: общеименное *үгеи* 'не', 'без',

⁵⁸ А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLIV.

⁵⁹ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 176.

⁶⁰ О Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1844, стр. 190 и 528. В последующей монголоведной литературе употребление глагольных частиц отрицания не было уточнено окончательно.

'нет', относительное бусу 'не, а...' и несовершенное *едуи* 'еще не'.

Употребление частиц отрицания *улү* и *есе* наиболее ясно обнаруживается в старописьменном монгольском языке доклассического и классического периодов, в котором мы находим следующее: а) частица *улү* употребляется при всех формах имперфектного презенса, т. е. при формах на *-м*, *-муи*, *-нам*, *-на* и *ју*, будущего, многократного, однократного и, в единичных случаях, постоянного причастий, слитного и, изредка, приглагольного, или «цитатного», деепричастий; б) частица *есе* применяется при формах перфектного презенса, имперфектного и перфектного претеритов, прошедшего причастия, соединительного, разделительного, условного, уступительного и предельного деепричастий. Следовательно, в старописьменном монгольском языке с этими отрицательными частицами не употребляются причастия настоящего времени, возможности и завершено-прошедшее, а также деепричастия продолжительное, последовательное, предварительное, попутное, заменное, целевое, степени действия, образа действия и причинное (перечень названных глагольных форм дан с учетом различных диалектных заимствований, поскольку не все эти формы имеются в старописьменном монгольском языке).

Исключения из изложенных правил употребления частиц отрицания *улү* и *есе* иногда встречаются в некоторых отдельных произведениях монгольской литературы, например в монгольских переводах известного сочинения Сакья-Пандиты *Subhāṣitaratnaṅgī* и комментариев к ним, в Гесериаде и т. п. Частица *улү* вместо ожидаемой *есе* применяется при формах перфектного претерита (*ул өгөв*⁶¹ 'не дал'), соединительного деепричастия [*ул тоож*⁶² 'не считаясь', *улү дејилүгдөдөжү*⁶³ 'не терпя поражения', *улү гүјичегдөдөжү* (Г.—9) 'не будучи настигнутым', *улү джібаджу*⁶⁴ 'не показывая'], разделительного деепричастия (*улү оробад*⁶⁵ 'не вошедши') и условного деепричастия (*улү дуралабасу*⁶⁶ 'если не полюбить', *улү дубулбасу*⁶⁷, 'когда не прошли'). Частица *есе* вместо ожидаемой *улү* встречается при форме причастия будущего времени (*эс чадах*⁶⁸ 'не суметь', *эс харавхын янар*⁶⁹ и

⁶¹ Эрдэнийн сан Субашид, *Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар*, Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав, Улаанбаатар, 1958, стр. 112 (далее — Эрдэнийн сан Субашид).

⁶² Там же, стр. 145.

⁶³ Ердени-жин санг Субасиді, Көкөхота, стр. 176.

⁶⁴ Алтан тобчи, *Дөгөдү дебтер*, Улаханбајатур, 1937, стр. 40.

⁶⁵ F. W. Cleaves, *The Sino-Mongolian inscription of 1362 in Memory of prince Hindu*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 12, Cambridge, Massachusetts, 1949, p. 65.

⁶⁶ Ердени-жин санг Субасиді, стр. 123.

⁶⁷ Алтан тобчи, *Доуреду дебтер*, Улаханбајатур, 1937, стр. 86.

⁶⁸ Эрдэнийн сан Субашид, стр. 145.

⁶⁹ Там же, стр. 151.

*есе харбуху инару*⁷⁰ 'до пуска стрелять из лука', *есе нејллекү*⁷¹ 'не быть сходным'). Равным образом в халхаской и бурятской устной речи встречаются отдельные случаи употребления данной частицы с причастием будущего времени: халх. *эс мэдэх* 'не знать', бур. *эһэ болохо* 'не состояться', *эһэ мэдэгдэхээр* 'незаметно', 'так, чтобы не узнали'. Однако такого рода отступления, являющиеся единичными, не меняют общей картины в целом: все же частица *үлү* применяется при глагольных формах настоящего и будущего времен или, по выражаемым ими действиям, ориентированных на эти времена, тогда как *есе* употребляется при глагольных формах прошедшего времени. То же самое в общих чертах обнаруживается и в современных монгольских языках и диалектах, за исключением калмыцкого, в котором частица *үлү* неизвестна, а *эс* ← *есе* является единственной глагольно-отрицательной частицей, по-видимому, при фугурных и презенсных формах глагола заменившей (?) собою частицу *үлү*.

Как и в старописьменном монгольском языке, в современных монгольских языках и диалектах имеются следующие глагольные частицы отрицания: **үлү* → монгор. *лї*, дунс. *улїэ*, баоан. *лэ*, даг. *үл*, мог. *лү* ~ *ле*, халх. *үлї* (орфографически *үл*) и бур. *үл ь* ~ *үл ı* (орфографически *үлэ*), употребляемые при формах настоящего и будущего времен, и **есе* → монгор. *сї* ~ *се*, дунс. *эсэ*, баоан. *сэ*, даг. *сэ*, мог. *се* ~ *с*, халх. *ес* (орфографически *эс*) и бур. *еһэ* (орфографически *эһэ*), применяемые при формах прошедшего времени. Правда, употребление этих частиц в монгольском, монгорском, дунсянском, базаньском и дагурском языках еще нуждается в более тщательном исследовании, поскольку эти языки в настоящее время вообще изучены слабо, в частности из-за недостаточного количества диалектологических текстов. Что же касается бурятского и современного монгольского языков и их диалектов, то в них частицы отрицания соответственно *эһэ* и *үлэ/үл* применяются чрезвычайно редко, преимущественно в застывших словосочетаниях типа бур. *үлэ мэдэг* 'незаметно' (букв. 'пусть не знает!'), *үлэ мэдээшэ* 'незнающий', *эһэ болохо юмэ* 'недопустимый', 'то что не положено', *эһэ мэдэгдэхээр* 'незаметно', 'так, чтобы не узнали', монг. *үл барам* 'не только, но и', *үл барагдах* 'неистощимый', *үл болно* 'нельзя', 'воспрещается', *үл мэдэг* 'незаметно', *үл мэдээч болох* 'притвориться незнающим' и некоторые другие, преимущественно в определительных оборотах.

Вообще же в современных монгольских языках препозиционные глагольные частицы отрицания *есе* и *үлү* все более и более заменяются постпозиционным именным отрицанием *үгеі* 'не', 'без', 'нет' → бур. *-гүі* 'не', 'без', *үгүі* 'нет' (соответственно орфографически

⁷⁰ Ердени-јин санг Субасиді, стр. 221.

⁷¹ Б. Я. Владимирцов, *Vodhicaryavatāra Čāntideva*, Монгольский перевод *Chos-kyi Hod-zer'a*, Л., 1929, стр. 184.

-гүй и үгы), монг. -гүй 'не', 'без', үгүй 'нет' (соответственно орфографически -гүй и үгүй), а калм. -га ~ -го 'не', 'без', уга 'не', 'без', 'нет' (соответственно орфографически -га ~ -го и уга)⁷². При этом такая замена одних форм отрицания другими сопровождается существенными изменениями во всей системе глагольно-отрицательных конструкций.

1. Изъявительные формы с глагольными частицами отрицания почти никогда не применяются в современном монгольском и бурятском языках, если не считать единичных исключений, о чем выше уже упоминалось. В калмыцком языке с отрицанием *эс* иногда употребляется главным образом перфектный претерит, чего нельзя сказать относительно прочих изъявительных форм. Характерной чертой бурятского языка является то, что в его диалектах перфектный претерит и особенно имперфектный презенс сопровождаются постпозиционным *үгы* 'не'.

2. Причастия, будучи именными формами глагола, в современных монгольских языках широко применяются с постпозиционным именным отрицанием *үгеи*, все более и более вытесняющим собою глагольные отрицания *үлү* и *есе*, из коих последнее продолжает все же удерживаться в калмыцком языке, применяясь как бы наряду с *уга*. При этом заслуживает особого внимания то, что во всех монгольских языках только причастие настоящего времени а) никогда не употреблялось с глагольными отрицаниями *есе* и *үлү*, б) с отрицанием *үгеи* имеет значение «еще не сделал то-то» и в) в калмыцком языке при отрицании *уга* заменяется разделительным деепричастием. Примечательно также и то, что в старописьменном монгольском языке, восточнобурятских диалектах и некоторых говорах восточномонгольских диалектов при причастии настоящего времени вместо отрицания *үгеи* чаще всего используется отрицание *едуи* (диалектно -дүй ~ -ди, в бурятской орфографии -дүй), которое при этом означает лишь «ещё не» и не употребляется при остальных причастиях, как и при всех прочих глагольных формах. Таким образом, это причастие в монгольских языках выделяется особо как по своим значениям, так и по отсутствию в ряде монгольских языков и диалектов, например в могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском, или по сравнительно редкой употребительности в калмыцком языке и некоторых монгольских диалектах.

3. Общемонгольская аналитическая деепричастно-отрицательная форма *-л *үгеи* → класс. -л *үгеи*, монг. -лгүй (орфографически -лгүй) и калм. -л *уга* ~ -лга ~ -лго (орфографически -л *уга* ~

⁷² Это отрицание в монгольских языках является склоняемым именем, которое имеет значения: а) при самостоятельном субстантивном применении — 'отсутствие', б) при постпозиционном слитном употреблении — 'не', 'без', например: класс. *морин-үгеи*: халх. *морьгүй* 'безлошадный', 'без лошади', класс. *медекү-үгеи* и халх. *мэдэхгүй* 'незнающий', 'не знает', и в) 'нет' — в самостоятельной предикативной позиции, например: класс. *морин үгеи* и халх. *морь үгүй* 'лошади нет'.

-лга ~ -лго) в отрицательных деепричастных конструкциях заменяет собою соединительное, слитное и разделительное деепричастия с частицами отрицания *улү* и *есе*. В бурятском же языке слитное деепричастие с отрицанием *-гуй* выступает также и вместо соединительного и разделительного деепричастий, соответствуя тем самым общемонгольской аналитической деепричастно-отрицательной форме *-л үгеi*⁷³. Таким образом, в современных монгольских языках сопутствующие деепричастия, за исключением слитного — в бурятском, с частицами отрицания *улү* и *есе* уже не употребляются. Что же касается прочих, т. е. обстоятельственных, деепричастий, то они в современных монгольских языках с отрицательными частицами вообще почти не употребляются, если не считать некоторых отдельных исключений типа к алм. *эс болхла* 'если не будет' (здесь мы имеем в виду те обстоятельственные деепричастия, этимологическая связь которых с соответствующими причастиями четко осознается носителями того или иного монгольского языка). Особняком стоит применение в калмыцком языке разделительного деепричастия с отрицанием *уга*. В действительности же здесь имеет место функциональная контаминация этого деепричастия с причастием на *-а*, т. е. с общемонгольским причастием настоящего времени. Дело в том, что разделительное деепричастие в калмыцком языке с отрицанием *уга* означает «еще не сделал то-то» и употребляется в определительной, субъектной и объектно-обстоятельственной синтаксических позициях (а это вообще не свойственно какому бы то ни было деепричастию) и не применяется в собственно деепричастной функции, т. е. как бы не отвечает на вопрос «чего не сделал?». Этим самым калмыцкое разделительное деепричастие с отрицанием *уга* полностью соответствует причастию настоящего (или, в бурятском языке, прошедшего) времени в остальных монгольских языках.

Как видно из изложенного, эволюция отрицательных конструкций в монгольских языках показывает, что в этих языках различия между глаголами, с одной стороны, и именами и именными формами глагола, с другой, частично стираются, поскольку отрицание *үгеi* 'не', 'без', 'нет' является именным и первоначально свойственным только именам. А между тем, как известно, иногда принято считать, что в ходе исторического развития самых разнообразных языков различия между глаголами и именами становятся большими и что при этом названные части речи все более и более удаляются друг от друга, — правда, это относится к начальным ступеням глоттогонии.

Такова в самых общих чертах эволюция отрицательных глагольных конструкций в монгольских языках, характерная заменой пре-

⁷³ Эта форма признается нами аналитической по той причине, что глагольное образование на *-л* самостоятельно не употребляется и вряд ли имеет что-либо общее с отглагольными именами на *-л* типа х алх. *эвлэл* 'союз' от *эвлэ-* 'мириться', 'ладить'.

позиционных глагольных частиц отрицания *үлү* и *есе* постпозиционными именными отрицаниями *үгеі* и изредка *ёдуі*. Такое же явление наблюдается и в истории старописьменного монгольского языка, что объясняется, конечно, несомненным влиянием устной народной, диалектной речи. Дальнейшие и более тщательные исследования памятников старописьменного монгольского языка, особенно классического периода, произведений отдельных авторов и сочинений различных жанров по периодам и районам бытования этого языка выявят, конечно, историческую картину эволюции отрицательных конструкций. Результаты такого рода исследований в совокупности с данными диалектологических наблюдений и сравнительно-исторических штудий, возможно, прояснят причины и обстоятельства изложенной эволюции в употреблении различных морфем отрицания и, добавим, запрета.

Пока же мы можем только предположительно думать, что все это было связано, по всей вероятности, с постепенной эволюцией глагольных форм вообще, с постепенной утратой последними модальных значений, частично сохраняющихся и в наши дни. Возможно, что когда в монгольских диалектах отдаленного прошлого глагольные формы отличались друг от друга не столько своими временными значениями, сколько модальными, рассматриваемые нами частицы *үлү* и *есе* были призваны выделять также и временные значения соответствующей группы глагольных форм. Однако в этой связи весьма примечательно, что при соединительном деепричастии применяется частица отрицания *есе*, вообще употребляемая при глагольных формах прошедшего времени. А между тем это деепричастие в монголистике часто и не без основания интерпретируется как форма настоящего времени, поскольку выражаемое им действие во времени совпадает чаще всего с действием последующего, или подчиняющего, глагола. В этом обнаруживается, по-видимому, то обстоятельство, что данное деепричастие генетически связано, во-первых, с имперфектным претеритом, в монгольских языках выражающим действие прошедшего времени, и, во-вторых, с формой на *-дї ~ -дi*, которая в тюркских языках является индикативом прошедшего времени.

Как известно, повелительно-желательные формы монгольского глагола свою отрицательную конструкцию образуют посредством запретительных частиц *буу* и *бітегеі* 'не', которые присущи только этим формам и никогда не заменяются какими-либо другими частицами отрицания или словами-отрицаниями. Однако в монгольской литературе изредка наблюдаются единичные случаи употребления некоторых повелительно-желательных форм глагола с частицей отрицания *үлү*, например: *үлү үгүлесүгеі* (Э.—100) 'не говорить бы', 'не следовало бы говорить', *үлү медегүджеі* (А. Т.—27) 'как бы не не узнали', т. е. 'чтобы узнали', 'чтобы не остались в неведении', *дэмэй үл суутугай* (Эрдэнийн сан Субашид — 74) 'пусть зря не сидят', *чи үл айтугай* (Эрдэнийн сан Субашид — 186) 'ты не бойся', *үл холдуулагтун* (Эрдэнийн сан Субашид — 122) 'не от-

даляйге' ⁷⁴. Любопытно, что в «Ердені-јін санг Субасиді» (соответственно стр. 9, 28 и 173), переводом которого со старомонгольского языка на современный монгольский и является «Эрдэнийн сан Субашид», глагольная частица отрицания *үлү* применена при причастии будущего времени, что вполне закономерно: *демеі үлү сабуздахуі* 'зря не будут сидеть', *чи үлү ајубдахуі* 'ты не будешь напуган', *үлү холадугулугдахуі* 'не позволяют отдаляться'. Таким образом, здесь переводчики, заменив форму будущего причастия старописьменного монгольского языка повелительно-желательными формами современного монгольского языка, в неприкосновенном виде оставили частицу отрицания *үлү*, хотя при этом вместо последней ожидалась бы запретительная частица *буу* 'не'. Надо полагать, что такие необычные случаи употребления частиц отрицания являются следствием изложенной выше эволюции в системе отрицательных конструкций, в ходе которой различия между частицами отрицания начали утрачиваться.

Этимология частиц отрицания *үлү* и *есе* в монголистике до сих пор продолжает оставаться неопределенной. Правда, Г. И. Рамstedт пытался сопоставить частицу *есе* с эвенкийским глаголом *е-* (*емидля* 1-го и 2-го лица, *есін-* — для 3-го), являющимся отрицанием со значением 'не', ⁷⁵ и чувашским отрицанием *ан* ← **ен* ← **е-н* 'не' ⁷⁶. При этом, конечно, необходимо предположить, что эта монгольская частица *есе* состоит из двух элементов: **е-* и **-се*. Элемент **-се* остается не выясненным в этимологическом отношении, поскольку элемент **-сін* эвенкийского языка вряд ли имеет что-либо общее с данным монгольским **-се*, ибо для их сопоставления трудно найти убедительные основания как в историко-фонетическом отношении, так и в семасиологическом. Элемент **е-* этой частицы Г. И. Рамstedт вполне справедливо находил в монгольском слове *едуі*; 'еще не' и (омоним?) 'столько', а *есе* — в монгольском же слове *есергүү* 'против', 'противный', 'противоположный' ⁷⁷. Однако как бы ни решался вопрос о составных элементах частицы *есе*, она в целом часто выступает, так сказать, в качестве обычной глагольной основы, правда, лишь в старописьменном монгольском языке, являясь в современном монгольском литературном языке книжной. Дело в том, что от нее образуются некоторые спрягаемые глагольные формы: многократного причастия — *еседег*, причастия будущего времени — *есекү*, причастия прошедшего времени *есегсен*, деепричастия условного — *есебесү* и реже *есекүле*, деепричастия уступительного — *есебечү* и изредка имперфектного претерита — *есемүі*, а также перфектного прете-

⁷⁴ Сравнить также приведенные выше бур. *үлэ мэдэг* и монг. *үл мэдэг* 'незаметно' (букв. 'пусть не знает').

⁷⁵ Г. М. Василевич, *Эвенкийско-русский словарь*, М., 1958, стр. 542.

⁷⁶ G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. 128; G. J. Ramstedt, *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*, — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», Helsinki, 1924, S. 197—202.

⁷⁷ G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. 128.

рита — себе. Но в употреблении этих спрягаемых форм частицы *есе* характерно следующее: а) формы условного и уступительного деепричастий применяются в качестве союзов подчинения (*есебе-сү* или *есекулэ* 'в противном случае', 'иначе', 'или', *есебечү* 'тем не менее' — ставятся в начале второй части синтаксического целого, как и соответствующие их эквиваленты в русском языке, например: *клас с. Та очибтун, есебеуу би очіја* 'Отправляйтесь вы, иначе отправлюсь я'); б) причастные и изъявительные формы как бы постпозиционно дублируют знаменательные глаголы, имея значение 'или не' и 'или нет' (*клас с. Олху есекү* 'Найти или не найти', *Олдаб еседег-і бі медекү үгеі* 'Я не знаю, находят или не находят', *Олубсан есегсен-інү хаміја үгеі* 'Безразлично, нашли или нет', *Олумуі есемүі кепен* 'говоря то «находят», то «нет»'). Как видно из сказанного, спрягаемые формы отрицательного глагола *есе-* не употребляются в препозиции в качестве обычного отрицания. В устной, например халхаской, речи знаменательные глаголы обычно дублируются, причем второй из них сопровождается отрицанием *-гүй*: *Олсон олсонгүй нь хамаагүй* 'Безразлично, нашли или нет'.

Что же касается частицы *үлү*, то она этимологически вообще не сопоставлялась с каким-либо монгольским или немонгольским словом⁷⁸. То обстоятельство, что эта частица в бурятском языке имеет палатализованный согласный *л'*, позволяет предположить, что она, возможно, находится в этимологической связи со словом *клас с. ілегүү*, бур. *ілү* ~ *үлү* и халх. *ілү* 'лишний', т. е. бур. *үл'э* ~ *үл'і* 'не' ← **үлі* ← **іле*-. Хотя при этом можно учитывать также наличие палатализованного же согласного *-л'*- в дунсянской частице *үліэ* 'не', изложенное нами предположение все же встречает серьезное затруднение в том, что во всех монгольских языках и диалектах глагол *үле-* 'оставаться', 'оказаться лишним', этимологически связанный, несомненно, с приведенным *ілегүү*, содержит в своем составе непалатализованный согласный *л*, к тому же он некогда имел начальный *h* ← **ф*. Впрочем, можно пытаться найти и другое толкование этимологии этой частицы отрицания, например, допустить предположительно, что в ранних монгольских диалектах от некоей глагольной основы **ү-* образовались: 1) *үлү* 'не' ← **ү-* плюс **-лү*, первый компонент суффикса перфектного презенса, и 2) *үгеі* 'не', 'без', 'нет' ← **ү-* плюс **-gei*, суффикс причастия настоящего времени⁷⁹.

В этом случае оказалось бы, что в монгольских языках все частицы глагольного отрицания и именные слова-отрицания восходят к омертвелым вспомогательным глаголам: **е-* (*есе* 'не', *едуі* 'еще не') и **ү-* (*үлү* 'не', *үгеі* 'не', 'без', 'нет'), вероятно, со зна-

⁷⁸ G. J. Ramstedt, *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*, S. 205—206.

⁷⁹ Может быть, *үгеі* ← **үге-* (*ү-ge-*, в котором загадочен *-ge-*) плюс **і*, суффикс омертвелого причастия настоящего времени, поскольку имеется *клас с. үгегүү* (*үге-гүү*) 'неимущий', 'бедный'?

чениями 'быть' или 'не быть'⁸⁰. Как известно, в монгольских языках некоторые антонимы различаются по характеру задней или передней огласовки, например: к л а с с. *аха* 'старший' — *еке* 'мать', *чабан* 'белый' — *чеген* 'беловатый', 'сизый', 'бледный', 'бледно-голубой', ср. м а н ь ч ж. *хаха* 'мужчина' — *хехе* 'женщина', *арсалань* 'лев' — *эрсэлэн* 'львица' и т. п. Примечательно, что в этих языках слова-отрицания и частицы отрицания и запрета имеют в своем звуковом составе именно гласные переднего ряда, если при этом исключить относительное отрицание к л а с с. *бусу* (однако *буси* ~ *бисі*), дунс. *пушы* и монгор. *бусі* ~ *бусіа* при х а л х. *биш*, бур. *бешэ* ~ *бишэ*, калм. *биш* (соответственно орфографически *биш*, *бэшэ* и *биш*) и даг. *биш* 'не, а...', 'иной', 'другой'⁸¹. Следовательно, и здесь, при наличии передней огласовки в халхаском, бурятском, калмыцком и дагурском относительном отрицании, не следует переоценивать значение орфографии классического монгольского языка, — ср. к л а с с. *буу*, запретительная частица со значением 'не', в которой орфографическое *уу* отражает, как известно, гласный переднего ряда *у*, отсюда х а л х. *бү* и бур. *бү* ~ *бэ* 'не'. Поэтому вполне возможно, что некогда в древних монгольских диалектах имело место любопытное противопоставление вспомогательно-глагольных антонимов **а*- 'быть' и **е*- 'не быть'.

Приведенное выше относительное отрицание *бусу* 'не, а...' употребляется при именах, причастиях и, в бурятских диалектах, изъявительных формах глагола постпозиционно: к л а с с. *мал бусу* 'не скот, а...', *олубсан бусу алдабсан* 'не нашел, а потерял'; совр.-монг. *хөрөнгө бус зам* 'не капиталистический (подразумевается: а социалистический) путь', *нам бус* 'беспартийный', 'непартийный'; бур. *ябана бэшэ хэбтэнэ* 'не ходит, а лежит', *энэ манай бэшэ танай* 'это не наше, а ваше'; калм. *эн күн ик наста күн биш* 'этот человек не старый человек' (подразумевается: а молодой).

В слове-отрицании к л а с с. *едүй* 'еще не' пока не поддается выяснению элемент *-*д*-, тогда как гласный *ү* в нем является вставным звуком, а конечный гласный *-і* — суффикс былого причастия настоящего времени, как в словах типа к л а с с. *буі* 'сущий', 'наличный' или *даруі* 'немедленно'. Если это окажется верным, то весьма знаменательно, что в монгольских языках образование слов-отрицаний и частиц отрицания и запрета связано преимущественно с глагольными формами настоящего времени. Что касается элемента *-д*- в приведенном отрицании *едүй*, то не исключается некоторая возможность его генетической связи с эле-

⁸⁰ Возможность образования частиц отрицания именно от вспомогательных глаголов, широко реализовавшаяся в алтайских языках, в свое время обосновывалась Г. И. Рамstedтом (см. его «Die Verneinung in den altaischen Sprachen», S. 197—208).

⁸¹ Кроме того в калмыцком языке при причастии будущего времени мы находим **bici* → *биш* → *-ш*, например *бі медхив* ← *бі медекү bici* *бі* 'я не знаю'.

ментом *-d-* в глаголе класс. *јада-* (← **ја-да-* при *јабун* 'что', *јабума* 'вещь', 'предмет', *јаџаки-* 'как быть', т. е. при образованиях от корневой основы **ја-*) 'не мочь'. Возможно, что этот же элемент мы находим в дунсянском *-да-*, частица отрицания, которая ставится между основой глагола и присоединяемым к последней суффиксом, например: *олуданэ* 'невозможно найти'⁸². Однако при этом следует иметь в виду, что в дунсянском языке основа глагола часто употребляется вместо соединительного деепричастия, а данная частица отрицания со значением невозможности может быть здесь усечением полновесного глагола *јада-* 'не мочь' (поэтому *олуданэ* ← *олджу јадана* 'не может найти?').

Таким образом, в монгольских языках имеются следующие слова-отрицания и частицы отрицания и запрета, которые ниже приводятся в их старописьменном орфографическом облике:

1) препозиционные: а) частицы запрета *буу* и, под влиянием устной диалектной речи халхаского типа, *бітегеі* ← **бѳтүгеі* (*бү-түгеі?*) 'не', употребляемые лишь при повелительно-желательных формах глагола, б) частица отрицания *үлү* 'не', применяемая при изъявительных, причастных и деепричастных формах настоящего и будущего времен, и в) частица отрицания *есе* 'не', употребляющаяся при тех же формах прошедшего времени;

2) постпозиционные слова-отрицания: а) *едуі* 'еще не', применяемое только при причастии настоящего или, в бурятском языке, прошедшего времени, б) *үгеі* 'не', 'без', 'нет', используемое при именах, причастиях, слитном и, в калмыцком языке, разделительном деепричастиях, а также, в бурятских диалектах, при имперфектном презенсе и реже перфектном претерите, в) относительное отрицание *бусу* 'не, а ...', употребляемое при именах и причастиях.

Как видно из всего сказанного выше, дальнейшие монголоведные лингвистические исследования должны быть направлены на раскрытие причин того характерного обстоятельства, что в монгольских языках, как и в тунгусо-маньчжурских, каждая определенная группа глагольных форм имеет лишь ей присущую частицу отрицания или запрета, только ей свойственное слово-отрицание, — среди этих глагольных форм особо выделяются причастие настоящего времени и, в калмыцком языке, разделительное деепричастие. При этом следует признать чрезвычайно специфичным для монгольских языков то, что в их глагольной системе частицы отрицания и запрета оказываются препозиционными, тогда как в этих же языках все служебные морфемы являются, как известно, постпозиционными. В данной же связи примечательно, что монгольские языки, признаваемые в большей степени «родственными» с тюркскими, нежели с тунгусо-маньчжурскими, в отношении своих отри-

⁸² Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 105.

цательных конструкций и форм отрицания оказываются резко отличающимися от тюркских языков, за исключением чувашского, но более близкими к тунгусо-маньчжурским, — здесь имеется в виду препозиционность глагольных частиц отрицания, которая, как известно, отсутствует в тюркских языках, но характерна для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В равной мере обращает на себя внимание и то, что монгольские языки в той степени, в какой они сохраняют рассмотренные нами частицы отрицания, т. е. за исключением калмыцкого языка, в данном же отношении представляют собою картину полного единообразия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозрение грамматических, фонетических и, что составляет предмет особого исследования, лексических особенностей монгольских языков и диалектов выявляет весьма пеструю лингвистическую картину, чрезвычайно затрудняющую классификацию этих языков и диалектов. Однако мы можем условно говорить о центральных и окраинных монгольских языках. К центральному монгольскому языку относятся собственно монгольский, бурятский и калмыцкий, или ойратский, а к окраинным — могольский, монгорский, дунсянский и баоаньский (дагурский язык в этом случае занимает промежуточное положение). Но это деление монгольских языков по чисто географическому признаку имеет лишь тот смысл, что оно фиксирует только те этнолингвистические условия, в которых развивались и развиваются эти языки. Иными словами, данная классификация монгольских языков вовсе не основана на определенных грамматических, фонетических и лексических признаках, которые могли бы объединять некоторые из этих языков в известные группы. Дело в том, что те монгольские языки, которые мы условно называем окраинными, развивались и развиваются в условиях существенного влияния со стороны иранских языков или китайского и тибетского языков, чего нельзя сказать относительно центральных монгольских языков. Вследствие изложенного окраинные монгольские языки, с одной стороны, характеризуются большими изменениями в лексике, например заимствованиями из окружающих иномонгольских языков, грамматике и фонетике (утрата сингармонизма гласных, но при сохранении агглютинации). С другой стороны, эти окраинные монгольские языки сохраняют такие черты в лексике, грамматике и фонетике, которые утрачены центральными монгольскими языками и давали иногда повод называть эти языки архаичными.

Второе и важное отличие между этими языками заключается в том, что окраинные монгольские языки развивались и развиваются в условиях полного или почти полного отсутствия контакта между собой, тогда как носители собственно монгольского, бурятского и калмыцкого языков общались почти постоянно, что не могло, конечно, не отразиться и в речи, причем в течение длительно-

го периода классический монгольский язык продолжал быть письменным языком для всех монголов, калмыков и бурят⁸³.

Остается отметить, что в сфере грамматического строя различия между всеми монгольскими языками отчетливее всего обнаруживаются преимущественно в системе глагольных форм (как морфологически, так и семасиологически), тогда как различия в системе падежных форм не являются существенными. Отметим также, что при историческом рассмотрении именно глагольных форм, наличных в монгольских языках, гипотеза исконного родства последних с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками становится весьма сомнительной и маловероятной⁸⁴.

⁸³ Как известно, классификация близкородственных языков вообще оказывается очень трудной и часто произвольной, зависящей от целей непосредственного исследования отдельных сфер и сторон изучаемых языков.

⁸⁴ К этим же выводам можно прийти в ходе изучения основного лексического фонда так называемых алтайских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Языки и диалекты

- агин. — агинский
алар. — аларский
баарин. — бааринский
баит. — баитский
баргут. — баргутский
баоан. — баоаньский
бур. — бурятский
бутхайск. — бутхайский
дархат. — дархатский
дунс. — дунсянский
калм. — калмыцкий; явления, свойственные только калмыцким диалектам в СССР
клас. — классический
мог. — могольский язык и его диалекты
монг. — монгольский
монгор. — монгорский
ойр. — ойратский; явления, общие для всех ойратских диалектов, в том числе и калмыцких в СССР
орд. — ордосский
совр. — современный
ст. — старый
тюрк. — тюркский
халх. — халхаский
хучин-барг. — хучин-баргутский
чахар. — чахарский

II. Авторы и названия источников

- Аб. — Б. Д. Абидуев, бурятский писатель.
А. З. — «Ардын аман зохиолын эмгэгтгэл», Улаанбаатар, 1956.
А. М. — «Аламжа Мэргэн», бурятский эпос.
Ант. — «Бурят-монголойд литературын антологи», Улан-Удэ, 1934.
Ар. онг. — «Бурят-монгол арадай онтохонууд», Улан-Удэ, 1950.
А. Т. — «Ертен-у хад-ун ундусүлегсен тору йосун-у джок|ал-1 тобч|лан ху-р|жабсан Алтан Тобчи кемекү орос|ба», Улабанбаатур, 1937.
А. Тороев — А. Тороев, бурятский рапсод и поэт.
Балд. — Н. Г. Балдано, бурятский писатель.
Баяр — А. Шадаев, Г. Цыденжапов, *Баяр*, Улан-Удэ, 1940.
Б. Б. — Бадмин Бата, калмыцкий учёный и писатель.
Бод. — «Bodhicaryāvatāra Śāntideva», монгольский перевод Чhoskuī Нod-zer'a.
Текст издал Б. Я. Владимирцов, Л. 1929.
Б. Ц. — см. Цэв.
Викр. — «Бигрмиджид хаѳан-у тувудж|», Улабанбаатур, 1928.

Вл. — Б. Я. Владимирцов, *Монгольский сборник рассказов из Райсатантра*, Пг., 1921.

ВМ-П. — «Сидітү кегүр-ун чедіг», Бегеджинг, 1925.

Г. — «Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессерхана», Монгольский текст, изданный Я. И. Шмидтом, СПб., 1836.

Далх. — Далхжав, монгольский педагог.

Даржаа — Даржаа, монгольский писатель.

Д. Б. — Доржин Басн, калмыцкий писатель.

Д. С. — Дамдинсүрэн, монгольский писатель и учёный.

Ж. Тум. — Ж. Тумунов, *Нойрхоо һэриһэн тала*, Улан-Удэ, 1949.

Им. — М. Н. Имехенов, *Бурят-монгол хэлэнэй грамматика*, Улан-Удэ, 1941.

Индж. — Инджинаши, *Неген дабхур асар*, Көкехота, 1957.

К. Э. — Кегтэн Э., калмыцкий писатель.

Л. сб. — «Монгбол келен-ү Ирабу најірабулба», Улабанбаатур, 1934.

Лувс. — Лувсанвандан, монгольский учёный.

Л. хр. — «Удха джокіјал-үн бичіг», Улабанбаатур, 1941.

Л. Ц. — Леджнэ Церн, калмыцкий писатель.

Мад. — Д. Мадасон, бурятский поэт и фольклорист.

Мал. — П. И. Малаксинов, бурятский писатель.

М. Б. — Манджин Бата, калмыцкий писатель.

МОНК — Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, Л.

МЭО — «Ман-у еке орон», Улабанбаатур, 1934.

Нимбуев — Ш. Н. Нимбуев, бурятский писатель.

Обр. — Б. Я. Владимирцов, *Образцы монгольской народной словесности*, Л., 1926.

Ордос. — А. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, Peip'ing 1937.

Оч. — У. Очиров, калмыцкий педагог.

Павл. — Д. А. Павла (Павлов), калмыцкий педагог.

Панч. — см. Вл.

П. — А. М. Позднеев, *Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания*, СПб., 1930.

Р. — Г. И. Рамстедт (разные записи халхаских текстов).

С. — Санджин Бата, калмыцкий писатель.

Санж. — Г. Д. Санжеев (записи монгольских текстов).

С. ск. — «Сокровенное сказание монголов» по изданию П. Пеллио (P. Pelliot, *Histoire secrète des Mongols*, Paris, 1949).

С. Х. — А. С. Пушкин, *Алтан такијан-у тубуджі*, Улабанбаатур, 1948.

Т. Г. — «Тегин герл», альманах калмыцкой литературы, периодически выходящий в Элисте.

У. Б. — «Унших бичиг», Улаанбаатар, 1942.

У. Д. — «Умшлһна дегтр», Элиста, 1939.

У. Н. — «Уншаха ном», Улан-Удэ, 1943.

У. О. — «Улаан од», монгольская газета, Улаанбаатар.

Ур. — «Уран сайханчуудад тусламж», Улаанбаатар.

Ү. — «Үнэн», монгольская газета, Улаанбаатар.

Хилт. — Д. Д. Хилтухин, бурятский писатель.

Х. Н. — Х. Н. Намсараев, бурятский писатель.

Х. Т. — халхаские тексты по материалам лингвистических экспедиций Академии наук СССР.

Х. Ү. — «Хальмг Үнн», калмыцкая газета, Элиста.

Х. Х. — Г. Д. Санжеев, *Монгольская повесть о Хане-Харангуй*, М.-Л., 1937.

Ц. — «Цог», журнал Союза монгольских писателей, Улан-Батор.

Ц. Д. — Цэндийн Дамдинсүрэн (см. Д. С.).

Цэв. — Цэвэгжав, монгольская писательница, педагог.

Цэвэгмэд — Цэвэгмэд, монгольский писатель и учёный.

Чб. — «Чојбалсанг» (литературный сборник), Улабанбаатур, 1945.

Ч. Цыд. — Чимит Цыдендамбаев, *Банзарай хүбүүн Доржо*, Улан-Удэ, 1953.

Шад. — А. И. Шадаев, бурятский писатель и фольклорист.
Шм. — Я. И. Шмидт, Грамматика монгольского языка, СПб., 1832.
Э. — «Арад-ун ундусун-у ерке», монгольская газета, Улабанбаатур.

Примечание: Цифры при ссылке указывают на страницы неперодических изданий или номера периодических изданий, а двойные цифры — номера периодических изданий и, затем, страницы. Имена отдельных авторов или названия каких-либо сочинений, цитированных в единичных случаях, приводятся полностью в соответствующих местах настоящей книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Основные категории глагола в монгольских языках	5
Предварительные замечания	5
Залоги	12
Общие замечания	12
Прямой залог	13
Побудительный залог	19
Образование побудительного залога	26
Употребление побудительного залога	34
Употребление побудительного залога вместо страдательного	41
Страдательный залог	44
Употребление страдательного залога вместо побудительного	50
Совместный и взаимный залогов и комбинированные залоговые	57
формы	57
Вид	65
Время	71
Лицо	82
Образование глагольных форм в монгольских языках	94
Повелительно-желательные формы	95
Повелительная форма 2-го лица	95
Повелительно-наставительная форма 2-го лица	98
Повелительно-просительная форма 2-го лица	100
Повелительная форма 2-го лица множественного числа	102
Повелительно-желательная форма 3-го лица	104
Пропозитивная форма 1-го лица	107
Желательная форма	108
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица	110
Дубитатив	111
Изолированные повелительно-желательные формы	113
Отрицания (запретительные частицы)	118
Изъявительные формы	119
И.п.перфектный презент	119
Перфектный презент	125
И.п.перфектный претерит	127
Перфектный претерит	129
Причастия	130
Будущее причастие	130
Причастие возможности	132
Множественное причастие	133
Однократное причастие	134
Настоящее причастие	136
Прошедшее причастие	137
Завершено-прошедшее причастие	138
Деепричастия	140
Соединительное деепричастие	140
Разделительное деепричастие	141
Слитное деепричастие	144

Условное деепричастие	145
Уступительное деепричастие	152
Продолжительное деепричастие	154
Последовательное деепричастие	155
Предварительное деепричастие	157
Предельное деепричастие	159
Попутное деепричастие	161
Заменное деепричастие	162
Целевое деепричастие	163
Деепричастия ограниченного распространения	164
Употребление глагольных форм в монгольских языках	163
Повелительно-желательные формы	169
Повелительная форма 2-го лица (императив)	170
Повелительно-наставительная форма 2-го лица (прескриптив)	172
Повелительно-просительная форма 2-го лица (прекатив)	172
Повелительная форма 2-го лица множественного числа (бене- диктив)	173
Повелительно-желательная форма 3-го лица (консессив)	174
Пропозитивная форма 1-го лица	176
Желательная, или опативная, форма	177
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица (волюнтатив)	178
Дубитатив	179
Обороты обращения	181
Изывательные формы	182
Имперфектный презенс	185
Перфектный презенс	188
Имперфектный претерит	190
Перфектный претерит	193
Причастия	195
Будущее причастие	197
Причастия возможности	205
Множественное причастие	206
Однократное причастие	209
Настоящее причастие	212
Прошедшее причастие	215
Завершено-прошедшее причастие	226
Деепричастия	227
Сопутствующие деепричастия	229
Соединительное деепричастие	229
Разделительное деепричастие	232
Слитное деепричастие	235
Обстоятельственные деепричастия	239
Условное деепричастие	240
Уступительное деепричастие	242
Продолжительное деепричастие	242
Последовательное и предварительное деепричастия	244
Предельное деепричастие	245
Деепричастие степени действия	247
Деепричастие образа действия	247
Попутное деепричастие	248
Заменное деепричастие	248
Целевое деепричастие	249
«Мгновенное деепричастие»	249
Отрицание	250
Заключение	260
Список сокращений	262

Гарма Данцаранович Санжеев
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Глагол

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *Е. А. Поцелуевский*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *М. С. Ван Зи-чэ* и *И. И. Исаева*

*

Сдано в набор 23/III 1963 г.
Подписано к печати 29/VII 1963 г.
А-06722. Формат 60×90^{1/16}
Печ. л. 16,75 Уч.-изд. л. 17,02
Тираж 1300 экз. Зак. 469
Цена 1 руб. 10 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.
Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 1 руб. 10 коп.

С 18

5122

иВл